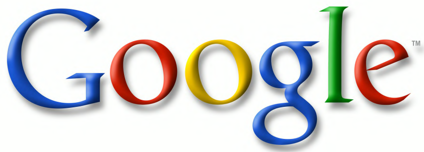
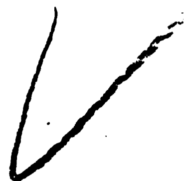




178

ИСТОРИЧЕСКІЯ И ПОЭТИЧЕСКІЯ

СКАЗАНІЯ

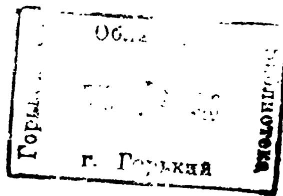
О РУССКОЙ ЗЕМЛѢ

ВЪ ХРОНОЛОГИЧЕСКОМЪ ПОРЯДКѢ СОБЫТІЙ.

ПОСОБІЕ ПРИ ИЗУЧЕНІИ ОТЕЧЕСТВЕННАГО ЯЗЫКА И ИСТОРІИ.

Составилъ Ѳ. Гиляровъ,

ПРЕПОДАВАТЕЛЬ 3-ГО ВОЕННАГО АЛЕКСАНДРОВСКАГО УЧИЛИЩА.



МОСКВА.
ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦЕВЪ БРАТЬЕВЪ САЛАЕВЫХЪ.
1872.

1. СИНЕУСОВЪ КУРГАНЪ У БѢЛА-ОЗЕРА. (1)

(862 г.)

Курганъ Бѣлозерскій я видѣлъ и тамъ
Сидѣлъ на вершинѣ; шумѣли кругомъ
Колосья, какъ волны, катясь по полямъ,
Мѣшаясь то съ синимъ цвѣткомъ-василькомъ,
То съ куколемъ краснымъ; вилась предо мной
Дорога, что лента, межъ нивъ и полей;
Брели пѣшеходы усталой толпой
И тройка лихая скакала по ней;
Околица вправо.... село и гумно....
Село искони Росляковымъ (2) зовутъ;
Названье такое недаромъ дано....
Постой-ка, чего не случилось ли тутъ?
Вонъ Бѣлое озеро плещетъ вдали,
Качая расшивы на бурыхъ волнахъ:
Когда то Варяги оттуда пришли....
Я вспомнилъ невольно о тѣхъ временахъ,
Какъ праотцы наши Словѣни-народъ
Изгна́ша Варѧги и̂ са́ми в̂ собѣ
Почѧ́ша владѣти, и̂ въста̀ родъ на родъ;
Оусо́бицѣ быша, и̂ пра́вды не бѣ.
И ше́дше Словѣни к̂ Варѧ́гомъ в̂ совѣтъ,
Реко́ша: Обильна всѧ на̀ша землѧ̀,
А нѣтъ в̂ ней нарѧ́да, и̂ пра́вды в̂ ней нѣтъ:
Иди́те к̂ намъ кнѧ̀жить. И ро́ды своѧ́
Поѧ́ше и̂ ше́дше г҃ (3) бра́та изъ Рȣсъ
По пра́вȣ сȣди́ти в̂ Словѣньскихъ земле́хъ,
Старѣйшій бѣ Рю́рикъ, дрȣгій Синеȣсъ,
А тре́тій Избо́рьстѣ Трȣво̀ръ. И ѿ тѣхъ
Въ Словѣнехъ Варѧжескъ начѧ́шесѧ родъ,
Поне́же Варѧзи прище́льцы тѣ сȣть,
И Рȣсь нарече́сѧ землѧ̀ и̂ наро́дъ,
А пре́же во̀ша Словѣни и̂ Чюдь.

Завидуетъ недругъ столь дивной судьбѣ.
И синяго моря обманчивый валъ
Въ часы роковой непогоды,
И пращъ, и стрѣла, и лукавый кинжалъ
Щадятъ побѣдителя годы....
Подъ грозной броней ты не вѣдаешь ранъ;
Незримый хранитель могучему данъ.
Твой конь не боится опасныхъ трудовъ;
Онъ, чуя господскую волю,
То смирный стоитъ подъ стрѣлами враговъ,
То мчится по бранному полю;
И холодъ, и сѣча ему ничего:
Но примешь ты смерть отъ коня своего.»
Олегъ усмѣхнулся, однако чело
И взоръ омрачилися думой.
Въ молчаньи, рукой опершись на сѣдло,
Съ коня онъ слѣзаетъ угрюмый
И вѣрнаго друга прощальной рукой
И гладитъ, и треплетъ по шеѣ крутой.
«Прощай, мой товарищъ, мой вѣрный слуга!
Разстаться настало намъ время:
Теперь отдыхай, ужъ не ступитъ нога
Въ твое позлащенное стремя.
Прощай, утѣшайся, да помни меня.
Вы, отроки други, возьмите коня!
Покройте попоной, мохнатымъ ковромъ,
Въ мой лугъ подъ-устцы отведите,
Купайте, кормите отборнымъ зерномъ,
Водой ключевою поите.»
И отроки тотчасъ съ конемъ отошли,
А князю другаго коня подвели.
Пируетъ съ дружиною Вѣщій Олегъ
При звонѣ веселомъ стакана.
И кудри ихъ бѣлы, какъ утренній снѣгъ
Надъ славной главою кургана....
Они поминаютъ минувшіе дни
И битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они.
«А гдѣ мой товарищъ, промолвилъ Олегъ:
Скажите, гдѣ конь мой ретивый?
Здоровъ ли? Все также ль легокъ его бѣгъ?
Все тотъ же ль онъ бурный, игривый?»
И внемлетъ отвѣту: на холмѣ крутомъ
Давно ужъ почилъ непробуднымъ онъ сномъ.
Могучій Олегъ головою поникъ
И думаетъ: «Что же гаданье?

Кудесникъ, ты лживый, безумный старикъ!
Презрѣть бы твое предсказанье!
Мой конь и донынѣ носилъ бы меня.»
И хочетъ увидѣть онъ кости коня.
Вотъ ѣдетъ могучій Олегъ со двора,
Съ нимъ Игорь ([5]) и старые гости,
И видятъ: на холмѣ, у брега Днѣпра,
Лежатъ благородныя кости;
Ихъ моютъ дожди, засыпаетъ ихъ пыль,
И вѣтеръ волнуетъ надъ ними ковыль.
Князь тихо на черепъ коня наступилъ
И молвилъ: «Спи, другъ одинокій!
Твой старый хозяинъ тебя пережилъ:
На тризнѣ, ([6]) уже недалекой,
Не ты подъ сѣкирой ковыль обагришь
И жаркою кровью мой прахъ напоишь....
Такъ вотъ гдѣ таилась погибель моя!
Мнѣ смертію кость угрожала!»
Изъ мертвой главы гробовая змія,
Шипя, между тѣмъ выползала;
Какъ черная лента, вкругъ ногъ обвилась:
И вскрикнулъ внезапно ужаленный князь.
Ковши круговые, запѣнясь, шипятъ
На тризнѣ плачевной Олега;
Князь Игорь и Ольга ([7]) на холмѣ сидятъ;
Дружина пируетъ у брега;
Бойцы поминаютъ минувшіе дни
И битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они.

([1]) Волхвы, говоритъ лѣтописецъ, предсказали князю (Олегу), что ему суждено умереть отъ любимаго коня своего. Съ того времени онъ не хотѣлъ ѣздить на немъ. Прошло четыре года: въ осень пятаго вспомнилъ Олегъ о предсказаніи и слыша, что конь давно умеръ, посмѣялся надъ волхвами; захотѣлъ видѣть его кости, сталъ ногою на черепъ и сказалъ: его ли мнѣ бояться? Но въ черепѣ таилась змѣя; она ужалила князя, и герой скончался. *Карамзинъ.* ([2]) *Хазары* или Козары, единоплеменные съ Турками, жили близъ Волги. ([3]) *Перунъ*—богъ грома и молніи, главное божество языческихъ Славянъ. ([4]) Олегъ, въ память побѣды надъ Греками, повѣсилъ свой щитъ на вратахъ Константинополя. ([5]) *Игорь*—сынъ Рюрика. ([6]) *Тризна*—языческое поминовеніе по усопшемъ, игры при поминовеніи усопшаго. ([7]) *Ольга*—жена Игоря.

— А гдѣ наша дружина, которую мы послали по тебя? спросили Ольгу Деревляне.

— Идутъ вслѣдъ за мною, съ мужниной дружиной, отвѣчала Ольга.

Когда Деревляне перепились, Ольга отошла и велѣла отрокамъ своимъ рубить ихъ. И перебили ихъ пять тысячъ; а Ольга, воротившись въ Кіевъ, начала устраивать полки, чтобъ идти на остальныхъ въ Деревьску землю.

На другой годъ Ольга съ сыномъ Святославомъ, собравъ вои многи и храбры, пошла на Деревьску землю. Деревляне вышли на встрѣчу; полки сошлись. Святославъ пустилъ копье; копье, пролетѣвъ межъ конскихъ ушей, упало къ ногамъ коня, ибо князь былъ еще малъ, не умѣлъ владѣть копьемъ. — Князь уже началъ; сказали воевода Свѣнельдъ и Асмольдъ, дядька князя Святослава: — пускайся, дружина, за княземъ. Ольгины полки одолѣли; Деревляне затворились въ городахъ своихъ. Ольга пошла съ сыномъ на Искоростѣнь, городъ, гдѣ убили ея мужа, и стала около города. Затворившись въ городѣ, Деревляне сильно оборонялись, ибо знали, что плохо имъ будетъ, если сдадутся, за то, что убили Игоря. Цѣлый годъ стояла Ольга и не могла взять города. Наконецъ она послала сказать горожанамъ:

— Чего вы хотите досидѣться? всѣ города ваши передалися мнѣ, взялись платить дань и воздѣлываютъ нивы и поля свои, а вы мрете съ голода, не беретесь платить дань.

Деревляне отвѣчали:

— Рады бы мы взяться платить дань, да ты хочешь мстить намъ за мужа.

— Я уже отмстила за мужа, первое, когда вы въ Кіевъ приходили, второе и третье, когда я по мужѣ тризну правила; больше не буду мстить, а хочу дань съ васъ взять небольшую; потомъ, помирившись съ вами, вернусь домой.

— Чѣмъ хочешь взять съ насъ? стали спрашивать Ольгу Деревляне. — Мы рады дать медомъ и шкурами.

Ольга отвѣчала:

— Нынче нѣту у васъ ни меду, ни шкуръ; я малаго у васъ попрошу: дайте мнѣ по три голубя, да по три воробья отъ двора. Я не хочу съ васъ тяжкой дани, какъ мужъ мой хотѣлъ; прошу малаго: вы разорились въ осадѣ.

Деревляне обрадовались; собравъ отъ двора по три голубя и по три воробья, послали къ Ольгѣ мужей своихъ съ поклономъ.

Ольга сказала посланнымъ:

— Вотъ вы уже покорились мнѣ и дитяти моему; идите въ городъ, а я завтра отступлю и пойду во-свояси.

[illegible]анные отъ Деревлянъ, воротившись домой, разсказали обо [illegible], всѣ радовались въ городѣ.

Ольга же, раздавъ ратнымъ своимъ голубей и воробьевъ, велѣла привязать къ хвосту каждой птицы по кусочку труту, завернутому въ тряпочку. Когда смерклось, Ольга велѣла зажечь трутъ и пустить голубей и воробьевъ. Голуби и воробьи полетѣли въ свои гнѣзда; одни въ голубятни, воробьи подъ стрѣхи, и стали загораться голубятни, клѣти и избы, и не было двора, гдѣ бы не горѣло; гасить огонь нельзя было, ибо всѣ дворы загорѣлись почти разомъ. Жители выбѣжали изъ города. Ольга велѣла бить ихъ. Городскихъ старѣйшинъ поимали; простыхъ же людей однихъ перебили, другіе были отданы въ работу мужамъ Кіевскимъ. На оставшихся въ живыхъ Ольга наложила тяжкую дань: двѣ части дани шли въ Кіевъ, а третья на Вышгородъ, ибо Вышгородъ былъ городъ Ольгинъ.

---

6. Святославъ.

(По лѣтописи.)

(964—972 г.)

Святославъ былъ юноша добрый, смѣлый, настоящій воинъ. Онъ ходилъ, говоритъ лѣтописецъ Несторъ, легко, какъ барсъ; страха не зналъ, трудовъ не боялся, презиралъ нѣгу; спалъ на войлокѣ, подложивъ подъ голову сѣдло; не зналъ ни шатровъ, ни котловъ въ походѣ, потому что мяса не варилъ, а пекъ его на угелькахъ. Собираясь въ походъ, посылалъ сказать: «иду на васъ».

Прежде всего, съ небольшою, но отборною дружиной такихъ же, какъ онъ самъ, удальцевъ, кинулся онъ на кочевые народы, бродившіе за Днѣпромъ въ нынѣшнихъ степяхъ Новороссійскихъ; ходилъ за Донъ и утвердилъ за Россіей всю страну вдоль берега Чернаго моря до Кавказскихъ горъ; ходилъ и къ устьямъ Волги. Греческій императоръ, прослышавъ о немъ, какъ о великомъ воинѣ, прислалъ пословъ, предлагая ему дружбу и прося помощи. Святославъ былъ радъ случаю повоевать и потянулъ къ границамъ Греческой имперіи. Тамъ жилъ, да и теперь живетъ еще, народъ Болгарскій Славянскаго племени. Русская дружина овладѣла столицею Болгарской Переяславцемъ и расположилася тамъ, потому что Дунайскіе берега, цвѣтущіе и плодоносные, понравились Святославу. Онъ говорилъ: «не любо мнѣ въ Кіевѣ; здѣсь же пусть будетъ середина земли моей».

Но пока онъ проводилъ время въ Болгаріи, одинъ изъ кочевыхъ народцевъ, бродившихъ за Днѣпромъ, чуть не овладѣлъ Кіевомъ. Это были Печенѣги, народъ дикій и свирѣпый. Когда они

подступили къ Кіеву, тамъ не было ни князя, ни дружины, ни мужей княжихъ, а была только престарѣлая Ольга, да граждане безоружные; трудно было защищаться. Недалеко отъ Кіева была, правда, небольшая дружина съ воеводою Претичемъ; но, видя великія силы Печенѣговъ, она не осмѣливалась схватиться съ ними. Встужилисъ Кіевляне и стали разсуждать между собою: «кто бы пробрался къ Претичу и сказалъ ему, что если онъ завтра не нападетъ на Печенѣговъ, то мы сдадимся?»

— Я пойду къ Претичу, сказалъ одинъ молодой человѣкъ. Выходя изъ Кіева, онъ схватилъ узду и направился прямо въ станъ Печенѣговъ.

— Лошадь моя убѣжала, кричалъ онъ по-печенѣжски:—не видалъ ли кто моей лошади?

Печенѣги, принимая его за своего, сторонилися предъ нимъ, и смѣлый Кіевлянинъ пробрался черезъ весь ихъ станъ, кинулся въ Днѣпръ и явился къ Претичу. Претичъ посадилъ свою дружину на лодки и поплылъ къ городу, громко трубя въ трубы. Печенѣги подумали, что это самъ князь возвращается изъ похода, и поспѣшно отступили.

Тогда Кіевляне послали сказать Святославу:

— Ты, князь, чужой земли ищешь, отъ своей же отрекся; чуть не взяли насъ Печенѣги вмѣстѣ съ твоими дѣтьми и матерью. Неужели тебѣ не жалко отчизны своей, ни матери старой, ни дѣтей малыхъ?

Святославъ поспѣшилъ въ Кіевъ, но скоро тамъ соскучился и снова сталъ собираться въ Болгарію.

— Подожди хоть моей смерти, говорила ему Ольга.—Какъ похоронишь меня, иди, куда хочешь.

Черезъ три дня послѣ этого Ольга умерла, а Святославъ, похоронивши ее, опять потянулъ къ Дунаю. Но на этотъ разъ Болгары не пустили его въ Переяславецъ, а между тѣмъ сильное Греческое войско окружило небольшую Русскую дружину. Видя это, Святославъ сказалъ своимъ воинамъ:

— Некуда намъ дѣться, братья! волею или неволею надо драться съ Греками. «Да не посрамимъ земли Русскія, но ляжемъ костьми ту: мертвіи бо срама не имутъ!»

— «Идѣ же твоя глава ляжетъ, ту и свои главы сложимъ», отвѣчала ему дружина, кинулась на Грековъ и разогнала ихъ.

Тогда Греки стали раздумывать между собою.

— Что намъ дѣлать? не можемъ мы устоять противъ него, говорилъ про Святослава Греческій императоръ своимъ воеводамъ и боярамъ.

— Пошли ему дары, отвѣчали тѣ.

Отправили къ Святославу посла съ дарами: съ золотомъ и се-

ребромъ, съ тканями дорогими и съ цѣннымъ оружіемъ. Святославъ мелькомъ взглянулъ на золото, серебро и ткани, и сталъ любоваться оружіемъ.

— Лютъ долженъ быть этотъ человѣкъ, что на богатства не смотритъ, а хватается за оружіе, разсуждали между собою Греки, когда воротился ихъ посолъ, и рѣшились платить дань Святославу.

Императоръ Греческій пожелалъ имѣть свиданіе съ нашимъ княземъ, и вотъ они съѣхались на берегу Дуная. Греки прибыли на богатыхъ коняхъ, сами покрытые златотканными одеждами; Святославъ приплылъ на лодкѣ съ нѣсколькими изъ своихъ мужей, и самъ вмѣстѣ съ ними работалъ весломъ. Надѣта на немъ была простая бѣлая рубаха; въ одно ухо продѣта была золотая серьга; видъ его былъ суровъ; съ головы его, гладко подстриженной, спускался чубъ до самыхъ плечъ; на грудь падали густые, длинные усы.

Свиданіе это окончилось миромъ. Святославъ согласился оставить Болгарію и съ дружиною своею потянулъ къ Кіеву.

Но не суждено было смѣлому князю увидѣть своего роднаго города. Слѣдуя степью отъ Дунайскихъ береговъ, дружина Святославова сильно страдала отъ голода, такъ что должна была поѣсть всѣхъ коней своихъ. Добравшись до Днѣпра, она сѣла на лодки, надѣясь, что близокъ конецъ ея трудамъ и страданіямъ; но въ порогахъ, гдѣ Днѣпръ, стѣсненный каменными утесами, кипитъ и бурлитъ и подвергаетъ пловцевъ сильной опасности, на Святослава напали неожиданно Печенѣги, его и всю его дружину изрубили, а голову его отрѣзали отъ туловища и сдѣлали изъ черепа заздравный кубокъ.

---

7. Пѣснь баяна.

О ночь, о ночь, лети стрѣлой!
Несносенъ отдыхъ Святославу:
Онъ жаждетъ битвы роковой.
О ночь, о ночь, лети стрѣлой!
Несносенъ отдыхъ Святославу.

Цимнискій! (1) крѣпокъ ли твой щитъ?
Не тонки ль кованыя латы?
Нашъ князь убійственно разитъ.
Цимнискій! крѣпокъ ли твой щитъ?
Не тонки ль кованыя латы?

Дружинѣ борзыхъ дай коней,

Не то мечи ее нагонятъ,
И не ускачетъ отъ мечей.
Дружинѣ борзыхъ дай коней,
Не то мечи ее нагонятъ.
Ты рать обширную привелъ;
Не много насъ, но мы Славяне:
Ударъ нашъ мѣтокъ и тяжелъ.
Ты рать обширную привелъ;
Не много насъ, но мы Славяне.
О ночь, о ночь, лети стрѣлой!
Поля, откройтесь для побѣды!
Проснися, ужасъ боевой!
О ночь, о ночь, лети стрѣлой!
Поля, откройтесь для побѣды!

(1) *Цимнискій*—Греческій императоръ, воевавшій съ Святославомъ (см. ст. 6-*ю*).

8. Принесение Варяговъ въ жертву и испытание вѣры.

(По лѣтописи.)

(983—987 г.)

При Владимірѣ (1) жили въ Кіевѣ два Варяга, христіане, отецъ съ сыномъ, пришедшіе изъ Греціи. Однажды старцы и бояры князя Владиміра, желая принести жертву богамъ своимъ по случаю какой-то побѣды, рѣшили метнуть жеребей на отрока и дѣвицу, кому выпадетъ жеребей, того и принести въ жертву. Жеребей выпалъ па христіанина, сына Варяга, юношу красавца и тѣломъ, и душею.

— На твоего сына выпалъ жеребей; поизволили его боги себѣ: надо сдѣлать угодное богамъ, говорили отцу пришедшіе по сына.

— Это не боги, а дерево; сегодня цѣло, а завтра сгніетъ. Богъ есть единъ, Ему же кланяются Греки, Тотъ, кто сотворилъ небо и землю, звѣзды и луну, и солнце, и человѣка; далъ человѣку жить на землѣ, отвѣчалъ отецъ юноши:—а эти боги что̀ сдѣлали? Сами сдѣланы: не дамъ своего сына бѣсамъ.

Посланные воротились и разсказали обо всемъ дожидавшемуся ихъ народу. Народъ, взявъ оружіе, пошелъ къ дому Варяга и разломалъ дворъ около дома. Варягъ стоялъ съ сыномъ въ сѣняхъ.

— Подавай сына въ жертву богамъ! кричалъ народъ.

Варягъ отвѣчалъ: «если это боги, пусть пришлютъ кого-нибудь своихъ по моего сына».

Народъ зашумѣлъ, подрубилъ сѣни и такъ задавилъ обоихъ христіанъ. Мѣсто, гдѣ похоронены они, неизвѣстно.

Спустя три года послѣ этого событія, въ Кіевъ къ князю Владиміру пришли Болгаре, магометане.

— Ты князь мудрый и смышленый, начали Болгаре, а не знаешь закона; вѣруй въ законъ нашъ и поклонись Богу нашему.

— А въ чемъ ваша вѣра? спросилъ ихъ князь.

— Болгаре стали разсказывать и между прочимъ говорили, что законъ ихъ запрещаетъ пить вино. На это отвѣчалъ имъ Владиміръ:

— Руси есть веселье пити, не можемъ безъ того быти.

Вслѣдъ за Болгарами явились Нѣмцы.

— Какая ваша заповѣдь? спрашивалъ ихъ Владиміръ.

— Пощенье по силѣ. Кто что пьетъ или ѣстъ, то все во славу Божію, сказалъ учитель нашъ Павелъ, объясняли пришедшіе.

— Идите домой: отцы наши этого не приняли, отвѣчалъ Владиміръ Нѣмцамъ.

Потомъ пришли Евреи съ предложеніемъ: не желаетъ ли князь принять ихъ вѣру?

— А гдѣ земля ваша? спросилъ Евреевъ князь Владиміръ.

— Въ Іерусалимѣ, отвѣчали они.

— И теперь тамъ? спрашивалъ князь.

— Разгнѣвался Богъ на отцевъ нашихъ и расточилъ ихъ по всѣмъ странамъ за грѣхи, и передана земля наша христіанамъ, признались Евреи.

— Такъ какъ же вы другихъ учите, а сами отвержены отъ Бога и расточены? Кабы Богъ любилъ васъ и законъ вашъ, не были бы вы расточены по чужимъ землямъ: вы хотите, чтобы и намъ то же было? сказалъ князь.

Послѣ всѣхъ прислали къ князю Владиміру Греки отъ себя философа.

— Слышали мы, началъ Греческій ученый, что приходили къ тебѣ Болгаре, предлагали тебѣ принять вѣру ихъ: вѣра ихъ оскверняетъ небо и землю; ихъ ожидаетъ погибель, когда Богъ придетъ судить землю и погубить всѣхъ, творящихъ беззаконіе.

Тутъ Грекъ разсказалъ о нравахъ и образѣ жизни Болгаръ.

— Нечисто дѣло, произнесъ князь, выслушавъ разсказъ о Болгарскихъ обычаяхъ.

— Слышали мы тоже, что изъ Рима приходили поучать васъ вѣрѣ своей, продолжалъ ученый. — Ихъ вѣра малымъ чѣмъ отлична отъ нашей: служатъ они на опрѣснокахъ, на облаткахъ по ихнему; а Богъ повелѣлъ служить на хлѣбахъ (просфорахъ) черезъ апостоловъ, ибо Онъ, переломивъ хлѣбъ, сказалъ: «сіе есть тѣло Мое, ломимое за вы»; и, взявъ чашу, сказалъ: «сіе есть кровь Моя новаго завѣта». А они не такъ творятъ, не исправили вѣры

— Приходили ко мнѣ жиды, началъ князь, говорили, будто Нѣмцы и Греки вѣруютъ въ Того, Кого они распяли.

— Воистину мы въ Того вѣруемъ, ибо о Немъ предсказали пророки, какъ о Богѣ, отвѣчалъ ученый.

— Для чего же Богъ сошелъ на землю и принялъ такую страсть? спросилъ Владиміръ.

— Буде хочешь послушать, я разскажу тебѣ, для чего Богъ сошедъ на землю, сказалъ ученый.

— Послушаю, радъ, отвѣчалъ князь. И Грекъ разсказалъ ему сначала изъ книги бытія: о сотвореніи міра, о потопѣ; потомъ о пришествіи на землю Спасителя, о Его крещеніи, страданіяхъ и воскресеніи.

Окончивъ разсказъ, ученый показалъ князю запону (картину), на которой былъ изображенъ страшный судъ. Грекъ указалъ на правую сторону картины, гдѣ изображалось шествіе праведниковъ въ рай, и на лѣвую, гдѣ представлены были грѣшники, идущіе въ муку вѣчную.

— Добро этимъ одесную и горе тѣмъ на лѣвой сторонѣ, замѣтилъ, вздохнувъ, Владиміръ.

— Если хочешь одесную съ праведными стати, то крестися, сказалъ ему ученый.

— Подожду еще немного, отвѣчалъ князь, думая разузнать сначала о всѣхъ вѣрахъ.

Одаривъ Греческаго ученаго, князь отпустилъ его съ честью великою.

По отъѣздѣ Грека, князь Владиміръ созвалъ бояръ своихъ и городскихъ стариковъ.

— Приходили ко мнѣ Болгаре, началъ князь, когда собрались бояре и старцы,—говорили: прими законъ нашъ; приходили Нѣмцы, и эти хвалили законъ свой; потомъ приходили жиды. Послѣ же всѣхъ приходили Греки; хулили они всѣ законы, а свой хвалили и разсказывали отъ начала о бытіи міра; говорятъ хорошо, любо всякому послушать ихъ; и повѣдали, будто есть другой свѣтъ: «кто де въ нашу вѣру вступитъ, тотъ по смерти воскреснетъ и не умретъ во вѣки; а буде въ другой законъ вступитъ, то ему на томъ свѣтѣ въ огнѣ горѣть.» Какъ вы придумаете? Что скажете?

И отвѣчали бояре и старцы:

— Самъ знаешь, княже, своего никто не похулитъ, всякъ свое хвалитъ; буде хочешь испытать гораздо, есть у тебя мужи, пошли разузнать, посмотрѣть службу каждыхъ, какъ кто служитъ Богу.

Рѣчь эта полюбилась князю и всѣмъ людямъ; выбрали десятерыхъ мужей, добрыхъ и смышленныхъ, и отправили ихъ сначала къ Болгарамъ испытать Болгарскую вѣру. Посланные съѣздили, воротились.

— Идите къ Нѣмцамъ, поглядите у нихъ и оттуда идите къ Грекамъ, сказалъ выборнымъ князь.

Побывавъ у Нѣмцевъ, послы пріѣхали въ Царь-городъ; пріѣхавъ, они явились къ Греческому царю и объявили ему, откуда и зачѣмъ пріѣхали. Царь обрадовался и сотворилъ имъ честь велику въ тотъ день. Утромъ онъ послалъ сказать патріарху: «пришла Русь испытать вѣру Греческую: устроилъ бы патріархъ служеніе и облачился бы въ свои святительскія ризы, да видятъ славу Бога нашего».

Патріархъ велѣлъ собраться въ церковь пѣвчимъ и священнодѣйствующимъ; зажгли паникадила, учредили клироса и началась служба.

Царь пошелъ съ Русскими въ церковь; ихъ поставили на просторномъ мѣстѣ, чтобъ слышно было пѣніе, видна была красота церковная, служба архіерейская и предстоянье дьяконовъ.

Русскіе изумились и хвалили службу Греческую.

Греческій царь отпустилъ ихъ съ честью и дарами. Когда они воротились домой, князь Владиміръ созвалъ снова бояръ своихъ и старцевъ.

— Вотъ, воротились посланные нами мужи; послушаемъ, что они видѣли, началъ князь и, обратившись къ посламъ, прибавилъ: разскажите передъ дружиною.

— Ходили мы, начали послы, въ Болгары, смотрѣли, какъ они покланяются во храмѣ, ропати (мечети) по ихнему: стоятъ безъ пояса; поклонится, сядетъ и глядитъ по сторонамъ, словно безумный; и нѣтъ радости въ нихъ, но печаль и смрадъ великій: не хорошъ ихъ законъ. Были мы у Нѣмцевъ, видѣли во храмахъ многія службы ихъ, а красоты не видали въ тѣхъ службахъ никакой. Оттуда пришли къ Грекамъ, и повели насъ, гдѣ они служатъ Богу своему, и не знаемъ, на небѣ мы были или на землѣ, ибо на землѣ нѣтъ такого вида или красоты такой; не умѣемъ и разсказать, только то вѣдаемъ, что тамъ Богъ съ человѣками пребываетъ, и служба ихъ лучше службы всѣхъ странъ. Мы забыть не можемъ красоты этой: всякій человѣкъ, буде вкуситъ сладкаго, послѣ горечь не принимаетъ; такъ и намъ не живется ужъ здѣсь.

— Если бы законъ Греческій не хорошъ былъ, не приняла бы его бабка твоя Ольга, мудрѣйшая изъ всѣхъ человѣкъ,—отвѣчала дружина.

— Гдѣ крещенье примемъ? спросилъ князь.

— Гдѣ тебѣ любо, заключили бояре и старцы.

(¹) *Владиміръ* Равноапостольный, сынъ Святослава, княжилъ въ Кіевѣ отъ 980 до 1015 года.

9. Какъ Илья Муромецъ получаетъ богатырскую силу.

(Изъ народной сказки.)

Во славномъ было городѣ во Муромѣ, въ томъ ли селѣ Карачаевѣ, жилъ-былъ крестьянинъ, по имени Иванъ, по изотчеству Тимоѳеевичъ. А и было у него любимое дѣтище, Илья Муромецъ; а и то-то дѣтище сидѣло сиднемъ тридцать лѣтъ. Приходило время страдное, наставала пора рабочая, и Илья остался дома одинъ. По Божьему велѣнью, приходили два калика ([1]) перехожіе, становились подъ окошечко косящатое и просили милостыни. И говоритъ имъ Илья: «нищіе братія! взойдите во мнѣ во храмину: есть у насъ всего много, а подать вамъ некому». И говорятъ ему калики перехожіе: «встань-ка самъ!» — Сижу сиднемъ я тридцать лѣтъ, а вставать не встану: нѣтъ у меня ни рукъ, ни ногъ, — проговоритъ имъ Илья. И говорятъ калики перехожіе ему во второй разъ: «встань-ка самъ!» Илья сидитъ, силу пробуетъ, а въ отвѣтъ держитъ рѣчь: «всталъ бы я, и сила есть, да нѣтъ ногъ». И говорятъ ему калики перехожіе въ третій разъ: «встань-ка самъ!» Илья сидитъ, силу пробуетъ: тронетъ ногу—нога поднимается, тронетъ другую—другая поднимается. И сталъ вставать Илья на ноги. Встаетъ Илья, поднимается, посередъ пола становится. И говорятъ ему калики перехожіе: «сходи-ка за пивомъ, да напой насъ!» И взялъ Илья братину ([2]) великую, пошелъ въ подвалы глубокіе, наливалъ братину пивомъ крѣпкіимъ и подносилъ каликамъ перехожіимъ.— Выпей-ка самъ, — въ отвѣтъ молвятъ калики перехожіе. Хватилъ Илья братину заразъ: только и видѣли пиво. Говорятъ ему калики перехожіе: «сходи-ка за пивомъ, да напой насъ». И взялъ Илья братину больше прежняго, пошелъ во подвалы глубокіе, опускался ниже того, наливалъ братину пивомъ крѣпкіимъ пуще того и подносилъ каликамъ перехожіимъ. — Выпей-ка самъ, — въ отвѣтъ молвятъ калики перехожіе. Хватилъ Илья братину заразъ: только и видѣли пиво. И спрашивали его, Илью, калики перехожіе: «слышишь ли, Илья, свою силу?» И молвитъ Илья: «слышу!» И спросили его, Илью, калики перехожіе: «какъ велика твоя сила?» И молвитъ Илья: «кабы былъ столбъ отъ земли до неба, и я перевернулъ бы всю землю». Стали промежъ себя калики говорить: «много дано силы Ильѣ: земля не снесетъ: поубавимъ силы.» И говорятъ ему калики перехожіе: «сходи-ка за пивомъ, да напой насъ!» И взялъ Илья братину больше прежняго, пошелъ во подвалы глубокіе, опускался ниже того, наливалъ братину пивомъ крѣпкіимъ пуще того и подносилъ каликамъ перехожіимъ. — Выпей-ка самъ, — въ отвѣтъ молвятъ калики перехожіе. Хватилъ Илья братину заразъ: только и видѣли пиво. И спрошали его, Илью,

калики перехожіе: «слышишь ли, Илья, свою силу?» И молвитъ Илья: «поубавилось силы, кабы на семую часть». Стали промежъ себя калики говорить: «будетъ съ него». И прощалися съ Ильею калики перехожіе.

(¹) *Калика*—калѣка. (²) *Братина*—сосудъ для питья.

10. Какъ Илья Муромецъ отправляется на богатырскіе подвиги.

(Изъ народной былины.)

Не сырой дубъ къ землѣ клонится,
Ни бумажные листочки разстилаются:
Разстилается сынъ передъ батюшкомъ,
Онъ и проситъ себѣ благословеньица:
«Охъ ты гой еси, родимый, милый батюшка!
«Дай ты мнѣ свое благословеньице:
«Я поѣду въ славный стольный Кіевъ-градъ
«Помолиться чудотворцамъ Кіевскимъ,
«Заложиться за князя Володиміра,
«Послужить ему вѣрой-правдою,
«Постоять за вѣру христіянскую».
Отвѣчаетъ старой крестьянинъ Иванъ Тимофеевичъ:
— Я на добрыя дѣла тебѣ благословенье дамъ,
— А на худыя дѣла благословенья нѣтъ!
— Поѣдешь ты путемъ-дорогою,
— Не помысли зломъ на Татарина,
— Не убей въ чистомъ полѣ христіянина.—
Поклонился Илья Муромецъ отцу до-земли,
Самъ онъ сѣлъ на добра коня,
Поѣхалъ онъ во чисто поле.
Онъ и бьетъ коня по крутымъ бедрамъ,
Пробиваетъ кожу до черна мяса;
Ретивой его конь осержается,
Прочь отъ-земли отдѣляется;
Онъ и скачетъ выше дерева стоячаго,
Чуть пониже облака ходячаго.
Первый скокъ скочилъ на пятнадцать верстъ,
Въ другой скочилъ — колодязь сталъ;
У колодязя срубилъ сырой дубъ,
У колодязя поставилъ часовенку,

На часовнѣ подписалъ свое имячко:
«Ѣхалъ такой-то сильный, могучій богатырь,
«Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ».

11. ОБЪ ИЛЬѢ МУРОМЦѢ И ПОГАНОМЪ ИДОЛИЩѢ.

(Народная былина.)

Пріѣзжалъ Идолище поганое въ стольно-Кіевъ градъ,
Со грозою со страхомъ со великіимъ,
Къ тому ко князю ко Владиміру,
И становился онъ на княженецкій дворъ,
Посылалъ посла ко князю ко Владиміру,
Чтобъ князь Владиміръ стольно-Кіевскій
Ладилъ бы онъ ему поединщика,
Супротивъ его силушки супротивника.
Приходилъ посланникъ ко Владиміру,
И говорилъ посланникъ таковы слова:
«Ты, Владиміръ, князь стольно-Кіевскій!
«Ладь-ка ты поединщика во чисто поле,
«Поединщика и супротивника съ силушкой великою,
«Чтобъ могъ онъ съ Идолищемъ поправиться».
Тутъ Владиміръ князь ужахнулся,
Пріужахнулся да и закручинился.
Говоритъ Илья таковы слова:
«Не кручинься, Владиміръ, не печалуйся:
«На бою мнѣ-ка смерть не написана;
«Поѣду я въ раздольице чисто поле,
«И убью-то я Идолища поганаго».
Обулъ Илья лапотики (¹) шелковые,
Подсумокъ (²) одѣлъ онъ черна бархата,
На головушку надѣлъ шляпку земли Греческой,
И пошелъ онъ ко Идолищу къ поганому.
И сдѣлалъ онъ ошибочку не малую:
Не взялъ съ собой палицы (³) булатнія,
И не взялъ онъ съ собой сабли вострыя;
Идетъ-то дорожкой — пораздумался:
«Хоть иду-то я къ Идолищу поганому,
«Ежели будетъ не пора мнѣ-ка не времячко,
«И съ чѣмъ мнѣ съ Идолищемъ будетъ поправиться?»
На ту пору, на то времячко,
Идетъ ему въ стрѣту каличище (⁴) Иванище,
Несетъ въ рукахъ клюху девяноста пудъ.

Говоритъ ему Илья таковы слова:
«Ай же ты, каличище Иванище!
«Уступи-тко мнѣ клюхи на времячко,
«Сходить мнѣ къ Идолищу къ поганому».
Не даетъ ему каличище Иванище,
Не даетъ ему клюхи своей богатырскоей.
Говорилъ ему Илья таковы слова:
«Ай же ты, каличище Иванище!
«Сдѣлаемъ мы бой рукопашечный:
«Мнѣ на бою вѣдь смерть не написана;
«Я тобя убью, мнѣ клюха и достанется».
Разсердился каличище Иванище,
Здынулъ (5) эту клюху выше головы,
Спустилъ онъ клюху во сыру землю;
Пошелъ каличище, завдрыдалъ.
Илья Муромецъ едва досталъ клюху изъ сырой земли.
И пришелъ онъ въ палату бѣлокаменну
Ко этому Идолищу поганому,
Пришелъ къ нему и проздравствовалъ.
Говорилъ ему Идолище поганое:
— Ай же ты, калика перехожая!
— Какъ великъ у васъ богатырь Илья Муромецъ? —
Говоритъ ему Илья таковы слова:
«Толь великъ Илья, какъ и я».
Говоритъ ему Идолище поганое:
— По многу ли Илья вашъ хлѣба ѣсть?
— По многу ли Илья вашъ пива пьетъ? —
Говоритъ Илья таковы слова:
«По стольку ѣстъ Илья, какъ и я;
«По стольку пьетъ Илья, какъ и я».
Говоритъ ему Идолище поганое:
— Экой вашъ богатырь Илья!
— Я вотъ по семи ведръ пива пью,
— По семи пудъ хлѣба кушаю. —
Говорилъ ему Илья таковы слова:
«У нашего Ильи Муромца батюшка былъ крестьянинъ,
«У его была корова ѣдучая:
«Она много пила-ѣла и лопнула».
Это Идолищу не слюбилося:
Схватилъ онъ кинжалище булатное,
И махнулъ онъ въ калику перехожую
Со всея со силушки великія.
И пристранился Илья Муромецъ въ сторонушку малешеr
Пролетѣлъ его мимо-то булатній ножъ,
Пролетѣлъ онъ на вонную (6) сторону съ простѣночко

У Ильи Муромца разгорѣлось сердце богатырское,
Схватилъ съ головушки шляпку земли Греческой,
И ляпнулъ онъ въ Идолище поганое,
И разсѣкъ онъ Идолище на полы (7).
Тутъ ему, Идолищу, славу поютъ.

(1) *Лапотики*—лапти. (2) *Подсумокъ*—небольшая сума, носимая черезъ плечо на ремнѣ. (3) *Палица* — дубина съ толстымъ концемъ. (4) *Каличище*—калѣчище, калѣка. (5) *Здынулъ*—поднялъ. (6) *Вонный*—отъ *вонъ*, внѣшній. (7) *На полы*—пополамъ.

12. НИКИТА-КОЖЕМЯКА (1).

(Народная сказка.)

Около Кіева проявился змѣй, бралъ онъ съ народа поборы немалые: съ каждаго двора по красной дѣвкѣ; возьметъ дѣвку, да и съѣстъ ее. Пришелъ чередъ идти къ тому змѣю царской дочери. Схватилъ змѣй царевну и потащилъ ее къ себѣ въ берлогу, а ѣсть ее не сталъ: красавица собой была, такъ за жену себѣ взялъ. Полетитъ змѣй на свои промыслы, а царевну завалитъ бревнами, чтобъ не ушла. У той царевны была собачка, увязалась съ нею изъ дому. Напишетъ, бывало, царевна записочку къ батюшкѣ съ матушкой, навяжетъ собачкѣ на шею, а та побѣжитъ куда надо, да и отвѣтъ еще принесетъ. Вотъ разъ царь съ царицею и пишутъ къ царевнѣ: «узнай, кто сильнѣе змѣя?» Царевна стала привѣтливѣй къ своему змѣю, стала у него допытываться, кто его сильнѣе. Тотъ долго не говорилъ, да разъ и проболтался, что живетъ въ городѣ Кіевѣ Кожемяка—тотъ и его сильнѣе. Услыхала про то царевна, написала къ батюшкѣ: «сыщите въ городѣ Кіевѣ Никиту-Кожемяку, да пошлите его меня изъ неволи выручать». Царь, получивши такую вѣсть, сыскалъ Никиту-Кожемяку, да самъ пошелъ просить его, чтобы освободилъ его землю отъ лютаго змѣя и выручилъ царевну. Въ ту пору Никита кожи мялъ, держалъ онъ въ рукахъ двѣнадцать кожъ; какъ увидалъ онъ, что къ нему пришелъ самъ царь, задрожалъ со страху, руки у него затряслись, и разорвалъ онъ тѣ двѣнадцать кожъ. Да сколько не упрашивалъ царь съ царицею Кожемяку, тотъ не пошелъ супротивъ змѣя. Вотъ и придумали собрать пять тысячъ дѣтей малолѣтныхъ, да и заставили ихъ просить Кожемяку: авось на ихъ слезы сжалобится! Пришли къ Никитѣ малолѣтные, стали со слезами просить, чтобъ шелъ онъ супротивъ змѣя. Прослезился и самъ Никита-Кожемяка, на ихъ слезы глядя. Взялъ триста пудъ пеньки, насмолилъ смолою, и весь таки обмотался, чтобы змѣй не съѣлъ, да и пошелъ на него. Подходитъ Никита къ берлогѣ змѣиной, а змѣй заперся и не выходитъ къ нему.—Выходи лучше въ чистое поле, а то и берлогу сечу, сказалъ Кожемяка, и сталъ уже двери ломать. Змѣй, ви-

дя бѣду неминучую, вышелъ къ нему въ чистое поле. Долго ли, коротко ли бился съ змѣемъ Никита-Кожемяка, только повалилъ змѣя. Тутъ змѣй сталъ молить Никиту: «Не бей меня до смерти, Никита-Кожемяка! Сильнѣе насъ съ тобой въ свѣтѣ нѣтъ; раздѣлимъ всю землю, весь свѣтъ поровну: ты будешь жить въ одной половинѣ, а я въ другой.»—Хорошо, сказалъ Кожемяка:—надо межу проложить. Сдѣлалъ Никита соху въ триста пудъ, запрягъ въ нее змѣя, да и сталъ отъ Кіева межу пропахивать. Никита провелъ борозду отъ Кіева до моря Кавстрійскаго (²). «Ну, говоритъ змѣй, теперь мы всю землю раздѣлили!»—Землю раздѣлили, проговорилъ Никита, давай море дѣлить; а то ты скажешь, что твою воду берутъ.—Въѣхалъ змѣй на середину моря, Никита-Кожемяка убилъ и утопилъ его въ морѣ. Эта борозда и теперь видна; вышиною та борозда двухъ саженъ. Кругомъ ея пашутъ, а борозды не трогаютъ; а кто не знаетъ, отъ чего эта борозда, называетъ ее *валомъ*. Никита-Кожемяка, сдѣлавши святое дѣло, не взялъ за работу ничего, пошелъ опять кожи мять.

(¹) *Кожемяка*—мнущій, смягчающій кожи. (²) *Кавстрійскаго*—Каспійскаго.

13. Былина.

Надъ свѣтлымъ Днѣпромъ, средь могучихъ бояръ,
Близъ стольнаго Кіева града,
Пируетъ Владиміръ, съ нимъ молодъ и старъ,
И слышенъ далеко звонъ кованыхъ чаръ.
Ой ладо, ой ладушко-ладо!
И молвитъ Владиміръ: «что-жъ нѣту пѣвцевъ!
Безъ нихъ мнѣ и пиръ не отрада!»
И вотъ, незнакомый изъ дальнихъ рядовъ
Пѣвецъ выступаетъ на княжескій зовъ.
Ой ладо, ой ладушко-ладо!
Глаза словно щели, растянутый ротъ,
Лицо на лицо не похоже,
И выдались скулы углами впередъ,
И ахнулъ отъ ужаса Русскій народъ.
Ай рожа, ай страшная рожа!
И началъ онъ пѣть на невѣдомый ладъ:
«Владычество смѣлымъ награда!
Ты, княже, могучъ и казною богатъ,
И помнитъ ладьи твои дальній Царьградъ (¹).
Ой ладо, ой ладушко-ладо!
Но родъ твой не вѣчно судьбою хранимъ:
Настанетъ тяжелое время,
Обнимутъ твой Кіевъ и пламя и дымъ,
И внуки твои будутъ внукамъ моимъ

Купаться въ ней свиньи лишь могутъ.
Подайте-жъ мнѣ чару большую мою,
Ту чару, добытую въ сѣчѣ,
Добытую съ ханомъ Хазарскимъ ([12]) въ бою.
За Русскій обычай до дна ее пью,
За древнее Русское вѣче,
За вольный, за честный Славянскій народъ!
За колоколъ пью Нова-града!
И если онъ даже и въ прахъ упадетъ,
Пусть звонъ его въ сердцѣ потомковъ живетъ!
Ой ладо, ой ладушко-ладо!
Я пью за Варяговъ, за предковъ лихихъ,
Кѣмъ Русская сила подъята,
Кѣмъ славенъ нашъ Кіевъ, кѣмъ Грекъ пріутихъ,—
За синее море, которое ихъ,
Шумя, принесло отъ заката! ([13])—
И выпилъ Владиміръ, и разомъ кругомъ,
Какъ плескъ лебединаго стада,
Какъ лѣтомъ изъ тучи ударившій громъ,
Народъ отвѣчаетъ: «За князя мы пьемъ!
Ой ладо, ой ладушко-ладо!
Да правитъ по-русски онъ Русскій народъ,
А хана намъ даромъ не надо!
И если настанетъ година невзгодъ,
Мы вѣримъ, что Русь ихъ всецѣла пройдетъ».
Ой ладо, ой ладушко-ладо!
Пируетъ Владиміръ со свѣтлымъ лицемъ,
Въ груди богатырской отрада,
Онъ вѣритъ: всецѣло мы бѣды пройдемъ!
И весело слышать ему надъ Днѣпромъ:
Ой ладо, ой ладушко-ладо!
Пируетъ съ Владиміромъ сила бояръ,
Пируютъ посадники ([14]) града,
Пируетъ весь Кіевъ, и молодъ и старъ,
И слышенъ далеко звонъ кованыхъ чаръ.
Ой ладо, ой ладушко-ладо!

---

(1) Владиміръ въ 988 г. овладѣлъ Греческимъ городомъ Херсономъ и грозился взять Константинополь. (2) *Поповичъ*—богатырь Алеша. (3) *Илья*— Муромецъ (см. ст. 9, 10 и 11). (4) *Добрыня Никитичъ*—богатырь. (5) *Вѣче*—народное совѣщаніе, сборное мѣсто для совѣщанія, колокольный звонъ для собранія народа на совѣщаніе. (6) *Поле*—поединокъ. (7) *Каганскій*—Хазарскіе цари назывались каганами. (8) Илья Муромецъ, по былинамъ, убилъ *Соловья-разбойника*. (9) Іоаннъ Васильевичъ III. (10) *Соромъ*—срамъ. (11) *Обдоры*—дикое племя, жившее на сѣверо-востокѣ Россіи. (12) *Хазарскій*—см. ст. 3 прим. 2. (13) См. ст. 1. (14) *Посадникъ*—начальникъ общинной расправы и благоустройства, предсѣдательствовавшій на народномъ собраніи.

14. СКАЗАНІЕ О ТОМЪ, ОТЪ ЧЕГО ПОЛУЧИЛЪ НАЗВАНІЕ ПЕЧЕРСКІЙ МОНАСТЫРЬ.

(Изъ Кіевопечерскаго Патерика.)

(1051 г.)

Боголюбивый князь Ярославъ (¹) любилъ Берестово (²) и бывшую тамъ церковь святыхъ Апостоловъ и многихъ поповъ содержалъ при ней. Былъ между ними священникъ, именемъ Иларіонъ, человѣкъ добрый, книжный и постникъ. Онъ ходилъ съ Берестова къ Днѣпру, на холмъ, гдѣ нынѣ (³) старый Печерскій монастырь, и тамъ молился. Тутъ былъ большой лѣсъ. Иларіонъ вырылъ себѣ въ немъ пещерку, маленькую, двухъ-саженную, и, приходя изъ Берестова, отпѣвалъ тутъ часы и втайнѣ молился Богу. Потомъ Богъ вложилъ въ сердце князю поставить Иларіона митрополитомъ у св. Софіи, а пещерка эта такъ и осталась.

Около этого же времени жилъ нѣкоторый человѣкъ, мірянинъ, изъ города Любеча. И вложилъ ему Богъ въ сердце идти странствовать. Онъ отправился на Святую гору (⁴), видѣлъ тамошніе монастыри и, обошедши ихъ всѣ, полюбилъ иночество. И пришелъ онъ въ одинъ изъ монастырей и умолилъ игумена возложить на него иноческій образъ. Тотъ послушалъ, постригъ его и далъ ему имя Антоній. Наставивши его и научивши, какъ жить въ монашествѣ, игуменъ сказалъ ему: «Возвратись на Русь, и да будетъ съ тобой благословеніе отъ Святой горы! Чрезъ тебя размножатся иноки на Руси». Благословилъ и отпустилъ его, сказавъ: «иди съ миромъ».

Антоній пришелъ къ Кіеву и сталъ думать, гдѣ бы ему жить. Онъ ходилъ по монастырямъ, но,—такъ уже Богу было угодно,—не нравилось ему въ нихъ. И сталъ онъ ходить по дебрямъ и по горамъ, ища, гдѣ бы Богъ показалъ ему жить. И пришелъ онъ на холмъ, гдѣ Иларіонъ вырылъ пещерку, и полюбилось ему это мѣсто. Онъ поселился здѣсь и началъ молиться Богу со слезами, говоря: «Господи! утверди меня на этомъ мѣстѣ, и да будетъ на немъ благословеніе Святой горы и моего игумена, который постригалъ меня». И онъ сталъ тутъ жить, молился Богу, ѣлъ сухой хлѣбъ, и то черезъ день, и воду пилъ въ мѣру; копалъ пещеру свою и такъ жилъ въ постоянныхъ трудахъ, въ бдѣніи и молитвахъ, не давая себѣ покоя ни днемъ, ни ночью. Потомъ узнали объ немъ добрые люди, приходили къ нему, приносили, что было нужно. И прошла объ немъ слава, какъ о великомъ человѣкѣ, и стали приходить къ нему просить благословенія и молитвы. Когда преставился великій князь Ярославъ, и сынъ его Изяславъ принялъ власть и сѣлъ въ Кіевѣ, Антоній былъ уже прославленъ въ Русской землѣ. И узналъ Изяславъ о жизни его и пришелъ къ нему съ дружиной просить благословенія и молитвы. Всѣмъ сдѣлался извѣстенъ Антоній, и всѣ почитали его. И начали приходи

нему братія, и онъ принималъ и постригалъ ихъ. Собралось у него 12 братій; они вырыли большую пещеру, церковь и келіи, которыя цѣлы и теперь въ пещерѣ, подъ ветхимъ монастыремъ. Когда собрались такимъ образомъ братія, Антоній сталъ говорить имъ: «Вотъ, братія, Богъ совокупилъ васъ по благословенію Святой горы, съ которымъ постригъ меня тамошній игуменъ, а я постригалъ васъ. Да будетъ же на васъ благословеніе во-первыхъ отъ Бога, во-вторыхъ отъ Святой горы!» Потомъ сказалъ: «Живите теперь сами по себѣ. Я поставлю вамъ игумена, а самъ пойду одинъ на другую гору: я уже и прежде привыкъ уединяться.» И поставилъ онъ игуменомъ Варлаама, а самъ пошелъ и выкопалъ себѣ въ горѣ другую пещеру, которая теперь подъ новымъ монастыремъ. Тамъ онъ и умеръ, живши въ добродѣтели 40 лѣтъ, никуда не выходивъ изъ пещеры, гдѣ и донынѣ лежатъ мощи его.

Братія между тѣмъ жили съ своимъ игуменомъ въ пещерѣ, и, когда ихъ стало уже очень много, они задумали поставить монастырь внѣ пещеры. И пришли братія и игуменъ къ Антонію и сказали ему: «Отче, братія такъ размножились, что нельзя помѣститься въ пещерѣ. Да будетъ повелѣніе Божіе и твоя молитва, чтобы намъ поставить маленькую церковь внѣ пещеры!» И повелѣлъ имъ Антоній. Они поклонились ему и поставили надъ пещерой церковку маленькую во имя Успенія Пресвятой Богородицы. И сталъ Богъ молитвами Богородицы умножать черноризцевъ. Тогда братія, на совѣтѣ съ игуменомъ, рѣшили построить монастырь. И опять пошли они къ Антонію и сказали: «отче, братія умножается, и мы бы желали построить монастырь». Антоній былъ радъ и сказалъ: «Благословенъ Богъ за все! Да будетъ съ вами молитва святой Богородицы и отцевъ Святой горы!» И сказавъ это, послалъ одного изъ братій къ князю Изяславу сказать ему: «Князь мой, вотъ Богъ умножилъ братію, а мѣстечко маленькое. Далъ бы ты намъ ту гору, что надъ пещерой.» Изяславъ, слыша это, съ радостію послалъ своего мужа и отдалъ имъ эту гору. Игуменъ и братія заложили большую церковь, обнесли монастырь оградой и поставили много келій и, окончивъ церковь, украсили ее иконами. Такъ зачался Печерскій монастырь. Назвался онъ Печерскимъ потому, что братія прежде жили въ пещерѣ (5); пошелъ же монастырь этотъ отъ благословенія Святой горы. Когда монастырь уже построился, а игуменомъ былъ въ немъ Варлаамъ, поставилъ Изяславъ монастырь святаго Димитрія и перевелъ туда на игуменство Варлаама, желая сдѣлать свой монастырь выше и надѣясь на богатство. Многіе монастыри поставлены царями, боярами и богатствомъ; но не таковы они, какъ поставленные слезами, пощеніемъ, молитвою, бдѣніемъ. Антоній вотъ не имѣлъ ни золота, ни серебра, да пріобрѣлъ все слезами и постомъ, какъ я (6) уже и говорилъ. Когда же Варлаамъ пошелъ въ монастырь свя-

таго Димитрія, братія, посовѣтовавшись, пошли къ старцу Антонію и сказали: «поставь намъ игумена». Онъ же сказалъ: «кого хотите? «А они сказали:» кого хочетъ Богъ и ты». И сказалъ имъ Антоній: «Кто между вами послушливѣе, кротче, смиреннѣе Θеодосія? Пусть онъ и будетъ вамъ игуменомъ.» Братія рады были, поклонились старцу и поставили Θеодосія игуменомъ надъ собой; а ихъ было тогда 20 человѣкъ. Принявши монастырь, Θеодосій ввелъ въ немъ воздержаніе, великое пощеніе и молитвы со слезами; и принималъ онъ многихъ черноризцевъ и собралъ онъ братіи 100 человѣкъ. Тогда онъ сталъ искать монастырскаго устава. Нашелся тутъ Михаилъ, чернецъ Студійскаго монастыря (7), пришедшій изъ Греціи съ митрополитомъ Георгіемъ. Θеодосій сталъ искать у него устава Студійскихъ иноковъ и, нашедши, списалъ и установилъ въ своемъ монастырѣ: какъ быть монастырскому пѣнію, какъ поклоны держать, какъ читать чтеніе, и стояніе въ церкви, и весь порядокъ церковный, и какъ за трапезой сидѣть, и что ѣсть въ какіе дни, — все по уставу. Θеодосій пріобрѣлъ этотъ уставъ и ввелъ въ своемъ монастырѣ, а у него и другіе монастыри переняли; потому и честь Печерскому монастырю прежде всѣхъ другихъ. Такъ жилъ Θеодосій въ монастырѣ, ведя добродѣтельную жизнь, соблюдая иноческое правило, и принималъ всякаго, приходящаго къ нему. Тогда пришелъ къ нему и я, худой, недостойный рабъ, и онъ принялъ меня. Мнѣ было тогда 17 лѣтъ отъ роду. И вотъ я написалъ это и положилъ годъ, когда началъ быть монастырь Печерскій, и почему онъ такъ называется,

(1) *Ярославъ* — великій князь Кіевскій, сынъ Владиміра Равноапостольнаго, умершій въ 1054 г. (2) *Берестово*—село близъ Кіева. (3) *Нынѣ*—во времена лѣтописца Нестора. (4) *Святая гора*—Аθонъ. (5) *Пещера*—по старинному произношенію: *печера*. (6) *Я*—преп. Несторъ лѣтописецъ. (7) *Студійскій* монастырь—въ Цареградѣ.

15. О зодчихъ, пришедшихъ изъ Царяграда къ пр. Антонію и Θеодосію (1).

(Изъ Кіевопечерскаго Патерика.)

(1072 — 1073 г.)

Пришли въ пещеру къ блаженнымъ Антонію и Θеодосію четыре мужа изъ Царяграда, очень богатые, и сказали: «гдѣ хотите начать церковь?» Антоній же и Θеодосій сказали имъ: «идите: Господь назначитъ мѣсто». Они же сказали: «какъ вы, предсказывая себѣ скорую смерть, не назначили еще мѣста? а еще дали намъ столько золота!» Тогда преподобные призвали всю братію и с[illegible]ха-

шивать Грековъ, говоря: «скажите намъ истину: что такое было?» Зодчіе же эти стали разсказывать такъ: «Однажды, когда мы спали въ своихъ домахъ, рано, на восходѣ солнца, пришли къ каждому изъ насъ благообразные юноши и сказали: «зоветъ васъ Царица во Влахерну» (*). Мы пошли, взявши съ собою друзей и ближнихъ своихъ. Пришли мы всѣ въ одно время и, распросивши другъ друга, узнали, что ту-же рѣчь Царицы слышалъ каждый изъ насъ, и одни и тѣ-же посланы были за всѣми нами. Наконецъ увидѣли мы Царицу и при Ней множество воиновъ. Мы поклонились Ей, и Она сказала намъ: «хочу Я построить себѣ церковь на Руси, въ Кіевѣ, и вотъ вамъ велю это сдѣлать. Возьмите золота на три года. Мы же, поклонившись, сказали: «Госпожа Царица! Посылаешь Ты насъ въ чужую страну,—къ кому мы тамъ пріидемъ?» Она же сказала: «Я васъ посылаю вотъ съ ними, съ Антоніемъ и Өеодосіемъ». Мы же сказали: «Зачѣмъ же, Госпожа, на три года золота намъ даешь? Имъ и прикажи объ насъ,—что намъ ѣсть и что пить; а подаришь насъ, чѣмъ сама знаешь.» Царица же сказала: «Этотъ Антоній только благословитъ и отойдетъ изъ этого свѣта въ вѣчный покой; а этотъ, Өеодосій, черезъ два года послѣ него отойдетъ. И такъ берите золота до избытка. А что до того, чтобы почтить васъ, то никто не можетъ такъ, какъ Я: дамъ вамъ, чего и ухо не слыхало, и глазъ не видалъ, и что на сердце человѣку не восходило. Я сама пріиду видѣть церковь и въ ней жить буду.» Дала Она намъ также и мощи святыхъ мучениковъ: Артемія, Поліевкта, Леонтія, Акакія, Ареөы, Іакова, Өеодора, и сказала: «это положите въ основаніе.» Мы взяли золота больше, чѣмъ намъ нужно было, и Она сказала: «выдьте на дворъ, посмотрите величину церкви.» Мы вышли и увидѣли церковь на воздухѣ. Вошедши опять къ Царицѣ, мы поклонились и сказали: «Госпожа Царица, какое имя церкви?» Она же сказала: «Я хочу назвать ее своимъ именемъ». Мы не смѣли спросить, какъ Ея имя, а Она сказала опять: «Богородицына будетъ церковь». И давши намъ эту икону, сказала: «она будетъ въ ней намѣстной». Мы поклонились Ей и пошли въ дома свои, неся съ собой икону, полученную изъ рукъ Царицы.»

Выслушавши это, всѣ прославили Бога. Антоній же отвѣчалъ зодчимъ: «дѣти мои! мы никогда не выходили изъ этого мѣста». Греки же съ клятвою говорили: «Изъ вашихъ рукъ взяли мы золото Царицыно передъ многими свидѣтелями, съ которыми и провожали васъ до корабля. Черезъ мѣсяцъ послѣ вашего ухода пустились въ путь и мы, и вотъ уже десять дней, какъ мы вышли изъ Царяграда. Спрашивали мы Царицу о величинѣ церкви. Она [illegible] сказала намъ: «Я послала мѣру,—поясъ Сына Моего. Сдѣлайте [illegible] по Его повелѣнію.» И отвѣчалъ Антоній: «Дѣти мои! великой [illegible]ти Христосъ сподобилъ васъ: вы—совершители Его воли. [illegible] васъ, тѣ благообразные юноши, были пресвятые ангелы; а

Царица во Влахернѣ—Сама, чувственно явившаяся вамъ пресвятая, и чистая, и непорочная Владычица наша, Богородица и Приснодѣва Марія; стоящіе же при Ней воины — безплотныя силы ангельскія. А что до нашего образа и даннаго какъ-бы чрезъ насъ золота, то Господь вѣдаетъ, какъ изволилъ Онъ сотворить это съ своими рабами. Благословенъ приходъ вашъ: добрую спутницу имѣете вы, эту честную икону Госпожи. Да даетъ Она вамъ, какъ обѣщала, чего ухо не слышало, что на сердце человѣку не всходило. Этого никто не можетъ дать, кромѣ Ея и Сына Ея, Господа Бога и Спасителя нашего Іисуса Христа. Поясъ же и вѣнецъ Ея принесены сюда Варягами (3), и сказана была мѣра ширины, и длины, и высоты той пресвятой церкви: голосъ такой былъ съ неба отъ велелѣпной славы». Тогда Греки со страхомъ поклонились святымъ и сказали: «гдѣ такое мѣсто? дайте намъ посмотрѣть его». Антоній сказалъ: «будемъ молиться три дня, и Господь явитъ намъ мѣсто». И въ первую ночь, когда онъ молился, явился ему Господь и сказалъ: «нашелъ ты благодать передо Мной». Антоній же сказалъ: «Господи! если я нашелъ благодать передъ Тобой, пусть будетъ по всей землѣ роса, а мѣсто, которое Тебѣ угодно освятить, пусть будетъ сухо». На другой день нашли сухимъ то мѣсто, гдѣ нынѣ (4) стоитъ церковь, а по всей землѣ была роса. На другую же ночь также помолился преподобный и сказалъ: «Господи! пусть будетъ по всей землѣ сухо, а на мѣстѣ святомъ роса». Пошли и нашли такъ. На третій же день, ставши на мѣстѣ томъ, помолились, благословили мѣсто, измѣрили золотымъ поясомъ ширину и длину, и преподобный Антоній, поднявъ руки къ небу, сказалъ громкимъ голосомъ: «Послушай меня, Господи, послушай меня нынѣ огнемъ! Пусть разумѣютъ всѣ, что Тебѣ это угодно.» И спалъ огонь съ неба и пожегъ деревья и терновникъ, и росу полизалъ, а на долинѣ сдѣлалъ какъ-бы рвы, на томъ мѣстѣ, гдѣ началъ копать благовѣрный князь Святославъ (5). И отъ страха упали, какъ мертвые, всѣ бывшіе со святыми.

(1) Си. Пет. 14-ю. (2) *Влахерна*—Влахернская церковь близъ Царя-града, гдѣ хранилась тогда знаменитая риза Богоматери. (3) *Варягами*— Варяжскимъ княземъ Шимономъ, вступившимъ въ Русскую службу со многими своими единоземцами. (4) *Нынѣ*—въ началѣ 13-го столѣтія. (5) *Святославъ*—сынъ Ярослава Владиміровича.

16. Слово о перенесеніи мощей пр. отца нашего Θеодосія Печерскаго (¹).

(Изъ Кіевопечерскаго Патерика.)

(14 Августа 1091 г.)

Въ 1091 году игуменъ и иноки собрались на совѣтъ и сказали: «не подобаетъ отцу нашему Θеодосію лежать внѣ монастыря и своей церкви: вѣдь онъ основалъ церковь и собралъ иноковъ». Посовѣтовавшись такъ, велѣли устроить мѣсто, гдѣ положить мощи его. За три дня до праздника Успенія святой Богородицы, игуменъ велѣлъ раскопать пещеру, гдѣ лежали мощи его, отца нашего Θеодосія. И я (²) грѣшный первый слышалъ это повелѣніе. Теперь я буду разсказывать не то, о чемъ только слышалъ, а при чемъ самъ былъ первымъ. Пришелъ ко мнѣ игуменъ и сказалъ: «пойдемъ въ пещеру къ Θеодосію». Никто не зналъ, какъ мы съ игуменомъ пошли, разсмотрѣли, гдѣ копать, и означили мѣсто, только не на входѣ. И сказалъ мнѣ игуменъ: «Смотри, не разсказывай никому изъ братій, чтобы никто не зналъ. Возьми только себѣ на помощь, кого захочешь.» На слѣдующій день я приготовилъ 7 рогалій (³), чѣмъ копать. Во вторникъ же вечеромъ взялъ съ собою двоихъ изъ братій (а другіе никто не знали), пришелъ къ пещерѣ и, отпѣвъ псалмы, началъ копать. Утомившись, я далъ копать другому брату. Такъ потрудились мы до полуночи и не могли докопаться. И сталъ я тужить: что какъ мы не то мѣсто копаемъ? И взялъ я рогалью и сталъ работать усиленно. Другъ же мой, отдыхавшій передъ пещерой, сказалъ мнѣ: «ударили въ колоколъ». Въ это самое время докопался я до мощей Θеодосія, и, когда мой товарищъ говорилъ: «ударили въ колоколъ», я сказалъ: «я уже докопался». Но когда я раскопалъ мѣсто, гдѣ почиваютъ мощи, ужасъ обнялъ меня, и я началъ звать: «Господи, помилуй!» Въ это самое время два брата сидѣли въ монастырѣ и смотрѣли въ сторону пещеры, не перенесетъ ли игуменъ, скрывши отъ всѣхъ, съ кѣмъ-нибудь тайно, тѣло Θеодосія. И когда ударили въ колоколъ, они увидали: три столпа, какъ зоревыя дуги, стояли надъ пещерой; потомъ двинулись и стали надъ верхомъ церкви, гдѣ былъ послѣ положенъ Θеодосій. Тогда же Стефанъ, который былъ прежде игуменомъ на мѣстѣ Θеодосія, а въ это время епископъ, видѣлъ въ своемъ монастырѣ чрезъ поле великую зорю надъ пещерой. Онъ подумалъ, что несутъ Θеодосія (ему за день было уже [illegible]ѣщено объ этомъ), и сталъ жалѣть, что безъ него переносятъ; [illegible] тотчасъ же на коня и поѣхалъ, взявъ съ собою Климента, [illegible]го послѣ себя поставилъ игуменомъ. Ѣхали они и видѣли

орю великую; стали приближаться, — увидали множество свѣчей надъ пещерой; подошедши къ самой пещерѣ, не видѣли уже ничего; а когда сошли на дно,—мы сидѣли у мощей Θеодосія. Вырывши, я послалъ сказать игумену: «прійди вынуть его». Игуменъ пришелъ съ двумя братіями. Откопавъ по-больше, мы сошли на дно: Θеодосій лежалъ мощами, составы не распались, волосы на головѣ присохли. Его положили на мантію и вынесли на плечахъ на верхъ пещеры.

На другой день собрались епископы: Ефремъ Переяславскій, Стефанъ Владимірскій, Іоаннъ Черниговскій, Маринъ Юрьевскій; и пришли изъ всѣхъ монастырей игумены съ иноками и всякіе благовѣрные люди. И взяли мощи Θеодосія, понесли съ θиміамомъ и со свѣчами и положили въ его церкви, въ притворѣ, на правой сторонѣ, 14 Августа, въ четвергъ, въ часъ по-полудни, въ 14 годъ индикта ([4]). И свѣтло отпраздновали день тотъ.

([1]) См. ст. 14 и 15. ([2]) *Я*—преп. Несторъ лѣтописецъ. ([3]) *Рогалія*—инструментъ для копанія земли. ([4]) *Индиктъ*—пятнадцатилѣтнее продолженіе времени.

17. КІЕВЪ.

Въ ризѣ святости и славы,
Опоясанъ стариной,
Старецъ Кіевъ предо мной
Возблисталъ золотоглавый.
Здравствуй, старецъ величавый!
Здравствуй, труженикъ святой!
Здравствуй, Днѣпръ, поитель давный
Незабвенной старины!
Чу! На звонъ моей струны
Сердце слышитъ плескъ отзывный
Удалой, многоразливной
Святославовой ([1]) волны.
Здѣсь Владиміръ ([2]) кругомъ тѣснымъ
Сыновей своихъ сомкнулъ
И хоругви развернулъ,
И наитьемъ полнъ небеснымъ
Въ Днѣпръ подъ знаменіемъ крестнымъ
Русь младенца окунулъ.
Днѣпръ—Перуна ([3]) гробъ кровавый,
Путь нашъ къ Грекамъ! Не въ тебѣ ль
Русской славы колыбель?

Ты—истокъ родной державы,
Водный поясъ нашей славы,
Наша крестная купѣль.
Ты спѣшишь въ порывѣ смѣломъ,
Краю сѣверному въ честь,
О дѣдахъ его дать вѣсть
Юга знойнаго предѣламъ
И молву о царствѣ бѣломъ
Къ морю Черному принесть.

Божьей милостью обильный
Кіевъ! много тѣлъ святыхъ
Въ глубинѣ пещеръ твоихъ
Полны жизни безмогильной,
И является Всесильный
Въ чудотворной силѣ ихъ (4).

Процвѣтай же, чуждъ гордынѣ,
Помня были и молясь,
Да, въ вѣка переносясь,
Не слабѣетъ, какъ донынѣ,
Русской славы со святыней
Небомъ скованная связь!

---

(1) *Святославовой*—Святославъ Игоревичъ отправлялся въ Болгарію Днѣпромъ (см. ст. 6-ю). (2) *Владиміръ*—Равноапостольный, крестившій Русскую землю. (3) *Перуна*—передъ принятіемъ христіанства Кіевлянами, княжескіе воины привязали статую Перуна къ конскому хвосту, били ее тростями и свергли съ горы въ Днѣпръ (см. ст. 3 прим. 3). (4) См. ст. 14, 15 и 16-ю.

18. КІЕВЪ.

Высоко передо мною
Старый Кіевъ надъ Днѣпромъ:
Днѣпръ сверкаетъ подъ горою
Переливнымъ серебромъ....

Слава, Кіевъ многовѣчный,
Русской славы колыбель!
Слава, Днѣпръ нашъ быстротечный,
Руси чистая купѣль!

Сладко пѣсни раздалися,
Въ небѣ тихъ вечерній звонъ...
Вы откуда собралися,
Богомольцы, на поклонъ?...

«Я оттуда, гдѣ струится
Тихій Донъ, краса степей»;
«Я оттуда, гдѣ клубится
Безпредѣльный Енисей».

«Край мой—теплый брегъ Эвксина»; ([1])
«Край мой—брегъ тѣхъ дальнихъ странъ,
Гдѣ одна сплошная льдина
Оковала океанъ».

«Дикъ и страшенъ верхъ Алтая ([2]),
Вѣченъ блескъ его снѣговъ:
Тамъ страна моя родная»;
«Мнѣ отчизна старый Псковъ».

«Я—отъ Ладоги холодной»,
«Я—отъ синихъ волнъ Невы»,
«Я—отъ Камы многоводной»,
«Я—отъ матушки Москвы».

Слава, Днѣпръ, сѣдыя волны!
Слава, Кіевъ, чудный градъ!
Мракъ пещеръ твоихъ безмолвный
Краше царственныхъ палатъ....

Знаемъ мы: въ вѣка былые,
Въ древню ночь и мракъ глубокъ,
Надъ тобой блеснулъ, Россія,
Солнца вѣчнаго востокъ!...

И теперь изъ странъ далекихъ,
Изъ невѣдомыхъ степей,
Отъ полночныхъ рѣкъ глубокихъ,
Полкъ молящихся дѣтей,—

Мы вокругъ твоей святыни
Всѣ съ любовью собраны....
Братцы, гдѣ-жъ сыны Волыни?
Галичъ, гдѣ твои сыны?..

Горе, горе! ихъ спалили
Польши дикіе костры;
Ихъ сманили, ихъ плѣнили
Польши шумные пиры;

Мечъ и лесть, обманъ и пламя,
Ихъ похитили у насъ;
Ихъ ведетъ чужое знамя,
Ими правитъ чуждый гласъ!... ([3])

Пробудися, Кіевъ, снова!
Падшихъ чадъ своихъ зови:
Сладокъ гласъ отца роднаго,
Зовъ моленья и любви...

И отторженныя дѣти,
Лишь услышатъ твой призывъ,
Разорвавъ коварства сѣти,
Знамя чуждое забывъ,

Снова, какъ во время оно,
Успокоиться придутъ
На твое святое лоно,
Въ твой родительскій пріютъ....

И вокругъ знаменъ отчизны
Потекутъ они толпой,
Къ жизни духа, къ духу жизни,
Возрожденные тобой.

(1) *Брегъ Эвксина*—берега Чернаго моря. (2) *Алтая*—Алтайскія горы въ Сибири. (3) *Галиція* и *Волынь* нѣкогда составляли Русское княжество, потомъ были захвачены Поляками; теперь Галиція находится подъ властью Австріи.

19. Волхвы въ Ростовской области.

(По лѣтописи.)

Однажды въ Ростовской области сдѣлался голодъ, и вотъ явились два волхва изъ Ярославля и начали говорить: «мы знаемъ, кто хлѣбъ-то держитъ». Они пошли по Волгѣ и въ каждомъ погостѣ, куда придутъ, указывали на лучшихъ женщинъ, говоря: «вотъ эти жито держатъ, эти медъ, эти рыбу, эти мѣха». Жители приводили къ нимъ сестеръ своихъ, матерей, женъ; волхвы разрѣзывали у нихъ тѣло за плечемъ, показывая видъ, что вынимаютъ оттуда либо жито, либо рыбу, и такимъ образомъ убивали много женщинъ, забирая имѣніе ихъ себѣ. Когда они пришли на Бѣлоозеро, то съ ними было уже 300 человѣкъ народу. Въ это время случилось придти туда отъ князя Святослава (1) за данью Яну, сыну Вышатину. Бѣлозерцы разсказали ему, что вотъ два кудесника побили много женщинъ по Волгѣ и Шекснѣ, пришли и къ нимъ. Онъ сталъ доискиваться, чьи смерды (2) эти волхвы, и, узнавши, что они Святославовы, послалъ сказать провожавшей ихъ толпѣ: «выдайте мнѣ волхвовъ, потому что они смерды моего князя»; но тѣ не послушались. Тогда Янъ самъ пошелъ къ нимъ сначала безъ оружія, но отроки сказали ему: «не ходи безъ оружія,—опозорятъ тебя», и Янъ велѣлъ отрокамъ взять оружіе. Съ 12-ю отроками вошелъ Янъ въ лѣсъ и, съ топоромъ въ рукахъ, отправился прямо къ волхвамъ. Изъ среды окружавшей ихъ толпы вышли къ нему три человѣка и сказали: «идешь ты на явную смерть,—не ходи лучше!» Въ отвѣтъ Янъ велѣлъ убить ихъ и шелъ дальше къ остальнымъ; тѣ было ринулись на него, и одинъ занесъ уже

топоръ, но промахнулся, а Янъ, обратя топоръ, ударилъ въ него тыльемъ, приказавши отрокамъ своимъ бить остальныхъ, которые и побѣжали; но въ схваткѣ былъ убитъ священникъ Яновъ. Возвратившись въ городъ къ Бѣлозерцамъ, Янъ сказалъ имъ: «если вы не перехватаете этихъ волхвовъ, то я цѣлое лѣто пробуду у васъ». Бѣлозерцы схватили волхвовъ и привели ихъ къ Яну, который спросилъ у нихъ: «за что вы загубили столько душъ?» — За то, отвѣчали волхвы, что они держатъ всякое добро: если истребимъ ихъ, то будетъ во всемъ обиліе; хочешь, передъ твоими глазами выймемъ жито, рыбу или что иное.—Янъ сказалъ имъ на это: «все это ложь; сотворилъ Богъ человѣка отъ земли; составленъ онъ изъ костей, жилъ и крови, и ничего другаго въ немъ нѣтъ, да и ничего другаго о себѣ человѣкъ и знать не можетъ, одинъ Богъ знаетъ». Волхвы видѣли, что дѣло дурно для нихъ кончится, и потому начали говорить: «намъ должно стать предъ Святославомъ, а ты не можешь намъ ничего сдѣлать». Янъ въ отвѣтъ велѣлъ ихъ бить и драть имъ бороды; и когда ихъ били, то Янъ спросилъ: «что вамъ боги ваши говорятъ?» Волхвы отвѣчали: «стать намъ предъ Святославомъ». Тогда Янъ велѣлъ положить имъ деревянный отрубокъ въ ротъ, привязать къ лодкѣ, и самъ отправился за ними внизъ по Шекснѣ. Когда приплыли къ устью этой рѣки, то Янъ велѣлъ остановиться и опять спросилъ у волхвовъ: «что вамъ ваши боги говорятъ?» Тѣ отвѣчали: «боги говорятъ, что не быть намъ живымъ отъ тебя».—Правду сказали вамъ ваши боги, отвѣчалъ имъ Янъ. Тогда волхвы начали говорить: «если отпустишь насъ, то много тебѣ добра будетъ; если же убьешь, то большую печаль примешь и зло». Онъ сказалъ имъ на это: «если я отпущу васъ, то зло мнѣ будетъ отъ Бога», и потомъ, обратившись къ лодочникамъ, сказалъ имъ: «у кого изъ васъ убили они родныхъ?» Одинъ отвѣчалъ: «у меня убили мать»; другой: «у меня сестру»; третій: «у меня дочь». — Ну, такъ мстите за своихъ!» сказалъ имъ Янъ. Лодочники схватили волхвовъ, убили и повѣсили на дубѣ, а Янъ пошелъ домой; на другую ночь медвѣдь взлѣзъ на дубъ и съѣлъ трупы волхвовъ.

(1) *Святославъ* — см. ст. 15 прим. 5. (2) *Смердъ*—земледѣлецъ, простой человѣкъ.

20. Новгородскій волхвъ и князь Глѣбъ Святославичъ (1).

(По лѣтописи.)

(1071 г.)

Всталъ волхвъ въ Новгородѣ, при князѣ Глѣбѣ Святославичѣ; сталъ говорить къ народу, выдавать себя за бога, и многихъ прельстилъ, почти весь городъ. Онъ хулилъ вѣру христіанскую

ворилъ, что все знаетъ и что передъ всѣми перейдетъ Волховъ какъ по-суху. Въ городѣ всталъ мятежъ, всѣ повѣрили волхву и хотѣли убить епископа; тогда епископъ облачился въ ризы, взялъ крестъ и, ставши, сказалъ: «кто хочетъ вѣрить волхву, тотъ пусть идетъ къ нему; а кто вѣруетъ во Христа, тотъ пусть идетъ ко кресту». Жители раздѣлились на-двое: князь Глѣбъ съ дружиною пошли и стали около епископа, а простые люди всѣ пошли къ волхву; и былъ мятежъ большой между ними. Тогда князь Глѣбъ, взявши потихоньку топоръ, подошелъ къ волхву и спросилъ у него: «знаешь ли, что будетъ завтра утромъ или вечеромъ?» — Все знаю, отвѣчалъ волхвъ. — «А знаешь ли, спросилъ опять Глѣбъ, что будетъ нынче?» — Нынче, отвѣчалъ волхвъ, я сдѣлаю большія чудеса. — Тутъ Глѣбъ вынулъ топоръ и разрубилъ кудесника, а люди, видя его мертвымъ, разошлись.

(1) *Глѣбъ Святославичъ*—внукъ Ярослава, правнукъ Владиміра Равноапостольнаго.

21. Кудесникъ. (1)

(1071 г.)

На мѣстѣ священномъ, гдѣ съ дѣдовскихъ дней,
Счастливый дарами природы,
Народъ Ярославовъ (2), на волѣ своей,
Себѣ избираетъ и ставитъ князей,
Полкамъ назначаетъ походы

И жалуетъ миромъ сосѣдей-враговъ, —
Толпятся: кудесникъ явился изъ Чуди.... (3)
Къ нему-то съ далекихъ и ближнихъ концевъ
Стеклись любопытные люди.
И старецъ кудесникъ, съ соблазномъ въ устахъ,
Въ толпу изъ толпы переходитъ;
Народу о черныхъ крылатыхъ духахъ,
О многихъ и страшныхъ своихъ чудесахъ
Твердитъ и руками разводитъ;
Святителей, церковь и святость мощей,
Христа и Пречистую Дѣву поноситъ;
Онъ сдѣлаетъ чудо и добрыхъ людей
На чудо пожаловать проситъ.
Онъ сладко, хитро празднословитъ и лжетъ,
Смущаетъ умы и морочитъ:
Ужъ онъ-то потѣшитъ великій народъ;
Ужъ онъ-то, кудесникъ, чрезъ Волховъ пойдетъ

Водой и ноги не замочитъ,
Вотъ вышелъ епископъ Θеодоръ съ крестомъ
Къ народу,—народъ отъ него отступился,
Лишь князь (⁴) со своимъ правовѣрнымъ полкомъ
Къ святому кресту приложился.
И вдругъ къ соблазнителю твердой стопой
Подходитъ онъ, грозенъ и пылокъ:
—Кудесникъ! скажи мнѣ, что будетъ съ тобой?—
Замялся кудесникъ, и самъ онъ не свой,
И жмется, и чешетъ затылокъ.
—Я сдѣлаю чудо.—«Безумный старикъ,
Солгалъ ты!» И княжеской дланью своею
Онъ поднялъ топоръ свой тяжелый и въ-мигъ
Чело раздвоилъ народѣю.

---

(1) См. ст. 20 и 22-ю. (2) *Народъ Ярославовъ*—Новгородцы, которымъ Ярославъ Владиміровичъ далъ особыя льготы. (3) *Чудь*—Финское племя. (4) Глѣбъ Святославичъ.

22. Новгородскій волхвъ. (1)

(1071 г.)

Созвонили про вѣче.... (2) Далече-далече
Загудѣлъ *благовѣстникъ Софійскій* (3) про вѣче
И созвалъ разудалыхъ, лихихъ молодцевъ
Изо всѣхъ изъ *пятинъ* (4), изо всѣхъ изъ *концевъ* (5);
Приподнялъ онъ и въ свѣтлой во гридницѣ княжей (6)
Съ гагачей постели, съ подушки лебяжьей,
Князя стольнаго Глѣба Мстиславича.... (7)
Всталъ
И топоръ съ поворузой (8) ременною взялъ
Подъ рукавъ, и въ конюшнѣ сѣдлалъ вороного;
Но на вызовъ народный не выронилъ слова.....
Да и что тутъ, какія же были-бъ слова,
Если ѣдешь на встрѣчу и рѣчи волхва,
Наипаче, коль онъ сатаной обученный
И вѣдуньями въ чарномъ кострѣ опаленный?...
Да. Прошла про волхва издалека молва:
«Не бывало во-вѣки такого волхва!
Ворожбой онъ узнаетъ, гдѣ шито да крыто,
Гдѣ у бабъ и у дѣвокъ пшеница и жито....
Все-про-все ужъ доточно провѣдаетъ онъ
И наружу, что крадено, высыплетъ вонъ;

коней ихъ, а о томъ не помышляете, что на весну начнетъ смердъ орать землю своею лошадью,—прійдетъ Половчинъ, ударитъ смерда стрѣлою, отниметъ у него и лошадь, и жену, и дѣтей, и гумно его зажжетъ: объ этомъ-то вы и не подумаете!» И сказала вся дружина: «право, воистину такъ». И сказалъ Святополкъ: «ну, братецъ, и я готовъ съ тобою!»

(¹) См. ст. 23. (²) *Половцы*—«Сей народъ кочующій, единоплеменный съ Печенѣгами (см. ст. 4 прим. 2) и, вѣроятно, съ нынѣшними Киргизами, обиталъ въ степяхъ азіатскихъ, близъ моря Каспійскаго... изгналъ, кажется, Печенѣговъ изъ нынѣшней юго-восточной Россіи и занялъ берега Чернаго моря до Молдавіи, ужасая всѣ государства сосѣдственныя... О нравахъ его говорятъ лѣтописцы съ омерзѣніемъ: грабежъ и кровопролитіе служили ему забавою, шатры всегдашнимъ жилищемъ, кобылье молоко, сырое мясо, кровь животныхъ и стерво обыкновенною пищею». *Карамзинъ*.

23. Ставръ Годиновичъ. (¹)

(Изъ народной былины.)

(1118 г.)

У ласкова князя у Владиміра (²)
Былъ хорошъ пиръ-пированьице
На всѣхъ на князей и на бояръ,
На русскіихъ могучихъ на богатырей
И на всю паленицу (³) удалую.
Красное солнышко на вечери;
Всѣ молодцы пьяны, веселы,
Всѣ на пиру прирасхвастались,
А только сидитъ одинъ Ставеръ, сынъ Годиновичъ,
Не ѣстъ, не пьетъ и не хвастаетъ.
Тутъ Владиміръ, князь стольно-Кіевскій,
Налилъ ему чару зелена вина,
Не малую стопу—полтора ведра,
Разводилъ медами настоялыми,
Подносилъ ко Ставру, сыну Годиновичу,
А самъ говорилъ таковы слова:
«Что же ты, Ставеръ, сынъ Годиновичъ,
«Не ѣшь, не пьешь и не кушаешь,
«Самъ ты сидишь, ни чѣмъ не хвастаешь?
«Или не чѣмъ тебѣ, молодцу, похвастати?»
Говорилъ Ставеръ, сынъ Годиновичъ:
— Владиміръ, князь стольно-Кіевскій!
— Еще есть у Ставра чѣмъ похвастати:
— Мои добрые молодцы не старятся,

— Мои добрые конюшни не держатся,
— Моя золота казна не тощится (4);
— Да еще есть у Ставра чѣмъ похвастати:
— Есть у Ставра молода жена,
— Молода Василиста Микулична:
— Всѣхъ-то князей-бояръ пріобманетъ,
— Самого тебя, Владиміра, съ ума сведетъ. —
Говорилъ Владиміръ таковы слова:
«Ай же, мои слуги вѣрные!
«Берите-тко Ставра, сына Годиновича,
«За его за ручушки за бѣлыя,
«За его за перстни за злаченые,
«И ведите-ка на погреба холодные
«За его за рѣчи неумильныя».
Взяли Ставра, сына Годиновича,
За его за ручушки за бѣлыя,
За эти за перстни за злаченые,
И свели его на погреба холодные.

---

(1) Лѣтопись подъ 1118 годомъ говоритъ, что Владиміръ Мономахъ разсердился на Новгородскаго сотскаго Ставра, вызвалъ его къ себѣ въ Кіевъ и заточилъ. (2) См. ст. 23 и 24. (3) *Поленица* — удалый молодецъ, который ѣздитъ по *полю* и ищетъ приключеній. (4) *Тощится*—истощается.

26. Садко, богатый гость новгородскій. (1)

(Изъ народной былины.)

(1167 г.)

Жилъ-былъ Садко, богатый гость.
Все то у Садка по небесному:
На небѣ солнце, во теремѣ солнце;
На небѣ звѣзды, во теремѣ звѣзды;
На небѣ мѣсяцъ, во теремѣ мѣсяцъ, —
Все то у Садка по небесному.
Говоритъ Садко, богатый гость:
«Ай же, слуги мои вѣрные!
«Возьмите безчетной золотой казны по-надобью (2),
«Откупите весь товаръ въ Новѣ-градѣ».
Тутъ-то его слуги вѣрные
Брали золотой казны по-надобью,
Откупили весь товаръ въ Новѣ-градѣ:
На другой день товару больше того.
Говорилъ Садко, богатый гость:

«Ай же, слуги мои вѣрные!
«Возьмите золотой казны по-надобью,
«Откупите весь товаръ въ Новѣ-градѣ».
Тутъ-то слуги его вѣрные
Брали золотой казны по-надобью,
Откупили весь товаръ въ Новѣ-градѣ;
На третій день товару больше того.
Опять говорилъ Садко, богатый гость:
«Ай же, слуги мои вѣрные!
«Возьмите золотой казны по-надобью,
«Откупите весь товаръ въ Новѣ-градѣ».
Тутъ-то слуги его вѣрные
Брали золотой казны по-надобью,
Откупили весь товаръ въ Новѣ-градѣ.
Тутъ Садко купецъ, богатый гость,
Строилъ онъ себѣ червленъ корабль:
Корму въ немъ строилъ по гусиному,
А носъ въ немъ строилъ по орлиному,
Въ очи выкладывалъ по камешку,
По славному по камешку по яхонту;
Нагрузилъ-то онъ товару на червленъ корабль,
Поѣхалъ онъ по славну по синю морю.

(¹) Лѣтопись Новгородцевъ подъ 1167 годомъ упоминаетъ о Садкѣ Сытиничѣ, который построилъ каменную церковь св. Бориса и Глѣба. *Гость*—иногородный или иностранный купецъ. (²) *По-надобью*—сколько надобно.

23. ВАСИЛІЙ БУСЛАЕВЪ. (¹)

(Изъ народной былины.)

Въ славномъ великомъ Новѣ-градѣ
А и жилъ Буслай до девяносто лѣтъ;
Съ Новымъ-городомъ жилъ, не перечился,
Со мужики Новгородскими
Поперекъ словечко не говаривалъ.
Живучи Буслай состарѣлся,
Состарѣлся и преставился.
Послѣ его вѣку долгаго
Оставалося его житье-бытье
И все имѣніе дворянское;
Оставалася матера (²) вдова,
Матера Амелфа Тимофеевна,
И оставалося чадо милое,

Молодой сынъ Василій Буслаевичъ.
Будетъ Васинька семи годовъ,
Отдавала матушка родимая,
Матера вдова Амелфа Тимоѳеевна,
Учить его во грамотѣ,
А грамота ему въ наукъ (³) пошла;
Присадила перомъ его писать,
Письмо Василью въ наукъ пошло;
Отдавала пѣтью учить церковному,
Пѣтье Василью въ наукъ пошло:
А и нѣтъ у насъ такова пѣвца
Во славномъ Новѣ-городѣ
Сопротивъ Василія Буслаева.
Повадился вѣдь Васька Буслаевичъ
Со пьяницы, съ безумницы,
Съ веселыми, удалыми добрыми молодцы,
До пьяна ужъ сталъ напиватися;
А и ходя въ городѣ уродуетъ:
Котораго возьметъ онъ за руку,
Изъ плеча тому руку выдернетъ;
Котораго хватитъ поперекъ хребта,
Тотъ кричитъ, реветъ, окорачь (⁴) ползетъ.
Пошла-то жалоба великая:
А и мужики Новгородскіе,
Посадскіе, богатые,
Приносили жалобу они великую
Матерой вдовѣ Амелоѣ Тимоѳеевнѣ
На того на Василья Буслаева.
А и мать-то стала его журить-бранить,
Журить-бранить, его на умъ учить.
Журьба Васькѣ не взлюбилася;
Пошелъ онъ, Васька, во высокъ теремъ,
Садился Васька на ремённатый стулъ,
Писалъ ярлыки (⁵) скорописчаты.
Отъ мудрости слово поставлено:
«Кто хощетъ пить и ѣсть изъ готоваго;
«Валися къ Васькѣ на широкій дворъ,
«Тотъ пей и ѣшь готовое
«И носи платье разноцвѣтное».
Разсылалъ тѣ ярлыки со слугой своимъ
На тѣ улицы широкія
И на тѣ частые переулочки.
Въ то-же время поставилъ Васька чанъ середи двора,
Наливалъ чанъ полонъ зелена вина,
Опущалъ онъ чару въ полтора ведра.

«Дай мнѣ благословеніе великое,
«Идти мнѣ, Василью, въ Іерусалимъ-градъ,
«Со всею дружиною хороброю,
«Мнѣ-ко Господу помолитися,
«Святой святынѣ приложитися,
«Во Ердани-рѣкѣ искупатися».
Что возговоритъ матера вдова,
Матера Амелөа Тимоөеевна:
— Гой еси ты, мое чадо милое,
— Молодой Василій Буслаевичъ!
— То коли ты пойдешь на добрыя дѣла,
— Тебѣ дамъ благословенье великое;
— То коли ты, дитя, на разбой идешь,
— И не дамъ благословенія великаго,
— А и не носи Василья сыра земля.—
Камень отъ огня разгорается,
А булатъ отъ жару растопляется,
Материно сердце распущается:
И даетъ она много свинцу, пороху,
И даетъ Василью запасы хлѣбные,
И даетъ оружье долгомѣрное:.
«Побереги ты, Василій, буйну голову свою».
Скоро молодцы собираются
И съ матерой вдовой прощаются.
Проходили они на червленъ корабль,
Подымали тонки парусы полотняные,
Побѣжали по озеру Ильменю;
Бѣгутъ они уже сутки-другія,
А бѣгутъ уже недѣлю-другую,—
Встрѣчу имъ гости-корабельщики (*):
«Здравствуй, Василій Буслаевичъ!
«Куда, молодецъ, поизволилъ погулять?»
Отвѣчаетъ Василій Буслаевичъ:
— Гой еси вы, гости-корабельщики!
— А мое-то вѣдь гулянье неохотное:
— Съ молоду много бито, граблено,
— Подъ старость надо душу спасти;
— А скажите вы, молодцы, мнѣ прямаго пути
— Ко святому граду Іерусалиму.—
Отвѣчаютъ ему гости-корабельщики:
«А и гой еси, Василій Буслаевичъ!
«Прямымъ путемъ въ Іерусалимъ-градъ
«Бѣжать семь недѣль,
«А окольной дорогой полтора года.
«На славномъ морѣ Каспійскіимъ,

«На томъ острову на Куминскіимъ,
«Стоитъ застава крѣпкая,
«Стоятъ атаманы казачіе,
«Не много, не мало ихъ—три тысячи,
«Грабятъ бусы, галеры,
«Разбиваютъ червлены корабли.»
Говоритъ тутъ Василій Буслаевичъ:
— А не вѣрую я, Васинька, ни въ сонъ, ни въ чохъ, (4)
— А и вѣрую въ свой червленный вязъ;
— А бѣгите-ко, ребята, вы прямымъ путемъ.—
Будутъ они въ Ердань-рѣкѣ,
Бросали якори крѣпкіе,
Сходни (5) бросали на крутъ бережекъ.
Приходитъ тутъ Василій Буслаевичъ,
Со своею дружиною хороброю,
Во Іерусалимъ-градъ;
Пришелъ въ церкву соборную,
Служилъ обѣдни за здравіе матушки
И за себя, Василія Буслаевича;
И обѣдню съ панихидою служилъ
По родителѣ своемъ батюшкѣ
И по всему роду своему;
На другой день служилъ обѣдни съ молебнами
Про удалыхъ, добрыхъ молодцевъ,
Что съ молоду было бито, граблено.
И ко святой святынѣ приложился онъ,
И въ Ердани-рѣкѣ искупался.
И расплатился Василій съ попами и съ дьяконами;
И которые старцы при церкви живутъ,
Даетъ золотой казны не считаючи.
И походитъ Василій ко дружинѣ
Изъ Ерусалима на свой червленъ корабль.

(1) См. ст. 27-ю. (2) *Матера*—см. ст. 27 прим. 2. (3) *Гости*—см. ст. 26 прим. 1. (4) *Чохъ*—чиханье. (5) *Сходни*—доски съ набитыми брусками.

29. Новгородская военная пѣсня.

(1170 г.)

Свободно, высоко взлетаетъ орелъ,
Свободно волнуется море;
Замедли орлиный полетъ,
Сдержи своенравное море!

Не такъ ли, о други, къ отчизнѣ любовь,
Краса благороднаго сердца,
На битву за славу и честь
Смѣла, и сильна, и побѣдна?

Смотрите, какъ пышенъ раждается день,
Какъ наши играютъ знамена;
Не даромъ красуется день,
Не даромъ играютъ знамена.

Виднѣе сражаться подъ яркой зарей;
Отважнѣй душа и десница,
Когда передъ бодрымъ полкомъ
Хоругви завѣтныя блещутъ.

Гремите же, трубы! На битву, друзья,
Потомки бойцевъ Ярослава! (¹)
Не выдадимъ чести народной,
Свободы наслѣднаго права.

Что̀ вольнымъ сосѣдей завистныхъ вражда,
И темныя рати Андрея? (²)
Къ отчизнѣ святая любовь
Смѣла, и сильна, и побѣдна.

Свободно, высоко взлетаетъ орелъ,
Свободно волнуется море;
Замедли орлиный полетъ,
Сдержи своенравное море!

(¹) См. ст. 21 прим. 2. (²) Великаго князя Андрея Боголюбскаго, войска котораго были разбиты Новгородцами въ 1170 г.

30. Убіеніе великаго князя Андрея Боголюбскаго.

(По лѣтописи.)

(29 Іюня 1174 г.)

28 Іюня 1174 года, въ Пятницу, въ обѣднюю пору, въ селѣ Боголюбовѣ (¹), гдѣ обыкновенно жилъ Андрей, собрались заговорщики (²) въ домѣ Кучкова зятя Петра и порѣшили убить князя на другой день, 29 числа, ночью. Въ условленный часъ заговорщики вооружились и пошли къ Андреевой спальнѣ; но ужасъ напалъ на нихъ, они собрались бѣжать изъ сѣней, зашли въ погребъ, напились вина и, ободрившись имъ, пошли опять на сѣни. Подошедши къ дверямъ спальни, одинъ изъ нихъ началъ звать князя: «господинъ, господинъ!» чтобъ узнать, тутъ ли Андрей. Тотъ, услыхавши голосъ, закричалъ: «кто тамъ?» Ему отвѣчали:

Прокопій». (³) —Мальчикъ! сказалъ тогда Андрей спавшему въ го комнатѣ слугѣ:—вѣдь это не Прокопій? Между тѣмъ убійцы, слыхавши Андреевъ голосъ, начали стучать въ двери и выломали ихъ. Андрей вскочилъ, хотѣлъ схватить мечъ, который былъ всегда при немъ; но меча не было: ключникъ Анбалъ укралъ его днемъ изъ спальни. Въ это время, когда Андрей искалъ меча, двое убійцъ вскочили въ спальню и бросились на него; но Андрей былъ силенъ, и уже успѣлъ одного повалить, какъ вбѣжали остальные и, не различивъ сперва въ потьмахъ, ранили своего, который лежалъ на землѣ, потомъ бросились на Андрея; тотъ долго отбивался, не смотря на то, что со всѣхъ сторонъ сѣкли его мечами, саблями, кололи копьями.—Нечестивцы! кричалъ онъ имъ:—зачѣмъ хотите сдѣлать то-же, что Горясѣръ? (⁴) Какое я вамъ зло сдѣлалъ? Если прольете кровь мою на землѣ, то Богъ отомститъ вамъ за мой хлѣбъ. Наконецъ Андрей упалъ подъ ударами. Убійцы, думая, что дѣло кончено, взяли своего раненаго и пошли вонъ изъ спальни, дрожа всѣмъ тѣломъ; но какъ скоро они вышли, Андрей поднялся на ноги и пошелъ подъ сѣни, громко стоная. Убійцы услыхали стоны и возвратились назадъ. Одинъ изъ нихъ говорилъ: «я самъ видѣлъ, какъ князь сошелъ съ сѣней». —Ну, такъ пойдемте искать его, отвѣчали другіе. Войдя въ спальню и видя, что его тутъ нѣтъ, начали говорить: «погибли мы теперь! станемъ искать поскорѣе». Зажгли свѣчи и нашли князя по кровавому слѣду. Андрей сидѣлъ за лѣстничнымъ столпомъ. На этотъ разъ борьба не могла быть продолжительна съ ослабѣвшимъ отъ ранъ княземъ: Петръ отсѣкъ ему руку, другіе прикончали его...

Тѣло убитаго князя оставалось непогребеннымъ. Въ первый же день послѣ убійства преданный покойному слуга, Кузьма Кіевлянинъ, пошелъ на княжій дворъ и, видя, что тѣла нѣтъ на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ убитъ Андрей, сталъ спрашивать: «гдѣ же господинъ?» Ему отвѣчали: «вонъ лежитъ выволоченъ въ огородъ; да ты не смѣй брать его; всѣ хотятъ выбросить его собакамъ; а если кто за него примется, тотъ намъ врагъ, убьемъ и его». Кузьма пошелъ къ тѣлу и началъ плакать надъ нимъ: «Господинъ мой, господинъ мой! какъ это ты не почуялъ скверныхъ и нечестивыхъ враговъ, когда они шли на тебя? Какъ это ты не сумѣлъ побѣдить ихъ? вѣдь ты прежде умѣлъ побѣждать полки поганыхъ Болгаръ?» (⁵) Когда Кузьма плакался надъ тѣломъ, подошелъ къ нему ключникъ Анбалъ. Кузьма, взглянувши на него, сказалъ: «Анбалъ, вражій сынъ! дай хоть коверъ или что-нибудь подостлать и прикрыть господина нашего».—Ступай прочь, отвѣчалъ Анбалъ:—мы хотимъ бросить его собакамъ.—«Ахъ ты еретикъ, сказалъ ему на это Кузьма:—собакамъ выбросить! да помнишь ли ты, жидъ, въ какомъ платьѣ пришелъ ты сюда? теперь

ты стоишь въ бархатѣ, а князь нагой лежитъ; но прошу т[illegible] честью, сбрось мнѣ что-нибудь». Анбалъ усовѣстился и сброс[illegible] коверъ и корзно. Кузьма обвертѣлъ тѣло и понесъ его въ ц[illegible] ковь; но когда сталъ просить, чтобъ отворили ему ее, то ему [illegible] вѣчали: «брось тутъ, въ притворѣ; вотъ носится, нечего дѣла[illegible] Уже всѣ были пьяны. Кузьма сталъ опять плакаться: «Уже те[illegible] господинъ, и холопы твои знать не хотятъ. Бывало, придетъ гость изъ Царя-города, или изъ иной какой страны, изъ Руси ли, [illegible] тынецъ, христіанинъ, или поганый, прикажешь: поведите его [illegible] церковь, въ ризницу, пусть посмотритъ на истинное христіанс[illegible] и крестится, что и бывало,—крестилось много. Болгары и Жид[illegible] всякая погань, видѣвши славу Божію и украшеніе церковное, с[illegible] но плачутъ по тебѣ, а эти не пускаютъ тебя и въ церковь по[illegible] жить.» Поплакавши, Кузьма положилъ тѣло въ притворѣ, покры[illegible] корзномъ, и здѣсь оно пролежало двое сутокъ. На третій де[illegible] пришелъ Козмодемьянскій игуменъ Арсеній и сказалъ: «Долго [illegible] намъ смотрѣть на старшихъ игуменовъ, и долго ли этому кня[illegible] лежать? Отоприте церковь, отпою надъ нимъ, и положимъ его [illegible] гробъ; когда злоба эта перестанетъ, придутъ изъ Владиміра [illegible] понесутъ его туда.» Пришли клирошане ([7]) Боголюбскіе, внесли тѣ[illegible] въ церковь, положили въ каменный гробъ и отпѣли съ Арсеніе[illegible] На шестой уже день, когда волненіе утихло во Владимірѣ, граж[illegible] не сказали игумену Ѳеодулу и Лукѣ, демественнику ([8]) Бог[illegible] родицкой церкви: «нарядите носильщиковъ, поѣдемъ, возьме[illegible] князя и господина нашего Андрея»; а протопопу Микулицѣ ск[illegible] зали: «собери всѣхъ поповъ, облачитесь въ ризы и выходите п[illegible] редъ Серебряныя ворота съ святою Богородицею, тутъ и дожида[illegible] тесь князя». Ѳеодулъ исполнилъ ихъ волю: съ клирошанами Бо[illegible] городичной церкви и съ нѣкоторыми Владимірцами поѣхалъ [illegible] Боголюбовъ и, взявши тѣло, привезъ во Владиміръ съ честію [illegible] съ плачемъ великимъ.

([1]) *Боголюбово*—близъ Владиміра. ([2]) Противъ Андрея составили заговор[illegible] Якимъ Кучковичъ, зять Якима Петръ, оба родственники Андрею по женѣ, клю[illegible] никъ Анбалъ изъ новокрещенныхъ иноземцевъ, облагодѣтельствованный Андр[illegible] емъ, Ефремъ Моисеевичъ и еще шестнадцать человѣкъ. ([3]) *Прокопій*—любимец[illegible] Андрея. ([4]) *Горясѣръ*—убійца св. Глѣба, сына Владиміра Равноапостольнаго. ([5]) В[illegible] память этой побѣды установленъ праздникъ Спаса 1 Августа. ([6]) *Гость*—см. ст. [illegible] прим. 1. ([7]) *Клирошанинъ*—причетникъ, поющій на клиросѣ. ([8]) *Демественникъ*—пѣвчій.

31. ПРЕДАНІЕ О МѢСТѢ КАЗНИ УБІЙЦЪ АНДРЕЯ БОГОЛЮБСКАГО. ([1])

Верстахъ въ 7-ми отъ города Владиміра, въ дачахъ смежной съ нимъ Ямской слободы, не въ дальнемъ разстояніи отъ лѣваго берега рѣки Клязмы, находится такъ называемое *Плавучее озеро.*

;то еще съ-издѣтства не слыхалъ разсказовъ объ его черной во-
ѣ, о глубинѣ его и о плавающихъ коробахъ, обросшихъ мо-
омъ, въ которыхъ будто бы заключены Кучковичи, умертвившіе
воего благочестиваго и могущественнаго зятя, великаго князя
Андрея, въ его Боголюбовскомъ дворцѣ, въ ночь на 29 Іюня
.174 г.? Здѣсь мшистыя зеленыя кочки, плавающія отъ одного
берега къ другому по волѣ вѣтровъ, преданіе обратило въ короба,
иесгнившіе будто бы въ продолженіе семи вѣковъ; тѣла Кучкови-
чей, которыхъ, какъ говоритъ преданіе, вели къ мѣсту казни съ
подрѣзанными пятами, сдѣлались неподлежащими тлѣнію для томи-
тельныхъ мученій. Ночь на 29 Іюня, по разсказамъ суевѣрныхъ
путниковъ, бываетъ самая мучительная для Кучковичей и страш-
ная для путниковъ. Они слышатъ унывный стонъ заключенныхъ
злодѣевъ, короба ихъ колеблются, озеро волнуется.

Верстахъ въ 7-ми же отъ Владиміра, противъ Кремлевскихъ воротъ, за рѣкою Клязмою, есть озеро, которое называется изстари *Поганымъ озеромъ* или, какъ обыкновенно называютъ его, *Поганцемъ*. Въ этомъ-то озерѣ, по сохранившемуся донынѣ народному преданію, кончила жизнь супруга великаго князя Андрея Боголюбскаго, Улита, приглашенная во Владиміръ съ братьями своими Кучковичами на ложный пиръ. Неумолимыми исполнителями казни, опредѣленной братомъ Боголюбскаго Михаиломъ, Улита опущена въ черную глубину озера, съ тяжелымъ жерновымъ камнемъ, и съ тѣхъ поръ будто бы озеро получило наименованіе *Поганаго*.

---

(1) См. ст. 30-ю.

32. ПОХОДЪ НА ПОЛОВЦЕВЪ (1) ИГОРЯ, КНЯЗЯ НОВГОРОДА СѢВЕРСКАГО.

(1185 г.)

Въ 1184 и 1185 годахъ Половцы нападали на Русь, но были жестоко разбиты Кіевскимъ княземъ Святославомъ. Въ этихъ славныхъ битвахъ не принималъ участія молодой Новгородсѣверскій князь, Игорь Святославичъ, не потому не принималъ, чтобы онъ отрекался идти на *поганыхъ*: «не дай Богъ отрекаться, говорилъ князь Игорь:—поганые намъ общій врагъ!» но единственно потому, что не могъ же онъ перелетѣть птицею изъ Новгородсѣверска на мѣсто битвы. Поѣхалъ было даже князь, не смотря на убѣжденія старѣйшихъ изъ дружины, что ѣхать далеко, и въ битвѣ онъ не поспѣетъ; но помѣшали ему сильные степные туманы, и онъ на дорогѣ узналъ, что Половцы уже ушли въ степь.

Половцы не дремлютъ: Кончакъ уже грабитъ подъ Переяславлемъ, а Гзакъ подъ Путивлемъ, уводя въ полонъ Русскихъ женъ и дочерей, отгоняя въ степь богатыя стада, зажигая пожары повсюду. А князья наши и тутъ еще ссорились и считались между собою. Услыхавъ однако, что Святославъ съ своею дружиною уже плыветъ на лодкахъ по Днѣпру, Половцы отхлынули въ степь, какъ морскія волны, унося съ собою много всякаго добра и оставляя по себѣ развалины, трупы, плачъ и стонъ.

Но кто же вступится за Игоря? кто отомститъ Половцамъ за его раны? кто вырветъ его изъ постыднаго Половецкаго плѣна? Что бы вступиться за Русскую землю хотя великому князю Владимірскому Всеволоду? но далеко онъ на сѣверѣ мутитъ синюю Волгу своими лодками. Что бы вступиться хотя смѣлымъ Рязанскимъ князьямъ? развѣ ихъ золотые шлемы не забрызганы вражеской кровью? Что бы вступиться за Русь хотя Ярославу Галицкому? Не онъ ли славится повсюду своимъ великимъ умомъ? не онъ ли сидитъ высоко на златокованномъ престолѣ, подперъ горы Карпатскія своими желѣзными полками, заступилъ путь Венгерскому королю, затворилъ ворота къ Дунаю и далеко, далеко по всѣмъ землямъ разсылаетъ свои стрѣлы, нагоняя страхъ на враговъ? Что бы ему послать хоть одну стрѣлу къ Кончаку, поганому Кащею, за землю Русскую, за раны Игоревы, удалаго Святославича? Но всѣ, всѣ забыли Игоря и дѣлятъ уже его города и села!

Не забыла удалаго Игоря одна только милая жена, прекрасная Ярославна: всякое утро выходитъ она на городскую стѣну въ Путивлѣ; все смотритъ въ далекое поле, не ѣдетъ ли ея милый; смотритъ, горько плачетъ и воркуетъ, какъ горлица:

— Полечу я голубкою по степи; омочу мой бобровый рукавъ въ Каялѣ-рѣкѣ, утру князю его кровавыя раны.

Рано, рано по утрамъ плачетъ Ярославна на Путивльской стѣнѣ, плачетъ и приговариваетъ:

— О вѣтеръ, вѣтрило! зачѣмъ, господинъ мой, ты такъ сильно вѣешь? зачѣмъ навѣваешь твоими легкими крыльями ханскія стрѣлы на дружину моего милаго? развѣ мало тебѣ вѣять въ горахъ подъ облаками, лелѣять паруса кораблей на синемъ морѣ? Зачѣмъ же ты, вѣтеръ, разносишь мою радость вмѣстѣ съ ковылемъ по степи?

Плачетъ рано Ярославна по утрамъ на Путивльской стѣнѣ, плачетъ, приговаривая:

— О Днѣпръ, Днѣпръ, рѣка славная! ты пробилъ каменныя горы, ворвался на землю Половецкую, ты не разъ носилъ на себѣ княжескія лодки къ полкамъ Половецкимъ; принеси же ко мнѣ, лелѣючи, моего милаго.

Плачетъ Ярославна на городской стѣнѣ въ Путивлѣ, плачетъ приговариваетъ:

— О свѣтлое, пресвѣтлое солнышко! для всѣхъ-то ты тепло и красно: зачѣмъ же ты, солнышко, мечешь свои жгучіе лучи на дружину моего милаго? въ безводной степи и такъ изсохли ихъ луки, разсыпались колчаны!

Тяжело Игорю въ Половецкомъ плѣну, тяжело, хотя и самые Половцы, устыдясь его удальства, держатъ его въ чести: приставили къ нему крѣпкую стражу, но позволяютъ тѣшиться княжеской забавой, соколиной охотой. Въ чести держатъ Половцы и сына Игорева, молодаго князя Владиміра; сильно онъ приглянулся степной красавицѣ, дочери хана Половецкаго Кончака; полюбилъ его за удальство и самъ старый ханъ.

Но не тѣшитъ Игоря соколиная охота: скучно орлу и въ золотой клѣткѣ; гложетъ Игоря тоска о святой Руси. Смотритъ онъ угрюмо въ пустую, безграничную степь, гдѣ уже осенній вѣтеръ катитъ серебристые, легкіе клубы ковыля; думаетъ князь крѣпкую думу, забываетъ онъ соколиную охоту: хочется ему на святую Русь.

Не сжалились люди, сжалился Богъ надъ Игоремъ. Нашелся между Половцами одинъ добрый человѣкъ; предлагаетъ онъ князю бѣжать съ нимъ въ Русскую землю. Мать у Авлуря была Русская, и ему давно хотѣлось убѣжать къ Русскимъ, бросить поганое племя и поганую вѣру. Задумался князь на слова Половчанина: стыдно показалось Игорю бѣжать тайкомъ отъ поганыхъ Половцевъ. Но вѣрный конюшій, бывшій съ княземъ въ плѣну, говоритъ ему:

— Бѣги, князь, если Богъ кажетъ тебѣ путь на Русскую землю; высокія мысли твои Богу не угодны; слышно, что Половцы хотятъ перебить всѣхъ васъ, Русскихъ князей, и истребить всю землю Русскую: не будетъ тебѣ тогда ни славы, ни жизни.

И вотъ Игорь рѣшился бѣжать, а Авлуръ взялся приготовить ему коня за рѣкою. Стало темнѣть; Половцы перепились кумыса и заснули по своимъ кибиткамъ. Притворяется спящимъ и князь Игорь; но онъ не спитъ, а мысленно мѣряетъ поле отъ великаго Дона до малаго Донца.

Раздался свистъ за рѣкою: Авлуръ даетъ знать князю, что быстрый конь уже ждетъ его.

Тихо поднялся Игорь со своей постели, поклонился Спасову образу и кресту честному; горячо помолился онъ, хотя и коротка была его молитва.—Господи, сердцевѣдче! спаси меня недостойнаго! сказалъ Игорь и надѣлъ на себя крестъ и икону, родительское благословеніе; поднялъ тихо полу кибитки; вышелъ: горностаемъ проскользнулъ въ тростникѣ, бѣлымъ гоголемъ проплылъ по водѣ и кинулся на борзаго коня. Соколомъ летитъ князь по степи, прикрываемый ночною тьмою; сѣрымъ волкомъ спѣшитъ за нимъ Авлуръ, отрясая съ себя холодную ночную росу, загоняя на смерть легкаго коня; спѣшатъ они оба къ берегамъ Донца.

Проснулись поутру Половцы, а князя уже и слѣдъ простылъ. Застрекотали поганые, какъ сороки; кинулись Гзакъ и Кончакъ въ погоню, но не могли догнать удалаго князя. Бѣглецы ѣхали быстро, пока несли ихъ добрые кони; но когда кони пали, пошли пѣшкомъ: днемъ—прямо по степи, а ночью — въ глубокихъ степныхъ оврагахъ. Часто приходилось имъ ползти ползкомъ въ травѣ, или красться по дну глубокаго оврага, угадывая путь только по птичьему крику, слушая, какъ раздавались надъ ними вверху пѣсни свободныхъ пташекъ

Воротились ханы домой съ неудачной погони, воротились сердитые, злые, и Гзакъ говоритъ Кончаку:

— Если соколъ улетаетъ изъ гнѣзда, то соколенка должно разстрѣлять стрѣлами.

Но старому Кончаку стало жаль молодаго Игорева сына, и сказалъ онъ злому Гзаку:

— Если соколъ улетѣлъ изъ гнѣзда, то мы опутаемъ соколенка красною дѣвицею.

— Если опутаемъ соколенка красною дѣвицею, отвѣчаетъ Гзакъ:— то не будетъ у насъ ни соколенка, ни красной дѣвицы; а начнутъ насъ самихъ клевать хищныя птицы посреди нашихъ же степей Половецкихъ.

На одиннадцатый день добрался Игорь до города Донца, а оттуда проѣхалъ въ Новгородсѣверскъ. Тяжело головѣ быть безъ тѣла; тяжело тѣлу быть безъ головы: тяжело было Новгородсѣверску безъ князя Игоря. Но не долго праздновалъ Игорь съ милой женой и друзьями: вспомнилъ онъ свою молитву и поѣхалъ въ Кіевъ къ Святой Богородицѣ Пирогощей,—молился усердно, а потомъ просилъ своихъ братьевъ князей помочь ему отомстить поганымъ Половцамъ.

Сынъ Игоря женился на красавицѣ, дочери стараго хана Кончака, и черезъ нѣсколько времени воротился на родину вмѣстѣ съ дядею своимъ, Буй-Туръ Всеволодомъ.

(1) *Половцы*—см. ст. 24 прим. 2. (2) *Стягъ*—знамя. (3) *Олегъ*—сынъ Святослава Ярославича, правнукъ Владиміра Равноапостольнаго. (4) *Каяла*—рѣка Кагальникъ.

38. ВѢЩЕЕ ЗАТМѢНІЕ. (1)

(1185 г.)

Князь Игорь взглянулъ на дневное свѣтило
И, видя, что вмѣсто лучей
Полки его мглою оно осѣнило,
Такъ молвилъ дружинѣ своей:

«Не лучше ль погибнуть средь битвы кровавой,
«Чѣмъ даться живому въ полонъ!
«И такъ, на коней и за новою славой
«Туда, гдѣ синѣется Донъ!»

Въ могучее сердце запало желанье
Напиться изъ Дона-рѣки,
И доблестный Игорь забылъ предвѣщанье,
Подъ гнетомъ душевной тоски.

«Хочу, продолжалъ онъ, о поле чужое,
«Чужой Половецкой земли,
«Сломить вмѣстѣ съ вами копье боевое,
«Дружина и братья мои!

«Хочу положить свои кости за Дономъ,
«На берегѣ дальнемъ его,
«Иль, зачерпнувши желѣзнымъ шеломомъ,
«Напиться воды изъ него!»

(1) См. ст. 32-ю.

34. Пораженіе русскихъ половцами. (1)

(1185 г.)

Отъ разсвѣта золотаго
До глубокой мглы полночной
И отъ сумрака ночнаго
До денницы золотой,
Свищутъ стрѣлы каленыя,
Копья крѣпкія трещатъ,
О шеломы (2) боевые
Сабли острыя гремятъ,
Средь невѣдомыхъ полей
Половецкихъ дикарей.
Степь истоптана, изрыта
Сталью конскаго копыта,
И кругомъ была она
Нашей кровію полита,
А костьми удобрена:
И надъ Русскою землею
Тотъ посѣвъ взошелъ бѣдою.

(1) См. ст. 32-ю. (2) *Шеломъ*—шлемъ.

35. Плачъ Ярославны. (1)

(1185 г.)

Звучный голосъ раздается
Ярославны молодой;
Стономъ горлицы несется
Онъ предъ утренней зарей:
«Я быстрѣй лѣсной голубки
«По Дунаю полечу
«И рукавъ бобровой шубки
«Я въ Каялѣ (2) обмочу,
«Князю милому предстану
«И на тѣлѣ на больномъ
«Окровавленную рану
«Оботру тѣмъ рукавомъ».

Такъ въ Путивлѣ, изнывая,
На стѣнѣ городовой
Ярославна молодая
Горько плачетъ предъ зарей:
«Вѣтеръ, вѣтеръ перелетный!
«Что ты воешь и свистишь?
«Что ты въ небѣ, беззаботный,
«Тучи черныя клубишь?
«Для чего ты окрыляешь
«Вражьи стрѣлы? для чего
«Цѣлой тучей насылаешь
«Ихъ на друга моего?
«Иль тебѣ ужъ на просторѣ
«Тѣсно вѣять въ облакахъ?
«Корабли на синемъ морѣ
«Мчать, лелѣять на волнахъ?
«Для чего жъ однимъ размахомъ
«Радость лучшую мою
«Ты развѣялъ легкимъ прахомъ
«По степному ковылю?»
Такъ въ Путивлѣ, изнывая,
На стѣнѣ городовой
Ярославна молодая
Горько плачетъ предъ зарей:
«Днѣпръ мой славный! ты волнами
«Горы крѣпкія пробилъ,
«Половецкими землями
«Путь свой дальній проложилъ;
«И не разъ своей волною
«Уносила ты, рѣка,
«Святослава надъ собою
«До улусовъ Кобяка. ([3])
«О, когда-бъ ты вновь примчала
«Друга къ этимъ берегамъ,
«Чтобы я къ нему не слала
«Слезъ на море по утрамъ!»
Такъ въ Путивлѣ, изнывая,
На стѣнѣ городовой
Ярославна молодая
Горько плачетъ предъ зарей:
«Солнце, солнце золотое,
«Солнце свѣтлое мое!
«Согрѣвая всѣхъ собою,
«Льешь сіяніе свое.
«Для чего же ты сжигаешь
«Войско друга моего?
«Для чего ты ихъ терзаешь
«Въ полѣ жаждой? для чего
«Ты, сіяя, изсушило
«Тетивы на ихъ лукахъ
«И въ колчаны заложило
«Стрѣлы, страшныя въ бояхъ?»

([1]) См. ст. 32-ю. ([2]) *Каяла*—см. ст. 32 прим. 4. ([3]) *Кобякъ*—ханъ Половецкій.

36. СМЕРТЬ КНЯГИНИ ЕВПРАКСІИ. ([1])

(1237 г.)

Загорѣлося утро по лѣтнему,
Загорѣлось сначала на куполѣ,
А потомъ перешло на верхушки древесныя,
А потомъ поползло по землѣ, словно крадучись,
Гдѣ жемчужинки, гдѣ и алмазинки
У росистой травы отбираючи;
Куманика перловымъ обсыпалась бисеромъ;
Подорѣшникъ всей бѣлою шапкой своей нахлобучился
И поднялъ повалежныя листья, натужившись;
Съ Осетра ([2]) валитъ паръ, словно съ каменки;

Значитъ, будетъ днемъ баня опарена....
У Николы Корсунскаго къ ранней обѣднѣ ударили...
И княгиня проснулась подъ колоколъ.....
Къ колыбели птенца своего припадаючи,
Цѣловала его, миловала и пѣстовала, (³)
И на красное солнышко вынесла,
На подборъ теремной, на свѣтелочный.
Вотъ стоитъ она съ нимъ, смотритъ нá поле,
Нà лѣсъ, нà рѣку, смотритъ такъ пристально,
На дорогу, бѣгучую подъ гору.
Смотритъ: пыль на дорогѣ поднялася;
Скачетъ кто-то, и конь весь обмыленный;
Ближе глянула, анъ Ополòница; (⁴)
Не примѣтилъ княгини бъ, да крикнула:
Осадилъ жеребца, задыхается....
А княгиня Евпраксія спрашиваетъ:
«Гдѣ же князь мой, сожитель мой ласковый?»
Замоталъ головой Ополòница:
«Не спросила бы, нé было бъ сказано:
Благовѣрный твой князь Ѳеодоръ Юрьевичъ,
Красоты твоей ради неслыханной,
Убіенъ отъ царя, отъ Батыя (⁵) неистоваго!»
Обмерла, окаченѣла княгиня Евпраксія,
Къ персямъ чадо прижала любезное,
Да съ нимъ вмѣстѣ съ подбора и ринулась
На сырую мать-землю, и тутъ *заразилася* (⁶) до смерти....
И оттолѣ то мѣсто *Заразомъ* прозвалося,
Потому что на немъ заразилася
Съ милымъ чадомъ княгиня Евпраксія.

(¹) «Князь Юрій Рязанскій, оставленный великимъ княземъ, послалъ сына своего Ѳеодора съ дарами къ Батыю (предводителю Татаръ), который, узнавъ о красотѣ жены Ѳеодоровой Евпраксіи, хотѣлъ видѣть ее; но сей юный князь отвѣтствовалъ ему, что христіане не показываютъ женъ злочестивымъ язычникамъ: Батый велѣлъ умертвить его; а несчастная Евпраксія, свѣдавъ о погибели любезнаго супруга, вмѣстѣ съ младенцемъ своимъ Іоанномъ бросилась изъ высокаго терема на землю и лишилась жизни. Съ того времени сіе мѣсто, въ память ея, называлось *Заразомъ* или убоемъ». *Карамзинъ*. (²) *Осетръ*—рѣка. (³) *Пѣстовать*—старательно няньчить. (⁴) *Ополоница*—стремянной князя Ѳеодора. (⁵) *Батый*—племянникъ Татарскаго хана Октая, съ 300,000 воиновъ вторгнувшійся въ Россію. (⁶) *Заразиться*—разразиться, убиться.

37. ТАТАРСКІЙ ПОГРОМЪ.

(1237 г.)

Въ это время Батый, (¹) царь неистовый,
На Рязань поднялъ всю свою силу безбожную
И пошелъ прямо къ стольному городу;
Да на полѣ его вся дружина Рязанская встрѣтила,

А князья впереди: самъ великій князь,
Князь Давидъ, и князь Глѣбъ, и князь Всеволодъ ([2]),
И кровавую чашу съ Татарами роспили.
Одолѣли бъ Рязанскіе витязи,
Да не въ мочь было: по сту Татариновъ
Приходилось на каждую руку могучую....
Изрубить—изрубили они тьму несмѣтную,
Наконецъ утомились, умаялись
И сложили удалыя головы,
Всѣ, какъ билися, всѣ до единаго;
А князь Юрій ([3]) легъ вмѣстѣ съ послѣдними,
Бороня свою землю и отчину,
И семью, и свой столъ, и княженіе.
Какъ объѣхалъ потомъ царь Батый поле бранное,
Какъ взглянулъ онъ на падаль Татарскую,—
Преисполнился гнѣва и ярости
И велѣлъ всѣ предѣлы Рязанскіе
Жечь и грабить, и рѣзать безъ милости
Всѣхъ, отъ стараго даже до малаго:
Благо, ихъ боронить было некому.
И нахлынули орды ([4]) поганыя
На Рязанскую землю изгономъ ([5]) неслыханнымъ:
Взяли Пронскъ, Ижеславецъ и Бѣлгородъ,
И людей изрубили безъ жалости,
И пошли на Рязань.... Сутокъ съ четверо
Отбивались отъ нихъ горожане Рязанскіе,
А на пятыя сутки Ордынцы ([6]) проклятые
Ворвались таки въ городъ по лѣстницамъ,
Сквозь проломы кремлевской стѣны и сквозь полымя,
Ворвалися и въ церковь соборную;
Тамъ убили княгиню великую
Со снохами ея и съ княгинями прочими;
Перебили священниковъ, иноковъ;
Храмы Божьи, дворы монастырскіе
Всѣ пожгли; городъ предали пламени;
Погубили мечемъ все живущее.
И свершилось по слову Батыеву:
Ни младенца, ни старца въ живыхъ не осталося.
Плакать некому было и нé по-комъ.

По зимѣ Ингорь князь ([7]) изъ Чернигова
Прибылъ въ отчину, въ землю Рязанскую,
И заплакалъ слезами горючими,
Какъ взглянулъ на пожарище стольнаго города.
Подо льдомъ и подъ снѣгомъ померзлые,
На травѣ-ковылѣ обнаженны, терзаемы

И звѣрями, и птицами хищными,
Безъ креста и могилы, лежали убитые
Воеводы Рязанскіе, витязи,
И семейные князя, и сродники,
И все множество люда Рязанскаго,—
Всѣ одну чашу смертную выпили.
Повелѣлъ погребать ихъ князь Ингорь немедленно,
Повелѣлъ іереямъ святить храмы Божіи
И очистить весь городъ, а самъ онъ съ Воронежа
Тѣло князя Θеодора Юрьича
Перенесъ къ чудотворцу Корсунскому,
И княгиню Евпраксію съ сыномъ ихъ княжичемъ
Схоронилъ въ одно мѣсто, и три креста каменныхъ
Надъ могилой поставилъ.... (8)
Охъ, ты, батюшка, городъ Зарайскъ новоставленный!
На крутой на горѣ ты красуешься,
На Осетръ на рѣку ты любуешься
И глядишься въ нее веселёхонекъ,
Словно вправду не знаешь, не вѣдаешь,
Гдѣ ты выросъ, надъ чьими могилами!...
Знать, гора и крута, да забывчива;
Знать, рѣка и быстра, да измѣнчива...
И правдива запѣвка старинная:
«На святой Руси быль и была,
«Только быльемъ давно поросла!»

---

(1) *Батый*—см. ст. 36 прим. 5. (2) Рязанскіе князья. (3) *Юрій*—Рязанскій князь, отецъ Θеодора (см. ст. 36). (4) *Орды*—Татарскія племена. (5) *Изгонъ*—набѣгъ. (6) *Ордынцы*—Татары. (7) *Ингорь*—братъ Юрія. (8) См. ст. 36-ю.

38. ЕВПАТІЙ. (1)

(1237 г.)

«Ты знаешь ли, витязь, ужасную вѣсть?—
«Въ Рязанскія стѣны вломились Татары;
«Тамъ сильные долго сшибались удары,
«Тамъ долго сражалась съ насиліемъ честь,
«Но все побѣдили Батыевы (2) рати:
«Нашъ градъ—пепелище, и князь нашъ убитъ!»
Евпатію блѣдный гонецъ говоритъ,
И, страшно блѣднѣя, внимаетъ Евпатій.
«О витязь! Я видѣлъ сей день роковой:
«Багровое пламя весь градъ обхватило,
«Какъ башня, спрямилось,—какъ буря, завыло;
«На стогнахъ (3) смертельный свирѣпствовалъ бой,

— Ты, Авдотья, женка Рязаночка!
— Когда ты умѣла пройти путемъ да и дорогою,
— Такъ умѣй-ка попросить и головушки,
— Изъ трехъ единыя;
— А не умѣешь ты попросить головушки,
— Такъ я срублю тебѣ по плечъ буйну голову.—
Стоючись, (4) женка пораздумалась,
Призадумалась женка, порасплакалась:
«Ужъ ты, батюшка, царь Бахметъ Турецкій!
«Я въ Рязани-то была женка не послѣдняя,
«Не послѣдняя я была женка, первая:
«Я за-мужъ пойду, такъ у меня и мужъ будетъ;
«Свекра стану звать батюшкомъ;
«Приживу я себѣ сына любезнаго,
«Такъ у меня и сынъ будетъ;
«Приживу я себѣ дочку любезную,
«Воспою-вскормлю, за-мужъ отдамъ,
«Такъ у меня и зять будетъ.
«Не видать мнѣ буде единыя головушки,
«Мнѣ милаго братца родимаго,
«Да не видать вѣкъ да и по вѣку.»
Сижучись (5) же, царь пораздумался,
Пораздумался царь, порасплакался:
— Ты, Авдотья, женка Рязаночка!
— Когда я разорялъ вашу сторону, Рязань-городъ подлѣсную,
— Тогда у меня убили милаго-то братца родимаго:
— Не видать буде вѣкъ да и по вѣку.
— За твои-то рѣчи разумныя,
— За твои-то слова за хорошія,
— Ты бери полону, сколько надобно:
— Кто въ родствѣ, въ кумовствѣ, въ крестномъ братствѣ. —
Начала женка ходить въ землѣ Турецкія,
Выбирати полонъ во свою землю;
Она выбрала весь полонъ земли Турецкія,
Привела де полонъ во свою Рязань-городъ подлѣсную,
Разселила Рязань городъ по старому,
По старому да по прежнему.

(1) *Рязань* — исправлено, вмѣсто Казань. (2) См. ст. 37-ю. (3) *Опочинъ* или *опочивъ держать*—спать. (4) *Стоючись*—стоя. (5) *Сижучись*—сидя.

40. ВЗЯТІЕ ВЛАДИМІРА ТАТАРАМИ.
(7 февраля 1238 г.)

Февраля 6 Владимірцы увидѣли, что непріятель готовитъ для приступа орудія стѣнобитныя и лѣстницы, а въ слѣдующую ночь

'ородилъ всю крѣпость тыномъ. Князья и бояре ожидали гибели: це могли бы просить мира; но, зная, что Батый ([1]) милуетъ только ›бовъ или данниковъ, и любя честь болѣе жизни, рѣшились умеэть великодушно. Открылось зрѣлище достопамятное, незабвенное: севолодъ, ([2]) супруга его, вельможи и многіе чиновники собраись въ храмѣ Богоматери и требовали, чтобы епископъ Митроанъ облекъ ихъ въ схиму или великій образъ ангельскій. Свяценный обрядъ совершился въ тишинѣ торжественной: знаменитые 'оссіяне простились съ міромъ, съ жизнію; но, стоя на прагѣ смерти, еще молили небо о спасеніи Россіи, да не погибнетъ на-вѣки ея любезное имя и слава. Февраля 7, въ Воскресенье Мясопустное, скоро по заутренѣ, начался приступъ: Татары вломились въ Новый городъ у Златыхъ вратъ, Мѣдныхъ и Святыя Ирины, отъ рѣчки Лыбеди, также отъ Клязмы у вратъ Волжскихъ. Всеволодъ и Мстиславъ съ дружиною бѣжали въ Старый или такъ называемый Печерный городъ, а супруга Георгіева ([3]) Агаѳія, дочь его, снохи, внучата, множество бояръ и народа затворились въ соборной церкви. Непріятель зажегъ оную: тогда епископъ, сказавъ громогласно: «Господи! простри невидимую руку Свою и пріими въ мирѣ души рабовъ Твоихъ», благословилъ всѣхъ людей на смерть неизбѣжную. Одни задыхались отъ дыму; иные погибали въ пламени или отъ мечей непріятелей, ибо Татары отбили наконецъ двери и ворвались въ святый храмъ, слышавъ о великихъ его сокровищахъ. Серебро, золото, драгоцѣнные каменья, всѣ украшенія иконъ и книгъ, вмѣстѣ съ древними одеждами княжескими, хранимыми въ сей и въ другихъ церквахъ, сдѣлались добычею иноплеменниковъ, которые, плавая въ крови жителей, немногихъ брали въ плѣнъ; и сіи немногіе, будучи нагіе влекомы въ станъ непріятельскій, умирали отъ жестокаго мороза. Князья Всеволодъ и Мстиславъ, не видя уже никакой возможности отразить непріятелей, хотѣли пробиться сквозь ихъ толпы и положили свои головы внѣ города.

([1]) *Батый*—см. ст. 36 прим. 5. ([2]) *Всеволодъ* и *Мстиславъ*—сыновья великаго князя Владимірскаго, Георгія Всеволодовича. ([3]) *Георгіева*—Георгія Всеволодовича.

41. ГОРОДЪ ВЕЛИКІЙ КИТИЖЪ НА СВѢТЛОЯРОМЪ ОЗЕРѢ.

(Народная легенда.)

Въ Нижегородской губерніи, въ Макарьевскомъ уѣздѣ, близъ села Владимірскаго, красуется озеро Свѣтлояросъ; изъ озера вытекаетъ небольшой источникъ, а на юго-западномъ берегу подымается незначительная возвышенность, сверху до-низу раздѣленная небольшимъ углубленіемъ.

Мѣстоположеніе не представляетъ ничего особеннаго, но окрестные жители считаютъ это мѣсто святынею: въ нѣдрахъ земли подъ этою горою, говорятъ они, сокрытъ городъ Великій Китижъ и донынѣ живутъ тамъ святые мужи. Подъ этими холмами стоятъ городскія стѣны, и въ томъ мѣстѣ, гдѣ начинается углубленіе, большія ворота ведутъ въ крѣпость; на правой сторонѣ соборъ Воздвиженія, подлѣ него Благовѣщенія, а налѣво Успенія. Всѣ эти храмы точно такіе же, какъ соборы этого имени въ Москвѣ, Ростовѣ, Владимірѣ, Муромѣ и Маломъ Китижѣ, что на берегу рѣки Волги; потому что, говорятъ, всѣ эти города и соборы построены однимъ великимъ княземъ, Георгіемъ Владиміровичемъ. Въ 1237 году, когда на святой Руси явился съ безчисленными полчищами безбожный царь Батый, (1) онъ, по разсказамъ жителей, разоривъ города и избивъ православныхъ, подступилъ и къ Малому Китижу. Между великимъ княземъ Георгіемъ Всеволодовичемъ (2) и свирѣпымъ бусурманскимъ царемъ произошло кровопролитное сраженіе: много было пролито христіанской крови, много было побито храбраго воинства Русскаго,—великій князь былъ разбитъ и скрылся въ Великій Китижъ на Свѣтлоярое озеро. Батый, овладѣвъ Малымъ Китижемъ, искалъ великаго князя и, понапрасну обыскавъ весь городъ, въ ярости сталъ предавать жителей разнымъ мукамъ и истязаніямъ, желая выпытать отъ нихъ, куда скрылся Георгій Всеволодовичъ. Многіе были тяжело изувѣчены, многіе замучены до смерти, но не открыли тайны. Только одинъ изъ нихъ, Гришка Городня, не вытерпѣлъ пытки, открылъ Батыю, что великій князь скрывается въ Великомъ Китижѣ. Щедро наградивъ измѣнника, со всѣми полчищами выступилъ Батый изъ Малаго Китижа, приказавъ Гришкѣ указывать путь. Съ новымъ войскомъ встрѣтилъ Батыя Георгій Всеволодовичъ и, послѣ храбраго сопротивленія, былъ разбитъ и убитъ. Но сила Божія, разсказываютъ жители, посмѣялась надъ злѣйшимъ врагомъ православныхъ и не допустила его овладѣть Великимъ Китижемъ: городъ сокрылся подъ землею, для всѣхъ сдѣлался невидимымъ и останется такъ до самаго пришествія Христова.

Люди благочестивые слышатъ иногда у озера радостный благовѣстъ и призывный звонъ; видятъ иногда свѣтъ отъ горящихъ свѣчъ; видятъ, какъ Свѣтлоярое озеро, подъ лучами солнца, отражаетъ тѣни церковныхъ крестовъ.

---

(1) *Батый*—см. ст. 36 прим 5. (2) *Георгій Всеволодовичъ*—в. к. Владимірскій.

42. Отъ чего витязи (1) перевелись на Руси.

(Народная былина.)

Передъ витязями раскинулось поле чистое; на немъ стоитъ старъ ряковистъ (2) дубъ. Отъ него идутъ три дороги: первая въ Новгородъ, торая въ Кіевъ, третья дорога къ синю морю.

Становились витязи на распутіи, разбивали бѣлъ полотнянъ шаръ, отпускали коней погулять по чисту полю. Ходятъ кони по елковой травѣ-муравѣ, зеленую травку пощипываютъ, золотою здечкой побрякиваютъ, а въ шатрѣ полотняномъ витязи опочивъ ержатъ. (3)

Было такъ на восходѣ краснаго солнышка; вставалъ Добрыня (4) олодецъ раньше всѣхъ; выходилъ онъ на Сафатъ-рѣку, умывался туденой водой, утирался тонкимъ полотномъ, молился на востокъ. Видитъ Добрыня за Сафатъ-рѣкой бѣлъ полотнянъ шатеръ; а въ томъ ли шатрѣ залегъ Татарченокъ, злой Татаринъ, бусурманченокъ: не пропускаетъ ни коннаго, ни пѣшаго, ни ѣзжалаго добраго молодца. Сѣдлалъ Добрыня своего борзаго коня; клалъ на него онъ потнички, (5) а на потнички covрички, клалъ сѣдельце черкасское, бралъ копейцо урзамецкое, бралъ чингалище (6) булатное и садился на добра коня.

Перескочивъ черезъ рѣку, Добрыня первый вызываетъ Татарина честный бой держать. Татаринъ принялъ вызовъ. Они съѣхались. Копья поломались, мечи разлетѣлись. Витязи съ коней долой, начался рукопашный.

Правая ножка Добрынина ускользнула, правая ручка Добрынина удрогнула, и валился онъ на сыру землю. Скакалъ ему Татаринъ на бѣлы груди, поролъ ему бѣлы груди, вынималъ сердце съ печенью.

Вставалъ второй, Алеша Поповичъ. (7) Видитъ онъ за рѣкой коня Добрынина. Стоитъ добрый конь, осѣдланный и взнузданный, — стоитъ, только не веселъ: потупилъ ясны очи во сыру землю; знать, тоскуетъ по своемъ хозяинѣ.

Садился Алеша на коня: конь осержается, отдѣляется отъ сырой земли, перескочилъ съ витяземъ за Сафатъ-рѣку.

Что не бѣль во поляхъ забѣлѣлася, забѣлѣлася ставка богатырская; что не синь во поляхъ засинѣлася, засинѣлися мечи булатные; что не красъ во поляхъ закраснѣлася, закраснѣлася кровь съ печенью.

Алеша подъѣзжаетъ къ шатру, видитъ: Добрыня спитъ глубокимъ сномъ. Вызываетъ Алеша Татарина на честный бой. Сразились витязи. Одолѣлъ Алеша Татарина, валилъ его на сыру землю, скакалъ ему на бѣлы груди, хотѣлъ пороть ему бѣлы груди, вынимать сердце съ печенью.

Тутъ откуда ни взялся черный воронъ. Онъ вьется около Алеши, проситъ его не пороть грудей Татарину, а обѣщается ему слетать на сине море, принести для Добрыни мертвой и живой воды. Алеша послушался. Воронъ сдержалъ слово. Всприскивалъ Алеша Добрыню мертвой водой,— сросталось его тѣло бѣлое, затягивались его раны кровавыя; вспрыскивалъ его живой водой, — пробудился витязь отъ смертнаго сна. Отпускали они Татарина.

Третій вставалъ въ шатрѣ Илья Муромецъ. (8) Видитъ онъ: черезъ Сафатъ-рѣку переправляется сила бусурманская несмѣтная: и той силы доброму молодцу не объѣхать, сѣрому волку не обрыскать, черному ворону не облетѣть. Илья сзываетъ витязей. Сбѣгались на зовъ его витязи, садились на добрыхъ коней, бросались на силу бусурманскую. Не столько витязи рубятъ, сколько добрые кони ихъ топчутъ. Бились три часа и три минуточки; изрубили силу поганую.

Побѣдивъ ее, загординились витязи и стали похваляться такъ:

—Не намахались наши могутныя(9) плечи, не уходились наши добрые кони, не иступились наши булатные мечи!—И вотъ первый Алеша Поповичъ младъ обезумѣлъ отъ гордости и говоритъ: «Подавай намъ силу небесную: мы и съ тою силою, витязи, справимся»

Чуть промолвилъ онъ слово неразумное, и слетѣло двое небесныхъ воителей, и вѣщали они громкимъ голосомъ: «а давайте съ нами, витязи, бой держать, хоть насъ двое, а васъ семеро. Разгорѣлся Алеша Поповичъ на тѣ слова, поднялъ онъ коня борзаго, налетѣлъ онъ на небесныхъ воителей и разрубилъ ихъ пополамъ со всего плеча: стало четверо, и живы всѣ. Налетѣлъ на нихъ Добрыня молодецъ, разрубилъ ихъ пополамъ со всего плеча: стало восьмеро, и живы всѣ. Налетѣлъ на нихъ Илья Муромецъ, разрубилъ ихъ пополамъ со всего плеча: стало вдвое болѣе, и живы всѣ. Бросились на силу всѣ витязи; стали они силу колоть-рубить, а сила все растетъ да растетъ, все на витязей съ боемъ идетъ. Не столько витязи рубятъ, сколько добрые кони ихъ топчутъ, а сила все растетъ да растетъ, все на витязей съ боемъ идетъ.

Бились витязи три дня, три часа, три минуточки; намахались ихъ плечи могутныя, уходилися кони ихъ добрые, иступились мечи ихъ булатные; а сила все растетъ да растетъ, все на витязей съ боемъ идетъ.

Испугались могучіе витязи; побѣжали они въ каменныя горы, въ темныя пещеры. Подбѣжитъ витязь къ горѣ и окаменѣетъ, подбѣжитъ другой и окаменѣетъ, подбѣжитъ третій и окаменѣетъ.

Съ тѣхъ-то поръ и перевелись витязи на святой Руси.

---

(1) *Витязь*—храбрый, мужественный воинъ; богатырь. (2) *Кряковистъ*—съ корчъ пнемъ. (3) *Опочивъ держать*—см. ст. 39 прим. 3. (4) *Добрыня*—см. ст. [illegible]3 [illegible]. (5) *Потнички*—подстилка подъ сѣдло, чтобы не тереть спину лошади. (6) *Кинжалище*—кинжалъ, въ ножнахъ котораго еще охотничій ножъ. (7) *Алеша Поповичъ*—см. ст. 13 прим. 2. (8) *Илья Муромецъ*—см. ст. 9—11.

43. ВТОРИЧНОЕ НАШЕСТВІЕ ТАТАРЪ.

(Изъ народной былины.)

(1240 г.)

Изъ подъ той бѣлой березы кудреватыя,
Изъ подъ чуднагó креста Леванидова,
Шли-выбѣгали четыре тура ([1]) златорогіе,
И шли они, бѣжали мимо славенъ Кіевъ-градъ,
И видѣли надъ Кіевомъ чуднымъ-чуднó,
И видѣли надъ Кіевомъ дивнымъ-дивнó:
И по той стѣнѣ городовыя
И ходитъ-гуляетъ душа красная дѣвица,
Въ рукахъ держитъ Божью книгу, Евангеліе,
Сколько ни читаетъ, а вдвое плачетъ.
Побѣжали туры прочь отъ Кіева
И встрѣтили турицу, поздоровалися:
«Здравствуй, турица, родна матушка!»
— Здравствуйте, туры, малы дѣточки!
— Гдѣ вы ходили, гдѣ вы бѣгали?—
«Шли мы, бѣжали мимо Кіевъ-славенъ градъ,
«Мимо ту, мимо стѣнку городовую,
«Мимо тѣ башни городовыя,
«И видѣли мы надъ Кіевомъ чуднымъ-чуднó,
«И видѣли мы надъ Кіевомъ дивнымъ-дивнó:
«И по той по стѣнѣ городовыя
«Ходитъ-гуляетъ душа красная дѣвица,
«Во рукахъ держитъ Божью книгу, Евангеліе,
«Сколько ни читаетъ, вдвое плачетъ.»
Говоритъ тутъ турица, родна матушка:
— Ужъ вы глупые, туры златорогіе!
— Ничего вы, дѣточки, не знаете:
— Не душа та красна дѣвица гуляла по стѣнѣ,
— А ходила та Мать Пресвятая Богородица,
— А плакала стѣна-мать городовая ([2])
— По той ли по вѣрѣ христіанскія:
— Будетъ надъ Кіевъ-градъ погибелье.—

([1]) *Туръ*—дикій волъ, буйволъ. ([2]) Плачущая дѣвица, съ Евангеліемъ въ рукахъ, это вмѣстѣ и *Богородица*, и *стѣна* городовая, потому что алтарная *стѣна* въ Кіевскомъ Софійскомъ соборѣ, съ громаднымъ изображеніемъ *Богородицы*, донынѣ именуется *Нерушимою стѣною*.

44. КАЛИНЪ ЦАРЬ.

(Изъ народной былины.)

(1240 г.)

Да изъ Орды, Золотой земли, (1)
Когда подымался злой Калинъ царь,
Злой Калинъ, царь Калиновичъ,
Ко стольному городу ко Кіеву
Со своею силою съ поганою;
Не дошелъ онъ до Кіева за семь верстъ,
Становился Калинъ у быстра Днѣпра;
Сбиралося съ нимъ силы на сто верстъ,
Во всѣ тѣ четыре стороны.
Зачѣмъ мать сыра земля не погнется?
Зачѣмъ не разступится?
А отъ пару было отъ конинаго,
А и мѣсяцъ, солнце померкнуло,
Не видать луча свѣта бѣлаго;
А отъ духу Татарскаго
Не можно крещенымъ намъ живымъ быть.
Садился Калинъ на ременчатъ стулъ,
Писалъ ярлыки скорописчаты (2)
Ко стольному городу ко Кіеву,
Ко ласкову князю Владиміру.
И выбралъ Татарина выше всѣхъ:
А мѣрою тотъ Татаринъ трехъ сажень;
Голова на Татаринѣ съ пивной котелъ,
Который котелъ сорока ведръ;
Промежъ плечами косая сажень.
Отъ мудрости слово написано,
Что возьметъ Калинъ царь стольной Кіевъ-градъ,
А Владиміра князя въ полонъ полонитъ,
Божьи церкви на дымъ пуститъ.

(1) Татарское царство называлось *Золотою Ордою.* (2) *Ярлыки*—см. ст. 27 прим. 5.

45. ОСАДА И ВЗЯТІЕ КІЕВА ТАТАРАМИ.

(1240 г.)

[illegible] ужасная сила Батыева, (1) какъ густая туча, съ разныхъ [illegible] Кіевъ. Скрыпъ безчисленныхъ телѣгъ, ревъ вер[illegible], ржаніе коней и свирѣпый крикъ непріятелей,

по сказанію лѣтописца, едва дозволяли жителямъ слышать другъ друга въ разговорахъ. Димитрій (²) бодрствовалъ и распоряжалъ хладнокровно. Ему представили одного взятаго въ плѣнъ Татарина, который объявилъ, что самъ Батый стоитъ подъ стѣнами Кіева со всѣми воеводами Могольскими. (³) Сей плѣнникъ сказывалъ о Батыевой рати единственно то, что ей нѣтъ смѣты. Но Димитрій не зналъ страха. Осада началася приступомъ къ вратамъ Лятскимъ, къ коимъ примыкали дебри: тамъ стѣнобитныя орудія дѣйствовали день и ночь. Наконецъ рушилась ограда, и Кіевляне стали грудью противъ враговъ своихъ. Начался бой ужасный: «стрѣлы омрачили воздухъ; копья трещали и ломались;» мертвыхъ, издыхающихъ попирали ногами. Долго остервенѣніе не уступало силѣ, но Татары ввечеру овладѣли стѣною. Еще воины Россійскіе не теряли бодрости, отступили къ церкви Десятинной и, ночью укрѣпивъ оную тыномъ, снова ждали непріятеля, а безоружные граждане съ драгоцѣннѣйшимъ своимъ имѣніемъ заключились въ самой церкви. Такая защита слабая уже не могла спасти города, однако-жъ не было слова о переговорахъ: никто не думалъ молить лютаго Батыя о пощадѣ и милосердіи: великодушная смерть казалась и воинамъ, и гражданамъ необходимостію, предписанною для нихъ отечествомъ и вѣрою. Димитрій, исходя кровію отъ раны, еще твердою рукою держалъ свое копіе и вымышлялъ способы затруднить врагамъ побѣду. Утомленные сраженіемъ Моголы отдыхали на развалинахъ стѣны, утромъ возобновили оное и сломили бренную ограду Россіянъ, которые бились съ напряженіемъ всѣхъ силъ, помня, что за ними гробъ св. Владиміра, и что сія ограда есть уже послѣдняя для ихъ свободы. Варвары достигли храма Богоматери, но устлали путь своими трупами; схватили мужественнаго Димитрія и привели къ Батыю. Сей грозный завоеватель, не имѣя понятія о добродѣтеляхъ человѣколюбія, умѣлъ цѣнить храбрость необыкновенную и съ видомъ гордаго удовольствія сказалъ воеводѣ Россійскому: «дарую тебѣ жизнь!» Димитрій принялъ даръ, ибо еще могъ быть полезенъ для отечества.

(¹) *Батый*—см. ст 36 прим. 5. (²) *Димитрій*—бояринъ, которому была поручена столица. (³) *Могольскими*—Татарскими: Татары иначе—Моголы или Монголы.

46. Златыя врата въ Кіевѣ. (¹)

(Народная легенда.)

(1240 г.)

Какъ было лихолѣтье, (²) пришелъ чужеземецъ-Татаринъ и вотъ ужъ ударилъ на Вышгородъ, а потомъ подступаетъ къ Кіеву.

тутъ былъ богатырь Михайликъ: какъ взошелъ на башню, да пустилъ изъ лука стрѣлу, такъ и упала стрѣла тому Татарину въ миску. Только что сѣлъ Татаринъ обѣдать, только что благословился было поѣсть, стрѣла и воткнулась въ жаркое.—Э! говоритъ: —да тутъ есть сильный богатырь!... Выдайте, говоритъ онъ Кіевлянамъ: — выдайте мнѣ Михайлика, такъ отступлю. Вотъ Кіевляне шушу-шушу, совѣтуются: «а что-жъ? отдадимъ!» А Михайликъ имъ на то: «коли выдадите меня, то въ послѣдній разъ видѣть вамъ Золотыя Ворота!» Сѣлъ на коня, обернулся къ Кіевлянамъ и проговоритъ: «Ой Кіяне, Кіяне, честная громада! Поганая ваша ряда. (³) Кабы Михайлика не выдавали, пока свѣтъ солнца враги бы Кіева не достали.» И поднялъ онъ копьемъ ворота, вотъ какъ подымаешь снопъ святаго жита, и поѣхалъ черезъ Татарское войско въ Цареградъ, а Татары и не видятъ его. А вотъ какъ онъ открылъ ворота, чужеземцы ввалились въ Кіевъ, да и пошли потоптомъ. (⁴)

А богатырь Михайликъ и до сихъ поръ живетъ въ Цареградѣ; передъ нимъ стоитъ стаканчикъ воды, да просвирка лежитъ: больше ничего не ѣстъ. И Золотыя Ворота стоятъ въ Цареградѣ. И какъ, идучи мимо, кто-нибудь скажетъ: «о Золотыя Ворота! стоять вамъ опять тамъ, гдѣ стояли!» то золото такъ и засіяетъ. А если не скажетъ, или подумаетъ: «нѣтъ, ужъ не бывать вамъ въ Кіевѣ!» то золото такъ и померкнетъ. И будетъ, говорятъ, такое время, что Михайликъ вернется въ Кіевъ и постановитъ ворота на свое мѣсто.

(¹) В. кн. Ярославъ Владиміровичъ поставилъ въ Кіевѣ на вратахъ икону Благовѣщенія, чтобы «дать всегда радость граду тому св. Благовѣщеніемъ Господнимъ и молитвою св. Богородицы и Архангела Гавріила, радости благовѣстника». (²) *Лихолѣтье*—лихое, несчастное время. (³) *Ряда*—совѣтъ. (⁴) *Пошли потоптомъ*—потоптали, разрушили.

47. Св. Меркурій Смоленскій.

(Народная легенда.)

Въ городѣ Смоленскѣ жилъ нѣкто молодой человѣкъ, по имени Меркурій; былъ онъ благочестивъ, въ заповѣдяхъ Господнихъ поучался день и ночь, процвѣталъ преподобнымъ житіемъ, постомъ и молитвою, и сіялъ, какъ звѣзда богоявленная, посреди всего міра. Былъ умиленъ душею и слезенъ, часто приходилъ къ кресту Господню молиться за міръ. А въ то время злочестивый царь Батый (¹) плѣнилъ Русскую землю и мучилъ христіянъ, проливая безвинную кровь, какъ сильную воду. И пришелъ тотъ царь съ ве[illegible] ратью на богоспасаемый градъ Смоленскъ, и сталъ отъ не[illegible]30 поприщъ; много святыхъ церквей пожегъ и христіянъ

побилъ, и твердо вооружался на тотъ городъ. Люди же были въ великой скорби, неисходно пребывали въ соборной церкви Пречистой Богородицы и умильно вопіяли съ великимъ плачемъ и со многими слезами ко Всемогущему Богу и ко Пречистой его Богоматери и ко всѣмъ святымъ о сохраненіи града того отъ всякаго зла.

И было нѣкое смотрѣніе Божіе къ гражданамъ. Недалеко отъ города, за Днѣпръ-рѣкою, въ Печерскомъ монастырѣ, преславно явилась Пречистая Богородица понамарю и сказала: «о человѣче Божій! скоро изъиди ко оному кресту, гдѣ молится угодникъ Мой Меркурій, и рцы ему: зоветъ тебя Божія Матерь!» Понамарь отправился и нашелъ молящимся у креста, и назвалъ его по имени: «Меркуріе!» А тотъ отвѣтствовалъ: «что ти есть, господине мой?» И сказалъ ему понамарь: «иди скоро, брате! тебя зоветъ Божія Матерь въ Печерскую церковь!» И пошелъ богомудрый Меркурій во святую церковь, и увидѣлъ тамъ Пречистую Богородицу на золотомъ престолѣ съ Христомъ въ нѣдрахъ своихъ, окруженную ангельскимъ воинствомъ. И палъ онъ предъ ногами Ея съ великимъ умиленіемъ и ужасомъ. Божія Матерь возставила его отъ земли и сказала ему: «Чадо Меркуріе, избранниче Мой! Посылаю тебя; иди скоро, сотвори отмщеніе крови христіянской; ступай, побѣди злочестиваго царя Батыя и все войско его. Потомъ придетъ къ тебѣ человѣкъ, прекрасный лицемъ; отдай ему въ руки все оружіе свое, и онъ отсѣчетъ тебѣ голову; ты же возьми ее въ руку свою и ступай въ свой городъ; тамъ примешь кончину, и положено будетъ твое тѣло въ Моей церкви.» Меркурій сильно востужилъ о томъ и восплакалъ, и говорилъ: «О Пречистая Госпожа Богородица, Мать Христа Бога нашего! Какъ же я, окаянный и худой, непотребный рабъ Твой, могу быть силенъ на такое дѣло! Развѣ недостало Тебѣ небесныхъ силъ, о Владычица, побѣдить злочестиваго царя?» Потомъ взялъ онъ отъ Нея благословеніе, и весь вооруженъ былъ и отпущенъ, и, поклонившись до земли, вышелъ изъ церкви. И нашелъ тамъ прехрабраго коня, сѣлъ на него и выѣхалъ изъ города. Достигши полковъ злочестиваго царя, Божіею помощію и Пречистой Богородицы побивалъ онъ враговъ, собирая плѣнныхъ христіянъ и отпущая ихъ въ свой городъ; и скакалъ по полкамъ, какъ орелъ летаетъ по воздуху. Злочестивый же царь, видя побѣду надъ людьми своими, одержимъ былъ страхомъ и ужасомъ, и скоро бѣжалъ отъ города того безъ успѣха, съ малою дружиной. И ушелъ онъ въ Угры, (²) и тамъ былъ убитъ царемъ Стефаномъ.

Тогда предсталъ Меркурію прекрасный воинъ. Меркурій поклонился ему и отдалъ все свое оружіе, потомъ преклонилъ свою голову и былъ усѣченъ. И такъ блаженный, взявъ голову свою въ одну руку, а другою ведя коня своего подъ-устцы, пришелъ въ

свой городъ, безглавенъ. Люди же, смотря на него, удивлялись Божію устроенію. И такъ дошелъ онъ до Мологинскихъ воротъ. Нѣкоторая дѣвица, вышедши по воду, увидѣла, какъ святой идетъ безъ головы, и начала его нелѣпо бранить. Онъ же въ тѣхъ воротахъ легъ и честно предалъ душу свою Господу, а конь его сталъ невидимъ.

И пришелъ архіепископъ того города съ крестами и со множествомъ народа, дабы взять честное тѣло святаго. И не вдался имъ святой. Великій плачъ былъ тогда въ людяхъ и рыданіе, что не восхотѣлъ святой подняться; архіепископъ же былъ въ великомъ недоумѣніи, моляся о томъ Господу. И былъ къ нему гласъ, глаголавшій: «О слуга Господень! не скорби о семъ. Кто послалъ его на побѣду, тотъ и погребетъ.» И три дня лежалъ святой непогребенъ. Архіепископъ всю ночь безъ сна пребывалъ, моляся Богу, да явитъ ему эту тайну. И, смотря въ оконце свое, прямо къ соборной церкви, видитъ онъ: ясно, въ великой свѣтлости, какъ въ солнечной зарѣ, вышла изъ церкви Пречистая Богородица съ Архистратигами (³) Господними, съ Михаиломъ и Гавріиломъ, и, дошедши до того мѣста, гдѣ лежало тѣло святаго, взяла оное Пречистая Богородица въ полу свою, и принесла въ свою соборную церковь, и положила на его мѣсто, гдѣ и донынѣ, видимъ всѣми, творитъ чудеса во славу Христу Богу нашему, благоухая, какъ кипарисъ. Архіепископъ же, вшедши въ церковь къ заутренѣ, увидѣлъ преславное чудо: святой уже лежалъ на своемъ мѣстѣ, почивая. Сошелся народъ и, видя то чудо, прославилъ Господа Бога.

(¹) *Батый*—см. ст. 36 прим. 5. (²) *Въ Угры*—въ Венгрію. (³) *Архистратигъ*—военачальникъ.

48. Плѣнъ княгини Марьи Юрьевны.

(Изъ народной былины.)

Романъ князь, Митріевичъ младъ,
Поѣзжалъ онъ въ чисто поле
Собирать дани за тѣ годы за старые,
И унимаетъ его княгиня Марья Юрьевна:
«Душенька Романъ князь, сударь Митревичъ!
«Не уѣдь ты въ далеко-чисто поле
«Собирать тѣ дани, сударь, пошлины.
«Какъ ночесь (¹) мнѣ, Марьѣ Юрьевнѣ,
«Мало спалось, много видѣлось,
«Много видѣлось, во снѣ грезилось:

«Будто спалъ у меня, у Марьюшки, злаченъ перстень
«Со меньшаго перста, съ мизеночка,
«И разсыпался на мелкія зернотка, на мушенки;
«Тутъ изъ далеча, далеча, изъ чиста поля
«Прилетѣло стадо черныхъ вороновъ,
«Расклевали мой, Марьюшкинъ, злаченъ перстень.
«Кто бы могъ мой сонъ теперь разсудить?»
Говоритъ князь Романъ, сударь Митріевичъ:
— Ты не плачь, княгиня Марья Юрьевна,
— Юрьевна, ты, лебедь бѣлая!
— Я какъ съѣзжу въ далеко-чисто поле,
— Такъ сыщу тамъ много знахарей,
— Что̀ могутъ тебѣ разсудить твой сонъ.—
Говоритъ княгиня Марья Юрьевна:
«Ты душенька, Романъ князь, сударь Митревичъ!
«Не надо мнѣ твоихъ много знахарей;
«Я могу этотъ сонъ сама весь разсудить:
«Какъ ты уѣдешь въ далече-чисто поле,
«Такъ изъ той земли изъ бусурманскія
«Наѣдутъ многи поганы Татарове
«На трехъ червленыхъ новыхъ корабляхъ;
«Увезутъ меня, княгиню Марью Юрьевну».
Ничего князь Романъ не побаровалъ (³)
И уѣзжалъ въ далече-чисто поле.
Въ ту пору, въ то время,
Пріѣзжали поганы Татарове
На трехъ червленыхъ новыхъ корабляхъ.
Тутъ княгиня въ побѣгъ пошла:
Выходила изъ высока, нова терема
На новыя сѣни,
Съ новыхъ сѣней на широкой дворъ,
Съ широка двора въ зеленый садъ;
Тамъ призднынула (³) яблонь кудреватую
И садилась подъ яблонь кудреватую.
А тѣ поганы Татарове
Выѣзжали на крутой красенъ бережокъ,
Приходили въ высокъ теремъ.
Туто (⁴) ходитъ Марьина протомойница; (⁵)
Они туто взяли плеточки шелковыя,
Стали туто бить Марьину протомойницу:
«Ты скажи намъ, скажи, не утай, скажи:
«Ты ли есть княгиня Марья Юрьевна?»
И говорила имъ Марьина протомойница:
— Я есть не княгиня Марья Юрьевна,
— Я есть Марьина протомойница. —

Они стали туто бить Марьину ключницу:
«Ты скажи намъ, скажи, не утай, скажи:
«Ты ли есть княгиня Марья Юрьевна?»
И говорила имъ Марьина ключница:
— Я есть не княгиня Марья Юрьевна,
— Я есть Марьина ключница. —
И стали они Марью отыскивать:
Выходили они изъ высока, нова терема
На новы сѣни,
Съ новыхъ сѣней на широкой дворъ,
Съ широка двора во зеленой садъ;
Приздынули тутъ яблонь кудреватую
И нашли княгиню Марью Юрьевну.
Стали Марьющку допрашивать:
«Скажи: ты ли есть княгиня Марья Юрьевна?»
— Нѣтъ, я не княгиня есть Марья Юрьевна;
— Я есть Марьина постельница. —
Тутъ они брали плеточки шелковыя,
Стали ее бить, не жалѣючись,
И стали ее снова доспрашивать:
«Скажи, скажи, не утай, скажи:
«Ты ли есть княгиня Марья Юрьевна?»
Тутъ она и сказалась имъ:
— Я есть княгиня Марья Юрьевна.—
Взяли они княгиню за бѣлы руки
И вели на пристань корабельную,
И привозили къ Батышу (6) на червленъ корабль.

---

(1) *Ночесь*—въ эту ночь. (2) *Не вобаровалъ*—не обратилъ вниманія. (3) *Приздынула*—приподняла. (5) *Туто*—тутъ. (4) *Протомойница*—портомойница, прачка. (6) *Батышъ*—Батый. См. ст. 36 прим. 5.

49. ДѢВИЧЬ-ГОРА.

(Народное преданіе.)

Очень давно, когда еще Русь была подъ игомъ Татаръ, въ селѣ Сахновкѣ (Кіевской губерніи) жилъ вѣщій пастухъ, старикъ. Стада его были лучше всѣхъ. Была у него дочь, красавица. Однажды на тѣ мѣста сдѣлали Татары набѣгъ. Жители пришли въ страшное волненіе. Дочь пастуха спѣшила къ своему отцу въ поле съ вѣстію объ опасности и на пути досталась въ плѣнъ Татарскому наѣзднику. Между тѣмъ собравшіеся жители дали отпоръ Татарамъ и обратили ихъ въ бѣгство; потомъ бросились за похи-

гителемъ красавицы, который, не видя возможности увести свою плѣнницу, закололъ ее, и бросилъ претлѣдователямъ. Тѣло убитой было предано землѣ на томъ же мѣстѣ, гдѣ было поднято. Огорченный старикъ первый бросилъ горсть земли на могилу дочери, и тогда же далъ такой вѣщій зарокъ: «Всякая женщина того села, если хочетъ, чтобъ скотъ ея былъ такъ же хорошъ, какъ его стадо, пусть ежедневно, отпуская свою скотину въ поле и встрѣчая изъ стада, бросаетъ по горсти земли на могилу этой убитой дѣвицы.» Завѣщаніе это, въ уваженіе вѣщаго знахаря, было свято соблюдаемо. Преданіе переходило изъ рода въ родъ, могила росла и стала наконецъ *Дѣвичь-горою*. Еще въ началѣ текущаго столѣтія обычай этотъ соблюдался жителями села Сахновки.

30. ТАТАРСКІЙ ПОЛОНЪ.

(Народная былина.)

Какъ за рѣкою,
Да за великою,
Злы Татарове
Дуванъ дуванили. (1)
На дуваньицѣ
Доставалася,
Доставалася
Теща зятю.
Вотъ повезъ тещу зять
Во дикую степь,
Во дикую степь,
Къ молодой женѣ:
«Ну и вотъ, жена,
«Тѣ (2) работница,
«Съ Руси Русская
«Полоняночка.
«Ты заставь ее
«Три дѣла дѣлати:
«Первое дѣло —
«Куделю (3) прясть,
«Другое дѣло —
«Лебедей стеречь,
«А и третье дѣло —
«Дитю качать.»
Полоняночка
Съ Руси Русская,
Она глазками
Лебедей стережетъ,
А ручками
Кудель прядетъ,
А ножками
Колыбель колышетъ.
Охъ, качаетъ дитя,
Прибаюкиваетъ:
«Ты баю, баю,
«Боярской сынъ!
«Ты по батюшкѣ
«Золъ Татарченокъ,
«А по матушкѣ
«Ты Русеночекъ,
«А по роду мнѣ
«Ты внученочекъ
«И моихъ черевъ (4)
«Ты урывочекъ: (5)
«Вѣдь твоя-то мать
«Мнѣ родная дочь;
«Семи лѣтъ она
«Во полонъ взята;
«У ней на правой груди
«Есть родинка;
«На лѣвой ногѣ
«Нѣтъ мизинчика.
«Мнѣ бить тебя,
«Такъ грѣхъ будетъ;
«Мнѣ дитей назвать,
«Мнѣ вѣра не та.»

Услыхали то
Дѣвки сѣнныя;
Прибѣжали онѣ
Къ своей барынѣ:
— Государыня,
— Наша барыня!
— Полоняночка
— Съ Руси Русская,
— Она глазками
— Лебедей стережетъ,
— А ручками
— Кудель прядетъ,
— А ножками
— Колыбель колышетъ.
— Охъ, качаетъ дитя,
— Прибаюкиваетъ:
—«Ты баю, баю,
—«Боярскій сынъ!
—«Ты по батюшкѣ
—«Золъ Татарченокъ,
—«А по матушкѣ
—«Ты Русеночекъ,
—«А по роду мнѣ
—«Ты внученочекъ
—«И моихъ черевъ
—«Ты урывочекъ:
—«Вѣдь твоя-то мать
—«Мнѣ родная дочь;
—«Семи лѣтъ она
—«Во полонъ взята;
—«На правой груди у ней
—«Есть родинка,
—«На лѣвой ногѣ
—«Нѣтъ мизинчика.
—«Мнѣ бить тебя,
—«Такъ грѣхъ будетъ;
—«Мнѣ дитей назвать,
—«Мнѣ вѣра не та.» —
Что стучитъ, гремитъ,
По сѣнямъ бѣжитъ,
И дрожа дрожитъ
Дочка къ матери;
Повалилася,
Повалилася
Во рѣзвы ноги:
«Государыня,
«Моя матушка!
«Не спознала тебя,
«Моя родная!
«Ты бери ключи,
«Ключи золоты;
«Отпирай ларцы,
«Ларцы кованы;
«Ты бери казны,
«Сколько надобно;
«Ты бери коня,
«Что ни лучшаго;
«Ты бѣги, бѣги, мать,
«На святую Русь.»
— Не поѣду я
— На святую Русь;
— Я съ тобой, дитя,
— Не разстануся. —

(1) *Дуванъ дуванить*—дѣлить добычу. (2) *Тѣ*—тебѣ. (3) *Куделя* или *кудель*—волокнистая часть льна или пеньки. (4) *Черева*—брюшныя внутренности. (5) *Урывочекъ*—обрывочекъ.

34. НАРОДНАЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПѢСНЯ.

На горѣ, горѣ, да крутой,
Огни горятъ, да все свѣтлые.
Баю, баюшки, баю!
На тѣхъ огняхъ, да свѣтлыихъ,
Котлы кипятъ, да кипучіе.
Баю, баюшки, баю!
Кругъ огней, да свѣтлыихъ,
Сидятъ Татары, да все злые;
Баю, баюшки, баю!
Сидятъ, дѣлятъ да все животы (1)
Твоего отца, да родимаго.
Баю, баюшку, баю!
Встань, пробудись, да дитятко,
Снимай со стѣны сабельки;

Баю, баюшки, баю!
[illegible] сабельки
И всѣ-то мечи булатные.
Баю, баюшки, баю!
Ты коли, руби сабельками
Злыхъ Татаръ съ Татарченками.
Баю, баюшки, баю!
Ты сѣки, [illegible] губителей,
Все мечами, да булатными.
Баю, баюшки, баю!
Баю, мое дитятко!

(1) *Животы*—пожитки, имѣніе.

53. Еще народная колыбельная пѣсня.

Спи, усни, мое дитятко!
Покуль гроза пройдетъ,
Покуль бѣда минетъ.
Баю, баюшки, баю!
Баю, мое дитятко!
Спи, усни, мое дитятко!
Гроза пройдетъ страшная,
Бѣда минетъ наносная.
Баю, баюшки, баю!
Баю, мое дитятко!
Спи, усни, мое дитятко!
Твоя матушка полоняночка,
Твой батюшка полоняночикъ. (1)
Баю, баюшки, баю!
Баю, мое дитятко!
Злы Татарове набѣгали,
Домы, теремы сожигали,
Старыхъ стариковъ убивали,
Баю, баюшки, баю!
Баю, мое дитятко!
Молодыхъ въ полонъ полонили,
Животы (2) по себѣ дѣлили.
Баю, баюшки, баю!
Баю, мое дитятко!
Разлучили тебя, дитятко,
Съ родимой ли матушкой;
Баю, баюшки, баю!
Баю, мое дитятко!
Отогнали прочь, дитятко,
Твоего батюшку родимаго,
Баю, баюшки, баю!
Баю, мое дитятко!
Ты росли, рости, дитятко,
Во крѣпости и младости.
Баю, баюшки, баю!
Баю, мое дитятко!
Ужъ у тебя ли на дворѣ
Стоитъ теремъ одинехонекъ,
Безъ батюшки и матушки,
Баю, баюшки, баю!
Баю, мое дитятко!
Безъ твоей молодой жены.
Ты сѣдлай коня воронаго,
Баю, баюшки, баю!
Баю, мое дитятко!
Ты скачи въ Орду Золотую, (3)
Вывози батюшку родимаго
Баю, баюшки, баю!
Баю, мое дитятко!
На святую ли Русь;
Вывози матушку родиму
Баю, баюшки, баю!
Баю, мое дитятко!
На широкой ли дворъ;
Вывози молоду жену
Во теремъ изукрашенный.
Баю, баюшки, баю!
Баю, мое дитятко!

(1) *Полоняночка, полоняночикъ*—плѣнница, плѣнникъ. (2) *Животы*—см. ст. 52 прим. 1. (3) *Орда Золотая*—см. ст. 44 прим. 1.

58. ПОБѢДА АЛЕКСАНДРА НЕВСКАГО НАДЪ ШВЕДАМИ

(1240 г.)

Сгинь ты, туча-невзгодье ненастное!
Выглянь, Божіе солнышко красное!
Вотъ сквозь тучу-то солнце и глянуло,
Краснымъ золотомъ въ озеро кануло
Что до самаго дна недостатнаго,
Бѣлъ-горючими камнями стланнаго.
Только вѣдаютъ волны-разбойнички,
Да тонулые въ весну покойнички,
Каково его сердце сердитое,
О пороги и берегъ разбитое.
Вихремъ Ладога-озеро, бурей обвѣяно
И волнами, что хмѣлемъ бродливымъ, засѣяно;
Колыхается Ладога, все колыхается;
Верстъ на двѣсти, на триста оно разливается,
Со своею со зимнею шубой прощается:
Волховъ съ праваго сняло оно рукава,
А налѣво сама укатилась Нева,
Укатилась съ Ижорой она на просторѣ
Погулять на Варяжскомъ (¹) родимомъ имъ морѣ.
И съ Ижорой въ обгонку несется Нева,
И глядятъ на побѣжку сестеръ острова,
И кудрями своими зелеными
Наклоняются по вѣтру въ слѣдъ имъ съ поклонами;
И бѣгутъ онѣ вмѣстѣ, побѣжкою скорою,—
И бѣгутъ въ перегонку Нева со Ижорою.
Али нѣтъ въ Новгородѣ парней такихъ удалыхъ,
Кто бъ до синяго моря не выслѣдилъ ихъ,
Не стоялъ бы всю ночь до зари на озерной на стражѣ,
Какъ простоялъ не одну, а три ноченьки даже
Ижорянинъ крещеный Пелгусій? Его отъ купѣли
Принялъ князь Александръ Ярославичъ на Свѣтлой недѣлѣ,
А владыка Филиппомъ нарекъ.
Вотъ стоитъ онъ, стоитъ,
И на устье Ижоры онъ зорко глядитъ.
Ну, и слышитъ онъ раннею алой зарею:
Зашумѣла Ижора подъ дивной лодьею;
Подъ лодьей опрокинулись всѣ небеса;
Надъ лодьею, что крылья, взвились паруса,
И стояли въ лодьѣ двое юношей, въ ризахъ червленыхъ,
Крестообразныя руки скрестивъ на могучихъ раменахъ;
На челѣ ихъ, что солнце, сіяли вѣнцы,

И окутаны мглою сидѣли гребцы...
Словно два серафима спустилися съ яснаго неба...
И призналъ въ нихъ Пелгусій святаго Бориса и Глѣба. (²)
Говорятъ межъ собою:
«На эту на ночь
«Александру, любезному брату, намъ надо помочь.
«Похваляются всуе кичливые Шведы,
«Что возьмутъ Новоградъ; да не вѣдать невѣрнымъ побѣды:
«Ихъ лодьи и ихъ шнеки (³) размечетъ Нева...»
И запомнилъ Пелгусій святыя слова.
И пришелъ съ поблѣднѣлымъ отъ ужаса ликомъ
Къ Александру онъ князю въ смущеньи великомъ,
И повѣдалъ видѣнье свое онъ въ ночи.
И сказалъ ему князь Александръ:
«Помолчи!»
«Собирайтеся, молвилъ дружинникамъ князь, со святой благостынею,»
И пошелъ попроститься съ своей благовѣрной княгинею,
И въ Софійскій соборъ поклониться пошелъ онъ потомъ,
Воздыхая и плача предъ ликомъ пресвѣтлымъ Софіи, а тоже
Возглашая псаломъ пѣснопѣвца:
«О, Господи, Боже,
«О, Великій, и Крѣпкій, и Праведный, насъ со врагомъ разсуди,
«И да будетъ Твой судъ правовѣрный щитомъ впереди!»
Собралися дружинники князя, кто пѣше, кто конно.
Александръ Ярославичъ повелъ съ ними рѣчь неуклонно:
«Други-братья, помянемъ не кровь и не плоть,
«А слова, что *не въ силѣ, а въ правдѣ Господь!*»
И дружинники всѣ оградились крестомъ передъ битвою,
И за князь-Александръ-Ярославичемъ двинулись въ поле съ молитвою.
Воевода-то Шведскій ихъ, Бюргеръ, куда былъ хитеръ:
На сто сажень кругомъ онъ раскинулъ шатеръ
И подперъ его столпнякомъ, (⁴) глаженнымъ, струженнымъ, точеннымъ,
Сквозь огонь главнымъ рòзмысломъ (⁵) Шведскимъ золòченнымъ.
И пируютъ въ шатрѣ горделиво и весело Шведы,
Новгородскія деньги и гривны считая.
И было бесѣды
За полуночь у нихъ. И рѣшили они межъ собой
Доски бросить на берегъ со шнекъ, потому что весь берегъ крутой,
И пристать неудобно, и весь онъ обсѣлся глухими кустами;
Порѣшили, и доски со шнекъ протянули на берегъ мостами.
Конченъ пиръ: провели Спиридона, епископа ихъ, по мосткамъ,
Только Бюргеръ на шнеку безъ помочи выбрался самъ.
И пора бы: не было бы Русской тяжелой погони,
Да и князь-Александра....
Заржали ретивые кони,

И Гаврило Олексичъ, сквозь темныхъ кустовъ,
Сѣрой рысью прыгнулъ на сплачёныхъ враговъ,
И сдержалъ свое слово: добрался онъ спросту,
По доскамъ, до епископской шнеки, безъ мосту;
И учалъ онъ направо и лѣво рубить все и сѣчь,
Словно въ жгучія искры о вражьи шеломы разсыпался мечъ.
Образумились Шведы въ ту пору, и вскорѣ
Сотней рукъ они витязя вмѣстѣ съ конемъ опрокинули въ море.
Да Гаврило Олексичъ куда былъ силенъ и строптивъ,
Да и конь его Воронъ куда былъ сердитъ и ретивъ:
Окунулися въ море,—да мигомъ на шнекѣ опять они оба,
И въ обоихъ ключемъ закипѣла нещадная злоба;
И желѣзной подковой, и тяжкимъ каленымъ мечемъ сокрушенъ,
Утонулъ воевода-епископъ и рыцарь ихъ, самъ Спиридонъ.
А Сбыславъ Якуновичъ тотъ сѣкъ эту Чудь, (⁶) съ позѣвкомъ и съ-плеча,
И проѣхалъ сквозь полкъ ихъ, и даже подкладомъ не вытеръ меча,
Хоть вернулся къ дружинѣ весь красный, и спереди онъ, да и сзади;
И его Александръ похвалилъ молодечества буйнаго ради.
А Ратмиръ не вернулся, и только ужъ други смогли
Вырвать трупъ для схорона на лонѣ родимой земли.
— Три корабля трупьемъ своимъ навалиша! (⁷)
Крикнулъ ловчій у князь-Александра, а Миша,
Стремянной, говоритъ: «хоть пасли мы заморскихъ гусей ихъ, пасли,
Да гусынь ихъ, любезныхъ трехъ шнекъ, почитай не спасли.»
Балагуръ былъ. А Савва-то отрокъ досмысленный былъ,
И у Бюргера въ ставкѣ онъ столпъ золотой подрубилъ,
Да и вороговъ всѣхъ, что попалися подъ руку, тоже
Топоромъ изрубилъ онъ въ капусту.
А князь-то!... о, Господи, Боже!
Какъ наѣхалъ на Бюргера, ихъ воеводу, любимымъ конемъ,
Размахнулся съ-плеча и печать кровяную булатнымъ копьемъ
Положилъ межъ бровей хвастуну окаянному Шведу.
Затрубили рога благовѣрному князь-Александру побѣду,
И со страхомъ бѣжали всѣ Шведы, гдѣ сушью, а гдѣ по водѣ,
Но настигла ихъ быстро Господняя кара вездѣ:
Ужъ не князь Александръ ихъ настигъ со своей удалою дружиной,
А другой Судія на крамольниковъ, вѣчно-Единый....
И валилися Шведы, валежникомъ хрупкимъ, со смертной тревогой,
Убѣгая отъ Божіей страшной грозы ни путемъ, ни дорогой;
По лѣсамъ и оврагамъ костями они полегли,
Тамъ, гдѣ даже дружинники князя за ними погоней не шли.

(¹) *Варяжское море*—Балтійское. (²) *Борисъ и Глѣбъ*—сыновья Владиміра Равноапостольнаго, убитые своимъ двоюроднымъ братомъ Святополкомъ. (³) *Шнеки*—[illegible] (⁴) *Столпнякъ*—столбы. (⁵) *Розмыслъ*—инженеръ. (⁶) *Чудь*—см. ст. 22 прим. (⁷) *Навалиша*—навалили (Шведы).

34. Убіеніе Михаила, великаго князя тверскаго.

(1318 г.)

Между тѣмъ какъ врагъ Михаила Георгій (¹) ревностно дѣйствовалъ въ Сараѣ (²) и подкупалъ вельможъ Могольскихъ, (³) великій князь Михаилъ, имѣя чистую совѣсть и готовый всѣмъ жертвовать благу Россіи, спокойно занимался въ Твери дѣлами правленія; наконецъ, взявъ благословеніе у епископа, поѣхалъ. Великая княгиня Анна провожала его до береговъ Нерли. Тамъ онъ исповѣдался съ умиленіемъ и, ввѣряя духовнику свою тайную мысль, сказалъ: «Можетъ быть, въ послѣдній разъ открываю тебѣ внутренность души моей. Я всегда любилъ отечество, но не могъ прекратить нашихъ злобныхъ междоусобій: по крайней мѣрѣ, буду доволенъ, если хотя смерть моя успокоитъ его.» Михаилъ, скрывая сіе горестное предчувствіе отъ нѣжной супруги, велѣлъ ей возвратиться. Посолъ ханскій, именемъ Ахмылъ, объявилъ ему въ Владимірѣ гнѣвъ Узбековъ. (⁴)—Спѣши къ царю, говорилъ онъ:—или полки его чрезъ мѣсяцъ вступятъ въ твою область. Кавгадый (⁵) увѣряетъ, что ты не будешь повиноваться.—Устрашенные симъ извѣстіемъ, бояре совѣтовали великому князю остановиться. Добрые сыновья Михаиловы, Димитрій и Александръ, также заклинали отца не ѣздить въ Орду (⁶) и послать туда кого-нибудь изъ нихъ, чтобы умилостивить хана.—Нѣтъ, отвѣчалъ Михаилъ:—царь требуетъ меня, а не васъ; подвергну ли отечество новому несчастію? Можемъ ли бороться со всею силою невѣрныхъ? За мое ослушаніе падетъ множество головъ христіанскихъ; бѣдныхъ Россіянъ толпами поведутъ въ плѣнъ. Мнѣ надобно будетъ умереть и тогда: не лучше ли же нынѣ, когда могу еще своею погибелію спасти другихъ?—Онъ написалъ завѣщаніе, далъ имъ отеческое наставленіе, какъ жить добродѣтельно, и простился съ ними на-вѣки.

Михаилъ нашелъ Узбека на берегу моря Сурожскаго или Азовскаго, при устьѣ Дона; вручилъ дары хану, царицѣ, вельможамъ, и шесть недѣль жилъ спокойно въ Ордѣ, не слыша ни угрозъ, ни обвиненій. Но вдругъ, какъ бы вспомнивъ дѣло совершенно забытое, Узбекъ сказалъ вельможамъ своимъ, чтобы они разсудили Михаила съ Георгіемъ и безъ лицепріятія рѣшили, кто изъ нихъ достоинъ казни. Начался судъ. Вельможи собрались въ особенномъ шатрѣ, подлѣ царскаго; призвали Михаила и велѣли ему отвѣчать на письменные доносы многихъ баскаковъ, (⁷) обвинявшихъ его въ томъ, что онъ не платилъ хану всей опредѣленной дани. Великій князь ясно доказалъ ихъ несправедливость свидѣтельствами и бумагами; но злодѣй Кавгадый, главный доноситель, былъ и судіею. Во второе засѣданіе привели Михаила уже связаннаго и грозно объявили ему двѣ новыя вины его, сказывая, что онъ дерзнулъ обнажить мечъ на посла царева и ядомъ отравилъ жену Георгіеву. (⁸) Великій князь отвѣчалъ: «Въ битвѣ не узнаю

пословъ, но я спасъ Кавгадыя и съ честію отпустилъ его. Второе обвиненіе есть гнусная клевета: какъ христіанинъ, свидѣтельствую Богомъ, что у меня и на мысли не было такого злодѣянія.» Судьи не слушали его, отдали подъ стражу, велѣли оковать цѣпями. Еще вѣрные бояре и слуги не отходили отъ своего злосчастнаго государя: приставы удалили ихъ, наложили ему на шею тяжелую колодку и раздѣлили между собою всѣ драгоцѣнныя одежды княжескія.

Узбекъ ѣхалъ тогда на ловлю къ берегамъ Терека со всѣмъ войскомъ, многими знаменитыми данниками и послами разныхъ народовъ. Сія любимая забава хановъ продолжалась обыкновенно мѣсяцъ или два и разительно представляла ихъ величіе: нѣсколько сотъ тысячъ людей было въ движеніи; каждый воинъ украшался лучшею своею одеждою и садился на лучшаго коня; купцы въ безчисленныхъ телѣгахъ везли товары Индѣйскіе и Греческіе; роскошь, веселіе господствовали въ шумныхъ, необозримыхъ станахъ, и дикія степи казались улицами городовъ многолюдныхъ. Вся Орда тронулась: въ слѣдъ за нею повлекли и Михаила, ибо Узбекъ еще не рѣшилъ судьбы его. Несчастный князь терпѣлъ уничиженіе и муку съ великодушною твердостію. На пути изъ Владиміра къ морю Азовскому онъ нѣсколько разъ пріобщался Святыхъ Таинъ и, готовый умереть какъ должно христіанину, изъявлялъ чудесное спокойствіе. Печальные бояре снова имѣли къ нему доступъ. Михаилъ ободрялъ ихъ и съ веселымъ лицемъ говорилъ: «Друзья! вы долго видѣли меня въ чести и славѣ: будемъ ли неблагодарны? вознегодуемъ ли на Бога за уничиженіе кратковременное? Выя моя скоро освободится отъ сего древа, гнетущаго оную.» Ночи проводилъ онъ въ молитвѣ и въ пѣніи утѣшительныхъ псалмовъ Давидовыхъ; отрокъ княжескій держалъ передъ нимъ книгу и перевертывалъ листы, ибо стражи всякую ночь связывали руки Михаилу. Желая мучить свою жертву, злобный Кавгадый въ одинъ день вывелъ его на торговую площадь, усыпанную людьми; поставилъ на колѣна, ругался надъ нимъ и вдругъ, какъ бы тронутый сожалѣніемъ, сказалъ ему: «не унывай! царь поступаетъ такъ и съ родными въ случаѣ гнѣва; но завтра или скоро объявятъ тебѣ милость, и снова будешь въ чести.» Торжествующій злодѣй удалился. Князь, изнуренный, слабый, сѣлъ на площади, и любопытные окружили его, разсказывая другъ другу, что сей узникъ былъ великимъ государемъ въ землѣ своей. Глаза Михаиловы наполнились слезами: онъ всталъ и пошелъ въ вѣжу или шатеръ, читая тихимъ голосомъ изъ псалма: *«Вси видяще мя покиваху главами своими.... Уповаю на Господа!»* Нѣсколько разъ вѣрные слуги предлагали ему тайно уйти, сказывая, что кони и проводники готовы.—Я никогда не зналъ постыднаго бѣгства, отвѣчалъ Михаилъ:—оно можетъ только спасти меня, а не отечество. Воля Господня да будетъ!

Орда находилась уже далеко за Терекомъ и горами Черкасскими, близъ Вратъ Желѣзныхъ или Дербента, подлѣ Ясскаго города Тетякова, въ 1277 году взятаго нашими князьями для хана Мангу-Тимура. Кавгадый ежедневно приступалъ къ царю со мнимыми доказательствами, что великій князь есть злодѣй обличенный. Узбекъ, юный, неопытный, опасался быть несправедливымъ; наконецъ, обманутый согласіемъ безсовѣстныхъ судей, единомышленниковъ Георгіевыхъ и Кавгадыевыхъ, утвердилъ ихъ приговоръ.

Михаилъ свѣдалъ и не ужаснулся; отслушавъ заутреню (ибо съ нимъ были игуменъ и два священника), благословилъ сына своего Константина; поручилъ ему сказать матери и братьямъ, что онъ умираетъ ихъ нѣжнымъ другомъ; что они, конечно, не оставятъ вѣрныхъ бояръ и слугъ его, которые у престола и въ темницѣ изъявляли государю равное усердіе. Часъ рѣшительный наступалъ. Михаилъ, взявъ у священника псалтырь и разогнувъ оную, читалъ слова: *«сердце мое смятеся во мнѣ, и боязнь смерти нападе на мя.»* Душа его невольно содрогнулась. Игуменъ сказалъ ему: «государь! въ семъ же псалмѣ, столь тебѣ извѣстномъ, написано: *возверзи на Господа печаль твою.»* Великій князь продолжалъ: *«кто дастъ ми крилѣ яко голубинѣ? и полещу и почію...»* Умиленный симъ живымъ образомъ свободы, онъ закрылъ книгу; и въ то самое мгновеніе вбѣжалъ въ ставку одинъ изъ его отроковъ, съ лицемъ блѣднымъ, сказывая дрожащимъ голосомъ, что князь Георгій Даніиловичъ, Кавгадый и множество народа приближаются къ шатру.—Вѣдаю, для чего, отвѣтствовалъ Михаилъ, и немедленно послалъ юнаго сына своего къ царицѣ, именемъ Баялыни, будучи увѣренъ въ ея жалости. Георгій и Кавгадый остановились близъ шатра, на площади, и сошли съ коней, отрядивъ убійцъ совершить беззаконіе. Всѣхъ людей княжескихъ разогнали; Михаилъ стоялъ одинъ и молился. Злодѣи повергли его на землю; мучили, били пятами. Одинъ изъ нихъ, именемъ Романецъ (слѣдственно христіанской вѣры), вонзилъ ему ножъ въ ребра и вырѣзалъ сердце. Народъ вломился въ ставку для грабежа, позволеннаго у Моголовъ въ такомъ случаѣ. Георгій и Кавгадый, узнавъ о смерти святаго мученика, ибо таковымъ справедливо признаетъ его наша церковь, сѣли на коней и подъѣхали къ шатру. Тѣло Михаилово лежало нагое. Кавгадый, свирѣпо взглянувъ на Георгія, сказалъ ему: «онъ твой дядя: оставишь ли трупъ его на поруганіе?» Слуга Георгіевъ закрылъ оный своею одеждою.

(¹) *Георгій*—Даніиловичъ, князь Московскій, племянникъ *Михаила* Ярославича, князя Тверскаго. (²) *Сарай*—мѣстопребываніе Татарскаго хана, въ 60 верстахъ отъ Астрахани. (³) *Могольскихъ*—см. ст. 45 прим. 3. (⁴) *Узбекъ*—ханъ Татарскій. (⁵) *Кавгадый*—Татарскій воевода. (⁶) *Орда*—см. ст. 44 прим. 1. (⁷) *Баскаки*—Татарскіе приставы въ завоеванныхъ земляхъ. (⁸) Георгій былъ женатъ на сестрѣ Узбека Кончакѣ, въ крещеніи Агаѳіи, которая умерла въ плѣну у Михаила.

55. ЩЕЛКАНЪ ДУДЕНТЬЕВИЧЪ. (¹)

(Народная былина.)

(1327 г.)

А и дѣялося въ Ордѣ, (²)
Передѣялось въ Большой,
На стулѣ золотѣ,
На рытомъ бархатѣ, (³)
На червчатой камкѣ, (⁴)
Сидитъ тутъ царь Азвякъ,
Азвякъ Тавруловичъ;
Суды разсуживаетъ
И ряды разряживаетъ,
Костылемъ размахиваетъ
По бритымъ тѣмъ усамъ,
По Татарскимъ тѣмъ головамъ,
По синимъ плѣшамъ.
Шурьевъ царь дарилъ,
Азвякъ Тавруловичъ,
Городами стольными:
Василья на Плесу,
Гордѣя къ Вологдѣ,
Ахрамея къ Костромѣ;
Одного не пожаловалъ
Любимаго шурина,
Щелкана Дудентьевича.
За что не пожаловалъ?
И за то онъ не пожаловалъ,—
Его дома не случилося:
Уѣзжалъ-то младъ Щелканъ
Въ дальную землю Литовскую,
За моря синія;
Бралъ онъ, младъ Щелканъ,
Дани, невыходы; (⁵)
Царски невыплаты;
Съ князей бралъ по сту рублевъ,
Съ бояръ по пятидесятъ,
Съ крестьянъ по пяти рублевъ:
У котораго денегъ нѣтъ,
У того дитя возьметъ;
У котораго дитя нѣтъ,
У того жену возьметъ;
У котораго жены-то нѣтъ,
[illegible] головой возьметъ.
[illegible] младъ Щелканъ
Дани, выходы,
Царскіе невыплаты;
Вывелъ младъ Щелканъ
Коня во сто рублевъ,
Сѣдло во тысячу,
Уздѣ цѣны ей нѣтъ:
Не тѣмъ узда дорога,
Что вся узда золота;
Она тѣмъ узда дорога,
Царское жалованье,
Государево величество:
А нельзя, дескать,
Тоя узды ни продать, ни промѣнять,
И друга дарить.
Проговоритъ младъ Щелканъ,
Младъ Дудентьевичъ:
«Гой еси, царь Азвякъ,
«Азвякъ Тавруловичъ!
«Пожаловалъ ты молодцевъ,
«Любимыхъ шуриновъ:
«Василья на Плесу,
«Гордѣя къ Вологдѣ;
«Ахрамея къ Костромѣ;
«Пожалуй ты, царь Азвякъ,
«Пожалуй ты меня
«Тверью старою,
«Тверью богатою,
«Двумя братцами родимыми,
«Двумя удалыми Борисовичи.»
Проговоритъ царь Азвякъ,
Азвякъ Тавруловичъ:
— Гой еси, шуринъ мой,
— Щелканъ Дудентьевичъ!
— Заколи-тко ты сына своего,
— Сына любимаго,
— Крови ты чашу нацѣди;
— Выпей ты крови тоя,
— Крови горячія;
— И тогда я тебя пожалую
— Тверью старою,
— Тверью богатою,

— Двумя братцами родимыми,
— Дву удалыми Борисовичи. —
Втѣпоры младъ Щелканъ
Сына своего закололъ,
Чашу крови нацѣдилъ,
Крови горячія;
Выпилъ чашу тоя крови горячія.
А втѣпоры царь Азвякъ
За то его пожаловалъ,
Тверью старою;
Тверью богатою,
Двумя братцами родимыми,
Дву удалыми Борисовичи.
И втѣпоры младъ Щелканъ
Онъ судьею насѣлъ
Въ Тверь ту старую,
Въ Тверь ту богатую.
А немного онъ судьею сидѣлъ:
Надо всѣми наругатися,
Надъ домами насмѣхатися:
Мужики-то старые,
Мужики-то богатые,
Мужики посадскіе,
Они жалобу приносили
Двумъ братцамъ родимымъ,
Двумъ удалымъ Борисовичамъ;
Отъ народа они съ поклономъ
Пошли, съ честными подарками;
И понесли они честные подарки:
Злата, серебра и скатнаго жемчугу.
Изошли его въ домѣ у себя,
Щелкана Дудентьевича;
Подарки принялъ отъ нихъ,
Чести не воздалъ имъ.
Втѣпоры младъ Щелканъ
Зачванился онъ, загордился,
И они съ нимъ разсорились:
Одинъ ухватилъ за волосы,
А другой за ноги,
И тутъ его разорвали;
Тутъ смерть ему случилася,
Ни на комъ не сыскалася.

(¹) «Въ 1327 году пріѣхалъ въ Тверь ханскій посолъ, именемъ Шевкалъ (сынъ Дюденевъ) или Щелканъ, какъ его называютъ наши лѣтописи, двоюродный братъ Узбека, и, по обыкновенію всѣхъ пословъ Татарскихъ, позволялъ себѣ и людямъ своимъ всякаго рода насилія. Вдругъ въ народѣ разнесся слухъ, что Шевкалъ хочетъ самъ княжить въ Твери, своихъ князей Татарскихъ посажать по другимъ Русскимъ городамъ, а христіанъ привести въ Татарскую вѣру.... Когда пронеслась молва, что Татары хотятъ исполнить свой замыселъ въ Успеньевъ день, пользуясь большимъ стеченіемъ народа по случаю праздника; то Александръ (Михайловичъ) съ Тверичами захотѣли предупредить ихъ намѣреніе и рано утромъ, на солнечномъ восходѣ, вступили въ бой съ Татарами, бились цѣлый день и къ вечеру одолѣли. Шевкалъ бросился въ старый домъ князя Михаила, но Александръ велѣлъ зажечь отцовскій дворъ, и Татары погибли въ пламени.» *Соловьевъ.* (²) *Орда* — см. ст. 44 прим. 1. (³) *Рытый бархатъ* — бархатъ не простой, но съ клѣтками, разводами или цвѣтами. (⁴) *Червчатая камка* — красная шелковая Китайская ткань съ разводами. (⁵) *Выходъ* — дань Татарамъ.

30. Въ Кремлѣ. (¹)

Смотри: когда кругомъ лишь боръ пустой шумѣлъ,
А на горѣ сіялъ лишь храмъ святаго Спаса,
Да княжій теремокъ, гдѣ бѣдный князь сидѣлъ, —
Бесѣда вѣщая таинственно велася.
Здѣсь между святителемъ и княземъ. Здѣсь его,
Какъ древній Самуилъ, благословилъ владыка.

На собиранie народа своего.
Святителевъ завѣтъ исполнился великiй:
Помалу собралась вкругъ бѣлаго Кремля,
Какъ подъ надежный щитъ, вся Русская земля,
И каждый градъ свою здѣсь церковь строилъ,
И высилась Москва:...

(¹) «Если ты, говорилъ митрополитъ Петръ (князю) Iоанну Даниловичу Калитѣ, успокоишь мою старость и воздвигнешь здѣсь (въ Москвѣ) храмъ достойный Богоматери; то будешь славнѣе всѣхъ иныхъ князей, и родъ твой возвеличится; кости мои останутся въ семъ градѣ, святители захотятъ обитать въономъ, и руки его взыдутъ на плеща враговъ нашихъ». *Карамзинъ.*

57. КНЯЗЬ АЛЕКСАНДРЪ МИХАЙЛОВИЧЪ ТВЕРСКОЙ ВЪ ПСКОВѢ. (¹)

(1329 г.)

ДѢЙСТВУЮЩIЯ ЛИЦА:

Князь Александръ Михайловичъ Тверской.
Лука Протасьевъ—бояринъ Ивана Даниловича Калиты, великаго князя Московскаго.
Митрополичъ бояринъ.
Абрамъ — тысяцкой (²) Новогородскiй.
Забота — княжой бояринъ. } Псковскiе
Шолога — посадникъ (³). } Псковскiе
Истома — тысяцкой. } Псковскiе
Народъ. } Псковскiе

Дѣйствiе въ Псковѣ.

Лука Протасьевъ. Отецъ нашъ, богомолецъ твой, митрополитъ и великiй князь Иванъ Данилычъ тебѣ кланяются, княже; васъ, Псковичей, цѣлуютъ.

Кн. Александръ Михайловичъ *(приподнявъ шапку).* На томъ благодаримъ отца митрополита и князя Иванъ-Данилыча. *(Псковитяне приподнимаютъ шапки.)*

Лука Протасьевъ. Великiй князь Иванъ Данилычъ, внявъ челобитью Новогородскихъ людей, грозу, мечъ свой на Опсковъ (⁴) подъялъ. По его великокняжескому слову, подъ Опокою новѣ сила великая собралася: велико-княжъ Ивановъ полкъ большой, Новогородскiе, Тверскихъ князей, а твоихъ братьевъ, Василiя и Константина Михайловичей, князей Ростовскихъ, Ярославскихъ полки и иныхъ многихъ. Дабы крови крестьянскiя (⁵) не пролити, наказывали намъ отецъ митрополитъ и князь Иванъ Данилычъ тебѣ, господине княже, сказать: «меча бы ты свово поудержалъ, вспоминая слово Господне: *блажени милостиви, яко тiи помилованi бу-*

думъ». Вамъ, Опсковицамъ, великій князь Иванъ Даниловичъ, Новогородскія и Псковскія земли прямой отчичь и дѣдичь, (*) такъ молвитъ: «а смиритеся, учнете бити ему, великому князю, челомъ, и онъ, великій князь, Бога ради, пожалуетъ васъ по мѣрѣ; а противу Новгорода въ чемъ будетъ правда ваша, то онъ, великій князь, такъ не оставитъ, разсудитъ; а держати васъ, Опсковичей, будетъ по старинѣ.»

Истома. У насъ свой судъ; есть кому судить: равно-бы неча князю Ивану въ наши дѣла путаться.

Лука Протасьевъ. Какъ неча путаться?

Голоса. Такъ и неча.... Свой князь, свой и судъ.... Что ему до насъ?

Кн. Александръ Михайловичъ. Мы сѣли на коня, домъ св. Троицы, да свои головы отъ князя Ивана и Новогородцевъ оберегаючи. Какъ намъ меча свово поудержать, буде его мечъ на насъ подъятъ? Почто же онъ идетъ въ мою опришнину, (*) коли согласія со мной хочетъ?

Абрамъ. По челобитью Нова-города Великаго идетъ.... Новогородское, Новогороду.... Самъ разсуди.

Кн. Александръ Михайловичъ. Нонѣ Опсковъ о себѣ живетъ. Вольному воля....

Забота. Не предались Опсковичи-то Нову-городу и впрямь.

Шолога. Вѣстимо. Да еще и то возьмемъ: кѣмъ нестроенье-то у насъ вышло? не нами; Новымъ же городомъ нестроенье стало.

Лука Протасьевъ. Мнится мнѣ, міряне, по моей мысли, какъ бы не Новогородскимъ, вашимъ несовѣтіемъ.

Истома. Мало что тебѣ мнится.

Шолога. Вѣдаешь ты самъ, Лука Протасьевичъ, да и мы слыхали отъ разумныхъ людей: кая земля переставливаетъ обычьи свои, и та земля не долго стоитъ. А здѣсь у насъ Новгородъ старые обычьи мѣнять сталъ, въ наши дѣла, чего опрежъ николи не бывало, мѣшаться учалъ; помощи отъ него тоже большой мы не видимъ: много ли они съ княземъ Иваномъ намъ пособили,— Нѣмцы-то приходили подъ Опсковъ? Вотъ съ этого мы съ нимъ и замѣшалися. Противъ князя Ивана восяmѣста у насъ вражды нѣту и не бывало, а съ Новымъ-городомъ какъ Богъ дастъ.

Лука Протасьевъ. Великій князь Иванъ Даниловичъ сѣлъ на престолѣ Новогородскомъ: буде вы съ Новымъ городомъ враждуете, враждуете и съ нимъ.

Шолога. Мы его въ Новгородъ не звали. Новгородцы сами отдѣлилися отъ насъ, призвали безъ нашей думы князь-Ивана. Есть Новогородскій хлѣбъ; когда въ его рукѣ Новогородскій стягъ, (*) знамо, головы свои беречь и отъ него Опсковитяне будутъ.

Абрамъ (*про себя*). На Литву надѣются. Не вынять, видно, намъ князь-Александра.

Кн. Александръ Михайловичъ. Чѣмъ крамолу-то промежъ себя дѣять, да братьевъ выдавать, пригожѣе бы князьямъ въ едино сердце всѣмъ противъ Татаръ стати, защищать Русскую землю и крестьянство православное.

Лука Протасьевъ. Не пошелъ бы князь Иванъ, кабы любовь твою да Опсковичей къ нему видѣлъ: крамолу дѣять что хорошаго? При прежнихъ умныхъ и добрыхъ князьяхъ, дѣдахъ вашихъ, по діаволю наученью, крамола бывала; мы отъ отцовъ и дѣдовъ слыхивали, какая тягота въ тѣ времена была землѣ: поганые несли землю розно, радуясь усобицамъ; шели въ полонъ, святыя церкви грабили; разоренье всюду было конечное.

Кн. Александръ Михайловичъ. Не при однихъ отцахъ да дѣдахъ, и при насъ бывало. (*Молчаніе.*)

Абрамъ. Все дѣло за тобою, княже милостивый.

Кн. Александръ Михайловичъ. За мною ли, послы?

Абрамъ. За кѣмъ же, какъ не за тобой? Смирися, покорися волѣ Божіей. Гордыня Господу противна.

Кн. Александръ Михайловичъ. Кому же я, какъ не волѣ Божіей, и покоряюся?... Какъ Богъ меня разсудитъ съ вашимъ княземъ и Новгородцами... Судъ Божій праведенъ.

Лука Протасьевъ. Твоя ли правда-то, княже? Помысли-ка. Опсковъ исконная отчина князьямъ Новогородскимъ.

Кн. Александръ Михайловичъ. Была бы имъ отчина, кабы я самъ сѣлъ во Псковѣ: посадили меня Опсковичи.

Голоса. Мы посадили! Мы о себѣ живемъ! Мы посадили своего князя Александра Михайловича!

Абрамъ. Дѣло ваше. А Новогороду это какъ такъ оставить?

Истома. Ну, и толковать, стало, нечего.

Голоса. И проваливайте по добру, по здорову.

Лука Протасьевъ. На томъ стоите?

[illegible] И дай Богъ стоять, а имя князя Александра Ми[illegible] Тверскаго и Опсковскаго держати честно и грозно.

[illegible]ука Протасьевъ. Будь ино по вашему.

Истома. А то по-чьему-жь? Не по-твоему же быть. Думалъ сплесть, да напуталъ. Проваливай! Вонъ изъ всѣхъ, отцы и братья! вонъ Новогородцовъ!

Лука Протасьевъ. Ну, глядите: не спокаяться бы.

Голоса. Спокаемся ли, нѣтъ ли,—не твоя бѣда.

Лука Протасьевъ. Митрополичъ бояринъ, объяви!

Митрополичъ бояринъ. *(вынимаетъ изъ-за пазухи грамоту).* Волею отца митрополита Феогноста всея Руси полагается на Псковичей и князя Александра проклятіе и отлученіе....

Голоса. Проклятье!...

Истома. Проклятье!... Какъ? На насъ? За что? Отцы и братья!... *(хватаетъ боярина за воротъ)* Ты вѣдаешь ли, какое слово-то ты вымолвилъ? На торгъ его, на вѣче! (9) *(Толпа валитъ въ двери.)*

Голоса. На торгъ, на вѣче!

Кн. Александръ Михайловичъ *(поднимается съ мѣста).* Не посягать! На мѣстѣ уложу того, кто посягнетъ...

Голоса. Обмолвили насъ и тебя къ митрополиту, княже!

Кн. Александръ Михайловичъ. Вѣдомо вамъ, лестью ли, обманомъ, али кровью я на княженіе во Псковѣ сѣлъ. Опсковичи молили меня сами за ихъ землю и домъ Живоначальной Троицы постоять. Они вольны на княженье, кого похотятъ, того и звати; такъ изъ старины во Псковѣ повелось. А нашимъ родамъ тоже не новина въ Русской дѣдней землѣ княжити: народился есми Божьею волею отъ великихъ князей. Коли мнѣ не столовати, (10) а князю Ивану почему быть на великомъ княженьи? Что его достоинство? какое его поколѣнье? Чѣмъ прежде Божія суда претити, да грозить, лучше бы князю Ивану о своей душѣ помыслити: что-де я дѣлаю братьѣ своей и за что? Таковыхъ дѣлъ, какія онъ вчинаетъ нонѣ, какъ Русская земля стала есть, не бывало. Скажите ему: онъ не помнилъ, на Тверь съ темниками (11) идучи, а мы помнимъ, отъ кого мы повелись: на земное души своей наши роды николи не мѣнивали. За-хлѣбъ за-соль, Псковичи! Не буди на васъ проклятья меня ради. Иду изъ города вашего вонъ, а цѣлованье крестное межъ мной и вами нарушаю. Грамоты! *(Забота подаетъ грамоты; князь отдаетъ ихъ Шологъ.)*

Истома. Княже! всей землей пойдемъ къ митрополиту; насъ и тебя къ нему обмолвили.

Кн. Александръ Михайловичъ. Овцы пастыря не учатъ. А коли я мало любъ вамъ, братья; цѣлуйте крестъ на томъ, абы (12) мою княгиню, семью мою, изъ Пскова никому не выдати.

(Истома снимаетъ шапку; онъ помертвѣлъ.)

Голоса. Князь, оставайся!... Насъ ослорбили; ихъ надо проклясть-то; у нихъ запереть церкви-то; у клеветниковъ нашихъ. Оставайся! всѣмъ городомъ пойдемъ къ митрополиту.

Кн. Александръ Михайловичъ. Нечего ходить. Одно, други и братья, какъ молвлено, семью мою....

Шолога. На томъ всѣмъ городомъ неотложно крестъ намъ цѣловать.... Такъ, или нѣтъ, міряне?

Голоса. Какъ же еще-то? Крестъ цѣловать всѣмъ городомъ. Милости просимъ гостью дорогую; всѣмъ міромъ ее зовемъ хлѣбомъ-солью нашимъ не побрезговать. Озолотимъ княгиню. Вѣкъ живи она у насъ, княгиня благовѣрная!

Кн. Александръ Михайловичъ. Простите! *(кланяется всѣмъ и уходитъ съ Заботой.)*

---

(1) Послѣ убіенія въ Тве и Шевкала (см. ст. 55, Московскій кн. Іоаннъ Калита пошелъ въ Тверскую область съ 50,000 Татарскаго войска; Татары пожгли города и села, а жителей отвели въ плѣнъ Александръ Михайловичъ Тверской, услыхавъ о приближеніи Татаръ, хотѣлъ было бѣжать въ Новгородъ, но Новгородцы не пустили его къ себѣ и приняли намѣстниковъ Калиты. Тогда Александръ отправился въ Псковъ. Ханъ, отдавъ великое княженіе Калитѣ, а Тверь Константину Михайловичу, приказалъ имъ искать князя Александра; и вотъ въ Псковъ явились послы отъ князей: Московскаго, Тверскаго, Суздальскаго, и отъ Новгородцевъ, уговаривать Александра ѣхать въ Орду. (2) *Тысяцкой*—начальникъ городской полиціи. (3) *Посадникъ*—см. ст. 13 прим. 14. (4) *Опсковъ*, *Опсковичи* — Псковъ, Псковичи. (5) *Крестьянскій*—христіанскій. (6) *Отчичъ* и *дѣдичъ*—получившій по наслѣдству отъ отца и дѣда. (7) *Опришнина*—отдѣльное владѣніе. (8) *Стягъ*—см. ст. 32 прим. 2. (9) *Вѣче*—см. ст. 13 прим. 5. (10) *Столовать*—сидѣть на столѣ, престолѣ; владѣть княжествомъ. (11) *Темники*—Татарскіе чиновники, собиравшіе налоги.

---

58. МАМАЙ БЕЗБОЖНЫЙ.

(Изъ народной сказки.)

(1380 г.)

Собирались со всѣхъ концевъ Москвы бѣлокаменной всѣ князи и бояре, сильные, могучіе богатыри и всѣ поленицы (1) удалыя ко князю во свѣтлый теремъ на трапезу, послушать его разумныхъ рѣчей, а и того пуще—посмотрѣть его очи ясныя. Какъ матерый (2) кустъ промежъ тонкими кустами вересовыми, (3) что вершиною въ небо ввивается, значитъ великій князь промежъ своими князьями и боярами.

Не золота трубочка вострубила, Задонскій князь Дмитрій Ива-[illegible]вичъ сталъ рѣчь держать:

[illegible] Воины мои любимые! Не на попойку призывалъ я васъ; не [illegible] радостный пиръ вы ко мнѣ собиралися: собиралися вы ко мнѣ

за печальной вѣсточкой: Мамай безбожный, песъ смердящій, со всѣми своими ордами ([4]) некрещеными идетъ святую Русь воевать; будетъ намъ отъ Мамая-собаки пить горькую чашу! Пойдемте, мои любимые воины, къ окіанъ-морю; изладимъ легкіе струги, и побѣжимъ мы изъ окіанъ-моря въ море Хвалынское къ Соловецкимъ чудотворцамъ; ([5]) запремся тамъ,—и нечего съ насъ будетъ взять Мамаю безбожному, псу смердящему. Въ другую сторону, ([6]) онъ насъ полонитъ, очи выкопаетъ ([7]) и злой смерти предастъ.

Отвѣчаютъ князи и бояре, буйны головы понуривши:

— Задонскій князь Дмитрій Ивановичъ! Одно солнышко катится по небу, одинъ княжитъ надъ Русью православною; не перечитѣ мы пришли твоему слову крѣпкому; поизволь насъ заставить рѣчь-отвѣтъ держать, какъ надать ладить съ Мамаемъ безбожнымъ, псомъ смердящимъ. Задонскій князь Дмитрій Ивановичъ! пойдемъ мы къ окіанъ-морю, прирубимъ легкіе струги, скалепки ([8]) смечемъ въ окіанъ-море, сами соберемъ рать-силу великую и будемъ драться съ Мамаемъ безбожнымъ, псомъ смердящимъ, до послѣдней капли крови, и будетъ на Мамая безбожнаго побѣда.

— Что за слыхъ, что за громъ грянулъ по трапезѣ? говоритъ Задонскій князь Дмитрій Ивановичъ. Отвѣчаетъ калика ([9]) перехожая, сумка переметная: «это, Задонскій князь Дмитрій Ивановичъ, нечистая, непріятная сила (что тебѣ подъ ухо шептала, чтобъ шелъ ты къ окіанъ-морю строить легкіе струги, изъ окіанъ-моря въ море Хвалынское), когда ты Бога прославилъ, изъ терема побѣжала.»

Задонскій князь Дмитрій Ивановичъ чинилъ крѣпкіе наказы, чтобъ собирали рать-силу несмѣтную по городамъ съ пригородками, по селамъ съ приселками и по всѣмъ дальнимъ печищамъ, ([10]) оставляли бъ дома только слѣпыхъ, да хромыхъ, да малыхъ ребятъ недоростковъ имъ въ печальники. ([11])

Собрали со всѣхъ концевъ Руси православной рать-силу великую, утвердили силу по-за Москвѣ бѣлокаменной, расклали силу по жеребьямъ: Семену Тупику, Ивану Квашнину, Русскому послу Захарью Тютрину ([12]) и семи братьямъ Бѣлозерцамъ. Пошла сила на поле Куликово, Москвы не хватаючи. На полѣ на Куликовѣ учали думу думать, какъ надо силу смѣтить. Русскій посолъ Захарій Тютринъ садился на своего добраго коня, объѣзжалъ кругъ силы три дня и три часа, не могъ силы смѣтить, на сколько верстъ стоитъ. Задонскій князь Дмитрій Ивановичъ проговорилъ таково слово: «разойтись силѣ по чисту полю, и взять силѣ по камушку, по злаченной пуговкѣ», и приказалъ дубы заметывать тѣми камушками. Заметала сила семь дубовъ: съ комля и до вершины дубовъ не видно.

Раздѣлили ту силу несмѣтную на три полка: первый полкъ взялъ Задонскій князь Дмитрій Ивановичъ; другой —Русскій посолъ

Что не одинъ ты мечъ войны подымешь:
Съ тобой пойдетъ и твой народъ великій,
Съ тобою встанетъ Русская земля.
Ты не смотри на нихъ высокомѣрно,
Не обижай ты малыхъ сихъ. Они
Работаютъ за землю неустанно
И своего куска не доѣдаютъ,
А дань тебѣ, какъ кесарю, даютъ.
Скажи мнѣ, княже, въ простотѣ сердечной,
Безъ всякой хитростной, невѣрной думы:
Мечъ подымая, думалъ ты о нихъ,
Иль о своей заботился ты славѣ?

В. КНЯЗЬ.

Я каюсь, отче! забывалъ порою
Я о народѣ, ради славы.

ИГУМЕНЪ.

Княже!
Господь тебя проститъ. Ты не моги
Единаго отъ малыхъ сихъ обидѣть.
Какъ твой народъ тебѣ усердно служитъ,
Такъ ты ему усердно послужи.
Помысли: если за твои грѣхи
Господь тебѣ не даруетъ побѣды
И наведетъ враговъ на нашу землю,
Какъ нѣкогда на прадѣдовъ навелъ
Онъ злаго Батыя, (1) скажи мнѣ, княже:
Чья кровь прольется? чьи труды погибнутъ?
Кто за тебя умретъ? свое добро
Безъ ропота отдастъ на расхищенье?
И кто потомъ, когда пройдетъ гроза,
Оборванный, голодный, станетъ въ потѣ
Воздѣлывать ограбленную землю,
Свою страду дневную понесетъ? —
Все онъ же станетъ, твой народъ великій.
Помысли ты объ этомъ, княже!

В. КНЯЗЬ *(съ рыданьемъ)*.

Отче!

ИГУМЕНЪ.

Ты плачешь, княже! Это добрый знакъ.
Незримо сердце умягчаютъ слезы
И грязь грѣховную съ души смываютъ.
Подумай: побѣдитъ тебя Мамай

И данью тяжкою обложитъ землю,
И горше первой, господине княже,
Покажется послѣдняя намъ дань.
И потому скажу: почти его,
Поганаго Мамая, ты дарами:
Дороже злата кровь твоихъ людей.
Богатства ли твои изсякнутъ, княже, —
Господь тебя сторицей наградитъ;
Изсякнетъ сила твоего народа, —
И станешь ты одинъ, какъ перстъ, безсиленъ.
Одинъ — не воинъ въ полѣ.

в. князь.

Посылалъ
Я золото поганому Мамаю,
Но онъ его не принялъ, отче!

игуменъ.

Княже!
Ты посылалъ, и онъ не принялъ дани?
Онъ въ гордости даровъ принять не хочетъ?

в. князь.

Онъ требуетъ, чтобъ я ему платилъ
Такой же выходъ, (²) какъ мой дѣдъ Иванъ
Даниловичъ (³) платилъ при Чанибекѣ. (⁴)
За что же, отче, станемъ мы платить?
Господь помогъ,—побили мы на Вожѣ
Мамаевыхъ любимцевъ и князей; (⁵)
Господь поможетъ, — побѣдимъ поганыхъ.

игуменъ.

Коль такъ, Господь тебя благословитъ
И покараетъ гордаго Мамая.

в. князь.

Хочу тебя просить покорно, отче!
Есть у тебя въ обители два брата:
Братъ Пересвѣтъ и братъ Ослябя. Отче,
Пошли ты ихъ со мной на бой великій.
Такихъ два воина — всей рати сила.

игуменъ *(отворяетъ двери и говоритъ въ сѣни).*

Ступай и позови ко мнѣ сейчасъ
Ты братьевъ Пересвѣта и Ослябю.
(затворяетъ двери и подходитъ къ в. князю.)
Скажи мнѣ, княже! въ глубинѣ души

Принесъ ли Господу ты покаянье?
Сказалъ ли ты: душа моя, проснися,—
Ужъ часъ приблизился? Омылъ ли ты
Слезами сердце? съ тяжкимъ воздыханьемъ
Поплакалъ ли ты о грѣхахъ великихъ?

в. князь (*становясь на колѣни*).

О Господи, Владыко, Вседержитель!
Духъ кротости и мудраго смиренья
И всепрощающей любви мнѣ даруй!
Ей, Господи, Царю, очисти очи,
Одѣтыя грѣховной пеленой,
Да прегрѣшенія свои я вижу ясно,
Да не дерзну я брата осуждать!

игуменъ (*вдохновенно*).

Се вижу я: отверзлись небеса;
Витаетъ смерть надъ Русскою землею
И вѣчные вѣнцы готовитъ многимъ.
Но не тебѣ! Ты, княже, побѣдишь.
Возстань! (*Князь встаетъ.*) иди, сразись за Бога смѣло!
Господь тебѣ прибѣжище и сила,
Заступница—Владычица Святая! (*цѣлуетъ его*)
(*Входятъ братъ Пересвѣтъ и Ослябя.*)

БР. ПЕРЕСВѢТЪ.

Ты, отче, повелѣлъ придти?

ИГУМЕНЪ.

Да, братья!

Братъ Пересвѣтъ и ты, Ослябя братъ!
Вы въ мірѣ воинами были, бились
За Господа и за святыя церкви,
И захотѣли потрудиться Богу
Въ обители духовными трудами;
Но нынѣ васъ Господь зоветъ на брань.
Идите и сразитесь, братья!

ОБА ЧЕРНЕЦА.

Отче!

За Господа готовы пострадать,
Мученія вѣнцы пріять готовы.

ИГУМЕНЪ.

И се на бой я васъ вооружу:
Вручу вамъ знаменье креста на схимахъ.

Да будетъ онъ оружье на враговъ
Нетлѣнное, да служитъ вамъ оно
Взамѣнъ шеломовъ и мечей! Идите
И собирайтесь съ княземъ въ путь-дорогу.

(Оба брата, поклонившись, уходятъ.)

В. КНЯЗЬ.

И мнѣ пора.

ИГУМЕНЪ.

Ты, княже, погоди.
Тебя я такъ не отпущу. Княгиня
Пенять мнѣ станетъ, что забылъ старикъ,
Не накормилъ, не напоилъ онъ князя.
Да, кстати; самъ пойдешь на бой ты, княже,
Она же пусть придетъ на богомолье,
Въ обители помолится усердно.
Пускай пѣшкомъ идетъ, не полѣнится;
Пусть бѣлое лицо обдуютъ вѣтры;
Пусть ноги притомятся, — ничего:
Для Господа потрудится.

В. КНЯЗЬ.

Пришлю.
Пойдемъ въ походъ, она на богомолье.

ИГУМЕНЪ.

Вотъ это дѣло. Такъ пойдемъ же, княже!
По трапезѣ напутственный молебенъ
Съ акаѳистомъ тебѣ я отслужу,
И окроплю тебя святой водою,
И осѣню крестомъ животворящимъ.
Пойдемъ же, княже! Не побрезгуй нами:
У насъ не то, что на Москвѣ у васъ;
Не обезсудь насъ, господине княже!
Не пировать, трапезовать зову.
Мы чѣмъ богаты, тѣмъ и рады. Такъ-то.

(идетъ, в. князь за нимъ.)

---

(1) *Батый*—см. ст. 36 прим. 5. (2) *Выходъ*—см. ст. 55 прим. 5. (3) *Иванъ Даниловичъ*- Калита, внукъ Александра Невскаго. (4) *Чанибекъ*—Татарскій ханъ. (5) Побѣда при рѣкѣ *Вожѣ* (1378 г.) была съ 1224 г. первою побѣдою, одержанною Русскими надъ Татарами.

60. Ночь предъ Мамаевымъ побоищемъ.

(8 Сентября 1380 г.)

Была ночь теплая и тихая, а послѣ полуночи пришелъ къ великому князю Димитрію Боброкъ, родомъ Волынецъ. Пришелъ онъ вмѣстѣ съ Ольгердовичами (¹) служить Димитрію противъ враговъ вѣры христіанской. Его знали за удалаго и смышленаго воителя и боялись мужества его. Опытный въ брани, онъ искусенъ былъ и въ гаданіяхъ, которыми тогда славились въ его родинѣ.—Хочешь ли, сказалъ великому князю Боброкъ:—я покажу тебѣ такія примѣты, по которымъ ты узнаешь, что случится впередъ?

Условились никому не говорить объ этомъ; Димитрій сѣлъ на своего боеваго коня и поѣхалъ вмѣстѣ съ Волынцемъ впередъ. Было передъ ними широкое, ровное поле, сзади Донъ, впереди рѣчка Непрядва, впадающая въ Донъ. Это поле звалось Куликово. Они остановились посреди поля въ ночной тьмѣ.

— Оборотись къ Татарской сторонѣ и слушай, князь! сказалъ Боброкъ. И стояли они нѣсколько времени молча, и слышны были имъ крикъ и стукъ, звучали трубы, а далѣе завывали волки и будто дрались между собою, а по правую сторону кричали птицы, граяли вороны, клектали орлы надъ рѣкою Непрядвою.

— Что слышишь? спросилъ Боброкъ.

— Страхъ и гроза! отвѣчалъ Димитрій.

— Теперь, сказалъ Боброкъ, обратись, княже, на Русскій полкъ.

Оба обернулись лицемъ къ Дону.

— Что слышишь? спросилъ Боброкъ послѣ нѣсколькихъ минутъ.

— Ничего не слышу, отвѣчалъ великій князь:—тишина великая; вижу только, будто отъ множества огней зарево.

Тогда сказалъ ему Димитрій Боброкъ: «Господине княже! благодари Бога, и Пречистую Богородицу, и великаго чудотворца Петра, и всѣхъ святыхъ: огни—это доброе знаменіе тебѣ. Призывай Бога на помощь и молись Ему часто; не оскудѣвай вѣрою къ Нему, и Пречистой Богородицѣ, и къ пастырю вашему и молебнику, великому чудотворцу Петру. Это добрыя примѣты. Но у меня есть еще иная примѣта.»

Онъ слѣзъ съ коня, упалъ на землю, приложилъ правое ухо къ землѣ, долго прислушивался, всталъ, потомъ приложилъ къ землѣ другое ухо и, вставши снова, былъ тревоженъ, потупилъ голову и ничего не говорилъ.

— Ну, что, братъ Димитрій? спросилъ его великій князь.

Боброкъ не отвѣчалъ и былъ смутенъ. Великій князь еще его спрашивалъ. Онъ молчалъ. Великій князь упрашивалъ его, умолялъ. Боброкъ прослезился.

Великій князь испугался и говорилъ: «братъ Димитрій! скажи мнѣ, иначе сердце у меня очень болитъ.»

— Господине княже! сказалъ ему Боброкъ:—только тебѣ одному повѣдаю, а ты никому не говори объ этихъ двухъ примѣтахъ: одна тебѣ на великую радость, а другая на великую скорбь. Я припадалъ къ землѣ ухомъ и слышалъ, какъ земля горько и страшно плакала: на одной сторонѣ, казалось, будто плачетъ женщина, мать о дѣтяхъ своихъ, и голоситъ по-татарски и разливается слезами; а на другой сторонѣ, казалось мнѣ, будто дѣвица плачетъ тонкимъ, свирѣльнымъ голосомъ, къ большой скорби и печали. Много я битвъ перебылъ, много примѣтъ испыталъ, и знаю я ихъ. Уповай на милость Божію: ты одолѣешь Татаръ, но твоего христіанскаго воинства падетъ подъ остріемъ меча многое множество.

Димитрій, услыша это, заплакалъ, но потомъ сказалъ: «Какъ угодно Господу, пусть и будетъ такъ! Кто воли Его противникъ?»

— Господине княже! сказалъ еще разъ Боброкъ:—не слѣдуетъ тебѣ никому говорить объ этомъ въ полкахъ, чтобы не уныло у многихъ сердце. Призывай Господа Бога на помощь, и Пречистую Богородицу, и великаго чудотворца Петра, и всѣхъ святыхъ; вооружайся животворящимъ крестомъ Христовымъ: то Его оружіе непобѣдимое.

Они уѣхали въ станъ, и за ними выли страшно волки; было такое ихъ множество, что казалось, будто со всего свѣта сбѣжались; и вороны кричали, и орлы клектали, и страшно было въ эту ночь.

---

(1) *Ольгердовичи*—сыновья Ольгерда, великаго князя Литовскаго, пришедшіе на помощь къ Димитрію Іоанновичу.

61. МАМАЕВО ПОБОИЩЕ.

(8 Сентября 1380 г.)

6 Сентября войско наше приближилось къ Дону, и князья разсуждали съ боярами, тамъ ли ожидать Моголовъ, (1) или идти далѣе. Мысли были несогласны. Ольгердовичи, князья Литовскіе, (2) говорили, что надобно оставить рѣку за собою, дабы удержать робкихъ отъ бѣгства; что Ярославъ Великій такимъ образомъ побѣдилъ Святополка (3) и Александръ Невскій Шведовъ. (4) Еще и другое, важнѣйшее обстоятельство было опорою сего мнѣнія: надлежало

предупредить соединеніе Ягайла (⁵) съ Мамаемъ. Великій князь рѣшился и, къ ободренію своему, получилъ отъ св. Сергія письмо, въ коемъ онъ благословлялъ его на битву, совѣтуя ему не терять времени. (⁶) Тогда же пришла вѣсть, что Мамай идетъ къ Дону, ежечасно ожидая Ягайла. Уже легкіе наши отряды встрѣчались съ Татарскими и гнали ихъ. Димитрій собралъ воеводъ и, сказавъ имъ: «часъ суда Божія наступаетъ!» 7 Сентября велѣлъ искать въ рѣкѣ удобнаго броду для конницы и наводить мосты для пѣхоты. Въ слѣдующее утро былъ густой туманъ, но скоро разсѣялся: войско перешло за Донъ и стало на берегахъ Непрядвы, гдѣ Димитрій устроилъ всѣ полки къ битвѣ... Димитрій, стоя на высокомъ холмѣ и видя стройные, необозримые ряды войска, безчисленныя знамена, развѣваемыя легкимъ вѣтромъ, блескъ оружія и доспѣховъ, озаряемыхъ яркимъ осеннимъ солнцемъ, — слыша всеобщія громогласныя восклицанія: «Боже! даруй побѣду государю нашему!» и вообразивъ, что многія тысячи сихъ бодрыхъ витязей падутъ чрезъ нѣсколько часовъ, какъ усердныя жертвы любви къ отечеству, Димитрій въ умиленіи преклонилъ колѣна и, простирая руки къ златому образу Спасителя, сіявшему вдали на *черномъ знамени* великокняжескомъ, молился въ послѣдній разъ за христіанъ и Россію; сѣлъ на коня, объѣхалъ всѣ полки и говорилъ рѣчь къ каждому, называя воиновъ своими вѣрными товарищами и милыми братьями, утверждая ихъ въ мужествѣ и каждому изъ нихъ обѣщая славную память въ мірѣ, съ вѣнцемъ мученическимъ за гробомъ.

Войско тронулось и въ шестомъ часу дня увидѣло непріятеля среди обширнаго поля Куликова. Съ обѣихъ сторонъ вожди наблюдали другъ друга и шли впередъ медленно, измѣряя глазами силу противниковъ: сила Татаръ еще превосходила нашу. Димитрій, пылая ревностію служить для всѣхъ примѣромъ, хотѣлъ сражаться въ передовомъ полку: усердные бояре молили его остаться за густыми рядами главнаго войска, въ мѣстѣ безопаснѣйшемъ. —Долгъ князя, говорили они, смотрѣть на битву, видѣть подвиги воеводъ и награждать достойныхъ. Мы всѣ готовы на смерть; а ты, государь любимый, живи и предай нашу память временамъ будущимъ. Безъ тебя нѣтъ побѣды.—Но Димитрій отвѣтствовалъ: «Гдѣ вы, тамъ и я. Скрываясь назади, могу ли сказать вамъ: *братья! умремъ за отечество?* Слово мое да будетъ дѣломъ! Я вождь и начальникъ: стану впереди и хочу положить свою голову въ примѣръ другимъ.» Онъ не измѣнилъ себѣ и великодушію: громогласно читая псаломъ: *Богъ намъ прибѣжище и сила*, пер[illegible] ударилъ на враговъ и бился мужественно, какъ рядовый во[illegible] наконецъ отъѣхалъ въ средину полковъ, когда битва сдѣла[illegible] общею.

[illegible]пространствѣ десяти верстъ лилася кровь христіанъ и не-

вѣрныхъ. Ряды смѣшались: индѣ Россіяне тѣснили Моголовъ, индѣ Моголы Россіянъ; съ обѣихъ сторонъ храбрые падали на мѣстѣ, а малодушные бѣжали: такъ нѣкоторые Московскіе неопытные юноши, думая, что все погибло, обратили тылъ. Непріятель открылъ себѣ путь къ большимъ или княжескимъ знаменамъ и едва не овладѣлъ ими: вѣрная дружина отстояла ихъ съ напряженіемъ всѣхъ силъ. Еще князь Владиміръ Андреевичъ, (⁷) находясь въ засадѣ, былъ только зрителемъ битвы и скучалъ своимъ бездѣйствіемъ, удерживаемый опытнымъ Димитріемъ Волынскимъ. (⁸) Насталъ девятый часъ дня: сей Димитрій, съ величайшимъ вниманіемъ примѣчая всѣ движенія обѣихъ ратей, вдругъ извлекъ мечъ и сказалъ Владиміру: «теперь наше время!» Тогда засадный полкъ выступилъ изъ дубровы, скрывавшей его отъ глазъ непріятеля, и быстро устремился на Моголовъ. Сей внезапный ударъ рѣшилъ судьбу битвы: враги изумленные, разсѣянные, не могли противиться новому строю войска свѣжаго, бодраго, и Мамай, съ высокаго кургана смотря на кровопролитіе, увидѣлъ общее бѣгство своихъ; терзаемый гнѣвомъ, тоскою, воскликнулъ: «великъ Богъ христіанскій!» и бѣжалъ вслѣдъ за другими. Полки Россійскіе гнали ихъ до самой рѣки Мечи, убивали, топили, взявъ станъ непріятельскій и несмѣтную добычу, множество телѣгъ, коней, вельблюдовъ, навьюченныхъ всякими драгоцѣнностями.

Мужественный князь Владиміръ, герой сего незабвеннаго для Россіи дня, довершивъ побѣду, сталъ *на костяхъ* или на полѣ битвы, подъ чернымъ знаменемъ княжескимъ, и велѣлъ трубить въ воинскія трубы: со всѣхъ сторонъ съѣзжались къ нему князья и полководцы, но Димитрія не было. Изумленный Владиміръ спрашивалъ: «гдѣ братъ мой и *первоначальникъ* нашей славы?» Никто не могъ дать объ немъ вѣсти. Въ безпокойствѣ, въ ужасѣ воеводы разсѣялись искать его, живаго или мертваго; долго не находили; наконецъ два воина увидѣли великаго князя лежащаго подъ срубленнымъ деревомъ. Оглушенный въ битвѣ сильнымъ ударомъ, онъ упалъ съ коня, обеспамятѣлъ и казался мертвымъ; но скоро открылъ глаза. Тогда Владиміръ, князья, чиновники, преклонивъ колѣна, воскликнули единогласно: «государь! ты побѣдилъ враговъ!» Димитрій всталъ: видя брата, видя радостныя лица окружающихъ его и знамена христіанскія надъ трупами Моголовъ, въ восторгѣ сердца изъявилъ благодарность Небу; обнялъ Владиміра, чиновниковъ; цѣловалъ самыхъ простыхъ воиновъ и сѣлъ на коня, здравый веселіемъ духа и не чувствуя изнуренія силъ. Шлемъ и латы его были изсѣчены, но обагрены единственно кровію невѣрныхъ: Богъ чудеснымъ образомъ спасъ сего князя среди безчисленныхъ опасностей, коимъ онъ съ излишнею пылкостію подвергался, сражаясь въ толпѣ непріятелей и часто оставляя за собою дружину свою. Димитрій, провождаемый князьями и боярами,

объѣхалъ поле Куликово, гдѣ легло множество Россіянъ, но въ четверо болѣе непріятелей, такъ что, по сказанію нѣкоторыхъ историковъ, число всѣхъ убитыхъ простиралось до двухъ сотъ тысячъ.

---

(1) *Моголы*—см. ст. 45 прим. 3 (2) *Ольгердовичи*—см. ст. 60 прим 1. (3) *Святополкъ*—убійца св. князей Бориса и Глѣба, побѣжденный Ярославомъ Владиміровичемъ, братомъ убитыхъ князей. (4) *Александръ Невскій*—см. ст. 53 ю. (5) *Ягайло*—великій князь Литовскій, заключившій союзъ съ Мамаемъ. (6) См. ст. 59-ю. (7) *Владиміръ Андреевичъ*—Храбрый, двоюродный братъ Димитрій Іоанновича. (8) *Димитрій Волынскій*—см. ст. 60-ю.

62. Плачъ великой княгини Евдокіи, супруги Димитрія Донскаго.

(Изъ Похвальнаго слова Димитрію Донскому.)

(1389 г.)

Видя Димитрія мертваго на одрѣ, княгиня горько восплакала, проливая слезы огненныя; гласъ ея какъ утреннее шептаніе ластовицы, какъ органы сладкозвучные. Такъ вѣщаетъ горестная: «Зашелъ свѣтъ очей моихъ; погибло сокровище моей жизни! Гдѣ ты, безцѣнный? Почто не отвѣтствуешь супругѣ?... Цвѣтъ прекрасный! для чего увядаешь столь рано? виноградъ многоплодный! уже ты не дашь плода моему сердцу, ни сладости душѣ моей!... Воззри, воззри на меня; обратися ко мнѣ на одрѣ своемъ; промолви слово! неужели забылъ меня? Се жена и дѣти твои!.. Кому супругу приказываешь? на кого сиротъ оставляешь?.. Царь мой милый! какъ обниму тебя? какъ послужу тебѣ?... Гдѣ честь твоя и слава? Былъ государемъ всей земли Русской: нынѣ мертвъ и ничѣмъ не владѣешь! Побѣдитель народовъ побѣжденъ смертью! Измѣнилась твоя слава вмѣстѣ съ лицемъ твоимъ!... О жизнь души моей! не знаю, какъ ласкать, какъ миловать тебя!... Багряницу многоцѣнную промѣнялъ ты на сіи ризы бѣдныя! Не моего наряда одежду на себя возлагаешь!... Отвергнувъ княжескій вѣнецъ, худымъ платомъ главу покрываешь! Изъ палаты красной въ сей гробъ переселяешься!... Ахъ! если бы Господь услышалъ молитву мою!... Молися и ты за свою княгиню, да умру съ тобою, бывъ неразлучна съ тобою въ жизни!... Еще юность насъ не оставила; еще старость насъ не постигла! Ахъ! не долго я радовалась моимъ другомъ! За веселіе пришли слезы, за утѣхи скорбь несносная!... Почто я родилася? или почто не умерла прежде тебя? Тогда я не видала бы твоей кончины, а своей погибели!... Не слышишь жалкихъ рѣчей моихъ, не умиляешься моими слезами [illegible]! Крѣпко уснулъ, царь мой; не могу разбудить тебя! Съ

какой войны пришелъ ты, любезный? Отъ чего столь утомился? Звѣри земные идутъ на ложе свое, а птицы небесныя летятъ ко гнѣздамъ: ты же, любезный, отходишь на-вѣки отъ своего дому!... Кому уподоблю, какъ назову себя! Вдовою ли? ахъ! не знаю сего имени! Женою ли? но царь оставилъ меня!... Вдовы старыя! утѣшайте меня! Вдовы юныя! плачьте со мною! Горесть вдовья жалостнѣе всѣхъ горестей.... Боже великій, Царь царей! Ты единъ буди мнѣ истиннымъ утѣшителемъ!»

63. Смуты въ Новгородѣ.

(По лѣтописи.)

(1418 г.)

Въ 1418 году какой-то простолюдинъ, Степанъ, схватилъ боярина Даніила Ивановича и сталъ кричать прохожимъ: «Господа, помогите мнѣ управиться съ этимъ злодѣемъ!» Прохожіе кинулись на Даніила, поволокли его къ толпѣ, собравшейся на вѣчѣ (1) и стали бить; между прочимъ выскочила изъ толпы какая-то женщина и начала бранить и бить его какъ неистовая, крича, что онъ ее обидѣлъ; наконецъ полумертваго Даніила свели съ вѣча и сбросили съ моста. Но одинъ рыбакъ, Личковъ сынъ, захотѣлъ ему добра и взялъ на свой челнъ; народъ разъярился на рыбака и разграбилъ его домъ, а самъ онъ успѣлъ скрыться. Дѣло этимъ не кончилось, потому что бояринъ Даніилъ хотѣлъ непремѣнно отомстить Степану: онъ схватилъ его и сталъ мучить. Когда разнеслась въ народѣ вѣсть, что Степанъ схваченъ; то зазвонили вѣче на дворѣ Ярославовомъ, (2) собралось множество народа, и нѣсколько дней сряду кричали: «пойдемъ на этого Даніила, разграбимъ его домъ!» подняли доспѣхи, развернули знамя и пошли на Козмодемьянскую улицу, гдѣ разграбили домъ Даніиловъ и много другихъ домовъ, а на Яневой улицѣ пограбили берегъ. Тогда Козмодемьянцы, боясь, чтобъ не было съ ними чего хуже, рѣшились выпустить Степана и, пришедши къ архіепископу, стали умолять его, чтобъ вступился въ дѣло и послалъ къ людскому собранію; святитель исполнилъ ихъ просьбу и послалъ священника Козмодемьянскаго вмѣстѣ съ своимъ бояриномъ, которые и освободили Степана. Но и этимъ дѣло не кончилось: народъ всталъ, какъ пьяный, на другаго боярина, Ивана Іевлича; разграбилъ его домъ на Чудинцевой улицѣ и много другихъ домовъ боярскихъ. Мало того: разграбили и Никольскій монастырь на полѣ, говоря, что тутъ житницы боярскія; потомъ, въ то же утро, разграбили много дворовъ на Люгощѣ улицѣ, говоря, что тамъ живутъ ихъ супостаты; пришли было и на Прусскую улицу, но жи-

тели ея отбились отъ грабителей, и это послужило поводомъ къ большему смятенію. Вѣчники прибѣжали на свою Торговую сторону и начали кричать, что Софійская сторона хочетъ на нихъ вооружиться и домы ихъ грабить; начали звонить по всему городу,—и вотъ съ обѣихъ сторонъ толпы повалили какъ на рать, въ доспѣхахъ, на большой мостъ; стали уже падать и мертвые: одни отъ стрѣлъ, другіе отъ лошадей. Въ то же самое время страшная гроза разразилась надъ городомъ съ громомъ и молніею, дождемъ и градомъ; ужасъ напалъ на обѣ стороны, и многіе начали уже переносить имѣніе свое въ церкви. Тогда владыка Симеонъ пошелъ въ церковь св. Софіи, облачился, велѣлъ взять крестъ и образъ Богородицы и пошелъ на большой мостъ; за нимъ слѣдовали священники, причетъ церковный и толпа народу. Многіе добрые люди плакали, говоря: «да укротитъ Господь народъ молитвами господина нашего святителя!» другіе, припадая къ ногамъ владыки, съ плачемъ говорили: «иди, святитель; благослови народъ, да утишитъ Господь твоимъ благословеніемъ усобную рать!» а иные прибавляли: «пусть все зло падетъ на зачинщиковъ!» Между тѣмъ крестный ходъ, не взирая на тѣсноту отъ вооруженныхъ людей, достигъ большаго моста; владыка сталъ посреди него и началъ благословлять крестомъ на обѣ стороны: тогда одни, видя крестъ, начали кланяться, другіе прослезились. Отъ Софійской стороны пришелъ старый посадникъ, (²) Θедоръ Тимоθеевичъ, съ другими посадскими и тысяцкими, (³) и сталъ просить владыку, чтобъ установилъ народъ; владыка послалъ духовника своего, архимандрита Варлаама, и протодьякона на дворъ Ярославовъ, къ св. Николѣ, отнести благословеніе степенному посаднику, Василью Осиповичу, тысяцкому, всему народу, и сказать имъ, чтобъ расходились по домамъ. Тѣ отвѣчали: «пусть святитель прикажетъ своей сторонѣ разойтись, а мы здѣсь своимъ, по его благословенію, приказываемъ то же самое;» — и такимъ образомъ всѣ разошлись.

(¹) *Вѣче*—см. ст. 13 прим. 5. (²) *Ярославовъ*—Ярослава, сына Владиміра Равноапостольнаго. (³) *Тысяцкой*—см. ст. 57 прим. 2.

64. ОСЛѢПЛЕНІЕ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ВАСИЛІЯ ВАСИЛЬЕВИЧА. (¹)

(1446 г.)

Василій, слѣдуя обычаю отца и дѣда, поѣхалъ молиться въ Троицкую обитель, славную добродѣтелями и мощами св. Сергія, взявъ съ собою двухъ сыновей съ малымъ числомъ придворныхъ. Заго-

ворщики (*) дали о томъ вѣсть Шемякѣ и князю Можайскому Іоанну, которые были въ Рузѣ, имѣя въ готовности цѣлый полкъ вооруженныхъ людей. Февраля 12 ночью они пришли къ Кремлю, гдѣ царствовала глубокая тишина; никто не мыслилъ о непріятелѣ; всѣ спали: бодрствовали только измѣнники, и безъ шума отворили имъ ворота. Князья вступили въ городъ, вломились во дворецъ, захватили мать, супругу, казну Василіеву, многихъ вѣрныхъ бояръ, опустошивъ ихъ домы; однимъ словомъ, взяли Москву. Въ ту же самую ночь Шемяка послалъ Іоанна Можайскаго съ воинами къ Троицкой лаврѣ. . . . .

Великій князь, ничего не зная, слушалъ обѣдню у гроба св. Сергія. Вдругъ вбѣгаетъ въ церковь одинъ дворянинъ, именемъ Бунко, и сказываетъ о происшедшемъ. Василій не вѣритъ. Сей дворянинъ служилъ прежде ему, а послѣ отъѣхалъ къ Шемякѣ, и тѣмъ болѣе казался вѣстникомъ ненадежнымъ.—Вы только мутите насъ, отвѣтствовалъ Василій:—я въ мирѣ съ братьями,—и выгналъ Бунка изъ монастыря; но одумался и послалъ нѣсколько человѣкъ занять гору на Московской дорогѣ. Передовые воины Іоанновы, увидѣвъ сихъ людей, извѣстили о томъ своего князя: онъ велѣлъ закрыть 40 или 50 саней цыновками и, спрятавъ подъ ними ратниковъ, отправилъ ихъ къ горѣ. Стражи Василіевы дремали, не вѣря слуху о непріятелѣ, и спокойно глядѣли на мнимый обозъ, который, тихо взъѣхавъ на гору, остановился: цыновки слетѣли съ саней; явились воины и схватили оплошную стражу. Тогда увѣренные, что жертва въ ихъ рукахъ, они сѣли на коней и пустились во всю прыть къ селу Клементьевскому. Уже Василій не могъ сомнѣваться въ опасности, собственными глазами видя скачущихъ всадниковъ: бѣжитъ на конюшенный дворъ, требуетъ лошадей и не находитъ ничего готоваго; всѣ люди въ изумленіи отъ ужаса; не знаютъ, что говорятъ и дѣлаютъ. Уже всадники предъ вратами монастырскими. Великій князь ищетъ убѣжища въ церкви: понамарь, впустивъ его, запираетъ двери. Чрезъ нѣсколько минутъ монастырь наполнился людьми вооруженными: самъ Іоаннъ Можайскій подъѣхалъ на конѣ къ церкви и спрашивалъ: гдѣ великій князь? Услышавъ его голосъ, Василій громко закричалъ: «Братъ любезный! помилуй! Не лишай меня святаго мѣста: никогда не выду отсюда: здѣсь постригуся, здѣсь умру.» Взявъ съ гроба Сергіева икону Богоматери, онъ немедленно отперъ южныя двери церковныя, встрѣтилъ Іоанна и сказалъ ему: «братъ и другъ мой! животворящимъ крестомъ и сею иконою въ сей церкви, надъ симъ гробомъ преподобнаго Сергія, клялися мы въ любви и вѣрности взаимной; а что теперь дѣлается надо мною, не понимаю.» Іоаннъ отвѣтствовалъ: «Государь! если захотимъ тебѣ зла, да будетъ и намъ зло. Нѣтъ, желаемъ единственно добра христіанству и поступаемъ такъ съ намѣреніемъ устрашить Махмето-

выхъ слугъ, пришедшихъ съ тобою, чтобы они уменьшили тво[и] окупъ. (³) Великій князь поставилъ икону на ея мѣсто, палъ ниц[ъ] предъ ракою св. Сергія и началъ молиться громогласно, съ та[]кимъ умиленіемъ, съ такимъ жаромъ, что самые злодѣи его н[е] могли отъ слезъ удержаться; а князь Іоаннъ, кивнувъ головою предъ образами, спѣшилъ выйдти изъ церкви и тихо сказалъ боярину Шемякину, Никитѣ: «возьми его!» Василій всталъ и спросилъ: «гдѣ братъ мой, Іоаннъ?» — Ты плѣнникъ великаго князя Димитрія Юрьевича, отвѣчалъ Никита, схвативъ его за руки.—«Да будетъ воля Божія!» сказалъ Василій. Жестокій вельможа посадилъ несчастнаго князя въ голыя сани вмѣстѣ съ какимъ-то монахомъ и повезъ въ столицу, а Московскихъ бояръ всѣхъ оковали цѣпями; другихъ же слугъ великокняжескихъ ограбили и пустили нагихъ.

На другой день привезли Василія въ Москву прямо на дворъ къ Шемякѣ, который жилъ въ иномъ домѣ; на четвертый день, ночью, ослѣпили великаго князя, отъ имени Димитрія Юрьевича, Іоанна Можайскаго и Бориса Тверскаго, которые велѣли ему сказать: «для чего любишь Татаръ и даешь имъ Русскіе города въ кормленіе? для чего серебромъ и золотомъ христіанскимъ осыпаешь невѣрныхъ? для чего изнуряешь народъ податями? для чего ослѣпилъ ты брата нашего, Василія Косаго?» (⁴)

(¹) *Василій Васильевичъ Темный*—сынъ Василія Димитріевича, внукъ Димитрія Донскаго. (²) *Заговорщики*—кн. Димитрій Шемяка и Іоаннъ Можайскій, двоюродные братья Васильевы. кн. Борисъ Тверской, бояре умершаго дяди Васильева и нѣкоторые Московскіе измѣнники. (³) Василій Васильевичъ былъ взятъ въ плѣнъ Казанскимъ царемъ Улу-Махметомъ и освобожденъ за выкупъ. (⁴) *Василій Косой*—родной братъ Димитрія Шемяки, ослѣпленный Василіемъ Васильевичемъ.

65. ЕГОРІЙ И ТАТАРЫ.

(Народная легенда.)

Не въ чуждомъ царствѣ, а въ нашемъ государствѣ было, родимый, времячко,—охъ-охъ-охъ! Въ то время было у насъ много царей, много князей, и Богъ вѣсть, кого слушаться; ссорились они промежъ себя, дрались и кровь христіанскую даромъ проливали. А тутъ набѣжалъ злой Татаринъ, заполонилъ всю землю Мещерскую, выстроилъ себѣ городъ Касимовъ, (¹) и началъ онъ брать вьюницъ (²) и красныхъ дѣвицъ себѣ въ прислугу; обращалъ ихъ въ свою вѣру поганую и заставлялъ ихъ ѣсть пищу нечистую, маханину. (³) Горе, да и только: слезъ-то, слезъ-то что́ было пролито! всѣ православные по лѣсамъ разбѣжались, подѣлали тамъ себѣ землянки и жили съ волками; храмы Божьи всѣ были разо[illegible]ны,—негдѣ было и Богу помолиться.

И вотъ жилъ да былъ въ нашей Мещерской сторонѣ добрый мужичекъ Антипъ, а жена его Марья была такая красавица, что ни перомъ написать, только въ сказкѣ сказать. Были Антипъ съ Марьею люди благочестивые, часто молились Богу, и далъ имъ Господь сына красоты невиданной. Назвали они сына Егоріемъ; росъ онъ не по днямъ, а по часамъ; разумъ-то у Егорья былъ не младенческій: бывало, услышитъ какую молитву — и пропоетъ ее, да такимъ голосомъ, что ангелы на небеси радуются. Вотъ услыхалъ схимникъ Ермогенъ объ умѣ-разумѣ младенца Егорія, выпросилъ его у родителей учить слову Божьему. Поплакали, погоревали отецъ съ матерью, помолились и отпустили Егорья въ науку.

А былъ въ то время въ Касимовѣ ханъ какой-то Брагимъ, [*] и прозвалъ его народъ Зміемъ-Горюнычемъ: такъ онъ былъ золъ и хитеръ, — просто православнымъ житья отъ него не было! Бывало, выѣдетъ на охоту дикаго звѣря травить, никто не попадайся, сейчасъ заколетъ, а молодицъ да красныхъ дѣвицъ тащитъ въ свой городъ Касимовъ. Встрѣтилъ разъ онъ Антипа да Марью, и больно полюбилась она ему; сейчасъ велѣлъ ее схватить и тащить въ городъ Касимовъ, и Антипа тутъ же предалъ злой смерти. Какъ узналъ Егорій о несчастной долѣ родителей, горько заплакалъ и сталъ усердно Богу молиться за мать за родную, и Господь услышалъ его молитву. Вотъ, какъ подросъ Егорій, вздумалъ онъ пойти въ Касимовъ-градъ, чтобы избавить мать свою отъ злой неволи; взялъ благословеніе отъ схимника и пустился въ путь-дорожку. Долго ли, коротко ли шелъ онъ, только приходитъ въ палаты Брагимовы и видитъ: стоятъ злые нехристи и нещадно бьютъ мать его родную. Повалился Егорій самому хану въ ноги и сталъ просить за мать за родную; Брагимъ, грозный ханъ, закипѣлъ на него гнѣвомъ; велѣлъ схватить и предать различнымъ мученіямъ. Егорій не устрашился и сталъ возсылать мольбы свои къ Богу. Вотъ повелѣлъ ханъ пилить его пилами, рубить топорами: у пилъ зубья посшиблись, у топоровъ лезвія выбивались. Повелѣлъ ханъ варить его въ смолѣ кипучей, и святой Егорій поверхъ смолы плаваетъ. Повелѣлъ ханъ посадить его въ глубокій погребъ: тридцать лѣтъ сидѣлъ тамъ Егорій, все Богу молился; и вотъ поднялась буря страшная, разнесли вѣтры всѣ доски дубовыя, всѣ пески желтые, и вышелъ святой Егорій на вольный свѣтъ. Увидалъ въ полѣ: стоитъ осѣдланный конь, а возлѣ лежитъ мечъ-кладенецъ, копье острое. Вскочилъ Егорій на коня, пріуправился и поѣхалъ въ лѣсъ; повстрѣчалъ здѣсь много волковъ и напустилъ ихъ на Брагима, хана грознаго. Волки съ нимъ не сладили, и наскочилъ на него самъ Егорій, и закололъ его острымъ копьемъ, а мать свою отъ злой неволи свободилъ.

А послѣ того выстроилъ святой Егорій соборную церковь, за-

Теплой твоей, о Софія, молитвы
Спасъ не услышалъ!...
На мосту стояла старица,
На мосту чрезъ синій Волховъ:
Не пройдетъ ли красный молодецъ
Чрезъ широкій, синій Волховъ?
Проѣзжало много всадниковъ,
Много пѣшихъ проходило;
Было много изувѣченныхъ
И покрытыхъ черной кровью
Что прошелъ ли добрый молодецъ?
Не прошелъ ли онъ чрезъ Волховъ?...

(¹) *Волховъ*—рѣка въ Великомъ Новгородѣ. (²) *Шалонь*—рѣка, при которой в[ойска] Іоанна III одержали побѣду надъ Новгородцами въ 1471 году. (³) *Свят[ая] Софія*—Владиміръ Ярославичъ, внукъ Владиміра Равноапостольнаго, построи[лъ] въ Новгородѣ соборъ во имя св. Софіи, которую Новгородцы и стали почит[ать] покровительницею своего города. (⁴) *Стягъ*—см. ст. 32 прим. 2.

68. НОВГОРОДЪ. (¹)

(1478 г.)

Время пролетѣло,
Слава прожита,
Вѣче (²) онѣмѣло,
Сила отнята.
Городъ воли дикой,
Городъ буйныхъ силъ,
Новгородъ Великой
Тихо опочилъ.
Слава отшумѣла,
Время протекло,
Площадь опустѣла,
Вѣче отошло.
Вольницу избили,
Золото свезли, (³)
Вѣче распустили,
Колоколъ снесли. (⁴)
Порѣшили дѣло:
Все кругомъ молчитъ,
Только Волховъ смѣло
О быломъ шумитъ,
Бѣлой плачетъ кровью
О былыхъ бояхъ
И поетъ съ любовью
О старинныхъ дняхъ.
Путникъ тихо внемлетъ
Пѣснѣ ярыхъ волнъ
И опять задремлетъ,
Тайной думы полнъ.

(¹) *Новгородъ* былъ покоренъ Іоанномъ III. (²) *Вѣче*—см. ст. 13 прим. 5. (³) По ск[а]занію современника, Іоаннъ вывезъ изъ Новгорода 300 возовъ серебра, золо[та] и драгоцѣнныхъ каменьевъ. (⁴) Вѣчевой *колоколъ* былъ отправленъ въ Москву и повѣшенъ на колокольнѣ Успенскаго собора.

69. ГРАМОТНОСТЬ НА РУСИ ВЪ КОНЦѢ XV СТОЛѢТІЯ.

(Изъ письма Геннадія, архіепископа Новгородскаго, къ Симону, митрополиту Московскому.)

Билъ я челомъ государю великому князю (Іоанну Васильевичу III-му), чтобъ велѣлъ училища устроить. Вѣдь я своему государю

напоминаю объ этомъ для его же чести и спасенія. а намъ бы просторъ былъ: когда приведутъ ко мнѣ ставленика (1) грамотнаго, то я велю ему ектенію выучить, да и ставлю его и отпускаю тотчасъ же, научивъ, какъ божественную службу совершать; и такіе на меня не ропщутъ. Но вотъ приведутъ ко мнѣ мужика: я велю ему апостолъ дать читать, а онъ и ступить не умѣетъ; велю дать псалтырь, онъ и по тому едва бредетъ; я ему откажу, а они кричатъ: земля, господинъ, такая; не можемъ добыть человѣка, кто бы грамотѣ умѣлъ. Но вѣдь это всей землѣ позоръ, будто нѣтъ въ землѣ человѣка, кого бы можно въ попы поставить! Бьютъ мнѣ челомъ: пожалуй, господинъ, вели учить. Вотъ я и прикажу учить его ектеніямъ, а онъ и къ слову не можетъ пристать: ты говоришь ему то, а онъ совсѣмъ другое; велю учить азбукѣ, а онъ, поучившись немного, да просится прочь, не хочетъ учиться; а иной и учится, но не усердно и потому живетъ долго. Вотъ такіе-то меня и бранятъ; а мнѣ что же дѣлать? не могу, не учивши, ихъ поставить. Для того-то я и бью челомъ государю, чтобъ велѣлъ училища устроить: его разумомъ и грозою, а твоимъ благословеніемъ это дѣло исправится. Ты бы, господинъ отецъ нашъ, государей нашихъ великихъ князей просилъ, чтобъ велѣли училища устроить; а мой совѣтъ таковъ, что учить въ училищѣ сперва азбукѣ, а потомъ псалтыри съ слѣдованіемъ накрѣпко; когда это выучатъ, то могутъ читать всякія книги. А вотъ мужики невѣжды учатъ ребятъ, только рѣчь имъ портятъ: прежде выучитъ вечерню, и за это мастеру принесетъ кашу да гривну денегъ, за заутреню то-же, или еще и больше, за часы особенно, да подарки еще несетъ кромѣ условной платы; а отъ мастера отойдетъ—ничего не умѣетъ, только бредетъ по книгѣ, о церковномъ же порядкѣ понятія не имѣетъ. Если государь прикажетъ учить и цѣну назначитъ, что брать за ученье, то учащимся будетъ легко, а противиться никто не посмѣетъ; да чтобъ и поповъ ставленныхъ велѣлъ учить, потому что нерадѣніе въ землю вошло. Вотъ теперь у меня побѣжали четверо ставлениковъ: Максимка, да Куземка, да Аѳанаська, да Емельянка мясникъ: этотъ и съ недѣлю не поучился — побѣжалъ. Православны ли такіе будутъ?.. По мнѣ такихъ нельзя ставить въ попы; о нихъ Богъ сказалъ чрезъ пророка: «ты разумъ мой отверже, Азъ же отрину тебя, да не будеши мнѣ служитель.»

---

(1) *Ставленикъ*—предназначенный къ посвященію въ священники, діаконы или причетники.

70. ІОАННЪ III И ЕГО ВНУКЪ ДИМИТРІЙ. (1)

(27 Октября 1503 г.)

Это было 27 Октября 1505 года. Будто къ вѣнчанію ца Москва снарядилась и изукрасилась. Соборъ Успенскій, церко Благовѣщенія, Грановитая палата, Теремный дворецъ, Кремль своими стрѣльницами, (2) множество каменныхъ церквей и домов разсыпанныхъ по городу,—все это, только что вышедшее изъ-по рукъ искусныхъ зодчихъ, носило на себѣ печать свѣжести и нови ны, какъ бы возникло въ одинъ день волею всемогущею. Дѣйстви тельно, все это было сотворено въ короткое время геніемъ Іоан III. Кто оставилъ бы Москву за тридцать лѣтъ назадъ бѣдно ничтожною, похожею на большое село, огороженное дѣтинцемъ, не узналъ бы ея, увидавъ теперь.. Также скоро и вся Русь подня лась на ноги по одному молодецкому окрику этого генія. Взяв исполина младенца подъ свою царскую опеку, онъ сорвалъ съ нег пелены и не по годамъ, а по часамъ, воспиталъ его на богатырств Новгородъ и Псковъ, не ломавшіе ни передъ кѣмъ шапки, сняли ее передъ нимъ, да еще принесли въ ней свою волю и золото иго ханское свержено и переброшено за рубежъ земли Русской Казань, хотя отъигрывалась еще отъ великаго ловчаго, но отъигрыва лась, какъ волчица, которой некуда утечь; удѣлы сплавлены и выкованы въ одинъ могучій особнякъ, и тотъ, кто все это сотворилъ, первый изъ Русскихъ властителей воплотилъ въ себѣ идею царя.

Однако-жъ 27-го Октября 1505 года, изукрашенная имъ Москва готовилась не къ радостному, а печальному торжеству: Іоаннъ, изнемогая и духомъ, и тѣломъ, лежалъ на смертномъ одрѣ; онъ забывалъ свои подвиги, онъ помнилъ только грѣхи свои и каялся въ нихъ.

Было время къ вечеру. Въ храмахъ горѣли одинокія лампады; сквозь слюду и пузыри оконъ свѣтились въ домахъ огни, зажженные вѣрою и нуждою. Нигдѣ народная любовь не теплила ихъ, потому что народъ не понималъ заслугъ *Великаго* и не любилъ его за нововведенія. Въ одномъ углу казеннаго двора *черная* изба позднѣе другихъ домовъ освѣтилась слабымъ огонькомъ. На пузырную оболочку окна ея желѣзная рѣшетка съ ершами отбросила клѣтчатую тѣнь, которую однако-жъ пестрила точка, то блестящая какъ искра, то вьющая струю пара. Знать, узникъ провертѣлъ отверстіе въ пузырѣ, чтобы украдкою отъ своего сторожа глядѣть на свѣтъ Божій.

Это была тюрьма, и въ ней на этотъ разъ томился молодой узникъ. Ему казалось не больше 20 лѣтъ. Такъ молодъ! Какія же раннія преступленія могли привести его сюда? По лицу его не вѣришь этимъ преступленіямъ, не вѣришь, чтобы Богъ создалъ та обманчивую наружность. Такъ пригожъ и благовиденъ, что,

ляжется, ни одинъ черный помыселъ не пробѣжитъ по спокойному челу, ни одна страсть не заиграетъ въ его глазахъ, исполненныхъ любви къ ближнему и безмятежной грусти. И между тѣмъ статенъ, величавъ; какъ встрепенется изъ дремоты своей, какъ тряхнетъ черными кудрями, видѣнъ забывшійся господинъ, а не рабъ. Руки его бѣлы, нѣжны, словно женскія. На косомъ воротѣ рубашки горитъ изумрудная запонка. Въ сырой, закопченной избѣ, на широкомъ прилавкѣ, пуховикъ, съ изголовьемъ изъ мисюрской камки (4) и съ шелковымъ одѣяломъ, а подлѣ постели ларецъ изъ бѣлой кости филиграновой (5) работы. Видно, не простой узникъ.

Не простой, да еще вѣнчанный.... И чистъ дѣлами и помыслами, какъ житель не земной. Всѣ его преступленія—въ вѣнцѣ, котораго онъ не искалъ, и который надѣла на него прихоть властителя; никакой крамолѣ, никакому злу не причастный, онъ виноватъ за чужія вины, за честолюбіе двухъ женщинъ, (6) за коварство царедворцевъ, за гнѣвъ дѣда на стороннихъ, не на него-жъ. Ему назначили царство, и отвели въ тюрьму! Онъ не понималъ, почему вѣнчаютъ его, и теперь не понимаетъ, за что его лишили свободы, свѣта Божьяго, всего, въ чемъ не отказываютъ и смерду. (7) За него ближніе и молиться не смѣютъ вслухъ.

Это внукъ Іоанна III, единственное дитя любимаго сына сего, злополучный Дмитрій Іоанновичъ.

То сидѣлъ онъ въ грустномъ раздумьѣ, облокотясь на колѣна и утопивъ пальцы въ чернокудрой головѣ, то вставалъ, то ложился. Онъ метался, какъ будто дали ему отраву. Никого съ нимъ не было. Одинокій огонекъ освѣщалъ его бѣдное, несчастное жилище. Тишину избы нарушали капель съ потолка или мышь, подбиравшая крохи отъ трапезы узника. Огонекъ то замиралъ, то вспыхивалъ, и въ эти переливы свѣта, казалось, ползли по стѣнѣ ряды огромныхъ пауковъ. Въ самомъ же дѣлѣ это были каракульки на разныхъ языкахъ, начертанныя углемъ или гвоздемъ. Едва можно было разобрать въ нихъ: *«Matheas»*; *Марѳа, посадница Великаго Новгорода»*; *«Будь проклятъ!» «Liebe Mutter, liebe A...»* (8) и еще, еще какія-то слова, разорванныя струями, которыя текли по стѣнѣ, или стертыя негодованіемъ или невѣжествомъ сторожей. Дверь темницы тихонько отворилась. Дмитрій Іоанновичъ встрепенулся.—Аѳоня! это ты?—радостно спросилъ онъ; но, увидавъ, что принялъ вошедшаго за другаго, присовокупилъ съ грустью: «Ахъ, это ты, Небогатый!.., Что-жъ нейдетъ Аѳоня?... Мнѣ скучно, мнѣ тошнехонько; меня тоска гложетъ, будто змѣя подколодная лежитъ у сердца. Вѣдь ты сказалъ, что будетъ Аѳоня, когда огни зажгутъ въ домахъ?»

— Аѳанасій Никитичъ никогда не кривитъ словомъ, не то что глазомъ, сказалъ дьякъ Димитрія, Небогатый, приставникъ добрый, услужливый и между тѣмъ строгій въ исполненіи наставленій, данныхъ великимъ княземъ, какъ стеречь внука. — Успокойся,

Дмитрій Ивановичъ, голубчикъ мой! Ужъ, конечно, скоро придет нашъ краснобай. Ты самъ вѣдаешь, хилъ становится, худо видит такъ бредетъ себѣ ощупью. А ты покуда, милое дитятко мое, поиграй, потѣшься своими игрушками. Присядь себѣ хорошенько на постелюшкѣ; я подамъ тебѣ твой ларецъ.

И Дмитрій Ивановичъ, дитя, которому было за 20 лѣтъ, отъ скуки его томившей, исполнилъ тотчасъ предложеніе своего дьяка: сѣлъ съ ногами на постель, взялъ костяной ларецъ себѣ на колѣна и отперъ его ключемъ, который висѣлъ у него на поясѣ. Понемногу одна за другою, выходили на свѣтъ Божій дорогія вещицы, заключенныя въ этомъ ларцѣ. Княжичъ подносилъ къ огню то цѣпь золотую съ медвѣжьими головками, или чешуйчатый золотой поясъ, то жуковины (*) яхонтовыя и изумрудныя, то крестики, монисты, запястья, запонки драгоцѣнныя; любовался ими, надѣвалъ ожерелья себѣ на шею и спрашивалъ дьяка, идутъ ли они къ нему; бралъ зерна бурмицкія и лалы ([10]) въ горсть; пускалъ ихъ, будто дождь, сквозь пальцы; тѣшился ихъ игрою, какъ настоящее дитя, и вдругъ, послышавъ голосъ въ ближней комнатѣ, бросилъ все кое-какъ въ ларецъ. Лицо его просіяло.

— Это Аѳоня! молвилъ онъ, отдавая ларецъ дьяку, и слѣзъ съ постели.

— Запри, Дмитрій Ивановичъ! сказалъ съ твердостью Небогатый:— безъ того не приму.

Проворно щелкнулъ ключъ въ ларцѣ; дверь отворилась, и вошелъ въ избу тюремную старичекъ небольшаго роста, сгорбившійся подъ ношею лѣтъ; ими золотилось уже серебро волосъ его. Отъ маковки головы до конца вѣкъ лѣваго глаза врѣзался глубокій шрамъ, опустившій такимъ образомъ надъ этимъ глазомъ вѣчную занавѣску; за то другой глазъ вправленъ былъ въ свое мѣсто, какъ драгоцѣнный камень чудной воды, потому что блисталъ огнемъ необыкновеннымъ и, казалось, смотрѣлъ за себя и своего бѣднаго собрата. Сынъ не встрѣчаетъ ласковѣе отца, нѣжно любимаго, какъ встрѣтилъ старика Дмитрій Ивановичъ. Радость горѣла въ очахъ царевича, въ каждомъ движеніи его. Онъ принималъ отъ гостя посохъ, стряхалъ съ него порошинки снѣга, обнималъ его, усаживалъ на почетное мѣсто своей постели. А гость былъ не иной кто, какъ Тверской купецъ Аѳанасій Никитинъ, купецъ безъ торговли, безъ денегъ, убогій, но богатый свѣдѣніями, собранными имъ на отважномъ пути въ Индію, богатый опытами и вымыслами, которые онъ сверхъ того умѣлъ украшать сладкою, вкрадчивою рѣчью. Онъ жилъ пособіями другихъ и не былъ ни у кого къ долгу: богатымъ платилъ своими сказками, а бѣдныхъ дарилъ ими. Ему позволено было посѣщать великаго князя Дмитрія Ивановича, котораго однако-жъ запрещено было называть великимъ княземъ. Можно судить, какъ онъ наполнялъ ужасную пустоту его заключенія и какъ поэтому былъ до-

рогъ для него. Что-жъ давалъ ему за труды Дмитрій? Много, очень много для добраго сердца: свои радости, единственныя, какія оставались у него въ свѣтѣ, и эту награду Тверитянинъ не промѣнялъ бы на золото. Какъ-то разъ хотѣлъ царевичъ подарить ему дорогую вещицу изъ своего костянаго ларца; но дьякъ съ бережью напомнилъ узнику, что всѣ вещи въ ларцѣ его, что онъ можетъ играть ими, сколько душѣ угодно, да располагать ими не воленъ.

Вчера Аѳанасій Никитинъ началъ современную ему повѣсть о Нѣмчинѣ, прозванномъ Басурманомъ; нынѣ, усѣвшись, продолжалъ ее. Рѣчь его текла, какъ пѣснь соловушки, которагό можно заслушаться отъ зари вечерней до утренней, не смыкая глазъ. Жадно внималъ царевичъ разсказщику; рдѣли щеки его, и нерѣдко струились по нимъ слезы. Далеко, очень далеко уносился онъ изъ тюрьмы своей, и только по временамъ грубая брань сторожей за перегородкою напоминала ему горькую существенность. Между тѣмъ дьякъ Небогатый бѣгло поскрипывалъ перышкомъ; листы, склеенные вдоль одинъ за другимъ, уписывались чудными знаками и свивались въ огромный столбецъ. Онъ писалъ со словъ Аѳанасія Никитина: *Сказаніе о нѣкоемъ Нѣмчинѣ, иже прозванъ бѣ бесерменомъ.*

Вдругъ, среди разсказа, вбѣжалъ въ тюрьму дворецкій великаго князя.—Иванъ Васильевичъ готовится отдать Богу душу, сказалъ онъ торопливо:—онъ сильно воспечаловался о тебѣ и послалъ за тобой. Поспѣшай!

Судорожно затрепеталъ княжичъ. По лицу его, которое сдѣлалось подобно бѣлому плату, пробѣжала какая-то дума; она вспыхнула во взорахъ его. О, это была дума раздольная!... Свобода... вѣнецъ... народъ ... милости.... можетъ быть и казнь.... Чего не было въ ней? Узникъ, дитя, только что игравшій цвѣтными камушками, сталъ великимъ княземъ всея Руси.

Іоаннъ еще земной властитель на смертномъ одрѣ, еще смерть не сковали устъ его, и эти уста могутъ назначить ему преемника. Мысль о будущей жизни, раскаяніе, свиданіе со внукомъ, котораго онъ самъ добровольно вѣнчалъ на царство, и котораго привели изъ тюрьмы,—какую силу должны имѣть надъ волею умирающаго!

Княжичу подали шапку, и онъ, въ чемъ былъ, сопровождаемый дьякомъ и приставами, поспѣшилъ въ палаты великокняжескія. Въ сѣняхъ встрѣтили его рыданія ближнихъ и слугъ великаго князя. —Сталось... дѣдъ умеръ! подумалъ онъ, и сердце его упало, ноги запнулись.

Появленіе Дмитрія Ивановича во дворцѣ великокняжескомъ остановило на время общую скорбь, настоящую и мнимую. Неожиданность, новость предмета, чудная судьба княжича, сострaданіе, мысль о томъ, что онъ, можетъ статься, будетъ властителемъ Руси, скова-

ли на мигъ умы и сердца дворчанъ. (11) Но и въ то время между бородками были умныя головы; тонкіе, дальновидные разсчеты, называемые нынѣ политикою, такъ же, какъ и нынѣ, часто били навѣрное вмѣстѣ съ судьбою, хотя иногда, такъ же, какъ и въ наши дни, подшибались могучею рукою Провидѣнія.

Разсчеты эти восторжествовали надъ минутнымъ недоумѣніемъ: плачъ и рыданія опять начались и сообщились толпѣ. Только одинъ голосъ, посреди причитаній изученной скорби, осмѣлился возвыситься надъ ними: «Поспѣшай, батюшка, родимый нашъ.... за тобой послано ужъ не малое время.... Иванъ Васильевичъ еще живъ.... Благослови тебя Господь на великокняженіе!»

Этотъ голосъ одушевилъ княжича; но когда ему надо было вступить въ постельную хоромину, гдѣ лежалъ умирающій, силы его начали упадать. Дверь отворилась; онъ приросъ къ порогу....

Іоанну оставалось жить нѣсколько минутъ. Казалось, смерть ждала только прихода внука его, чтобы дать ему отходную. У постели его стояли сыновья, митрополитъ, любимые бояре, близкіе люди.

— Сюда... ко мнѣ, Дмитрій!... милый внукъ мой!... сказалъ великій князь, увидавъ его сквозь смертный туманъ. Дмитрій Ивановичъ бросился къ одру, припалъ на колѣна, лобызалъ хладѣющую руку дѣда, орошалъ ее слезами. Умирающій, будто силою гальванизма, (12) приподнялъ голову, положилъ одну руку на голову внука, другою благословилъ его, потомъ произнесъ задыхающимся голосомъ: «Я согрѣшилъ передъ Богомъ и тобою... Прости мнѣ... прости.... Господь и я вѣнчали тебя.... будь.... мо...имъ...»

Лицо Василія Іоанновича искосило завистью и страхомъ. Еще одно слово...

Но смерть стояла тутъ на сторонѣ сильнаго, и это слово не было произнесено на этомъ свѣтѣ. Великій князь Іоаннъ Васильевичъ испустилъ послѣднее дыханіе, припавъ холодными устами къ челу своего внука. Сынъ его, назначенный имъ заранѣе въ наслѣдники, тотчасъ вступилъ во всѣ права свои.

Дмитрія оттащили отъ смертнаго одра, вывели изъ палатъ великокняжескихъ и отвели.... опять въ темницу..

Тамъ, на его постели, отдыхалъ Аѳоня крѣпкимъ сномъ праведника. Выплакавъ свое горе, прилегъ подъ бокъ къ старцу и злополучный Дмитрій. Царевичъ и убогій тутъ уравнялись. Одному снились въ эту ночь столы великокняжескіе и пышный вѣнецъ, горящій какъ жаръ на головѣ его, и пріемы пословъ чужеземныхъ, и смотръ многочисленной рати; другому—гостепріимная пальма и ручей въ степяхъ Аравіи. Убогій проснулся первый, и какъ [illegible]ился онъ, увидавъ подлѣ себя царевича! Грустно покачалъ [illegible] сѣдою головой; прослезилися и только что началъ благословлять

его, какъ послышалъ веселый, отважный возгласъ во снѣ Дмитрія Ивановича: «молодцы!... на Татаръ!... на Литву!..»

И вслѣдъ за тѣмъ пробудился княжичъ. Долго протиралъ онъ себѣ глаза, озирался вокругъ себя и потомъ, упавъ на грудь Аѳони, залился слезами: «ахъ, дѣдушка, дѣдушка! мнѣ снилось...»

Голосъ его заглушили рыданія.

Скоро и все, что онъ видѣлъ и слышалъ въ палатахъ великокняжескихъ, стало казаться ему соннымъ видѣніемъ. Только, припоминая себѣ этотъ тяжкій сонъ, онъ чувствовалъ на челѣ своемъ ледяную печать, которую наложили на него уста вѣнценоснаго мертвеца.

Пришла зима; все было въ *черной* избѣ по прежнему. Перемѣнились однѣ декораціи: утихъ однообразный шумъ капели, исчезла и свѣтлая точка на пузырѣ одинокаго окна; вмѣсто ихъ серебряная кора облѣпила углы стѣнъ и пазы потолка, а свѣтлую точку, сквозь которую узникъ видѣлъ небо съ его солнышкомъ и вольныхъ птичекъ, покрыла тяжелая заплатка. Но Аѳоня по прежнему навѣщалъ тюрьму. Онъ досказалъ свою повѣсть о Нѣмцѣ, котораго называли басурманомъ, и доброписецъ Небогатый, передавъ ее исправно бумагѣ, положилъ свитокъ въ кованый сундукъ внукамъ на потѣшеніе.

Прошло года три съ небольшимъ.

Вѣнчаннаго узника не стало въ тюрьмѣ, и Аѳанасія Никитина не видать уже было въ ней. Знать, Дмитрія Іоанновича выпустили на свободу?... Да, Господь освободилъ его отъ всѣхъ земныхъ узъ. Вотъ, что пишетъ лѣтописецъ: «1509 года, 14-го Февраля, преставился великой князь Дмитрій Іоанновичъ въ нужѣ, въ тюрьмѣ.»

---

(1) *Димитрій Іоанновичъ*—сынъ Іоанна Іоанновича, старшаго сына Іоанна Ш-го. Дѣдъ вѣнчалъ Димитрія на царство въ 1498 году, но потомъ, въ 1502 г., прогнѣвавшись на него, заключилъ его въ тюрьму и объявилъ наслѣдникомъ престола своего сына Василія. (2) *Стрѣльница*—укрѣпленіе, съ котораго стрѣляли; бойница, башня. (3) *Дѣтинецъ*—укрѣпленіе въ городѣ, кремль. (4) *Камка*—см. ст. 55 прим. 4. (5) *Филогранъ*—украшеніе серебряныхъ вещей, сдѣланное въ видѣ сѣтки (6) *Двѣ женщины*—Елена, мать Димитрія, и Софья, вторая жена Іоанна, Васильева мать. (7) *Смердъ*—см. ст. 19 прим. 2 (8) *Милая мать, милая А...* Въ этой тюрьмѣ сидѣла Марѳа, посадница Новгородская, и лѣкарь Нѣмецъ, не вылѣчившій Татарскаго князя и за то выданный головою роднымъ умершаго. Объ этомъ Нѣмчинѣ и разсказываетъ ниже Аѳанасій Никитинъ. (9) *Жуковины*—перстни. (10) *Лалъ*—драгоцѣнный камень; рубинъ, красный яхонтъ. (11) *Дворчане*—придворные. (12) *Гальванизмъ*—сила, посредствомъ которой между прочимъ можно приводить въ движеніе члены трупа.

31. ВЗЯТІЕ СМОЛЕНСКА. (1)

(1514 г.)

Государь осадилъ Смоленскъ, и 29 Іюля начали стрѣлять по городу изъ-за Днѣпра большими и мелкими ядрами, окованными

свинцемъ. Лѣтописецъ хвалитъ искусство главнаго Московскаго пушкаря, именемъ Стефана: отъ ужаснаго дѣйствія его орудій колебались стѣны, и люди падали толпами; а пушки Литовскія, разрываясь, били своихъ. Весь городъ покрылся густыми облаками дыма; многія зданія пылали; жители въ безпамятствѣ вопили и, простирая руки къ осаждающимъ, требовали милосердія. Въ тысячу голосовъ кричали со стѣны: «государь великій князь! уйми мечъ свой; мы тебѣ повинуемся.» Пальба затихла. Смоленскій епископъ Варсонофій вышелъ на мостъ, объявляя, что воевода Юрій Сологубъ готовъ начать переговоры въ слѣдующій день. Великій князь не далъ ни малѣйшаго срока и приказалъ снова громить крѣпость. Епископъ возвратился со слезами. Вопль народный усилился. Съ одной стороны смерть и пламя, съ другой убѣжденія многихъ преданныхъ Россіи людей дѣйствовали такъ сильно, что граждане не хотѣли слышать о дальнѣйшемъ сопротивленіи, виня Сигизмунда (²) въ нерадивости. Воевода Юрій именемъ королевскимъ обѣщалъ имъ скорое вспоможеніе: ему не вѣрили, и духовенство, князья, бояре, мѣщане Смоленскіе послали сказать государю, что они не входятъ съ нимъ ни въ какіе договоры, моля его единственно о томъ, чтобы онъ мирно взялъ ихъ подъ Россійскую державу и допустилъ видѣть лице свое. Вдругъ прекратились всѣ дѣйствія непріятельскія. Епископъ, архимандриты, священники съ иконами и съ крестами, намѣстникъ, вельможи, чиновники Смоленскіе явились въ станѣ Россійскомъ, проливали слезы, говорили великому князю: «Государь! довольно текло крови христіанской; земля наша, твоя отчина, пустѣетъ: пріими градъ съ тихостію.» Епископъ благословилъ Василія, который велѣлъ ему, Юрію Сологубу и знатнѣйшимъ людямъ идти въ великокняжескій шатеръ, гдѣ они, давъ клятву въ вѣрности къ Россіи, обѣдали съ государемъ и должны были остаться до утра; а другихъ отпустили назадъ въ городъ. Стража Московская смѣнила королевскую у всѣхъ воротъ крѣпости. Герой Іоанновъ, (³) старецъ князь Даніилъ Щеня, на разсвѣтѣ вступилъ въ оную съ полками конными: переписавъ жителей, обязалъ ихъ присягою служить, доброхотствовать государю Россійскому, не думать о королѣ, забыть Литву.

(¹) *Смоленскъ*—одинъ изъ древнѣйшихъ Русскихъ городовъ, захваченный Литвою и возвращенный Россіи Василіемъ Іоанновичемъ, сыномъ Іоанна III-го. (²) *Сигизмундъ*—король Польскій и великій князь Литовскій. (³) *Іоанновъ*—Іоанна III-го.

72. Смерть великаго князя Василія Іоанновича. (¹)

(3 Декабря 1533 г.)

Игуменъ Троицкій Іоасафъ тихо приблизился къ одру болящаго. Василій сказалъ ему: «Отче! молись за государство, за моего сы-

на и за бѣдную мать его. У васъ я крестилъ Іоанна, отдалъ угоднику Сергію, клалъ на гробъ святаго, поручилъ вамъ особенно: молитесь о младенцѣ государѣ.» (²) Онъ не велѣлъ Іоасафу выѣзжать изъ Москвы и, пользуясь слабыми остатками жизни, еще призвалъ думныхъ бояръ: Шуйскихъ, Воронцова, Тучкова, Глинскаго, Шигону, Головина и дьяковъ; бесѣдовалъ съ ними отъ третьяго до седьмаго часа о новомъ правленіи, о сношеніи бояръ съ великою княгинею Еленою во всѣхъ важныхъ дѣлахъ, изъявляя удивительную твердость, хладнокровіе и заботливость о судьбѣ оставляемой имъ державы. Пришли братья и неотступно молили его, чтобы онъ подкрѣпилъ свои силы пищею; но Василій не могъ ѣсть и сказалъ: «смерть предо мною; желаю благословить сына, видѣть жену, проститься съ нею. . . Нѣтъ! боюсь ея горести; видъ мой устрашитъ младенца.» Братья и бояре настояли, чтобы онъ призвалъ Елену. Князь Андрей Іоанновичъ и Михаилъ Глинскій (³) пошли за нею. Государь возложилъ на себя крестъ св. Петра митрополита и хотѣлъ прежде видѣть сына. Братъ Еленинъ, князь Иванъ Глинскій, принесъ его на рукахъ. Держа крестъ, Василій сказалъ младенцу: «Буди на тебѣ милость Божія и на дѣтяхъ твоихъ! Какъ св. Петръ благословилъ симъ крестомъ нашего прародителя, великаго князя Іоанна Даніиловича; (⁴) такъ имъ благословляю тебя, моего сына.» Онъ просилъ надзирательницу, боярыню Агрипину, чтобы она неусыпно берегла своего державнаго питомца, и, слыша голосъ супруги, велѣлъ унести Іоанна. Князь Андрей и боярыня Челяднина вели Елену подъ руки; она страшно вопила и билась о землю въ отчаяніи. Великій князь утѣшалъ ее, говоря: «мнѣ лучше; не чувствую никакой боли,» — и съ нѣжностію молилъ успокоиться. Елена наконецъ ободрилась и спросила: «кому же поручаешь бѣдную супругу и дѣтей?» Василій отвѣчалъ: «Іоаннъ будетъ государемъ; а тебѣ, слѣдуя обыкновенію нашихъ отцевъ, я назначилъ въ духовной своей грамотѣ особенное достояніе.» Исполняя желаніе супруги, онъ велѣлъ принести и меньшаго сына, Юрія; также благословилъ его крестомъ и сказалъ, что онъ не забытъ въ духовной. Умилительное прощаніе съ Еленою раздирало сердца жалостію: всѣ плакали и стенали. Она не хотѣла удалиться: Василій приказалъ вывести ее и, заплативъ послѣднюю дань міру, государству и чувствительности, уже думалъ только о Богѣ.

Еще находясь въ Волокѣ, (⁵) онъ говорилъ духовнику своему, протоіерею Алексію, и любимому старцу Мисаилу: «не предайте меня землѣ въ бѣлой одеждѣ: не останусь въ мірѣ, если и выздоровлю.» Отпустивъ Елену, государь велѣлъ Мисаилу принести монашескую ризу и спросилъ игумена Кирилловской обители, въ которой онъ издавна желалъ быть постриженнымъ; но сего игумена не было въ Москвѣ. Послали за Іоасафомъ Троицкимъ, за образами Владимірской Богоматери и св. Николая Гостунскаго. Духов-

никъ Алексей пришелъ съ Запасными Дарами, чтобы дать ихъ Василію въ самую минуту кончины.—Будь передо мною, сказалъ великій князь:—смотри и не пропусти сего мгновенія. Подлѣ духовника стоялъ стряпчій государевъ, Ѳеодоръ Кучецкой, бывшій свидѣтелемъ Іоанновой (⁶) смерти. Читали канонъ на исходъ души. Василій лежалъ въ усыпленіи; потомъ, кликнувъ ближняго боярина Михаила Воронцова, обнялъ его съ горячностію; сказалъ брату Юрію: «помнишь ли преставленіе нашего родителя? я такъ же умираю,»—и требовалъ немедленнаго постриженія, одобряемаго митрополитомъ и нѣкоторыми боярами; но князь Андрей Іоанновичъ Воронцовъ и Шигона говорили, что св. Владиміръ не хотѣлъ быть монахомъ и названъ Равноапостольнымъ; что герой Донской (⁷) также скончался міряниномъ, но своими добродѣтелями, безъ сомнѣнія, заслужилъ царствіе небесное. Шумѣли, спорили, а Василій крестился и читалъ молитвы; уже языкъ его тупѣлъ, взоръ меркнулъ, рука упала; онъ смотрѣлъ на образъ Богоматери и цѣловалъ простыню, съ явнымъ нетерпѣніемъ ожидая священнаго обряда. Митрополитъ Даніилъ взялъ черную ризу и подалъ игумену Іоасафу: Князь Андрей и Воронцовъ хотѣли вырвать ее. Тогда митрополитъ съ гнѣвомъ произнесъ ужасныя слова: «Не благословляю васъ ни въ сей вѣкъ, ни въ будущій! Никто не отниметъ у меня души его. Добръ сосудъ серебряный, но лучше позлащенный.» Василій отходилъ. Спѣшили кончить обрядъ. Митрополитъ, надѣвъ епитрахиль на игумена Іоасафа, самъ постригъ великаго князя, переименованнаго Варлаамомъ. Въ торопяхъ забыли мантію для новаго инока: келарь Троицкій Серапіонъ далъ свою. Евангеліе и схима ангельская лежали на груди умирающаго. Нѣсколько минутъ продолжалось безмолвіе: Шигона, стоя подлѣ одра, первый воскликнулъ: «государь скончался!» и всѣ зарыдали.

(¹) *Василій Іоанновичъ*—сынъ Іоанна Ш-го, княжившій отъ 1505 до 1533 г. (²) Іоанну тогда было только три года. (³) *Андрей Іоанновичъ*—братъ Василія; *Михаилъ Глинскій*—Литовскій выходецъ, дядя Елены Глинской, жены Васильевой. (⁴) *Іоаннъ Даніиловичъ*—см. ст. 59 прим. 3. (⁵) *Волокъ*—Волоколамскъ, куда Василій ѣздилъ на охоту незадолго до смерти. (⁶) *Іоанновой*—Іоанна Ш-го. (⁷) *Донской*—Димитрій Іоанновичъ.

78. РѢЧЬ ІОАННА ГРОЗНАГО КЪ НАРОДУ. (¹)

(*1547 г.*)

Чтобы торжественнымъ дѣйствіемъ вѣры утвердить благословенную перемѣну въ правленіи и въ своемъ сердцѣ, государь на нѣсколько дней уединился для поста и молитвы; созвалъ святителей, умиленно каялся въ грѣхахъ и разрѣшенный, успокоенный

ми въ совѣсти, причастился Святыхъ Таинъ. Юное, пылкое сердце его хотѣло открыть себя предъ лицемъ Россіи: онъ велѣлъ, чтобы изъ всѣхъ городовъ прислали въ Москву людей избранныхъ, всякаго чина или состоянія, для важнаго дѣла государственнаго. Они собралися, и въ день Воскресный, послѣ обѣдни, царь вышелъ изъ Кремля съ духовенствомъ, съ крестами, съ боярами, съ дружиною воинскою, на лобное мѣсто, гдѣ народъ стоялъ въ глубокомъ молчаніи. Отслужили молебенъ. Іоаннъ обратился къ митрополиту и сказалъ: «Святый владыко! знаю усердіе твое ко благу и любовь къ отечеству: будь же мнѣ поборникомъ въ моихъ благихъ намѣреніяхъ. Рано Богъ лишилъ меня отца и матери, а вельможи не радѣли о мнѣ: хотѣли быть самовластными; моимъ именемъ похитили саны и чести, богатѣли неправдою, тѣснили народъ, и никто не претилъ имъ. Въ жалкомъ дѣтствѣ своемъ я казался глухимъ и нѣмымъ: не внималъ стенанію бѣдныхъ, и не было обличенія въ устахъ моихъ. Вы, вы дѣлали, что хотѣли, злые крамольники, судіи неправедные! Какой отвѣтъ дадите намъ нынѣ? Сколько слезъ, сколько крови отъ васъ пролилося? Я чистъ отъ сея крови! А вы ждите суда Небеснаго!».... Тутъ государь поклонился на всѣ стороны и продолжалъ: «Люди Божіи и намъ Богомъ дарованные! молю вашу вѣру къ Нему и любовь ко мнѣ: будьте великодушны! Нельзя исправить минувшаго зла: могу только впредь спасать васъ отъ подобныхъ притѣсненій и грабительствъ. Забудьте, чего уже нѣтъ и не будетъ. Оставьте ненависть, вражду; соединимся всѣ любовію христіанскою. Отнынѣ я судія вашъ и защитникъ.» Въ сей великій день, когда Россія въ лицѣ своихъ повѣренныхъ присутствовала на лобномъ мѣстѣ, съ благоговѣніемъ внимая искреннему обѣту юнаго вѣнценосца жить для ея счастія, Іоаннъ въ восторгѣ великодушія объявилъ искреннее прощеніе виновнымъ боярамъ; хотѣлъ, чтобы митрополитъ и святители также ихъ простили именемъ Судіи небеснаго; хотѣлъ, чтобы всѣ Россіяне братски обнялися между собою; чтобы всѣ жалобы и тяжбы прекратились миромъ до назначеннаго имъ срока.

---

(1) Іоаннъ Васильевичъ Грозный, оставшись по смерти отца трехъ лѣтъ, царствовалъ отъ 1533 до 1584 г.

---

34. Взятіе Казанскаго царства.

(Народная былина.)

(1552 г.)

Середи было Казанскаго царства,
Что стояли бѣлокаменны палаты;
А изъ спальни бѣлокаменной палаты
Ото сна тутъ царица пробуждалася,

Царица Елена Симеону царю (1) она сонъ разсказала:
«А и ты встань, Симеонъ царь, пробудися!
«Что почесь (2) мнѣ, царицѣ, мало спалося,
«Въ сновидѣньицѣ много видѣлося:
«Какъ отъ сильнаго Московскаго царства
«Кабы сизой орлище встрепенулся,
«Кабы грозная туча подымалась,
«Что на наше вѣдь царство наплывала.»

А изъ сильнаго Московскаго царства
Подымался великій князь Московскій
А Иванъ, сударь, Васильевичъ, прозритель, (3)
Со тѣми ли пѣхотными полками,
Что со старыми, славными козаками.
Подходили подъ Казанское царство за пятнадцать верстъ;
Становились они подкопью подъ Булатъ-рѣку; (4)
Подходили подъ другую, подъ рѣку подъ Казанку;
Съ чернымъ порохомъ бочки закатали,
А и подъ гору ихъ становили,
Подводили подъ Казанское царство;
Воску яраго свѣчу становили,
А другую вѣдь на полѣ въ лагерѣ
Еще на полѣ свѣча та сгорѣла,
А въ землѣ-то идетъ свѣча тишѣя. (5)
Воспалился тутъ великій князь Московскій,
Князь Иванъ, сударь, Васильевичъ, прозритель,
И началъ канонеровъ (6) тутъ казнити,
Что началася отъ канонеровъ измѣна.
Что большой за меньшаго хоронился,
Отъ меньшаго ему, князю, отвѣту нѣту.
Еще тутъ ли молодой канонеръ выступался:
«Ты великій, сударь, князь Московскій!
«Не вели ты насъ, канонеровъ, казнити:
«Что на вѣтрѣ свѣча горитъ скорѣе,
«А въ землѣ-то свѣча идетъ тишѣе.»
Позадумался князь Московскій,
Онъ и сталъ тѣ-то рѣчи размышляти собою,
Еще какъ бы это дѣло оттянути.
Они тѣ-то рѣчи говорили,
Догорѣла въ землѣ свѣча воску яраго
До тоя-то бочки съ чернымъ порохомъ,—
Принималися бочки съ чернымъ порохомъ,
Подымало высокую гору,
Разбросало бѣлокаменны палаты.
И бѣжалъ тутъ великій князь Московскій
На тое ли высокую гору,

Гдѣ стояли царскія палаты.
Что царица Елена догадалась,
Она сыпала соли на ковригу,
Она съ радостью Московскаго князя встрѣчала
А того ли Ивана, сударь, Васильевича, прозрителя;
И за то онъ царицу пожаловалъ
И привелъ въ крещеную вѣру;
Въ монастырь царицу постригли.
А за гордость царя Симеона,
Что не встрѣтилъ великаго князя онъ,
И вынялъ ясны очи восицами; (7)
Онъ и взялъ съ него царскую корону
И снялъ царскую порфиру,
Онъ царской костыль въ руки принялъ. (8)
И въ то время князь воцарился
И насѣлъ въ Московское царство,
Что тогда-де Москва основалася;
И съ тѣхъ поръ великая слава.

---

(1) *Симеонъ*—Едигеръ, въ крещеніи названный *Симеономъ*. (2) *Ночесь*—см. ст. 48 прим. 1. (3) *Прозритель*—прозорливецъ. (4) *Булатъ*—Булакъ. (5) *Тишья*—тише. (6) *Канонеръ*—пушкарь. (7) *Царь Симеонъ* слѣпъ уже въ послѣдствіи. (8) Іоаннъ отдалъ воинамъ всю добычу, всѣ богатства Казанскія, всѣхъ плѣнниковъ, кромѣ Едигера; взялѣ только утварь царскую, вѣнецъ, жезлъ, знамя державное и пушки, сказавъ: «моя корысть есть спокойствіе и честь Россіи.»

75. Взятіе Казани. (1)

(1552 г.)

1 Октября Іоаннъ объявилъ войску, чтобы оно готовилось *пить общую чашу крови*, то есть, къ приступу (ибо подкопы были уже готовы), и велѣлъ воинамъ очистить душу наканунѣ дня рокова-го. Въ тотъ самый часъ, когда одни изъ нихъ смиренно исповѣдывали грѣхи свои предъ Богомъ и достойные съ умиленіемъ вкушали Тѣло Христово, другіе, подъ громомъ бойницъ, (2) метали въ ровъ землю и лѣсъ, чтобы проложить путь къ стѣнамъ. Еще государь хотѣлъ испытать силу увѣщанія: мурза Камай (3) и сѣдые старѣйшины Горной стороны, держа въ рукѣ знаменіе мира, приближились къ крѣпости, усыпанной людьми, и сказали имъ, что Іоаннъ въ послѣдній разъ предлагаетъ милосердіе городу, уже стѣсненному, до половины разрушенному; требуетъ единственно выдачи главныхъ измѣнниковъ и прощаетъ народъ. Казанцы отвѣтствовали въ одинъ голосъ: «Не хотимъ прощенія! Въ башнѣ Русь, на стѣнѣ Русь: не боимся; поставимъ иную башню, иную стѣну; всѣ умремъ или отсидимся!» Тогда государь началъ устроивать войско *къ великому дѣлу*...

Заря освѣтила небо, ясное, чистое. Казанцы стояли на стѣнахъ; Россіяне предъ ними, подъ защитою укрѣпленій, подъ сѣнію знаменъ, въ тишинѣ, неподвижно; звучали только бубны и трубы, непріятельскія и наши; ни стрѣлы не летали, ни пушки не гремѣли. Наблюдали другъ друга; все было въ ожиданіи. Станъ опустѣлъ: въ его безмолвіи слышалось пѣніе іереевъ, которые служили обѣдню. Государь оставался въ церкви съ немногими изъ ближнихъ людей. Уже восходило солнце. Діаконъ читалъ Евангеліе, и едва произнесъ слова: *да будетъ едино стадо и единъ пастырь!* грянулъ сильный громъ, земля дрогнула, церковь затряслася... Государь вышелъ на паперть: увидѣлъ страшное дѣйствіе подкопа и густую тьму надъ всею Казанью: глыбы земли, обломки башенъ, стѣны домовъ, люди неслися вверхъ въ облакахъ дыма и пали на городъ. Священное служеніе прервалося въ церкви. Іоаннъ спокойно возвратился и хотѣлъ дослушать литургію. Когда діаконъ предъ дверями Царскими громогласно молился, да утвердитъ Всевышній державу Іоанна, да повергнетъ всякаго врага и супостата къ ногамъ его, раздался новый ударъ: взорвало другой подкопъ, еще сильнѣе перваго,—и тогда, воскликнувъ: *съ нами Богъ!* полки Россійскіе быстро двинулись къ крѣпости; а Казанцы, твердые, непоколебимые въ часъ гибели и разрушенія, вопили: *Алла! Алла!* (4) призывали Магомета и ждали нашихъ, не стрѣляя ни изъ луковъ, ни изъ пищалей; мѣряли глазами разстояніе и вдругъ дали ужасный залпъ: пули, каменья, стрѣлы омрачали воздухъ.... Но Россіяне, ободряемые примѣромъ начальниковъ, достигли стѣны. Казанцы давили ихъ бревнами, обливали кипящимъ варомъ; уже не береглися, не прятались за щиты: стояли открыто на стѣнахъ и помостахъ, презирая сильный огонь нашихъ бойницъ и стрѣлковъ. Тутъ малѣйшее замедленіе могло быть гибельно для Россіянъ. Число ихъ уменьшилось; многіе пали мертвые или раненные, или отъ страха. Но смѣлые, геройскимъ забвеніемъ смерти, ободрили и спасли боязливыхъ: одни кинулись въ проломъ; иные взбирались на стѣны по лѣстницамъ, по бревнамъ; несли другъ друга на головахъ, на плечахъ; бились съ непріятелемъ въ отверстіяхъ.... И въ ту минуту, какъ Іоаннъ, отслушавъ всю литургію, причастясь Святыхъ Таинъ, взявъ благословеніе отъ своего отца духовнаго, на бранномъ конѣ выѣхалъ въ поле, знамена христіанскія уже развѣвались на крѣпости! Войско запасное однимъ кликомъ привѣтствовало государя и побѣду.

---

(1) См. ст. 74-ю. (2) *Бойницы*—отверстія въ городскихъ стѣнахъ, въ которыя выставляются пушечныя дула; батареи. (3) *Мурза Камай*—переметчикъ изъ Казани. (4) *Алла! Алла!*—Боже! Боже!

76. Завѣщаніе Анастасіи, первой супруги Іоанна Грознаго.

(Изъ народной былины.)

(1560 г.)

Пріутихло, пріуныло море синее,
Глядучись, смотрючись со черныхъ кораблей,
И со тѣхъ марсовъ корабельныихъ, (1)
И со тѣхъ трубочекъ подзорныихъ,
И на тѣ на круты красны бережки.
Пріутихли, пріуныли круты красны бережки,
Глядучись, смотрючись съ черныхъ кораблей,
И со тѣхъ марсовъ корабельныихъ,
И со тѣхъ трубочекъ подзорныихъ,
И на тѣ на горы высокія,
И на тѣ на поля зеленыя.
Пріутихли, пріуныли поля зеленыя,
Глядучись, смотрючись на государевъ дворъ.
Преставляется царица благовѣрная,
Молодая Софья, дочь Романовна. (2)
Въ головахъ сидятъ два царевича,
Въ ногахъ сидятъ млады двѣ царевны;
Супротивъ стоитъ самъ Грозенъ царь,
Грозный царь Иванъ Васильевичъ.
Говоритъ царица таковы рѣчи:
«Ужъ ты слушай, царь, послушай-ко,
«Что я тебѣ царица повыскажу:
«Не будь ты яръ, будь ты милостивъ
«До своихъ до младыхъ двухъ царевичевъ:
«Когда будутъ они въ полномъ умѣ
«И во твёрдомъ будутъ разумѣ,
«Тогда будетъ оборона отъ новыхъ земель.
«Еще слушай, царь, ты послушай-ко:
«Когда будутъ дѣвицы въ полномъ умѣ,
«Въ полномъ умѣ, въ твердомъ разумѣ,
«Ты тогда отдавай дѣвицъ за-мужъ.
«Еще слушай, царь, ты послушай-ко,
«Что я тебѣ царица повыскажу:
«Не будь ты яръ, будь ты милостивъ
«До своихъ князей, до своихъ думныхъ бояръ,
«И до того ты до дядюшки любимаго,
«И до своего ты до крестнаго батюшки,
«До того Богдана Сирскаго:
«И тутъ твоя дума крѣпкая.
«Еще слушай, царь, ты послушай-ко:

«Не будь ты яръ, будь ты милостивъ
«До своихъ солдатушекъ служащіихъ:
«И тутъ твоя сила вѣрная.
«Еще слушай, царь, ты послушай-ко:
«Не будь ты яръ, будь ты милостивъ
«До всего народу православнаго.»

([1]) *Марсъ*—площадка изъ досокъ или рѣшетокъ около мачтъ на кораблѣ. ([2]) (…) *фья*—ошибочно, вмѣсто Анастасія.

37. Князь Михайло Рѣпнинъ. ([1])

(1560—1561 г.)

Безъ отдыха пируетъ съ дружиной удалой
Иванъ Васильичъ Грозный подъ матушкой Москвой;
Ковшами золотыми столовъ блистаетъ рядъ,
Разгульные за ними опричники ([2]) сидятъ.
Съ вечерни льются вина на царскіе ковры;
Поютъ ему съ полночи лихіе гусляры,
Поютъ потѣхи брани, дѣла былыхъ временъ,
И взятіе Казани, и Астрахани ([3]) плѣнъ.
Но голосъ прежней славы царя не веселитъ,
Подать себѣ личину ([4]) онъ кравчему ([5]) велитъ:
«Да здравствуютъ тіуны, ([6]) опричники мои!
«Вы-жъ громче бейте въ струны, баяны-соловьи! ([7])
«Себѣ личину, други, пусть каждый изберетъ;
«Я первый открываю веселый хороводъ.
«За мной, мои тіуны, опричники мои!
«Вы-жъ громче бейте въ струны, баяны-соловьи!»
И всѣ подъяли кубки. Не поднялъ лишь одинъ,
Одинъ не поднялъ кубка, Михайло князь Рѣпнинъ:
— О царь, забылъ ты Бога! свой санъ ты, царь, забылъ!
— Опричниной ([8]) на горе престолъ свой окружилъ!
— Разсыпь державнымъ словомъ дѣтей бѣсовскихъ рать!
— Тебѣ ли, властелину, здѣсь въ машкерѣ ([9]) плясать!—
Но царь, нахмуря брови: «Въ умѣ ты, знать, ослабъ,
«Или хмѣленъ не въ мѣру? Молчи, строптивый рабъ!
«Не возражай ни слова и машкеру надѣнь,
«Или клянусь, что прожилъ ты свой послѣдній день!»
Тутъ всталъ и поднялъ кубокъ Рѣпнинъ, правдивый князь:
— Опричнина да сгинетъ! онъ рекъ, перекрестясь:
— Да здравствуетъ во-вѣки нашъ православный царь,
— Да правитъ человѣки, какъ правилъ ими встарь!
— Да презритъ, какъ измѣну, безстыдной лести гласъ!
— Личины-жъ не надѣну я въ мой послѣдній часъ.—

Онъ молвилъ и ногами личину растопталъ;
Изъ рукъ его на землю звенящій кубокъ палъ.
«Умри же, дерзновенный!» царь вскрикнулъ, разъярясь,—
И палъ, жезломъ пронзенный, Рѣпнинъ, правдивый князь.
И вновь подъяты кубки, ковщи опять звучатъ;
За длинными столами опричники шумятъ,
И смѣхъ ихъ раздается, и пиръ опять кипитъ;
Но звонъ ковшей и кубковъ царя не веселитъ:
«Убилъ, убилъ напрасно я вѣрнаго слугу!
«Вкушать веселье нынѣ я болѣ не могу!»
Напрасно льются вина на царскіе ковры,
Поютъ царю напрасно лихіе гусляры,
Поютъ потѣхи брани, дѣла былыхъ временъ,
И взятіе Казани, и Астрахани плѣнъ.

(¹) «Бояринъ князь Михайло Рѣпнинъ, видя во дворцѣ непристойное игрище, гдѣ царь, упоенный крѣпкимъ медомъ, плясалъ съ своими любимцами въ маскахъ, заплакалъ отъ горести. Іоаннъ хотѣлъ надѣть на него маску: Рѣпнинъ вырвалъ ее, растопталъ ногами и сказалъ: «государю ли быть скоморохомъ? по крайней мѣрѣ я, бояринъ и совѣтникъ Думы, не могу безумствовать.» Царь выгналъ его и черезъ нѣсколько дней велѣлъ умертвить.» *Карамзинъ.* (²) *Опричники*—особые тѣлохранители Іоанна. (³) См. ст. 75-ю *Астрахань*—Татарское царство, покоренное Іоанномъ въ 1557 г. (⁴) *Личина*—маска. (⁵) *Кравчій*—царедворецъ, завѣдывавшій напитками царскаго стола. (⁶) *Тіунъ*—судья. (⁷) *Боянъ*—древній Русскій пѣвецъ, прозванный соловьемъ. (⁸) *Опричнина*—часть Россіи, противоположная земщинѣ, принадлежавшая къ дворцовому управленію и имѣвшая свои права и преимущества. (⁹) *Въ машкерѣ*—въ маскѣ.

38. ВАСИЛІЙ ШИБАНОВЪ.

(1564 г.)

Князь Курбскій отъ царскаго гнѣва бѣжалъ,
Съ нимъ Васька Шибановъ стремянной.
Дороденъ былъ князь. Конь измученный палъ.
Какъ быть среди ночи туманной?
Но, рабскую вѣрность Шибановъ храня,
Своего отдаетъ воеводѣ коня:
«Скачи, князь, до вражьяго стану;
«Авось, я пѣшой не отстану.»

И князь доскакалъ. Подъ Литовскимъ шатромъ
Опальный сидитъ воевода;
Стоятъ въ отдаленьи Литовцы кругомъ,
Безъ шапокъ толпятся у входа;
Всякъ Русскому витязю честь воздаетъ;
Не даромъ дивится Литовскій народъ,
И ходятъ ихъ головы кругомъ:
«Князь Курбскій намъ сдѣлался другомъ!»

«Кровь добрыхъ и сильныхъ ногами поправъ,
«Я песъ недостойный и смрадный.
«Гонецъ, ты не рабъ, а товарищъ и другъ,
«И много, знать, вѣрныхъ у Курбскаго слугъ,
«Что выдалъ тебя. за безцѣнокъ!
«Ступай же съ Малютой въ застѣнокъ.» (6)

Пытаютъ и мучатъ гонца палачи,
Другъ другу приходятъ на смѣну:
«Товарищей Курбскаго ты уличи,
«Открой ихъ собачью измѣну!»
И царь вопрошаетъ: «Ну, что же гонецъ?
«Назвалъ ли онъ князя друзей наконецъ?»
— Царь, слово его все едино:
Онъ славитъ свово господина.—

День меркнетъ, приходитъ ночная пора,
Скрыпятъ у застѣнка ворота,
Заплечные входятъ опять мастера,
Опять зачалася работа.
«Ну, что же, назвалъ ли злодѣевъ гонецъ?»
— Царь, близокъ ему ужъ приходитъ конецъ,
Но слово его все едино:
Онъ славитъ свово господина! —

«О князь! ты, который предать меня могъ
«За сладостный мигъ укоризны!
«О князь, я молюсь, да проститъ тебѣ Богъ
«Измѣну твою предъ отчизной!
«Услышь меня, Боже, въ предсмертный мой часъ;
«Языкъ мой нѣмѣетъ, и взоръ мой угасъ,
«Но въ сердцѣ любовь и прощенье,—
«Помилуй.... мои прегрѣшенья!...

«Услышь меня, Боже, въ предсмертный мой часъ!
«Прости моего господина!
«Языкъ мой нѣмѣетъ, и взоръ мой угасъ,
«Но слово мое все едино:
«За Грознаго, Боже, царя я молюсь,
«За нашу святую, великую Русь,
«И твердо жду смерти желанной!»
Такъ умеръ Шибановъ стремянной.

---

(1) *Опричня*—опричники: см. ст. 77 прим. 2. (2) *Вяземскій*, *Василій Грязной*, *Малюта Скуратовъ*. *Басмановы*, отецъ и сынъ,—опричники, любимцы Іоанна. (3) *Мнишись*—считаешь себя. (4) *Ліяхъ*—лилъ. (5) См. ст. 79-ю. (6) *Застѣнокъ*—мѣсто, гдѣ съ истязаніемъ допрашивали обвиняемыхъ.

9. Письмо князя Курбскаго къ Іоанну Грозному. (1)

(1564 г.)

Царю, нѣкогда свѣтлому, отъ Бога прославленному, нынѣ же, по грѣхамъ нашимъ, омраченному адскою злобою въ сердцѣ, прокаженному въ совѣсти, тирану безпримѣрному между самыми невѣрными владыками земли. Внимай! Въ смятеніи горести сердечной скажу мало, но истину. Почто различными муками истерзалъ ты сильныхъ во Израилѣ, вождей знаменитыхъ, данныхъ тебѣ Вседержителемъ, и святую, побѣдоносную кровь ихъ проліялъ во храмахъ Божіихъ? Развѣ они не пылали усердіемъ къ царю и отечеству? Вымышляя клевету, ты вѣрныхъ называешь измѣнниками, христіанъ чародѣями, свѣтъ тьмою и сладкое горькимъ. Чѣмъ прогнѣвали тебя сіи предстатели отечества? Не ими ли разорены Батыевы царства, (2) гдѣ предки наши томились въ тяжкой неволѣ? Не ими ли взяты твердыни Германскія (3) въ честь твоего имени? И что же воздаешь намъ, бѣднымъ? гибель! Развѣ ты самъ безсмертенъ? Развѣ нѣтъ Бога и правосудія вышняго для царя?... Не описываю всего, претерпѣннаго мною отъ твоей жестокости: еще душа моя въ смятеніи; скажу единое: ты лишилъ меня святыя Руси! Кровь моя, за тебя изліянная, вопіетъ къ Богу. Онъ видитъ сердца. Я искалъ вины своей, и въ дѣлахъ, и въ тайныхъ помышленіяхъ; вопрошалъ совѣсть, внималъ отвѣтамъ ея, и не вѣдаю грѣха моего предъ тобою. Я водилъ полки твои и никогда не обращалъ хребта ихъ къ непріятелю: слава моя была твоею. Не годъ, не два служилъ тебѣ, но много лѣтъ, въ трудахъ и въ подвигахъ воинскихъ, терпя нужду и болѣзни, не видя матери, не зная супруги, далеко отъ милаго отечества. Исчисли битвы, исчисли раны мои! Не хвалюся: Богу все извѣстно. Ему поручаю себя, въ надеждѣ на заступленіе святыхъ и праотца моего, князя Ѳеодора Ярославскаго. (4) Мы разстались съ тобою на-вѣки: не увидишь лица моего до дни суда страшнаго. Но слезы невинныхъ жертвъ готовятъ казнь мучителю. Бойся и мертвыхъ: убитые тобою живы для Всевышняго: они у престола Его требуютъ мести! Не спасутъ тебя воинства; не сдѣлаютъ безсмертнымъ ласкатели, бояре недостойные, товарищи пировъ и нѣги, губители души твоей, которые приносятъ тебѣ дѣтей своихъ въ жертву! Сію грамоту, омоченную слезами моими, велю положить въ гробъ съ собою и явлюся съ нею на судъ Божій. Аминь. Писано во градѣ Вольмарѣ, въ области короля Сигизмунда, (5) государя *моего*, отъ коего съ Божіею помощію надѣюсь милости и жду утѣшенія въ скорбяхъ.

---

(1) См. ст. 78-ю. (2) *Батыевы царства*—Казань и Астрахань, покоренные при Іоаннѣ Грозномъ. См. ст. 75-ю. (3) *Твердыни Германскія*—Нарва, Дерптъ и проч. (4) Курбскіе происходили отъ Ярославскихъ князей. (5) *Сигизмундъ*—король Польскій и великій князь Литовскій.

80. НОЧНОЕ ШЕСТВІЕ ВЪ АЛЕКСАНДРОВСКОЙ СЛОБОДѢ.

Пока Малюта ([2]) разговаривалъ съ сыномъ, царь продол молиться. Уже потъ катилъ съ лица его; уже кровавые зна напечатлѣнные на высокомъ челѣ прежними земными поклона яснѣе обозначались отъ новыхъ поклоновъ: вдругъ шорохъ въ бѣ заставилъ его обернуться. Онъ увидѣлъ свою мамку, О фревну.

Стара была его мамка. Взялъ ее въ *верхъ* ([3]) еще блажен памяти великій князь Василій Іоанновичъ; служила она еще Е нѣ Глинской. ([4]) Іоаннъ родился у нея на рукахъ; у нея же рукахъ благословилъ его умирающій отецъ. Говорили про О фревну, что многое ей извѣстно, о чемъ никто и не подозрѣвает Въ малолѣтство царя Глинскіе боялись ея, Шуйскіе и Бѣльск старались всячески угождать ей.

Много скрытаго узнавала Онуфревна посредствомъ гаданы никогда не ошибалась. Въ самое величіе князя Телепнева (Іоа ну тогда было четыре года), она предсказала князю, что онъ у ретъ голодною смертью. ([5]) Такъ и сбылось. Много лѣтъ протек съ тѣхъ поръ, а еще свѣжо было въ памяти стариковъ это пре сказанье.

Теперь Онуфревнѣ добивалъ чуть ли не десятый десятокъ. Он согнулась почти вдвое; кожа на лицѣ ея такъ сморщилась, что стала походить на древесную кору, и какъ на старой корѣ про бивается мохъ, такъ на бородѣ Онуфревны пробивались волос сѣдыми клочьями. Зубовъ у нея давно уже не было; глаза, каза лось, не могли видѣть; голова судорожно шаталась.

Онуфревна опиралась костлявою рукой на клюку. Долго смотрѣ ла она на Іоанна, вбирая въ себя пожелтѣвшія губы, какъ будто бы что-то жевала или бормотала.

— Что? сказала наконецъ мамка глухимъ, дребезжащимъ голо сомъ:—молишься, батюшка? Молись, молись, Иванъ Васильичъ. Много тебѣ еще отмаливаться! Еще-бъ одни старые грѣхи лежа ли на душѣ твоей! Господь-то милостивъ: авось и простилъ бы! А то вѣдь у тебя что ни день, тò новый грѣхъ, а иной разъ и по два и по три на день придется.

— Полно, Онуфревна, сказалъ царь, вставая:—сама не знаешь, чтò говоришь.

— Не знаю, чтò говорю! Да развѣ я изъ ума выжила что ли? И безжизненные глаза старухи внезапно заблистали.

— Да что ты сегодня за столомъ сдѣлалъ? За что отравилъ бо ярина-то? Ты думалъ, я и не знаю. Что? чего брови-то хмуришь? Вотъ погоди, какъ пробьетъ твой смертный часъ; погоди только:

къ привяжутся къ тебѣ грѣхи твои, какъ тысячи тысячъ пудовь ; къ потянутъ тебя на дно адово! А дьяволы-то подскачутъ, да и одхватятъ тебя на крючья!

Старуха опять принялась сердито жевать.

Усердная молитва приготовила царя къ мыслямъ набожнымъ. аздражительное вoображеніе не разъ уже представляло ему кар-ину будущаго возмездія, но сила воли одолѣвала страхъ загробныхъ ученій. Іоаннъ увѣрялъ себя, что страхъ этотъ и даже угрызенія овѣсти возбуждаемы въ немъ врагомъ рода человѣческаго, чтобъ твлечь помазанника Божія отъ высокихъ его начинаній. Хитро-тямъ дьявола царь противоставлялъ молитву, но часто изнемогалъ юдъ жестокимъ напоромъ воображенія. Тогда отчаяніе схватывало го какъ желѣзными когтями. Неправость дѣлъ его являлась во сей наготѣ, и страшно зіяли передъ нимъ адскія бездны. Но это продолжалось не долго. Вскорѣ Іоаннъ негодовалъ на свое мало-душіе. Въ гнѣвѣ на самого себя и на духа тьмы, онъ опять, на зло аду и наперекоръ совѣсти, начиналъ дѣло великой крови, ве-ликаго поту, и никогда жестокость его не достигала такой степени, какъ послѣ невольнаго изнеможенья.

Теперь мысль объ адѣ, оживленная наступающею грозой и про-роческимъ голосомъ Онуфревны, проняла его насквозь лихорадоч-ною дрожью. Онъ сѣлъ на постель. Зубы его застучали одинъ о другой.

— Ну, что батюшка? сказала Онуфревна, смягчая свой голосъ: — что съ тобой сталось? Захворалъ что ли? Такъ и есть, захворалъ. Напугала же я тебя! Да нужды нѣтъ, утѣшься, батюшка! хоть и велики грѣхи твои, а благость-то Божія еще больше. Только по-кайся, да впередъ не грѣши. Вотъ и я молюсь, молюсь о тебѣ и денно, и нощно, а теперь и того болѣ стану молиться. Что тутъ говорить? Ужъ лучше сама въ рай не попаду, да тебя отмолю!

Іоаннъ взглянулъ на свою мамку: она какъ будто улыбалась, но не привѣтлива была улыбка на суровомъ лицѣ ея.

— Спасибо, Онуфревна, спасибо! мнѣ легче; ступай себѣ съ Богомъ!

— То-то легче! Какъ обнадежишь тебя, куда и страхъ дѣвался! ужъ и гнать меня вздумалъ; ступай, молъ, съ Богомъ! А ты на долготерпѣнье-то Божіе слишкомъ не разсчитывай, батюшка! На тебя и у самого у Господа терпѣнія-то не станетъ. Отречется онъ отъ тебя, посмотри, а сатана-то обрадуется, да шархъ! и войдетъ въ тебя. Ну вотъ, опять дрожать началъ! Не худо-бъ тебѣ сбитень-ку испить. Испей сбитеньку, батюшка! Бывало, и родитель твой на ночь сбитень пивалъ, царствіе ему небесное! И матушка твоя, упокой, Господи, душу ея! любила сбитень. Въ сбитнѣ-то и опо-или ее проклятые Шуйскіе. (*)

Старуха как будто забылась. Глаза ея померкли; она оп принялась жевать губами, безпрерывно шатая головой.

Вдругъ что-то застучало въ окно. Иванъ Васильевичъ вз; гнулъ.

Старуха перекрестилась дрожащею рукой.

— Вишь, сказала она, дождь полилъ! И молонья блистать н чинаетъ! А вотъ и громъ, батюшка! помилуй насъ, Господи!

Гроза усиливалась все болѣе и скоро разыгралась по небу бе прерывными перекатами, безпрестанною молніей.

При каждомъ ударѣ грома Іоаннъ вздрагивалъ.

— Вишь, какой у тебя ознобъ, батюшка! Вотъ погоди мален ко; я велю тебѣ сбитеньку заварить...

— Не надо, Онуфревна! я здоровъ.

— Здоровъ! Да на тебѣ лица не видать! Ты-бъ на постелю легъ, одѣяломъ-то прикрылся бы. И что-й-то у тебя за посте право! Доски голыя. Охота тебѣ! Царское ли это дѣло! Вѣдь эт хорошо монаху, а ты не монахъ какой!

— Іоаннъ не отвѣчалъ. Онъ къ чему-то прислушивался.

— Онуфревна, сказалъ онъ вдругъ съ испугомъ:—кто тамъ хо дитъ въ сѣняхъ? Я слышу шаги чьи-то.

— Христосъ съ тобой, батюшка! кому теперь ходить! Послышалось тебѣ.

— Идетъ, идетъ кто-то! Идетъ сюда! Посмотри, Онуфревна!

Старуха отворила дверь. Холодный вѣтеръ пахнулъ въ избу. За дверью показался Малюта.

— Кто это? спросилъ царь, вскакивая.

— Да твой рыжій песъ, батюшка! отвѣчала мамка, сердито глядя на Малюту:—Гришка Скуратовъ. Вишь, какъ напугалъ, проклятый!

— Лукьянычъ! сказалъ царь, обрадованный приходомъ любимца:—добро пожаловать! откуда?

— Изъ тюрьмы, государь! былъ у розыску, ключи принесъ.

Малюта низко поклонился царю и покосился на мамку.

— Ключи! проворчала старуха:—ужъ припекутъ тебя на томъ свѣтѣ раскаленными ключами, сатана ты этакой! Ей Богу, сатана! И лицо-то дьявольское! Ужъ кому другому, а тебѣ не миновать огня вѣчнаго! Будешь, Гришка, лизать сковороды горячія за всѣ клеветы свои! будешь, проклятый, въ смолѣ кипѣть,—помяни мое слово!

Молнія освѣтила грозящую старуху, и страшна была она съ поднятою клюкой, съ сверкающими глазами.

Самъ Малюта нѣсколько струсилъ, но Іоанна ободрило присутствіе любимца.

— Не слушай ее, Лукьянычъ, сказалъ онъ: — знай свое дѣло, не смотри на бабьи толки. А ты ступай себѣ, старая дура, оставь насъ!

Глаза Онуфревны снова засверкали.

— Старая дура? повторила она: — я старая дура? Вспомянете вы меня на томъ свѣтѣ, оба вспомянете! Всѣ твои поплечники, Ваня, всѣ примутъ мзду свою, еще въ сей жизни примутъ: и Грязной, и Басмановъ, и Вяземскій; (7) комуждо воздастся по дѣламъ его. А этотъ, продолжала она, указывая клюкою на Малюту: — этотъ не приметъ мзды своей: по его дѣламъ нѣтъ и муки на землѣ; его мука на днѣ адовомъ; тамъ ему и мѣсто готово; ждутъ его дьяволы и радуются ему! И тебѣ есть тамъ мѣсто, Ваня, великое, теплое мѣсто!

Старуха вышла, шаркая ногами и стуча клюкой.

Іоаннъ былъ блѣденъ. Малюта не говорилъ ни слова. Молчаніе продолжалось довольно долго.

— Что-жъ, Лукьянычъ, сказалъ наконецъ царь: — винятся Колычёвы? (8)

— Нѣтъ еще, государь! Да ужъ повинятся! у меня не откашляются!

Іоаннъ вошелъ въ подробности допроса. Разговоръ о Колычевыхъ далъ его мыслямъ другое направленіе.

Ему показалось, что онъ можетъ заснуть. Отославъ Малюту, онъ легъ на постель и забылся.

Его разбудилъ какъ будто внезапный толчекъ.

Изба слабо освѣщалась образными лампадами. Лучъ мѣсяца, проникая сквозь низкое окно, игралъ на расписанныхъ изразцахъ лежанки. За лежанкой кричалъ сверчокъ. Мышь грызла гдѣ-то дерево.

Среди этой тишины Ивану Васильевичу опять сдѣлалось страшно.

Вдругъ ему почудилось, что приподымается половица, и смотритъ изъ-подъ нея отравленный бояринъ.

Такія видѣнія случались съ Іоанномъ нерѣдко. Онъ приписывалъ ихъ адскому мороченью. Чтобы прогнать призракъ, онъ перекрестился.

Но призракъ не исчезъ, какъ то случалось прежде. Мертвый бояринъ продолжалъ смотрѣть на него изъ-подлобья. Глаза старика были такъ же на выкатѣ, лицо такъ же сине, какъ за обѣдомъ, когда онъ выпилъ присланную Іоанномъ чашу.

Опять навожденіе! подумалъ царь:—но не поддамся я прел сатанинской, сокрушу хитрость дьявольскую. Да воскреснетъ Бо и расточатся врази его!

Мертвецъ медленно вытянулся изъ-подъ полу и приблизился Іоанну.

Царь хотѣлъ закричать, но не могъ. Въ ушахъ его стра звенѣло.

Мертвецъ поклонился передъ Іоанномъ.

— Здравъ буди, Иване! произнесъ глухой, нечеловѣческій г лосъ:—се кланяюся тебѣ, иже погубилъ еси мя безвинно!

Слова эти отозвались въ самой глубинѣ души Іоанна. Онъ з зналъ, отъ призрака ли ихъ слышитъ, или собственная его мыс выразилась ощутительнымъ для уха звукомъ.

Но вотъ приподнялась другая половица; изъ-подъ нея показа лось лицо окольничаго Данилы Адашева, (9) казненнаго Іоанно четыре года тому назадъ.

Адашевъ также вытянулся изъ-подъ полу, поклонился царю сказалъ:

— Здравъ буди, Иване! се кланяюся тебѣ, иже казнилъ еси м безвинно!

За Адашевымъ явилась боярыня Марія, казненная вмѣстѣ с дѣтьми. (10) Она поднялась изъ-подъ полу съ пятью сыновьями. Вс поклонились царю, и каждый сказалъ:

— Здравъ буди, Иване! се кланяюся тебѣ!

Потомъ показались князь Курлятевъ, князь Оболенскій, Никита Шереметевъ и другіе, казненные или убитые Іоанномъ.

Изба наполнилась мертвецами. Всѣ они низко кланялись царю, всѣ говорили:

— Здравъ буди, здравъ буди, Иване! се кланяемся тебѣ!

Вотъ поднялись монахи, старцы, иноки, всѣ въ черныхъ ризахъ, всѣ блѣдные и кровавые.

Вотъ показались воины, бывшіе съ царемъ подъ Казанью.

На нихъ зіяли страшныя раны, но не въ бою добытыя, а нанесенныя палачами.

Вотъ явились дѣвы въ растерзанной одеждѣ и молодыя жены съ грудными младенцами. Дѣти протягивали къ Іоанну окровавленныя рученки и лепетали:

— Здравъ буди, здравъ буди, Иване, иже погубилъ еси насъ безвинно!

Изба все болѣе наполнялась призраками. Царь не могъ уже различать воображенія отъ дѣйствительности.

Слова призраковъ повторялись стократными отголосками. Отход-я молитвы и панихидное пѣніе въ то же время раздавались дъ самыми ушами Іоанна. Волосы его стояли дыбомъ.

— Именемъ Бога живаго, произнесъ онъ:—если вы бѣсы, на-анные вражьею силою, згиньте! Если вы правду души казнен-ıхъ мною, дожидайтесь страшнаго суда Божія! Господь меня съ ми разсудитъ!

Взвыли мертвецы и закружились вокругъ Іоанна, какъ осенніе ıстья, гонимые вѣтромъ. Жалобнѣе раздалось панихидное пѣніе, ождь опять застучалъ въ окно, и среди шума вѣтра царю по-лышались какъ будто звуки трубъ и голосъ, взывающій:

— Иване, Иване! на судъ, на судъ!

Царь громко вскрикнулъ. Спальники (11) вбѣжали изъ сосѣднихъ юкоевъ въ опочивальню.

Вставайте! закричалъ царь:—кто спитъ теперь! Насталъ послѣд-ній день, насталъ послѣдній часъ! Всѣ въ церковь! Всѣ за мною!

Царедворцы засуетились. Раздался благовѣстъ. Только что уснув-піе опричники (12) услышали знакомый звонъ, вскочили съ полатей и спѣшили одѣться.

Многіе изъ нихъ пировали у Вяземскаго. Они сидѣли за куб-ками и пѣли удалыя пѣсни. Услышавъ звонъ, они вскочили и на-дѣли черныя рясы поверхъ богатыхъ кафтановъ, а головы накры-ли высокими шлыками.

Вся слобода пришла въ движеніе. Церковь Божіей Матери ярко освѣтилась. Встревоженные жители бросились къ воротамъ и уви-дѣли множество огней, блуждающихъ во дворцѣ изъ покоя въ по-кой. Потомъ огни образовали длинную цѣпь, и шествіе потяну-лось змѣею по наружнымъ переходамъ, соединявшимъ дворецъ съ храмомъ Божіимъ.

Всѣ опричники, одѣтые однолично въ шлыки и черныя рясы, несли смоляные свѣточи. Блескъ ихъ чудно игралъ на рѣзныхъ столбахъ и на стѣнныхъ украшеніяхъ. Вѣтеръ раздувалъ рясы, а лунный свѣтъ вмѣстѣ съ огнемъ отражался на золотѣ, жемчугѣ и дорогихъ каменьяхъ.

Впереди шелъ царь, одѣтый инокомъ; билъ себя въ грудь и взы-валъ, громко рыдая:

— Боже, помилуй мя грѣшнаго! Помилуй мя, смраднаго пса! Помилуй мою скверную голову! Упокой, Господи, души побитыхъ мною безвинно!

У преддверія храма Іоаннъ упалъ въ изнеможеніи.

Свѣточи озарили старуху, сидѣвшую на ступеняхъ. Она протя-нула къ царю дрожащую руку.

— Встань, батюшка! сказала Онуфревна:—я помогу тебѣ. Да я жду тебя. Войдемъ, Ваня, помолимся вмѣстѣ!

Двое опричниковъ подняли царя подъ руки. Онъ вошелъ церковь.

Новыя шествія, также въ черныхъ рясахъ, также въ высок шлыкахъ, спѣшили по улицамъ съ зажженными свѣточами. Хра выя врата поглощали все новыхъ и новыхъ опричниковъ, и ис линскіе лики святыхъ смотрѣли на нихъ, негодуя, съ высоты ст и главъ церковныхъ.

Среди ночи, дотолѣ безмолвной, раздалось пѣніе нѣсколькі сотъ голосовъ, и далеко слышны были звонъ колокольный и пр тяжные псалмы.

Узники въ темницахъ вскочили, гремя цѣпями, и стали прис шиваться.

— Это царь заутреню служитъ! сказали они. — Умягчи, Бож его сердце, вложи милость въ душу его!

Маленькія дѣти въ слободскихъ домахъ, спавшія близъ матер проснулись въ испугѣ и подняли плачъ.

Иная мать долго не могла унять своего ребенка.

— Молчи! говорила она наконецъ:—молчи, не то Малю услышитъ!

И при имени Малюты, ребенокъ переставалъ плакать, въ испу гѣ прижимался къ матери, и среди ночнаго безмолвія раздавали опять лишь псалмы опричниковъ, да безпрерывный звонъ коло кольный.

---

(1) *Александровская слобода*—теперь городъ Александровъ Владимірской губер ніи. (2) *Малюта*—см. ст. 78 прим. 2. (3) *Верхъ* — внутреннія комнаты во дворц (4) *Елена Глинская*—мать Іоанна. (5) *Князь Телепневъ*—вельможа, пользовавшій особеннымъ значеніемъ въ первые годы царствованія младенца Іоанна. (6) Еле скоропостижно умерла въ 1538 г., по словамъ современника, отъ яду. (7) *Васил Грязной, Ѳедоръ Басмановъ, Аѳанасій Вяземскій*—см. ст. 88 прим. 2 (8) *Ко лычевы*—родственники Филиппа митрополита, задушеннаго Малютою Скуратовымъ. (9) *Даніилъ Адашевъ*—сановникъ, знаменитый воинскими подвигами, брат прежняго любимца Іоаннова, Алексѣя Адашева. (10) *Боярыня Марія*—другъ Алек сѣя Адашева; она была обвинена въ чародѣйствѣ, въ умыслѣ извести царя, казнена съ пятью своими сыновьями. (11) *Спальникъ* — знатный придворный чиновникъ, должность котораго была ночевать въ государевой спальнѣ. (12) *Оп ричники*—см. ст. 77 прим. 2.

81. ПУТЕШЕСТВІЕ ІОАННА ГРОЗНАГО НА БОГОМОЛЬЕ.

Я живо вижу, какъ сюда
Пришелъ спасаться мужъ святой
Въ тѣ времена еще, когда
Кругомъ шумѣлъ здѣсь боръ густой,

И, вѣковымъ объята сномъ,
Вся эта дикая страна
Казалась людямъ волшебствомъ
И чародѣйствами полна.

келью самъ въ горѣ изсѣкъ,
жилъ пустыннымъ житіемъ
той кельѣ Божій человѣкъ,
козни бѣса глухъ и нѣмъ.
что свѣча въ ночи горитъ,
ъ въ этомъ мракѣ просіялъ;
илъ народъ, устроилъ скитъ,
утѣшалъ, и просвѣщалъ.

вотъ вдругъ валятся лѣса,
монастырь здѣсь возстаетъ;
адъ гробомъ старца чудеса
ошли твориться...: и растетъ
а храмомъ храмъ, встаетъ стѣна,
стаетъ гостинницъ длинный рядъ,
въ погреба течетъ казна,
всюду трудъ, и всюду ладъ.

Идутъ обозы вдоль горы;
лопочетъ келаръ, казначей;
Варятъ меды, творятъ пиры;
Всечасно братья ждетъ гостей.

эти гости—то князья,
Въ Орду (1) идущіе съ казной;
Го ихъ княгини, ихъ семья,
Въ разлукѣ плачущія злой.

И черный людъ, безвѣстный людъ,
Со всей Руси идетъ, бредетъ;
Въ грѣхахъ всѣ каяться идутъ,
Да страшный гнѣвъ свой Богъ уйметъ.
Идутъ съ пожарищъ, съ поля битвъ,
Ища исходу хоть слезамъ,
Подъ чтенье сладостныхъ молитвъ,
Подъ пѣнье ангельское тамъ.

И въ темныхъ, маленькихъ церквахъ
Душистый воскъ горитъ, какъ жаръ,
Предъ образами въ жемчугахъ,
Сердецъ скорбящихъ чистый даръ.

Вотъ ѣдетъ новый караванъ,
Полумонашеская рать, (2)
И раззолоченный рыдванъ
Съ крестами клиръ идетъ встрѣчать.

Съ потухшимъ окомъ, блѣденъ, худъ,
Выходитъ, думой обуянъ,
Здѣсь панихидой кончить судъ,
Кровавый судъ свой царь Иванъ.

Ударилъ колоколъ большой,
И двери Царскія въ олтарь
Предъ нимъ раскрылись, и больной,
Повергшись ницъ, рыдаетъ царь,
И, глядя, плачутъ всѣ вокругъ....
Но многолѣтье кончилъ клиръ,
И ждетъ царя и царскихъ слугъ
Въ большой трапезной свѣтлый пиръ.

Но царь на свѣтлый пиръ нейдетъ;
Одинъ, онъ въ кельѣ заперся;
Онъ ѣстъ лишь хлѣбъ, онъ воду пьетъ,
И весь онъ Богу отдался.

Вотъ на обитель сходитъ сонъ;
Одинъ лишь царь не знаетъ сна;
Все ходитъ онъ, все пишетъ онъ
Имъ побіенныхъ имена....

«Все кровь!.. А тутъ покой кругомъ!
Главу обитель вознесла,
Что тихій островъ на мірскомъ
Многомятежномъ морѣ зла....

«Принять бы схиму здѣсь, лежать
Живымъ въ гробу, а надъ тобой
Монахи будутъ возглашать:
«Раба Ивана упокой!...»

«Все суета!... И какъ видна
Она изъ гроба-то!... А тутъ—
Что въ царствѣ будетъ? Вся страна
Взликуетъ! Скажутъ: царь былъ лютъ!
«Измѣна встанетъ! зашумятъ
Опять бояре, города! ..
Найдется царскій братъ иль сватъ,
Мой родъ зарѣжетъ!... Что тогда?»

И духъ его, какъ воронъ злой,
По всей Руси витать пошелъ
И ищетъ: гдѣ онъ недругъ мой?
Гдѣ смута? гдѣ гнѣздо крамолъ?

Зоветъ на судъ онъ города,
Живыхъ и мертвыхъ онъ зоветъ
И, вновь для грознаго суда
Готовый, мысль въ душѣ куетъ,—
Куетъ онъ мысль, какъ-бы сплотить
Всю Русь въ одно, чтобъ ничего
Не смѣло въ ней дышать и жить
Безъ изволенія его.

А ночь межъ тѣмъ надъ Русью шла,
И не одна душа, томясь,
Теперь гадала и ждала:
Что царь замыслилъ въ этотъ часъ?...

И чуть звонятъ — народъ во храмъ;
Вопитъ, какъ жаждущій въ степи:
«Когда-жъ, Господь, конецъ бѣдамъ?»
И клиръ въ отвѣтъ ему: «терпи!»

Терпи!... И вытерпѣла ты,
Святая Русь, что посылалъ
Тебѣ Господь, всѣ тяготы
Насильствъ, и казней, и опалъ.

Тяжелый млатъ ковалъ тебя
Въ одинъ народъ, ковалъ вѣка;
Но вѣришь ты, что Богъ любя
Тебя каралъ,—и тѣмъ крѣпка.

(1) *Орда*—см. ст. 44 прим. 1. (2) *Полумонашеския рать*—опричники (см. 77 прим. 2), которые иногда одѣвались *монахами*.

82. СТАРИЦКІЙ ВОЕВОДА. (1)
(1567 г.)

Когда былъ обвиненъ Старицкій воевода,
Что гордый знатностью и древностію рода
Присвоить онъ себѣ мечтаетъ царскій санъ;
Предстать ему велѣлъ предъ очи Іоаннъ,
И осужденному поднесъ вѣнецъ богатый,
И ризою облекъ изъ жемчуга и злата,
И бармы (2) возложилъ, и самъ на свой престолъ
Смиренною рукой виновнаго возвелъ.
И, взоръ предъ нимъ склонивъ, онъ палъ среди палаты,
И, въ землю кланяясь съ покорностью трикраты,
Сказалъ: «доволенъ будь въ величіи своемъ:
«Се азъ, твой рабъ, тебѣ на царствѣ бью челомъ!»
И, вспрянувъ отъ земли со злобой безпощадной,
Онъ въ сердце ножъ ему вонзилъ рукою жадной,
И, ликъ свой наклоня надъ сверженнымъ враговъ,
Онъ наступилъ на трупъ узорнымъ сапогомъ,
И въ очи мертвыя глядѣлъ, и дрожью зыбкой
Вокругъ державныхъ устъ змѣилася улыбка.

(1) «Ѳедоровъ, бывъ 9 лѣтъ въ знатномъ санѣ конюшаго и начальникомъ Казеннаго приказа, ревностно служилъ царю и готовился дать отчетъ Судіи Вышнему, когда земный судія объявилъ его главою заговорщиковъ, повѣривъ или вымысливъ, что сей ветхій старецъ думалъ свергнуть царя съ престола и властвовать надъ Россіею. Іоаннъ, въ присутствіи всего двора, какъ пишутъ, надѣлъ на Ѳедорова царскую одежду и вѣнецъ, посадилъ его на тронъ, далъ ему державу въ руку, снялъ съ себя шапку, низко поклонился и сказалъ: «здравъ буди, великій царь земли Русскія! Се пріялъ ты отъ меня честь, тобою желаемую! Но имѣя власть сдѣлать тебя царемъ, могу и низвергнуть съ престола!» Сказавъ, ударилъ его въ сердце ножемъ.» *Карамзинъ*. (2) *Бармы*—оплечье съ священными изображеніями, которое при торжественныхъ случаяхъ возлагали на себя Русскіе государи.

83. Опала Іоанна на Новгородъ. (1)

(1570 г.)

2 Генваря передовая многочисленная дружина государева вошла въ Новгородъ, окруживъ его со всѣхъ сторонъ крѣпкими заставами, дабы ни одинъ человѣкъ не могъ спастися бѣгствомъ. Опечатали церкви, монастыри въ городѣ и въ окрестностяхъ; связали иноковъ и священниковъ, взыскивали съ каждаго изъ нихъ по двадцати рублей; а кто не могъ заплатить сей пени, того *ставили на правежъ*: (2) всенародно били, сѣкли съ утра до вечера. Опечатали и дворы всѣхъ гражданъ богатыхъ; гостей, (3) купцовъ, приказныхъ людей оковали цѣпями; женъ, дѣтей стерегли въ домахъ. Царствовала тишина ужаса. Никто не зналъ ни вины, ни предлога сей опалы. Ждали прибытія государева.

6 Генваря, въ день Богоявленія, ввечеру, Іоаннъ съ войскомъ сталъ на Городищѣ, въ двухъ верстахъ отъ посада. На другой день казнили всѣхъ иноковъ, бывшихъ на правежѣ: ихъ избили палицами и каждаго отвезли въ свой монастырь для погребенія. Генваря 8 царь съ сыномъ (4) и съ дружиною вступилъ въ Новгородъ, гдѣ на Великомъ мосту встрѣтилъ его архіепископъ Пименъ съ чудотворными иконами: не принявъ святительскаго благословенія, Іоаннъ грозно сказалъ: «Злочестивецъ! въ рукѣ твоей не крестъ животворящій, но оружіе убійственное, которое ты хочешь вонзить намъ въ сердце. Знаю умыселъ твой и всѣхъ гнусныхъ Новгородцевъ; знаю, что вы готовитесь предаться Сигизмунду Августу. (5) Отселѣ ты уже не пастырь, а врагъ церкви и св. Софіи, (6) хищный волкъ, губитель, ненавистникъ вѣнца Мономахова». (7) Сказавъ, государь велѣлъ ему идти съ иконами и крестами въ Софійскую церковь; слушалъ тамъ литургію, молился усердно, пошелъ въ палату къ архіепископу, сѣлъ за столъ со всѣми боярами, началъ обѣдать и вдругъ завопилъ страшнымъ голосомъ.... Явились воины, схватили архіепископа, чиновниковъ, слугъ его; ограбили палаты, келліи, а дворецкій Левъ Салтыковъ и духовникъ государевъ Евстафій—церковь Софійскую: взяли ризную казну, сосуды, иконы, колокола; обнажили и другіе храмы въ монастыряхъ богатыхъ: послѣ чего немедленно открылся судъ на Городищѣ. Судили Іоаннъ и сынъ такимъ образомъ: ежедневно представляли имъ отъ пяти сотъ до тысячи и болѣе Новгородцевъ; били ихъ, мучили, жгли какимъ-то составомъ огненнымъ, привязывали головою или ногами къ санямъ, влекли на берегъ Волхова, гдѣ сія рѣка не мерзнетъ зимою, и бросали съ моста въ воду, цѣлыми семействами, женъ съ мужьями, матерей съ грудными младенцами. Ратники Московскіе ѣздили на лодкахъ по Волхову съ кольями, баграми и сѣкирами: кто изъ вверженныхъ въ рѣку всплывалъ, того кололи, разсѣкали на части. Сіи убійства продол-

жались пять недѣль и заключились грабежемъ общимъ: Іоаннъ с дружиною объѣхалъ всѣ обители вокругъ города; взялъ казны цер ковныя и монастырскія, велѣлъ опустошить дворы и келліи, истр бить хлѣбъ, лошадей, скотъ; предалъ также и весь Новгородъ гр бежу, лавки, домы, церкви; самъ ѣздилъ изъ улицы въ улиц смотрѣлъ, какъ хищные воины ломились въ палаты и кладовы отбивали ворота, влѣзали въ окна, дѣлили между собою шелковы ткани, мѣха; жгли пеньку, кожи; бросали въ рѣку воскъ и сал Толпы злодѣевъ были посланы и въ пятины (⁸) Новгородскія, гу бить достояніе и жизнь людей безъ разбора, безъ отвѣта. Сіе какъ говоритъ лѣтописецъ, *неисповѣдимое колебаніе, паденіе, раз рушеніе Великаго Новагорода продолжалось около шести недѣль*

(¹) «Одинъ бродяга Волынскій, именемъ Петръ, за худыя дѣла наказанный в Новгородѣ, вздумалъ отомстить его жителямъ: сочинилъ письмо отъ архіепископа и тамошнихъ граждань къ королю Польскому; скрывъ оное въ церкви св. Софіи за образъ Богоматери, бѣжалъ въ Москву и донесъ государю, что Новгородъ измѣняетъ Россіи.» *Карамзинъ.* (²) *Правежъ*—взысканіе денегъ, соединенное съ истязаніемъ должника. (³) *Гости*—см. ст. 26 прим. 1. (⁴) *Сынъ*—царевичъ Іоаннъ. (⁵) *Сигизмундъ Августъ*—см. ст. 79 прим. 5. (⁶) *Св. Софія*—см. ст. 67 прим. 3. (⁷) *Мономахъ*—Владиміръ, правнукъ Владиміра Равноапостольнаго. Русскіе государи въ день вѣнчанія на царство надѣваютъ на себя шапку Мономаха. (⁸) *Пятина*—см. ст. 22 прим. 4.

---

84. Почему Волховъ не мерзнетъ. (¹)

(Народное преданіе.)

(1570 г.)

Еще за нашихъ дѣдовъ, еще Питеръ былъ не подъ нашимъ владѣніемъ, былъ царь Грозный, Иванъ Васильевичъ. Пріѣхалъ царь Грозный въ Новгородъ, пошелъ къ Софіи къ обѣднѣ. Стоитъ Иванъ царь, Богу молится; только глядитъ—за иконой бумага видится. Онъ взялъ ту бумагу и распалился гнѣвомъ. А ту бумагу положили по насердкамъ духовники; а какая та была бумага, никто не знаетъ. (²) Какъ распалился Грозный царь, и велѣлъ народъ *рыть* (³) въ Волховъ; царь Иванъ сталъ на башню, что на берегу налѣво, какъ отъ сада идешь на ту сторону; сталъ Грозный на башню, стали народъ въ Волховъ рыть: возьмутъ двухъ, сложатъ спина со спиной, руки свяжутъ, да такъ въ воду и бросятъ; какъ въ воду, такъ и на дно. Нарыли народу на 12 верстъ; такъ народъ остановился, нейдетъ дальше; нельзя Грозному народу больше рыть. Послалъ онъ посмотрѣть на 12 верстъ вершниковъ, (⁴) отчего мертвый народъ внизъ нейдетъ. Прибѣжали вершники назадъ, говорятъ царю: «мертвый народъ стѣной сталъ.» —Какъ тому быть? закричалъ царь:—давай коня! Подали царю коня; царь сѣлъ

на коня и поскакалъ за 12 верстъ. Смотритъ: мертвый народъ стоитъ стѣной, дальше нейдетъ. Въ то самое времячко стало царя огнемъ палить; сталъ огонь изъ земли кругомъ Грознаго выступать. Поскакалъ царь Иванъ Васильевичъ прочь,—огонь за нимъ; онъ скачетъ дальше,— огонь все кругомъ.... Царь соскочилъ съ коня, да на колѣночки, сталъ Богу молиться: «Господи! прости мое согрѣшеніе!» Огонь и пропалъ. Пріѣзжаетъ царь въ Новгородъ, тамъ черезъ сколько времени пришелъ къ митрополиту обѣдать въ постный день. Митрополитъ поставилъ на столъ *рѣдьчину*, а царю кажется—голова кобылья.—Чѣмъ ты меня потчуешь, митрополитъ? говоритъ царь:—теперь постъ, а ты поставилъ мясо, да еще какое?—кобылью голову, что ѣсть и въ скоромный день грѣхъ большой! Митрополитъ усмѣхнулся, да и говоритъ: «ѣсть кобылью голову грѣхъ, а народъ губить—святое дѣло!» Благословилъ митрополитъ ту рѣдьчину; царю и показалась рѣдьчина рѣдьчиной. (5) Съ тѣхъ поръ Волховъ и не мерзнетъ на томъ мѣстѣ, гдѣ Грозный царь народъ рылъ: со дна Волхова тотъ народъ пышетъ. А гдѣ народъ становился за 12 верстъ, тамъ Хутынскій монастырь царь поставилъ. (6)

---

(1) См. ст. 83-ю. (2) См. ст. 88 прим. 1. (3) *Рыть*—кидать. (4) *Вершникъ*—ѣдущій верхомъ передъ каретою или возлѣ нея. (5) «Іоаннъ въ Псковѣ зашелъ въ келію къ старцу *Салосу* (юродивому) Николѣ. Пишутъ, что онъ предложилъ Іоанну въ даръ кусокъ сыраго мяса; что царь сказалъ: «я христіанинъ, и не ѣмъ мяса въ великій постъ;» а пустынникъ отвѣтствовалъ: «ты дѣлаешь хуже: питаешься человѣческою плотію и кровію, забывая не только постъ, но и Бога.» *Карамзинъ.* (6) *Хутынскій монастырь* основанъ былъ въ концѣ 12 вѣка.

85. КАЗНИ ВЪ МОСКВѢ.

(25 Іюля 1570 г.)

25 Іюля среди большой торговой площади, въ Китаѣ-городѣ, поставили 18 висѣлицъ; разложили многія орудія мукъ, зажгли высокій костеръ и надъ нимъ повѣсили огромный чанъ съ водою. Увидѣвъ сіи грозныя приготовленія, несчастные жители вообразили, что насталъ послѣдній день для Москвы; что Іоаннъ хочетъ истребить ихъ всѣхъ безъ остатка: въ безпамятствѣ страха они спѣшили укрыться, гдѣ могли. Площадь опустѣла; въ лавкахъ отворенныхъ лежали товары, деньги; не было ни одного человѣка, кромѣ толпы опричниковъ (1) у висѣлицъ и костра пылающаго. Въ сей тишинѣ раздался звукъ бубновъ: явился царь на конѣ съ любимымъ старшимъ сыномъ, (2) съ боярами и князьями, съ легіо-

«А еще есть на Москвѣ семьдесятъ апостоловъ,
«Опришенно (4) трехъ святителей;
«Еще есть на Москвѣ православныйцаръ.»
Побѣжалъ еси, собака Крымскій царь,
Не путемъ еси, не дорогою,
Не по знамени, не по черному. (5)

---

(1) Девлетъ-Гирей. (2) *Добры-дни*—какъ насмѣшка, вмѣсто *злы дни*, несчас потому что Татарскій полководецъ Дивій Мурза былъ взятъ въ плѣнъ и отвез въ Новгородъ. (3) *Ино*—и такъ. (4) *Опришенно*—опрчѣ, кромѣ. (5) Ханъ по рякъ въ Россіи 200 000 человѣкъ изъ 120,000 и бѣжалъ назадъ только съ 20.000, *по знамени, по по черному*, т. е, какъ попало, а пв въ порядкѣ, за своимъ нымъ знаменемъ.

87. Смерть гетмана Свирговскаго. (1)

(Малороссійская дума)

(1574 г)

Какъ то пана Ивана, что гетмана Свирговскаго, да какъ пой мали басурманы, то рубили ему голову,—ой голову ему *рубили* да на бунчукъ (2) вѣшали, и въ трубы играли, и глумились над нимъ!

А съ низовья тянулась туча; набѣгала что стая вороновъ, и стлала туманы по Украйнѣ; а Украйно горевала,—охъ, *горевал* Украйна своего гетмана оплакивала!

Тогда завывали буйные вѣтры; гдѣ вы дѣвали нашего *гетма* на? Тогда налетали кречеты: гдѣ вы тужили по нашемъ гетма нѣ? Тогда закричали орлы: гдѣ вы схоронили нашего *гетмана*? Тогда повились жаворонки: гдѣ же вы простились съ нашимъ гетманомъ?—

Въ глубокой могилѣ, возлѣ города, возлѣ Киліи, на Турецкой линіи.

---

(1) *Гетманъ*—главный начальникъ казацкаго Малороссійскаго войска. Гетманъ *Григорій Свирговскій*, во время войны съ Турками пытаясь взять приступомъ городъ *Килію* (въ Молдавіи), попалъ на пороховую миву и взлетѣлъ на воздухъ. (2) *Бунчукъ*—лошадиный хвостъ, повѣшенный на древкѣ.

88. О куренномъ атаманѣ Ѳедорѣ Безродномъ. (1)

(Малороссійская дума.)

Надъ заливомъ Днѣпровскимъ молодой казакъ обѣдаетъ обѣдъ. Онъ не думаетъ, не гадаетъ, что его, молодаго, и его малаго чуру (2) бѣда настигаетъ.

То не вербы лѣсныя зашумѣли: безбожные разбойники наѣхали; Өедора Безроднаго, куреннаго атамана, пострѣляли, порубили, только не поймали его чуры.

Вотъ малый чура приходитъ къ казаку, промываетъ ему глубокія раны.

Молвитъ ему казакъ: «Чура мой, чура, вѣрный слуга! пойди ты степью по-надъ Днѣпромъ; прислушай ты, чура: гуси ли то кричатъ, ячатъ ([3]) ли то лебеди, разбойники ли гуляютъ, иль, можетъ, казаки Днѣпромъ идутъ? Коли кричатъ гуси или ячатъ лебеди, то сгони; коли разбойники гуляютъ, схорони меня; коли-жъ казаки идутъ, то скажи, пусть они челноки свои приворачиваютъ къ берегу и навѣстятъ меня, казака Өедора Безроднаго.»

Вотъ малой чура пробѣжалъ по берегу, завидѣлъ казаковъ, машетъ шапкою, говоритъ словами: «паны молодцы! сдѣлайте доброе дѣло, приворачивайте челноки, поспѣшайте къ атаману куренному.»

Казаки то услышали, къ берегу причаливали, атамана навѣстили.

Хвалитъ казакъ чуру и говоритъ такія слова: «чура мой, чура, вѣрный слуга! коли ты будешь вѣрно жить, будутъ тебя казаки чтить.»

Такъ говорилъ онъ, со всѣми прощался, милосердому Богу отдалъ душу.

Тогда казаки саблями копали суходолъ, ([4]) выгребали землю шапками и приполами, ([5]) хоронили Өедора Безроднаго; гремѣли изъ семипяденныхъ пищалей ([6]) и жалобно выхваляли его въ трубы: дѣло казацкая голова знала, что безъ войска казацкаго не умирала!

([1]) *Куренный атаманъ*—начальникъ надъ куренемъ. Запорожскіе казаки раздѣлялись на 18 куреній. ([2]) *Чура*—слуга или оруженосецъ ([3]) *Ячать*—говорится про крикъ лебедей. ([4]) *Суходолъ*—сухая земля. ([5]) *Приполы*—концы полъ. ([6]) *Пищаль*—огнестрѣльное оружіе, подобное ружью.

89. ИВАНЪ ПОДКОВА.

Было время—по Украйнѣ
Пушки грохотали;
Было время—Запорожцы
Жили-пировали,
Пировали, добывали
Славы, вольной воли.
Все то минуло, остались
Лишь могилы въ полѣ,
Тѣ высокія могилы,
Гдѣ лежитъ зарыто
Тѣло бѣлое казачье,
Саваномъ повито.
И чернѣютъ тѣ могилы,
Словно горы въ полѣ,
И лишь съ вѣтромъ перелетнымъ
Шепчутся про волю.

Славу дѣдовскую вѣтеръ
По полю разноситъ....
Внукъ услышитъ—пѣсню сложитъ
И съ той пѣсней коситъ.
Было время—на Украйнѣ
Въ пляску шло и горе;
Какъ вина, да меду вдоволь—
По колѣно море.
Да, жилось когда-то славно!
И теперь вспомянешь,—
Какъ-то легче станетъ сердцу,
Веселѣе взглянешь.
Встала туча надъ лиманомъ,
Солнце заслоняетъ;
Лютымъ звѣремъ сине море
Стонетъ, завываетъ;
Днѣпръ надулся.—Что-жъ, ребята,
Время мы теряемъ?
Въ лодки! море расходилось:
То-то погуляемъ!
Высыпаютъ Запорожцы;
Вотъ лиманъ покрыли
Ихъ ладьи. —Играй же, море!—
Волны заходили;
За волнами, за горами
Берега пропали.
Сердце ноетъ, казаки же
Веселѣе стали.
Плещутъ весла, пѣсня льется,
Чайка вкругъ порхаетъ.
Атаманъ въ передней лодкѣ—
Путь-дорогу знаетъ;
Самъ все ходитъ вдоль по лодкѣ,
Трубку сжалъ зубами;
Взглянетъ вправо, взглянетъ влѣ
Гдѣ-бъ сойтись съ врагами?
Закрутилъ онъ усъ свой черный,
Вскинулъ чубъ косматый.
Поднялъ шапку—лодки стали.
—Сгинь ты, врагъ проклятый!
Поплывемте не къ Синопу,
Братцы-атаманы,
А въ Царь-градъ поѣдемъ въ гости
Къ самому султану!—
«Ладно, батька!» загремѣло.
—Ну, спасибо, братцы! —
И накрылся. Вновь горами
Волны громоздятся,
И опять онъ вдоль по лодкѣ
Ходитъ, не садится,
Только молча изъ-подлобья
На волну косится.

---

90. Ермакъ Тимоѳеевичъ.

(Народная былина.)

(1579—1583 г.)

Какъ на славныхъ на степяхъ было Саратовскихъ,
Что пониже было города Саратова,
А повыше было города Камышина,
Собиралисъ казаки-други, люди вольные;
Собирались они, братцы, во единый кругъ:
Какъ Донскіе, Гребенскіе и Яицкіе. (1)
Атаманъ у нихъ Ермакъ, сынъ Тимоѳеевичъ,
Есаулъ (2) у нихъ Асташка, сынъ Лаврентьевичъ.
Они думали думушку все единую:
«Ужъ какъ лѣто проходитъ, лѣто теплое,
«А зима настаетъ, братцы, холодная:

«Какъ и гдѣ-то намъ, братцы, зимовать будетъ?
«На Яикъ намъ идтить, да переходъ великъ;
«Да на Волгѣ ходить намъ, все ворами слыть;
«Подъ Казань градъ идти, да тамъ царь стоитъ,
«Какъ грозной-то царь Иванъ. Васильевичъ:
«У него тамъ силы много-множество;
«Да тебѣ, Ермаку, быть тамъ повѣшену,
«А намъ, казакамъ, быть переловленнымъ,
«Да по крѣпкимъ по тюрьмамъ поразсоженнымъ.»

Какъ не золотая трубушка вострубила,
Не серебряная рѣчь громко возговоритъ;
Рѣчь возговоритъ Ермакъ, сынъ Тимоѳеевичъ:

— Гей вы думайте, братцы, вы подумайте
— И меня, Ермака, братцы, послушайте:
— Зазимуемъ мы всѣ, братцы, въ Астрахани,
— А зимою мы, братцы, поисправимся.
— Какъ вскроется весна красная,
— Мы тогда-то, други-братцы, во походъ пойдемъ;
— Мы заслужимъ передъ грознымъ царемъ вину свою:
— Какъ гуляли мы, братцы, по синю морю,
— Да по синему морю, по Хвалынскому, (³)
— Разбивали мы, братцы, бусы корабли,
— Какъ и тѣ-то корабли, братцы, не орленые;
— Мы убили посланничка все царскаго,
— Какъ того-то вѣдь посланничка Персидскаго.—

Какъ во славномъ было городѣ во Астрахани,
На широкой, на ровной было площади,
Собирались казаки-други во единый кругъ;
Они думали думу крѣпкую,
Да и крѣпкую думушку, единую:

«Какъ зима-то проходитъ все холодная,
«Какъ и лѣто настанетъ, братцы, лѣто теплое;
«Да пора ужъ намъ, братцы, во походъ идтить.»

Рѣчь возговоритъ Ермакъ Тимоѳеевичъ:
— Ой вы гой еси, братцы атаманы-молодцы!
— Эй вы дѣлайте лодочки-коломенки,
— Забивайте вы кочета еловые, (⁴)
— Накладайте бабаички сосновыя; (⁵)
— Мы поѣдемте, братцы, съ Божьей помочью;
— Мы пригрянемте, братцы, вверхъ по Волгѣ по рѣкѣ;
— Перейдемъ мы, братцы, горы крутыя;
— Доберемся мы до царства бусурманскаго,
— Завоюемъ мы царство Сибирское;
— Покоримъ его мы, братцы, царю Бѣлому,

— А царя-то Кучума (6) въ полонъ возьмемъ:
— И за то-то государь царь насъ пожалуетъ.
— Я тогда-то пойду самъ ко Бѣлу царю,
— Я надѣну тогда шубу соболиную,
— Я возьму кунью шапочку подъ мышечку,
— Принесу я царю Бѣлому повинную.

— «Ой ты гой еси, надежда православный царь!
— «Не вели меня казнить, да вели рѣчь говорить:
— «Какъ и я-то, Ермакъ, сынъ Тимоѳеевичъ,
— «Какъ и я-то, воровской Донской атаманушка;
— «Какъ и я-то гулялъ вѣдь по синю морю,
— «Что по синю морю, по Хвалынскому;
— «Какъ и я-то разбивалъ вѣдь бусы корабли,
— «Какъ и тѣ-то корабли все не орленые;
— «А тепеpича, надежда православный царь,
— «Приношу тебѣ буйную головушку
— «И съ буйной головой царство Сибирское».—

Рѣчь возговоритъ надежда православный царь,
Какъ и грозный-то царь Иванъ Васильевичъ:
«Ой ты гой еси, Ермакъ, сынъ Тимоѳеевичъ,
«Ой ты гой еси, войсковой Донской атаманушка!
«Я прощаю тебя да и со войскомъ твоимъ;
«Я прощаю тебя да за твою службу,
«За твою-то ли службу мнѣ за вѣрную,
«И я жалую тебѣ, Ермакъ, славный тихій Донъ.»

---

(1) *Яицкіе казаки*—Уральскіе: рѣка Уралъ прежде называлась *Яикомъ*. (2) *Есаулъ*—въ казацкомъ войскѣ чинъ, соотвѣтствующій капитанскому. (3) *Море Хвалынское*—Каспійское. (4) *Кочета*—колышки для веселъ, вбитые въ бортъ. (5) *Бабайчики*—весла. (6) *Кучумъ*—царь Сибирскій.

91. ОСАДА ПСКОВА ПОЛЬСКИМЪ КОРОЛЕМЪ СТЕФАНОМЪ БАТОРІЕМЪ.

(Народная былина.)

(1581 г.)

Копилъ-то король, копилъ силушку,
Копилъ-то онъ, собака, двѣнадцать лѣтъ;
Накопилъ-то онъ силушки смѣты нѣтъ,
Много, смѣты нѣтъ, сорокъ тысячъ полковъ.
Накоплемши онъ силы, на Русь пошелъ,
Онъ на Русь пошелъ, на три города,
На три города, на три стольные: (1)
На первый на городъ, на Полоцкій,

На другой-то на городъ, на Велики-Луки,
На третій—на батюшку, на Опсковъ градъ.
Онъ и Полоцкій городъ мимоходомъ взялъ,
А Велики-Луки онъ насквозь прошелъ;
Подходилъ онъ подъ батюшку, подъ Опсковъ градъ;
Становился, собака, въ зеленыхъ лугахъ;
Садился онъ, собака, въ золотъ стулъ;
Смекалъ-то онъ силушку по три дни,
По три дни и по четыре:
Много ли силушки убыло,
А много ли силушки прибыло?
Убыло силушки сорокъ сотъ,
А прибыло силушки сорокъ полковъ.
Тутъ же онъ, собака, возрадуется:

«Охъ, вы гой еси, мои скорые хожатели,
«Скорые хожатели и скорые поспѣшатели!
«Мечитесь скоро въ зеленые луга,
«Въ зелены луга государевы.»

Посылаетъ онъ воеводу своего,
А самъ крѣпко наказываетъ:

«Бери своего коня Бахмута,
«Поѣзжай во батюшку, во Псковъ градъ:
«Во городъ въѣзжай—не спрашивай,
«Ко двору подъѣзжай—не докладывай,
«Во палаты восходи—не бей челомъ,
«Клади ярлыки (¹) на дубовы столы.»

За столами сидитъ воевода царевъ,
Шуйскій князь Иванъ Петровичъ.
«Охъ, ты гой еси, воевода царевъ,
«Шуйскій князь Иванъ Петровичъ!
»Отдай городъ Опсковъ безъ бою,
«Безъ бою и безъ драки великія,
«Безъ того угодовія смертнаго.
«Я на первомъ часу возьму Псковъ градъ,
«На друвіемъ часу стану чистити,
«На третьемъ часу стану столъ становить,
«Стану жить, веселиться, прохлаждатися; (²)
«Князей твоихъ, бояръ всѣхъ въ полонъ поберу,
«Донскихъ казаковъ всѣхъ подъ мечъ преклоню,
«А тебя, воеводу, казнить буду.»

Возговоритъ воевода царевъ,
Шуйскій Иванъ Петровичъ:

— Блуденъ сынъ—король съ королевичемъ,
— Съ паномъ гетманомъ Ходкѣвичемъ

— Говори, сказалъ онъ, обращаясь грозно къ Малютѣ,— говори, что знаешь про Володиміра Андреича.

— Нѣтъ, государь, моя рѣчь теперь не про Володиміра Андреича. Въ немъ я уже того не чаю, чтобы онъ что-либо надъ тобой учинилъ. И бояре къ нему теперь уже не мыслятъ. Давно перестал онъ подыскиваться подъ тобою царства. Моя рѣчь не про него.

— Про кого же? спросилъ царь съ удивленіемъ, и черты его судорожно задвигались.

— Видишь, государь! Володиміръ то Андреичъ раздумалъ государство мутить, да бояре-то не раздумали. Они себѣ на умѣ: не удалось молъ его на царство посадить, такъ мы посадимъ...

Малюта замялся.

— Кого? спросилъ царь, и глаза его запылали.

— Малюта позеленѣлъ.

— Государь! Не все пригоже выговаривать. Нашъ братъ думай да гадай, а языкъ держи за зубами.

— Кого? повторилъ Іоаннъ, вставая съ мѣста.

Малюта медлилъ отвѣтомъ.

Царь схватилъ его за воротъ обѣими руками, придвинулъ лицо его къ своему лицу и впился въ него глазами.

Ноги Малюты стали подкашиваться.

— Государь, сказалъ онъ вполголоса:—ты на него не гнѣвайся, вѣдь онъ не самъ вздумалъ!

— Говори! произнесъ хриплымъ шепотомъ Іоаннъ и стиснулъ крѣпче воротъ Малюты.

— Ему-то и на умъ бы не взбрело, продолжалъ Малюта, избѣгая царскаго взора:— ну, а должно быть, подбили его. Кто къ нему поближе, тотъ и подбилъ. А онъ, грѣшный человѣкъ, подумалъ себѣ: не много позже, не много ранѣ, все тѣмъ же кончится.

Царь началъ догадываться. Онъ сдѣлался блѣднѣе. Пальцы его стали разгибаться и выпускать воротъ Малюты.

Малюта оправился. Онъ понялъ, что настала пора для рѣшительнаго удара.

— Государь! сказалъ онъ вдругъ рѣзко:— не ищи измѣны далеко. Супротивникъ твой сидитъ супротивъ тебя, онъ пьетъ съ тобой съ одного ковша, ѣстъ съ тобой съ одного блюда, платье носитъ съ одного плеча.

Замолчавъ Скуратовъ и, полный ожиданія, рѣшился устремить на царя кровавые глаза свои.

Замолчалъ и царь. Руки его опустились. Понялъ онъ наконецъ Малюту.

Въ это мгновеніе раздались на дворѣ радостные крики.

Еще въ самое то время, какъ начался разговоръ между царемъ Скуратовымъ, царевичъ съ своими окольными въѣхалъ на дворъ, гдѣ ожидали его торговые люди черныхъ сотенъ и слободъ, пріѣхавшіе отъ Москвы съ хлѣбомъ-солью и съ челобитьемъ.

— Увидѣвъ царевича, они всѣ стали на колѣни.

— Чего вы просите, аршинники? спросилъ небрежно царевичъ.

— Батюшка! отвѣчали старшины:—пришли мы плакаться твоей милости! Будь намъ заступникомъ! Умилосердись надъ нашими головами! Разоряютъ насъ совсѣмъ опричники, (⁷) заѣдаютъ и съ женами, и съ дѣтьми.

— Вишь дурачье! сказалъ царевичъ, обращаясь съ усмѣшкой къ Басманову. (⁸) — Они-бъ хотѣли и женъ, и товаръ про себя однихъ держать! Да чего вы расхныкались? Ступайте себѣ домой; я, пожалуй, попрошу батюшку за васъ дураковъ.

— Отецъ ты нашъ, дай Богъ тебѣ многія лѣта! закричали торговые люди.

Царевичъ сидѣлъ на конѣ. Возлѣ него былъ Басмановъ. Просители стояли передъ ними на колѣняхъ. Старшій держалъ золотое блюдо съ хлѣбомъ-солью.

Малюта все видѣлъ изъ окна.

— Государь, шепнулъ онъ царю:—должно быть, его подбилъ кто нибудь изъ тѣхъ, что теперь съ нимъ. Посмотри, вотъ уже народъ ему на царствѣ здороваетъ!

И какъ чародѣй пугается недоброй силы, которую самъ онъ вызвалъ, такъ Малюта испугался выраженія, которое слова его вызвали на чертахъ Іоанна.

Съ лица царя исчезло все человѣческое. Такимъ страшнымъ никогда не видывалъ его Малюта.

Прошло нѣсколько мгновеній. Вдругъ Іоаннъ улыбнулся.

— Гриша, сказалъ онъ, положивъ обѣ руки на плеча Скуратова:—какъ бишь ты сейчасъ говорилъ? Я рублю сучья да вѣтви, а стволъ-то стоитъ здоровешенекъ?

— Гриша, продолжалъ царь, медленно выговаривая каждое слово и смотря на Малюту съ какой-то страшной довѣрчивостью: — берешься ли ты вырвать съ корнемъ измѣну?

Никита Романычъ испугается,
Садится на лошадь водовозную,
Скоро скачетъ на болото жидкое,
Что на ту ли лужу поганую.
Ударилъ онъ Малюту по щекѣ:
— Ты Малюта, Малюта Скуратовичъ!
— Не за свой ты кусъ принимаешься:
— Ты этимъ кусомъ подавишься.—
Онъ бралъ царевича за бѣлы руки
И повелъ его, куда надобно.
Что возговоритъ Грозной царь:
«Ахъ вы гой еси, князья и бояре!
«Надѣвайте на себя платье черное,
«Собирайтеся ко заутренѣ,
«Слушать по царевичѣ панихиду: (5)
«Я васъ, бояре, всѣхъ въ котлѣ сварю!»
Всѣ бояре испугалися;
Надѣвали они платье черное,
Собирались ко заутренѣ,
Слушать по царевичѣ панихиду.
Прiѣхалъ Никита Романычъ,
Нарядился въ платье цвѣтное,
Привелъ съ собой млада царевича
И поставилъ за дверьми сѣверны.
Что возговоритъ Грозной царь:
«Ахъ ты гой еси, Никита Романовичъ!
«Что въ глаза ли ты мнѣ насмѣхаешься?
«Какъ упала звѣзда поднебесная,
«Что угасла свѣча воску яраго:
«Не стало у меня млада царевича.»
Что взговоритъ Никита Романовичъ:
— Ахъ ты гой еси, надежа православный царь!
— Мы не станемъ пѣть по царевичѣ панихиду,
— А станемъ пѣть молебенъ заздравный мы.—
Онъ бралъ царевича за бѣлу руку,
Выходилъ изъ-за сѣверныхъ дверей.
Что возговоритъ Грозный царь:
«Ты, Никита, Никита Романовичъ!
«Еще чѣмъ мнѣ тебя пожаловать?
«Или тебѣ полцарства дать?
«Или тебѣ золотой казны сколько надобно?»
— Ахъ ты гой еси, царь Иванъ Васильевичъ!
— Не надо мнѣ полцарства, ни золотой казны;
— Только дай мнѣ злодѣя Скуратова:
— Я сведу на то болото жидкое,

— На ту ли лужу поганую.—
Что возговоритъ царь Иванъ Васильевичъ:
«Еще вотъ тебѣ Малюта злодѣй,
«И дѣлай съ нимъ, что хочешь ты!»

(1) См. ст. 92-ю. (2) См. ст. 74 и 75-ю. (3) См. ст. 83 и 84-ю. (4) *Малюта*—см. т. 78 прим. 2. (5) По смерти царевича Іоаннъ «облекъ себя и дворъ въ одежду корби, служилъ панихиды и каялся; послалъ 10,000 рублей въ Константинополь, Антіохію, Александрію, Іерусалимъ, къ патріархамъ, да молятся объ успокоеніи души царевича.» *Карамзинъ*.

94. КУЛАЧНЫЙ БОЙ.

Какъ сходилися, собиралися
Удалые бойцы Московскіе
На Москву-рѣку, на кулачный бой,
Разгуляться для праздничка, потѣшиться.
И пріѣхалъ царь (1) со дружиною,
Со боярами и опричниками, (2)
И велѣлъ растянуть цѣпь серебряную,
Чистымъ золотомъ въ кольцахъ спаянную.
Оцѣпили мѣсто въ двадцать пять сажень
Для охотницкаго боя, одиночнаго.
И велѣлъ тогда царь Иванъ Васильевичъ
Кличъ кликать звонкимъ голосомъ:
«Ой ужъ гдѣ вы, добры молодцы?
«Вы потѣшьте царя нашего батюшку:
«Выходите-ка во широкій кругъ.
«Кто побьетъ кого, того царь наградитъ;
«А кто будетъ побитъ, того Богъ проститъ.»
И выходитъ удалой Кирибѣевичъ,
Царю въ поясъ молча кланяется,
Скидаетъ съ могучихъ плечъ шубу бархатную;
Подпершися въ бокъ рукою правою,
Поправляетъ другой шапку алую;
Ожидаетъ онъ себѣ противника.
Трижды громкій кличъ прокликали,
Ни одинъ боецъ и не тронулся,
Лишь стоятъ, да другъ друга поталкиваютъ.
На просторѣ опричникъ похаживаетъ,
Надъ плохими бойцами подсмѣиваетъ:
«Присмирѣли, не бойсь, призадумалися!
«Такъ и быть, обѣщаюсь, для праздника,
«Отпущу живаго съ покаяніемъ,
«Лишь потѣшу царя нашего батюшку.»
Вдругъ толпа раздалась на обѣ стороны,
И выходитъ Степанъ Парамоновичъ,

Молодой купецъ, удалой боецъ,
По прозванію Калашниковъ;
Поклонился прежде царю Грозному,
Послѣ бѣлому Кремлю, да святымъ церквамъ,
А потомъ всему народу Русскому.
Горятъ очи его соколиныя,
На опричника смотрятъ пристально;
Супротивъ его онъ становится,
Боевыя рукавицы натягиваетъ,
Могучія плечи распрямливаетъ,
Да кудряву бороду поглаживаетъ.
И сказалъ ему Кирибѣевичъ:
«А повѣдай мнѣ, добрый молодецъ,
«Ты какого роду, племени,
«Какимъ именемъ прозываешься,
«Чтобы знать, по комъ панихиду служить,
«Чтобы было чѣмъ и похвастаться.»
Отвѣчаетъ Степанъ Парамоновичъ:
— А зовутъ меня Степаномъ Калашниковымъ,
— А родился я отъ честнаго отца,
— И жилъ я по закону Господнему:
— Не позорилъ я чужой жены, (*)
— Не разбойничалъ ночью темною,
— Не таился отъ свѣта небеснаго.
— И промолвилъ ты правду истинную:
— По одномъ изъ насъ будутъ панихиду пѣть,
— И не позже, какъ завтра въ часъ полуденный;
— И одинъ изъ насъ будетъ хвастаться,
— Съ удалыми друзьями пируючи.
— Не шутку шутить, не людей смѣшить
— Къ тебѣ вышелъ я теперь, бусурманскій сынъ, —
— Вышелъ я на страшный бой, на послѣдній бой!»
И услышавъ то, Кирибѣевичъ
Поблѣднѣлъ въ лицѣ, какъ осенній снѣгъ;
Бойки очи его затуманились,
Между сильныхъ плечъ пробѣжалъ морозъ,
На раскрытыхъ губахъ слово замерло.
Вотъ молча оба расходятся,
Богатырскій бой начинается.
Размахнулся тогда Кирибѣевичъ
И ударилъ впервой купца Калашникова,
И ударилъ его посередь груди:
Затрещала грудь молодецкая,
Пошатнулся Степанъ Парамоновичъ;
На груди его широкой висѣлъ мѣдный крестъ

Со святыми мощами изъ Кіева,
И погнулся крестъ и вдавился въ грудь;
Какъ роса, изъ-подъ него кровь закапала.
И подумалъ Степанъ Парамоновичъ:
«Чему быть суждено, то и сбудется;
«Постою за правду до-послѣдняго!»
Изловчился онъ, приготовился,
Собрался онъ со всею силою
И ударилъ своего ненавистника
Прямо въ лѣвый високъ со всего плеча.

И опричникъ молодой застоналъ слегка,
Закачался, упалъ замертво;
Повалился онъ на холодный снѣгъ,
На холодный снѣгъ, будто сосенка,
Будто сосенка, во сыромъ бору
Подъ смолистый подъ корень подрубленная.
И увидѣвъ то, царь Иванъ Васильевичъ
Прогнѣвался гнѣвомъ, топнулъ о землю
И нахмурилъ брови черныя;
Повелѣлъ онъ схватить удалаго купца
И привесть его предъ лице свое.

Какъ возговорилъ православный царь:
«Отвѣчай мнѣ по правдѣ, по совѣсти:
«Вольной волею, или нехотя,
«Ты убилъ на-смерть мово вѣрнаго слугу,
«Мово лучшаго бойца, Кирибѣевича?»

— Я скажу тебѣ, православный царь:
— Я убилъ его вольной волею,
— А за что, про что—не скажу тебѣ,
— Скажу только Богу единому.
— Прикажи меня казнить и на плаху несть
— Мнѣ головушку повинную;
— Не оставь лишь малыхъ дѣтушекъ,
— Не оставь молодую вдову
— Да двухъ братьевъ моихъ своей милостью.—

«Хорошо тебѣ, дѣтинушка,
«Удалой боецъ, сынъ купеческій,
«Что отвѣтъ держалъ ты по совѣсти.
«Молодую жену и сиротъ твоихъ
«Изъ казны моей я пожалую,
«Твоимъ братьямъ велю отъ сего же дня
«По всему царству Русскому широкому
«Торговать безданно, безпошлинно.
«А ты самъ ступай, дѣтинушка,
«На высокое мѣсто лобное,

«Сложи свою буйную головушку.
«Я топоръ велю наточить-навострить,
«Палача велю одѣть-нарядить,
«Въ большой колоколъ прикажу звонить,
«Чтобы знали всѣ люди Московскіе,
«Что и ты не оставленъ моей милостью.»

Какъ на площади народъ собирается,
Заунывный гудитъ-воетъ колоколъ,
Разглашаетъ всюду вѣсть недобрую.
По высокому мѣсту лобному,
Во рубахѣ красной съ яркой запонкой,
Съ большимъ топоромъ навостреныимъ,
Руки голыя потираючи,
Палачъ весело похаживаетъ,
Удалаго бойца дожидается;
А лихой боецъ, молодой купецъ,
Съ родными братьями прощается:

«Ужъ вы, братцы мои, други кровные,
«Поцалуемтесь, да обнимемтесь
«На послѣднее разставаніе.
«Поклонитесь отъ меня Аленѣ Дмитревнѣ, (4)
«Закажите ей меньше печалиться,
«Про меня моимъ дѣтушкамъ не сказывать;
«Поклонитесь дому родительскому,
«Поклонитесь всѣмъ нашимъ товарищамъ;
«Помолитесь сами въ церкви Божіей
«Вы за душу мою, душу грѣшную.»

И казнили Степана Калашникова
Смертью лютою, позорною;
И головушка безталанная
Во крови на плаху покатилася.

---

(1) *Царь*—Іоаннъ Васильевичъ Грозный. (2) *Опричники*—см. ст. 77 прим. 2. (3) Жена Степана Калашникова была оскорблена Кирибѣевичемъ. (4) *Алена Дмитріевна*—жена Калашникова.

---

95. ГОРШЕНЯ. (1)

(Народная сказка.)

Горшеня ѣдетъ, дремлетъ съ горшками. Догналъ его государь Іоаннъ Васильевичъ.—Миръ по дорогѣ!—Горшеня оглянулся. «Благодаримъ, просимъ со смиреньемъ!» — Знать, вздремалъ?— «Вздремалъ, великій государь! Не бойся того, кто пѣсни поетъ, а бойся того, кто дремлетъ.»—Экой ты смѣлый, Горшеня! люблю эта-

съ. Ямщикъ! поѣзжай тише. А что, Горшенюшка, давно ты этимъ месломъ кормишься?—«Съ-измолоду.»—Кормишь дѣтей?—«Корм-), ваше царское величество! И не пашу, и не кошу, и не жну, и мо-)зомъ не бьетъ.»—Хорошо, Горшеня! но все таки на свѣтѣ не :зъ худа.—«Да, ваше царское величество! на свѣтѣ есть три ху-ı.»—А какія три худа, Горшенюшка?—«Первое худо—худой со-ѣдъ, а второе худо—худая жена, а третье худо—худой разумъ.» —А скажи мнѣ, которое худо всѣхъ хуже?—«Отъ худаго сосѣда йду, отъ худой жены тоже можно, какъ будетъ съ дѣтьми жить, ı отъ худаго разума не уйдешь—все съ тобой.»—Такъ, вѣрно, Горшеня! ты мозголовъ. (²) Слушай: ты для меня, а я для тебя!—Царь велитъ ему приготовить возовъ десятокъ глиняныхъ тарелокъ ı представить ихъ въ городъ. Сидя у купца въ гостяхъ, онъ тре-)уетъ, чтобы на всѣхъ угощеніяхъ не было другой посуды, кромѣ глиняной. Горшеня привезъ заказъ. Одинъ бояринъ выходитъ на торгъ и говоритъ: «Богъ за товаромъ, Горшеня!»—Просимъ покорно!—«Продай мнѣ весь товаръ.»—Нельзя, по заказу.—«А что тебѣ? ты бери деньги: не повинятъ изъ этого, коли не взялъ задатку подъ работу. Ну, что возьмешь?»—А вотъ что: каждую посудину насыпать полну денегъ.—«Полно, Горшенюшка, много!»—Ну, хорошо: одну насыпать, а двѣ отдать,—хочешь?—И сладили. «Ты для меня, а я для тебя.» Сыпали, сыпали... Денегъ не стало, а товару еще много. Бояринъ съѣздилъ домой за деньгами, и все не хватало. Тогда Горшеня предлагаетъ ему въ уплату запречься вмѣсто лошади въ его возъ. Какъ ни мялся бояринъ, а долженъ былъ согласиться. Сѣлъ мужикъ, запѣлъ пѣсню, а бояринъ везетъ. —Вотъ до этого двора и до этого дому, говоритъ Горшеня, а самъ поетъ все громче и громче. Государь, бывшій въ дому, услышалъ голосъ, выбѣгъ на крыльцо.—Ба! Здравствуй, Горшенюшка, съ пріѣздомъ!—»Благодарю, ваше царское величество!»—Да на чемъ ты ѣдешь?—«На худомъ-то разумѣ, осударь!»—Ну, мозголовъ, Горшеня! умѣлъ товаръ продать. Бояринъ! скидай строевую одежду и сапоги, а ты, Горшеня, кафтанъ и разувай лапти; ты ихъ обувай, бояринъ, а ты, Горшеня, надѣвай его строевую одежду. Умѣлъ товаръ продать! немного послужилъ, да много услужилъ, а ты не умѣлъ владѣть боярствомъ.—

(¹) *Горшеня*—ремесленникъ, дѣлающій горшки; торговецъ, продающій горшки.
(²) *Мозголовъ*—голова съ мозгомъ.

96. Смерть Іоанна Грознаго.

(Народная былина.)

(*1584 г.*)

Ужъ ты, батюшка, свѣтелъ мѣсяцъ,
Что ты свѣтишь не по-старому,
Не по-старому, не по-прежнему,
Изъ-за облачка выкатаешься,
Черной тучей закрываешься?
У насъ было на святой Руси,
На святой Руси, въ каменной Москвѣ,
Въ каменной Москвѣ, въ золотомъ Кремлѣ,
У Ивана было у Великаго,
У Михайлы у Архангела,
У собора у Успенскаго,
Ударяли въ большой колоколъ,
Раздался звонъ по всей матушкѣ сырой землѣ.
Соѣзжалися всѣ князья-бояре,
Собиралися всѣ люди ратные
Во Успенскій соборъ Богу молитися.
Во соборѣ-то во Успенскомъ,
Тутъ стоялъ новъ кипарисовъ гробъ;
Во гробу-то лежитъ православный царь,
Православный царь, Иванъ Грозный Васильевичъ.
Въ головахъ у него стоитъ животворящій крестъ,
У креста лежитъ корона его царская.
На ногахъ его вострый грозный мечъ.
Животворящему кресту всякій молится,
Золотому вѣнцу всякій кланяется,
А на грозенъ мечъ взглянетъ—всякъ ужаснется.
Вокругъ гроба горятъ свѣчи восковыя;
Передъ гробомъ стоятъ все попы-патріархи;
Они служатъ, читаютъ, память отпѣваютъ,
Отпѣваютъ память царю православному,
Царю Грозному, Ивану Васильевичу.

93. Какъ царь Өедоръ Іоанновичъ занимался дѣлами. (¹)

(1586 г.)

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Царь Өедоръ.
Царица Ирина, его жена.
Борисъ Годуновъ, царскій шуринъ.
Царскій духовникъ.
Дьякъ.

Покой царя Өедора.

ӨЕДОРЪ.

Аринушка, здорово!
Здорово, шуринъ! А вѣдь я проспалъ
Заутреню! Такой противный сонъ
Пригрезился! Казалось мнѣ, я снова
Тебя, Борисъ, мирю съ Иваномъ Шуйскимъ;
Онъ руку подаетъ тебѣ, а ты—
Ты также руку протянулъ, но вмѣсто,
Чтобъ за руку, схватилъ его за горло
И сталъ душить. (²) Тутъ чепуха пошла:
Татары вдругъ напали, и медвѣди
Такіе страшные пришли, и стали
Насъ драть и грызть; меня же преподобный
Іона спасъ. Что̀, отче духовникъ,
Вѣдь этотъ сонъ не грѣшенъ?

ДУХОВНИКЪ.

Нѣтъ, не то,
Чтобъ грѣшенъ былъ, а все-жъ недобрый сонъ.

ӨЕДОРЪ.

Братъ Дмитрій также снился мнѣ, и плакалъ,
И что-то̀ съ нимъ ужасное случилось,
Но что̀—не помню. (³)

ДУХОВНИКЪ.

Ты, ложася спать,
Усерднѣе молися, государь!

ӨЕДОРЪ.

Бррь! Скверный сонъ!

(увидя бумаги.)

А это что̀ такое?
Надоѣдать мнѣ хочешь снова, шуринъ?
Надоѣдать?

ГОДУНОВЪ.

Не долго, государь,
Я задержу тебя; твое согласье
Лишь нужно мнѣ для нѣкоторыхъ дѣлъ.

ѲЕДОРЪ.

А безъ меня покончить ихъ нельзя?
Я не совсѣмъ здоровъ.

ГОДУНОВЪ.

Два слова только.

ѲЕДОРЪ.

Ну, такъ и быть! Ты, отче духовникъ,
Угодника на полицу поставь,
Вчерашняго-жъ угодника пріими
До будущаго года. А какого
У насъ святаго завтра?

ДУХОВНИКЪ.

Іоанна
Ветхопещерника

ѲЕДОРЪ.

Я житіе
Его въ Минеяхъ перечту, лишь только
Меня Борисъ отпуститъ, а теперь
Благослови меня заняться дѣломъ.

(Духовникъ благословляетъ его и уходитъ. Ѳедоръ садится. Годуновъ развязываетъ бумаги.)

Ну, что̀ тамъ, шуринъ, въ связкѣ у тебя?
Ужъ такъ и быть, вытаскивай!

ГОДУНОВЪ *(вынимая изъ связки нѣсколько листовъ).*

Намъ пишутъ
Украинскіе воеводы, царь,
Что ханъ (¹) опять Орду на сѣверъ двинулъ.

ѲЕДОРЪ.

Да это сонъ мой въ руку! Не доста̀ло
Ещѐ, чтобъ ты сталъ Шуйскаго душить!

ГОДУНОВЪ *(кладетъ передъ нимъ бумаги).*

Вотъ, государь, наказы воеводамъ!

ѲЕДОРЪ.

Прихлопни ихъ!

(Годуновъ передаетъ бумаги дьяку, который прикладываетъ къ нимъ печать.)

ГОДУНОВЪ *(подавая другую бумагу).*

А это, государь,
Царь Иверскій землей своею бьетъ
Тебѣ челомъ и проситъ у тебя,
Чтобъ ты его въ свое подданство принялъ.

ѲЕДОРЪ.

Царь Иверскій? А гдѣ его земля?

ГОДУНОВЪ.

Она граничитъ съ царствомъ Кизилбашскимъ;
Обильна хлѣбомъ, шелкомъ и виномъ,
И дорогими, чистыми конями.

ѲЕДОРЪ.

Такъ ею мнѣ челомъ онъ бьетъ? Ты слышишь,
Аринушка? Ты слышишь? Вотъ чудакъ!
Что вздумалось ему?

ГОДУНОВЪ.

Его тѣснятъ
Персидскій царь съ султаномъ Турскимъ. (5)

ѲЕДОРЪ.

Бѣдный!
Онъ православной вѣры?

ГОДУНОВЪ.

Православной

ѲЕДОРЪ.

Ну, что-жъ? Скорѣй принять его въ подданство!
И знаешь, шуринъ, надо бы ему
Подарокъ приготовить. Что бы намъ,
Аринушка, послать ему?

ГОДУНОВЪ.

Сперва
Вотъ эту грамоту съ твоимъ согласьемъ
И съ вызовомъ пословъ его къ Москвѣ.

ѲЕДОРЪ.

Ну, хорошо, привѣшивай печать!
Привѣшивай!

(*Дьякъ привѣшиваетъ печать.*)

А это что̀ такое?

ГОДУНОВЪ.

То князю Троекурову наказъ,
Какъ говорить ему на Польскомъ сеймѣ, (6)
Когда начнется выборъ короля. (7)
Ты знаешь, царь, что щедростью твоею,
По смерти нашего врага Батура, (8)
Мы многихъ привлекли къ себѣ пановъ,
И что они поднесть уже готовы
Тебѣ корону?

ѲЕДОРЪ.

Мнѣ? Помилуй, шуринъ!
Что̀ я съ ней дѣлать буду? Мнѣ и такъ
Своихъ хлопотъ довольно. Вотъ еще!
И что̀ ихъ всѣхъ подмыло? Тамъ какой-то
Царь Иверскій свою даритъ мнѣ землю,
А тутъ паны корону суютъ! Нѣтъ!
Добро тотъ царь, а эти что̀? Латинцы!
Враги Руси!

ГОДУНОВЪ.

Затѣмъ-то, государь,
Престоломъ ихъ ты брезгать и не долженъ,
Чтобъ слугами ихъ сдѣлать изъ враговъ.

ѲЕДОРЪ.

Ты думаешь? Ну, хлопъ по ней! Вотъ такъ!
Что̀, все теперь?

ГОДУНОВЪ.

Еще двѣ челобитни
Отъ двухъ бояръ, при батюшкѣ твоемъ
Въ Литву бѣжавшихъ. У тебя они
Теперь вернуться просятъ позволенья.

ѲЕДОРЪ.

Кто-жъ имъ мѣшаетъ? Милости прошу!
Да ихъ, я чай, туда бѣжало много.
Мое такое разумѣнье, шуринъ:
Намъ дѣлать такъ, чтобъ на Руси у насъ

Привольнѣй было жить, чѣмъ у чужихъ;
Такъ не зачѣмъ отъ насъ и бѣгать будетъ.
Ты знаешь что? Ты написалъ бы къ нимъ
Ко всѣмъ въ Литву, что я имъ обѣщаю
Земли и денегъ, если пожелаютъ
Вернуться къ намъ.

ГОДУНОВЪ.

Я такъ и думалъ, царь,
И грамоту о томъ ужъ изготовилъ.

ѲЕДОРЪ.

Ну, хорошо, прихлопни-жъ и ее!
Чтò, все теперь?

ГОДУНОВЪ.

Все, государь!

(Дьякъ беретъ печати, собираетъ бумаги и уходитъ.)

ѲЕДОРЪ.

Ну, шуринъ,
Тебя я долѣ не держу. А ты,
Аринушка, Минеи-бъ разогнула,
Да житіе святаго Іоанна
Ветхопещерника прочла бы мнѣ!

---

(1) *Ѳедоръ Іоанновичъ*—сынъ Іоанна Грознаго, царствовавшій отъ 1584 до 1598 г. и умершій бездѣтнымъ. (2) *Годуновъ* враждовалъ съ княземъ *Иваномъ Шуйскимъ*, защитникомъ Пскова (см. ст. 91-ю), притворно примирился съ нимъ и потомъ, заключивъ его въ тюрьму, приказалъ тайно удавить. (3) *Дмитрій*—родной братъ Ѳеодора, отправленный въ Угличъ вмѣстѣ съ матерью и ея родственниками и тамъ убитый. (4) *Ханъ*—Крымскій. (5) *Турскій*—Турецкій. (6) *Сеймъ*—собраніе чиновъ всѣхъ состояній въ государствѣ, бывающее въ установленное время. (7) Въ Польшѣ престолъ не переходилъ по наслѣдству отъ отца къ сыну; король избирался на сеймѣ. (8) *Батуръ*—Стефанъ Баторій. См ст. 91-ю.

98. ПОВѢСТЬ ОБЪ УБІЕНІИ ДИМИТРІЯ ЦАРЕВИЧА. (1)

(15 Мая 1591 г.)

15-го Мая 1591 года царевичъ по-утру всталъ съ постели слабъ, и голова у него, государя царевича, къ плечамъ склонялась; въ четвертомъ часу дня царевичъ пошелъ къ обѣднѣ (2) и послѣ обѣдни пришелъ къ въ себѣ въ хоромы и платьице перемѣнилъ. Въ ту пору съ кушаньемъ взошли и скатерть постлали; священникъ вынулъ Богородиченъ хлѣбецъ,—а кушалъ государь царевичъ разъ въ день; обычай у него былъ: каждый день причащался хлѣба

Богородичнаго,—и послѣ того захотѣлъ напиться и, напившис пошелъ съ кормилицею погулять. Въ седьмой часъ дня, ка былъ царевичъ противъ церкви царя Константина, по повелѣн измѣнника, злодѣя, Бориса Годунова, (³) приспѣвши душегубц ненавистники царскаго корня, Никитка Качаловъ да Дании Битяговскій, кормилицу его палицею ударили, и она безъ пам упала на землю, а ему, государю царевичу, перерѣзали гор ножемъ, а сами злодѣи, душегубцы, закричали громкимъ голосом Услыхала шумъ мать государя царевича, великая княгиня Мар Ѳедоровна, прибѣжала и увидѣла сына своего царевича мертва взяла тѣло его на руки, а они, злодѣи, душегубцы, стоятъ на тѣломъ царевича безъ памяти; какъ псы безгласные, не могли он ничего промолвить предъ государынею матерью его. Дядья (⁴) ц ревича въ ту пору разъѣхались по домамъ кушать, того грѣ не вѣдая. И взяла она, государыня, тѣло сына своего, царевича Ді митрія Ивановича, и отнесла въ церковь Преображенія Господн и повелѣла государыня ударить въ набатъ по всему городу. Усл халъ народъ звонъ великій и страшный, какова не было никогд и стеклись всѣ люди, отъ мала и до велика, и увидѣли госуда своего царевича мертваго. Вскричала громкимъ голосомъ ма царевича, государыня Марія Ѳедоровна; плачась, убиваясь, гов рила всему народу, чтобы тѣ злодѣи, душегубцы царскаго корн живы не были. Закричали всѣ люди, тѣхъ окаянныхъ кровоп цевъ камнями побили. Мать царевича государыня была въ церкв Преображенія у тѣла сына своего безвыходно 8 дней. Послѣ того Мая въ 19 день, въ Среду, отъ государя царя и великаго княз Ѳедора Ивановича пріѣхали въ Угличъ погребать тѣло царевич митрополитъ Крутицкій, да бояринъ князь Василій Иванович Шуйскій, да Андрей Клешнинъ, да дьякъ Елизарій Вылузгинъ, и пріѣхавъ, осматривали тѣло царевича и, осмотрѣвъ, отъѣхали проч за Волгу. Крутицкій митрополитъ похоронилъ тѣло царевича въ Субботу, Мая въ 22 день, въ седьмой часъ дня. Сродниковъ государ царевича тотчасъ разослали по разнымъ городамъ, а государын царицу, его мать, сослали въ заточеніе въ непроходимое мѣсто, въ тюрьму, на Вычегду, да тамъ ее и постригли,— а все по повелѣнію злодѣя, измѣнника, Бориса Годунова. (⁵)

(¹) *Димитрій царевичъ*—см. ст. 97 прим. 3. (²) Въ старину часы считались съ восхода солнца. (³) *Борисъ Годуновъ*—шуринъ царя Ѳеодора Іоанновича, правитель государства. См. ст. 97-ю. (⁴) *Дядья*—братья матери Димитрія, Нагіе. (⁵) Следователи показали царю, что царевичъ самъ закололся въ припадкѣ падучей болѣзни, и что Нагіе—виновники самоуправства Угличанъ.

99. РАЗСКАЗЪ ПИМЕНА ОБЪ УБІЕНІИ ЦАРЕВИЧА ДИМИТРІЯ. (¹)

(15 Мая 1591 г.)

Привелъ меня Богъ видѣть злое дѣло,
Кровавый грѣхъ. Тогда я въ дальній Угличъ
На нѣкое былъ усланъ послушанье.
Пришелъ я въ ночь. На утро, въ часъ обѣдни,
Вдругъ слышу звонъ; ударили въ набатъ;
Крикъ, шумъ. Бѣгутъ на дворъ царицы. Я
Спѣшу туда-жъ, а тамъ уже весь городъ.
Гляжу: лежитъ зарѣзанный царевичъ.
Царица мать въ безпамятствѣ надъ нимъ;
Кормилица въ отчаяньи рыдаетъ,
А тутъ народъ, остервенясь, волочитъ
Безбожную предательницу мамку.
Вдругъ между нихъ свирѣпъ, отъ злости блѣденъ,
Является Іуда Битяговскій.
«Вотъ, вотъ злодѣй!» раздался общій вопль,
И вмигъ его не стало. Тутъ народъ
Вслѣдъ бросился бѣжавшимъ тремъ убійцамъ; (²)
Укрывшихся злодѣевъ захватили
И привели предъ теплый трупъ младенца.
И чудо! вдругъ мертвецъ затрепеталъ.
«Покайтеся!» народъ имъ завопилъ:
И въ ужасѣ, подъ топоромъ, злодѣи
Покаялись и назвали Бориса (³)

(¹) *Пименъ*—монахъ Чудовскаго монастыря. См. ст. 98-ю. (²) *Три убійцы*—Михаилъ Битяговскій, Никита Качаловъ и Осипъ Волоховъ. (³) *Борисъ*—Годуновъ.

100. ОТМѢНА ЮРЬЕВА ДНЯ. (¹)

Было времечко, время давнее,
Время давнее, время славное:
На Руси жила воля-матушка;
Никого она не боялася,
И никто не смѣлъ обижать ее.

Какъ по селамъ, по богатымъ городамъ,
Безъ боязни всѣ расхаживали;
Передъ Юрьевымъ, да передъ славнымъ вольнымъ днемъ,
Отъ лихихъ бояръ да перехаживали;

Выбирали кто кого хотѣлъ
И служили—кому вздумалось.
Не понравится—и не нудятся;
Годъ промаются, годъ потрудятся,
А придетъ пора—не останутся;
Волѣ-матушкѣ всякъ поклонится
И пойдетъ туда, куда хочется.
Было времечко, время вольное,
Время вольное, переходное.

Но пришла на волюшку невзгодушка:
Юрьевъ день у бѣдной воли отняли
И дѣтей ея, людей свободныхъ,
Въ кабалу по смерть боярамъ отдали.

---

(1) «Крестьяне искони имѣли въ Россіи гражданскую свободу, но безъ собст ности недвижимой: свободу въ назначенный закономъ срокъ (около Юрьева д переходить съ мѣста на мѣсто, отъ владѣльца къ владѣльцу, съ условіемъ обра тывать часть земли для себя, другую для господина, или платить ему оброк Правитель (Борисъ Годуновъ) въ 1592 или въ 1593 году закономъ уничтож свободный переходъ крестьянъ изъ волости въ волость, изъ села въ село, и вѣки укрѣпилъ ихъ за господами.» *Карамзинъ.*

101. ВОЗСТАНІЕ ГЕТМАНА ПАВЛА НАЛИВАЙКА. (1)

(Малороссійская дума.)

(1596 г.)

Какъ въ нашей славной Украйнѣ бывали когда-то страшн злые дни, бездольныя времена; бывали и моры, и войсковыя свары; (никто Украинцамъ не помогалъ, никто за нихъ Богу молитвъ н возсылалъ; а только Святый Богъ нашихъ не забывалъ: ди великихъ усилій, для отвѣта врагамъ сохранялъ. Только Богъ Святый зналъ, что онъ думалъ, гадалъ, замышлялъ, когда невзгоды на Украинскую землю посылалъ!

Вотъ и прошло, разошлось злое безвременье: нѣтъ никого, кто бы одолѣлъ насъ. Только Богъ Святый зналъ, что онъ думалъ, гадалъ, замышлялъ!

Не день и не два Ляхи грабили Украйну, ни на часъ не имѣли отдыха; день и ночь коней во всѣ повода гнали, къ гетману Наливайку дорогу держали.

А гетманъ, храбрый Наливайко,—что онъ думаетъ, гадаетъ? что онъ на долю товарищей своихъ замышляетъ? Только Богъ Святый знаетъ, что ему онъ помогаетъ!

Изъ-за горы туча выступаетъ, выступаетъ, выходитъ, до Чигрина громомъ гремитъ, на Украинскую землю молніей блещетъ: то

ıки через три рѣки шли три перехода, а возлѣ третьяго пере-ı стали станомъ, пустили коней на паству, а себѣ дали отдыха ри часа.

. что гетманъ Наливайко думаетъ, гадаетъ? что онъ на невзгодье овъ замышляетъ? Только Богъ Святый то знаетъ, что ему онъ огаетъ!

о не тучи по небу святымъ громомъ гремятъ, то не святыхъ Богу онѣ провожаютъ: то Ляхи бьютъ въ бубны, играютъ на стках и трубахъ; все войско свое въ одну громаду скликаютъ, обы всѣ шли въ громаду на послушанье, слушать отповѣдь мана Жолкевскаго. Вотъ и пришли; всѣ рядомъ стали, рядомъ али и замолчали, гетманскую отповѣдь начали слушать; а вы-ушавъ, коней сѣдлали, черезъ Бѣлую рѣчку большой переходъ ржали: мосты мостили, гати гатили, вбивали колья, клали хво-стъ и дрань,—черезъ Бѣлую рѣчку переходъ великій держали. перейдя огорожу и шанцы, (3) ставили пушки въ скрѣпѣ, а передъ шками три креста вколотили. А что первый крестъ, то Сомино ситъ, Сомино виситъ, громко голоситъ. А что другой крестъ, Богунъ виситъ, саблею стучитъ. А что третій крестъ, то порож-ій стоитъ, всѣхъ другихъ казаковъ съ себѣ поджидаетъ, каза-овъ поджидаетъ, казаковъ оглядаетъ. Кто первый подойдетъ, того ушка убьетъ; кто другой подбѣжитъ, того самопалъ (4) хватитъ; кто третій подлетитъ, тотъ креститься будетъ, креститься будетъ, олиться станетъ: крестъ изъ осоки—его участь!... А казаки лядѣли, своими очами видѣли, промежду себя переговаривались, удили; три хоругви на видъ Ляхамъ становили, на хоругвяхъ уго-оръ-рядную писали: «Вѣрному православному христіанству ми-ромъ миръ, а Ляхамъ врагамъ адскій пиръ! У кого крестъ, на ого и крестъ!» (5)

Вотъ и пошли наши на четыре поля, что на четыре поля, а на пятое подолье (5) Ляховъ на всѣ стороны окрестъ себя колотили. Ляхи прощенья просили, да не допросились: не таковскіе казаки, чтобъ прощенье дали! не таковскіе и Ляхи, чтобъ напасть забыли!

---

(1) *Гетманъ*—см. ст. 87 прим. 1. (2) *Свары*—ссоры, раздоры. (3) *Шанцы*—укрѣпленія, состоящія изъ земляного или кирпичнаго окопа. (4) *Самопалъ*—ружье. (5) Жолкевскій, Польскій полководецъ, повѣсилъ на трехъ крестахъ казацкихъ старшинъ: *Богуна*, *Сутича* (въ думѣ—*Сомино*) и *Войновича*, а Наливайко выставилъ такую надпись: «*Миръ христіанству, а на зачинщика Богъ и его крестъ!*» (5) *Подолье*—отлогость при подошвѣ горы.

103. КАЗНЬ ГЕТМАНА ПАВЛА НАЛИВАЙКА. (1)

(1597 г.)

Былъ вечеръ; городъ волновался,
Какъ духомъ бури бездна водъ;

По стогнамъ ([2]) ропотъ разливался;
Нетерпѣливо ждалъ народъ,
Онъ казни ждалъ..... Среди Варшавы
Стоитъ и рдѣетъ мѣдный быкъ;
Подъ нимъ огонь, огонь кровавый
Всю плоть чудовища проникъ.
Толпа дрожитъ и алчетъ звука;
Толпа въ чаду потѣхи злой...
День цѣлый страшно длилась мука:
Во чревѣ мѣдномъ тлѣлъ герой,
Каратель Польши; въ ярыхъ битвахъ
Сразилъ онъ цвѣтъ ея сыновъ,
И матери въ своихъ молитвахъ
Просили воину оковъ.
Онъ взятъ.... и матерямъ въ забаву
День цѣлый вопли казака
Должны всю оглашать Варшаву,
Какъ ревъ громаднаго быка.
Но исполинъ казацкой чести
До сердцевины весь истлѣлъ
И не потѣшилъ вражьей мести,
И мѣдный быкъ не заревѣлъ!

([1]) См. ст. 101-ю. Казацкій гетманъ Павелъ Наливайко, вмѣстѣ съ М. россійскими депутатами пріѣхавъ въ Варшаву на главный сеймъ (см. ст. 97 при тотчасъ же былъ схваченъ и посаженъ въ подземную темницу, а на т день онъ и три депутата были выведены на площадь, посажены въ мѣднаго (б и сожжены малымъ огнемъ. ([2]) *Стогна*—см. ст. 38 прим. 3.

103. ИЗБРАНІЕ БОРИСА ГОДУНОВА. ([1])

(21 Февраля 1598 г.)

21 Февраля, во Вторникъ, двинулся крестный ходъ въ Новодѣвичій монастырь; къ нему на встрѣчу, при звонѣ колоколовъ, вынесли изъ монастыря икону Смоленской Богородицы, за иконою вышелъ Годуновъ. Подошедши къ иконѣ Владимірской Богородицы онъ громко возопилъ со слезами: «О милосердая Царица! за чѣмъ такой подвигъ сотворила, чудотворный свой образъ воздвигла съ честными крестами и со множествомъ иныхъ образовъ? Пречистая Богородица, помолись о мнѣ и помилуй меня!» Долго лежалъ онъ предъ образомъ и омочалъ землю слезами, потомъ приложился къ другимъ иконамъ, подошелъ къ патріарху и сказалъ ему: «Святѣйшій отецъ и государь мой, Іовъ патріархъ! за чѣмъ ты чудотвор-

иконы и честные кресты воздвигнулъ и такой многотрудный ...игъ сотворилъ?» Патріархъ отвѣчалъ ему, обливаясь слезами: : я этотъ подвигъ сотворилъ, но Пречистая Богородица съ сво... предвѣчнымъ Младенцемъ и великими чудотворцами возлю... а тебя, изволила прійти и святую волю Сына своего на тебѣ ...олнить. Устыдись пришествія ея, повинись волѣ Божіей и ослу...іемъ не наведи на себя праведнаго гнѣва Господня!» Году...ъ отвѣчалъ одними слезами. Послѣ этого Іовъ пошелъ въ цер...ь, Годуновъ къ сестрѣ въ келью, а бояре и весь народъ вошли ... монастырь; которые же не помѣстились на монастырѣ, тѣ всѣ ...яли около ограды. Послѣ обѣдни патріархъ со всѣмъ духо...зствомъ, въ священныхъ одеждахъ, съ крестомъ и образами, по...ли въ келью къ царицѣ и били ей челомъ со слезами долго, ...я на колѣняхъ; съ ними пошли бояре и всѣ думные люди, дворяне, приказные люди, гости ([2]) и весь народъ, стоя у ...льи, по всему монастырю и около монастыря, упали на зем...э и долго, съ плачемъ и рыданіемъ, вопили: «Благочестивая ...рица! помилосердуй о насъ, пощади, благослови и дай намъ ... царство брата своего, Бориса Ѳеодоровича.» Царица дол... была въ недоумѣніи, наконецъ заплакала и сказала: «Ради Бо..., Пречистой Богородицы и великихъ чудотворцевъ, ради воздвиг...утія чудотворныхъ образовъ, ради вашего подвига, многаго вопля, ...ыдательнаго гласа и неутѣшнаго стенанія, даю вамъ своего единоровнаго брата, да будетъ вамъ государемъ царемъ.» Годуновъ съ ...яжелымъ вздохомъ и со слезами сказалъ: «Это ли угодно твоему ...еловѣколюбію, Владыко, и тебѣ, моей великой государынѣ, что ...акое великое бремя на меня возложила и предаешь меня на та...кой превысочайшій царскій престолъ, о которомъ и на разумѣ у ...еня не было? Богъ свидѣтель и ты, великая государыня, что въ ...ысляхъ у меня того никогда не было. Я всегда при тебѣ хочу ...ыть и святое, пресвѣтлое, равноангельское лице твое видѣть.» ...лександра отвѣчала ему: «Противъ воли Божіей кто можетъ сто...ять? и ты бы безо всякаго прекословія, повинуясь волѣ Божіей, былъ всему православному христіанству государемъ.» Тогда Годуновъ сказалъ: «Буди святая твоя воля, Господи!» Патріархъ и всѣ присутствовавшіе пали на землю, возсылая благодареніе Богу, послѣ чего отправились въ церковь, гдѣ Іовъ благословилъ Бориса на всѣ великія государства Россійскаго царствія.

([1]) По смерти бездѣтнаго Ѳеодора Іоанновича, пресѣкся царствовавшій родъ Рюриковичей; вдовствующая царица Ирина удалилась въ Новодѣвичій монастырь и тамъ постриглась, подъ именемъ *Александры;* при ней оставался и правитель, братъ ея, Борисъ Годуновъ. ([2]) *Гость*—см. ст. 26 прим. 1.

104. Сцена на Дѣвичьемъ полѣ. (¹)

(21 Февраля 1598 г.)

НАРОДЪ.

ОДИНЪ.

Теперь они пошли къ царицѣ въ келью;
Тутъ вошли Борисъ и патріархъ
Съ толпой бояръ.

ДРУГОЙ.

Что слышно?

ТРЕТІЙ.

Все еще
Упрямится, однако есть надежда.

БАБА *(съ ребенкомъ)*.

Агу! не плачь, не плачь! Вотъ бука, бука
Тебя возьметъ! Агу, агу... не плачь!

ОДИНЪ.

Нельзя ли намъ пробраться за ограду?

ДРУГОЙ.

Нельзя. Куды! И въ полѣ даже тѣсно,
Не только тамъ. Легко ли? Вся Москва
Сперлася здѣсь. Смотри: ограда, кровли,
Всѣ ярусы соборной колокольни,
Главы церквей и самые кресты
Унизаны народомъ.

ПЕРВЫЙ.

Право, любо!

ОДИНЪ.

Что тамъ за шумъ?

ДРУГОЙ.

Послушай... что за шумъ?
Народъ завылъ: тамъ падаютъ, что̀ волны,
За рядомъ рядъ... еще.. еще! Ну, братъ,
Дошло до насъ: скорѣе на колѣни!

НАРОДЪ *(на колѣняхъ; вой и плачъ)*

Ахъ, смилуйся, отецъ нашъ! Властвуй нами!
Будь нашъ отецъ, нашъ царь!

ОДИНЪ *(тихо)*.

О чемъ тамъ плачутъ?

ДРУГОЙ.

А какъ намъ знать? То вѣдаютъ бояре,—
Не намъ чета.

БАБА *(съ ребенкомъ)*.

Ну, что-жъ? Какъ надо плакать,
Такъ и затихъ! Вотъ я тебя!... вотъ бука!
Плачь, баловень! *(Ребенокъ плачетъ.)* Ну, то-то же!

ОДИНЪ.

Всѣ плачутъ;
Заплачемъ, братъ, и мы!

ДРУГОЙ.

Да слезъ-то нѣтъ!
Что тамъ еще?

ПЕРВЫЙ.

Да кто ихъ разберетъ?

НАРОДЪ.

Вѣнецъ за нимъ! онъ царь! онъ согласился!
Борисъ нашъ царь! Да здравствуетъ Борисъ!

---

(1) См. ст. 103-ю.

105. Григорій и злой чернецъ. (1)

ГРИГОРІЙ.

Что за скука, что за горе наше бѣдное житье?
День приходитъ, день проходитъ,—видно, слышно все одно:
Только видишь черны рясы, только слышишь колоколъ.
День зѣвая бродишь, бродишь; дѣлать нечего—соснешь;
Ночью долгою до свѣта все не спится чернецу;
Сномъ забудешься, такъ душу грезы черныя мутятъ;
Радъ, что въ колоколъ ударятъ, что разбудятъ костылемъ...
Нѣтъ, не вытерплю! Нѣтъ мочи. Чрезъ ограду—да бѣгомъ!
Міръ великъ: мнѣ путь-дорога на четыре стороны:
Поминай, какъ звали.

ЧЕРНЕЦЪ.

Правда, ваше горькое житье;
Вы разгульные, лихіе, молодые чернецы!

ГРИГОРІЙ.

Хоть бы ханъ (2) опять нагрянулъ, хоть Литва бы поднялась;
Такъ и быть, пошелъ бы съ ними перевѣдаться мечемъ!
Что, когда бы нашъ царевичъ (3) изъ могилы вдругъ воскресъ
И вскричалъ: «А гдѣ вы, дѣти, слуги вѣрные мои?
Вы подите на Бориса, (4) на злодѣя моего,
Изловите супостата, приведите мнѣ его!»

ЧЕРНЕЦЪ.

Полно, не болтай пустаго. Мертвыхъ намъ не воскресить!
Нѣтъ, царевичу иное, видно, было суждено...
Но, послушай, если дѣло затѣвать, такъ затѣвать...

ГРИГОРІЙ.

Что такое?

ЧЕРНЕЦЪ.

Если-бъ я былъ также молодъ, какъ и ты,
Если-бъ усъ не пробивала ужъ лихая сѣдина...
Понимаешь?

ГРИГОРІЙ.

Нѣтъ, ни сколько.

ЧЕРНЕЦЪ.

Слушай. Глупый нашъ народъ
Легковѣренъ, радъ дивиться чудесамъ и новизнѣ,
А бояре въ Годуновѣ помнятъ равнаго себѣ;
Племя древняго Варяга и теперь любезно имъ.
Ты царевичу ровесникъ... Если ты хитеръ и твердъ...
Понимаешь?

ГРИГОРІЙ.

Понимаю...

ЧЕРНЕЦЪ.

Что же скажешь?

ГРИГОРІЙ.

Рѣшено!
Я Димитрій, я царевичъ!

ЧЕРНЕЦЪ.

Дай мнѣ руку: будешь царь!

---

(1) *Григорій*—Отрепьевъ, бѣглый монахъ Чудовскаго монастыря. (2) *Ханъ*-Крымскій, который въ царствованіе Ѳеодора Іоанновича доходилъ до самой Москвы, но послѣ сраженія принужденъ былъ бѣжать. (3) *Царевичъ*—Димитрій, въ насильственной смерти котораго молва обвиняла Бориса Годунова. См. ст. 98-ю. (4) *Борисъ*—Годуновъ, царь. См. ст. 103 и 104-ю.

106. РАЗСКАЗЪ ПАСТУХА О ЧУДѢ ДИМИТРІЯ ЦАРЕВИЧА.

Въ младыхъ лѣтахъ, сказалъ онъ, я ослѣпъ
И съ той поры не зналъ ни дня, ни ночи
До старости. Напрасно я лѣчился
И зеліемъ, и тайнымъ нашептаньемъ;
Напрасно я ходилъ на поклоненье
Въ обители къ великимъ чудотворцамъ;

Напрасно я изъ кладязей святыхъ
Кропилъ водой цѣлебной темны очи,—
Не посылалъ Господь мнѣ исцѣленья.
Вотъ наконецъ утратилъ я надежду
И къ тмѣ своей привыкъ, и даже сны
Мнѣ виданныхъ вещей ужъ не являли,
А снилися мнѣ только звуки. Разъ,
Въ глубокомъ снѣ, я слышу—дѣтскій голосъ
Мнѣ говоритъ: «Встань, дѣдушка, поди
Ты въ Угличъ-градъ, въ соборъ Преображенья;
Тамъ помолись ты надъ моей могилой:
Богъ милостивъ! и я тебя прощу.»
—Но кто же ты? спросилъ я дѣтскій голосъ.
«Царевичъ я Димитрій. Царь небесный
Пріялъ меня въ ликъ ангеловъ своихъ,
И я теперь великій чудотворецъ.
Иди, старикъ!» Проснулся я и думалъ:
«Что жъ? можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ, Богъ
Мнѣ позднее даруетъ исцѣленье.
Пойду.» И въ путь отправился далекій.
Вотъ Углича достигъ я, прихожу
Въ святый соборъ и слушаю обѣдню,
И, разгорясь душой усердной, плачу
Такъ сладостно, какъ будто слѣпота
Изъ глазъ моихъ слезами вытекала.
Когда народъ сталъ выходить, я внуку
Сказалъ: «Иванъ, веди меня на гробъ
Царевича Димитрія!» И мальчикъ
Повелъ меня; и только передъ гробомъ
Я тихую молитву сотворилъ,
Глаза мои прозрѣли: я увидѣлъ
И Божій свѣтъ, и внука, и могилку.

---

107. Смерть царя Бориса.

(1605 г.)

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Царь Борисъ Годуновъ.
Ѳеодоръ, его сынъ.
Бояре.

ЦАРЬ.

Подите всѣ, оставьте одного
Царевича со мною. (*Всѣ удаляются.*) Умираю.

Обнимемся. Прощай, мой сынъ! сейчасъ
Ты царствовать начнешь... О Боже, Боже!
Сейчасъ явлюсь передъ тобой, и душу
Мнѣ некогда очистить покаяньемъ!
Но чувствую, мой сынъ, ты мнѣ дороже
Душевнаго спасенья... такъ и быть!
Я подданнымъ рожденъ, и умереть
Мнѣ подданнымъ во мракѣ-бъ надлежало;
Но я достигъ верховной власти,—чѣмъ?
Не спрашивай. ([1]) Довольно: ты невиненъ;
Ты царствовать теперь по праву станешь,
А я за все одинъ отвѣчу Богу.
О милый сынъ! не обольщайся ложно,
Не ослѣпляй себя ты добровольно.
Въ дни бурные державу ты пріемлешь:
Опасенъ онъ, сей чудный самозванецъ; ([2])
Онъ именемъ ужаснымъ ополченъ.
Я, съ давнихъ лѣтъ въ правленьи искушенный,
Могъ удержать смятенье и мятежъ;
Передо мной они дрожали въ страхѣ;
Возвысить гласъ измѣна не дерзала:
Но ты младой, неопытный властитель,
Какъ управлять ты будешь подъ грозой,
Тушить мятежъ, опутывать измѣну?
Но Богъ великъ! Онъ умудряетъ юность,
Онъ слабости даруетъ силу... Слушай:
Совѣтника во-первыхъ избери
Надежнаго, холодныхъ, зрѣлыхъ лѣтъ,
Любимаго народомъ, а въ боярахъ
Почтеннаго породой или славой,
Хоть Шуйскаго. ([3]) Для войска нынѣ нуженъ
Искусный вождь: Басманова пошли
И съ твердостью снеси боярскій ропотъ. ([4])
Ты съ малыхъ лѣтъ сидѣлъ со мною въ Думѣ,
Ты знаешь ходъ державнаго правленья;
Не измѣняй теченья дѣлъ. Привычка —
Душа державъ. Я нынѣ долженъ былъ
Возстановить опалы, казни,—можешь
Ихъ отмѣнить: тебя благословятъ,
Какъ твоего благословляли дядю,
Когда престолъ онъ Грознаго пріялъ. ([5])
Со временемъ и понемногу снова
Затягивай державныя бразды;
Теперь ослабь, изъ рукъ не выпуская.
Будь милостивъ, доступенъ съ иноземцамъ;

Довѣрчиво ихъ службу принимай;
Со строгостью храни уставъ церковный;
Будь молчаливъ: не долженъ царскій голосъ
На воздухѣ теряться попустому;
Какъ звонъ святой, онъ долженъ лишь вѣщать
Велику скорбь или великій праздникъ.
О милый сынъ! ты входишь въ тѣ лѣта,
Когда намъ кровь волнуетъ женскій ликъ:
Храни, храни святую чистоту
Невинности и гордую стыдливость!
Кто чувствами въ порочныхъ наслажденьяхъ
Въ младые дни привыкнулъ утопать;
Тотъ, возмужавъ, угрюмъ и кровожаденъ,
И умъ его безвременно темнѣетъ.
Въ семьѣ своей будь завсегда главой;
Мать почитай, но властвуй самъ собою:
Ты мужъ и царь; люби свою сестру: (6)
Ты ей одинъ хранитель остаешься.

ѲЕОДОРЪ *(на колѣняхъ).*

Нѣтъ, нѣтъ! живи и царствуй долговѣчно:
Народъ и мы погибли безъ тебя.

ЦАРЬ.

Все кончено: глаза мои темнѣютъ,
Я чувствую могильный хладъ...

(Входятъ патріархъ, святители; за ними всѣ бояре. Царицу ведутъ подъ руки; царевна рыдаетъ.)

Кто тамъ?
А! схима... такъ! святое постриженье...
Ударилъ часъ! въ монахи царь идетъ,
И темный гробъ моею будетъ кельей!
Повремени, владыка патріархъ!
Я царь еще. Внемлите вы, бояре:
Се тотъ, кому приказываю царство;
Цѣлуйте крестъ Ѳеодору. Басмановъ,
Друзья мои! .. при гробѣ васъ молю
Ему служить усердіемъ и правдой.
Онъ такъ еще и младъ, и непороченъ.
Клянетесь ли?

БОЯРЕ.

Клянемся!

ЦАРЬ.

Я доволенъ.
Простите-жъ мнѣ соблазны и грѣхи,
И вольныя и тайныя обиды...
Святый отецъ, приближься, я готовъ!

(1) См. ст. 98 и 99-ю. (2) См. ст. 105-ю. (3) *Шуйскій*—Василій Ивановичъ. *Басмановъ*—Петръ Өедоровичъ, молодой человѣкъ, прославившійся въ во[й] съ Самозванцемъ. (5) *Дядя*—царь Өедоръ Іоанновичъ, который былъ жен[а]т на сестрѣ Бориса Годунова. (6) *Сестра*—царевна Ксенія.

108. ПЛАЧЪ ЦАРЕВНЫ КСЕНІИ ГОДУНОВОЙ. (1)

(Изъ народной былины.)

(1605 г.)

А всплачется на Москвѣ царевна,
Борисова дочь Годунова:
«Ино, (2) Боже, Спасъ милосердый!
За что наше царство загибло?
За батюшково ли согрѣшенье,
За матушкино ли немоленье?
А свѣты вы наши—высокія хоромы!
Кому вами будетъ владѣти,
Послѣ нашего царскаго житья?
А свѣты браные убрусы! (3)
Береза ли вами крутити?
А свѣты золоты ширинки! (4)
Лѣсы ли вами дарити?
А свѣты яхонты-сережки!
На сучье ли васъ задѣвати,
Послѣ царскаго нашего житья,
Послѣ батюшкова преставленья,
А свѣта Бориса Годунова?
А что ѣдетъ къ Москвѣ Разстрига,
Да хочетъ теремы ломати,
Меня хочетъ царевну поимати,
А на Устюжну на Желѣзную отослати,
Меня хочетъ царевну постричи,
А въ рѣшетчатый садъ засадити.
Ино, охти мнѣ горевати,
Какъ мнѣ въ темну келью ступити,
У игуменьи благословиться!»

(1) *Ксенія* Борисовна въ царствованіе Лжедимитрія была пострижена въ монахини. (2) *Ино*—см. ст. 86 прим. 3. (3) *Браный убрусъ*—тканое полотенце. (4) *Ширинка*—небольшой шейный платокъ. (5) *Устюжна Желѣзная*—Желѣзопольская, въ Новгородской губерніи, на Мологѣ.

109. ГРИШКА РАЗСТРИГА. (1)

(Народная былина.)

(1605 — 1606 г.)

Ты Боже, Боже, Спасъ милостивый!
Къ чему рано надъ нами прогнѣвался,
Сослалъ намъ, Боже, прелестника,
Злаго Разстригу, Гришку Отрепьева?

Ужели онъ, Разстрига, на царство сѣлъ?
Называется Разстрига прямымъ царемъ,
Царемъ Димитріемъ Ивановичемъ Углицкимъ.
Не долго Разстрига на царствѣ сидѣлъ, ([2])
Похотѣлъ Разстрига женитися;
Не у себя-то онъ въ каменной Москвѣ,
Бралъ онъ, Разстрига, въ проклятой Литвѣ,
У Юрья пана Сендомирскаго
Дочь Маринку Юрьеву,
Злу еретницу, безбожницу.
На вешній праздникъ Николинъ день,
Въ Четвергъ, у Разстриги свадьба была,
А въ Пятницу праздникъ Николинъ день. ([3])
Выходитъ Разстрига на Красной крылецъ,
Кричитъ, реветъ зычнымъ голомъ:
«Гой еси, ключники мои, приспѣшники!
«Приспѣвайте кушанье разное,
«А и постное, и скоромное;
«Заутра будетъ ко мнѣ гость дорогой,
«Юрья панъ со паньею.»
А втапоры стрѣльцы ([4]) догадалися,
За то-то слово спохватилися,
Въ Боголюбовъ монастырь металися
Къ царицѣ Марѳѣ Матвѣевнѣ: ([5])
«Царица ты, Марѳа Матвѣевна!
«Твое ли это чадо на царствѣ сидитъ,
«Царевичъ Димитрій Ивановичъ?»
А втапоры царица Марѳа Матвѣевна заплакала
И таковы рѣчи во слезахъ говорила:
«А глупы стрѣльцы вы, недогадливы!
«Какое мое чадо на царствѣ сидитъ?
«На царствѣ у васъ сидитъ
«Разстрига Гришка, Отрепьевъ сынъ.
«Потерянъ мой сынъ царевичъ Димитрій Ивановичъ
«На Угличѣ отъ тѣхъ отъ бояръ Годуновыихъ; ([6])
«Его мощи лежатъ въ каменной Москвѣ
«У чудной Софіи премудрыя; ([7])
«У того ли-то Ивана Великаго
«Завсегда звонятъ во Царь-колоколъ,
«Соборны попы собираются,
«За всякіе праздники совершаютъ панихиды
«За память царевича Димитрія Ивановича,
«А Годуновыхъ бояръ проклинаютъ завсегда.»
Тутъ стрѣльцы догадалися;
Всѣ они собиралися,

И прахъ его развѣю далеко!
Ну, что же ты не молишь о пощадѣ?
Что не трепещешь? Иль тебѣ не страшенъ
Ни судъ мірской, ни грозный гнѣвъ царя?

ШУЙСКІЙ.

Не стану я просить себѣ пощады:
Моя вина — слѣпое исполненье
Велѣній царскихъ.

ДМИТРІЙ *(отдаетъ мечъ Скопи-Шуйскому).*

Говори прямѣе.

ШУЙСКІЙ.

Мы утверждались крестнымъ цѣлованьемъ
Царю Борису.

ГОЛИЦЫНЪ *(Мстиславскому).*

Ишь куда пошло!

ШУЙСКІЙ.

Ты знаешь самъ, что всяка власть отъ Бога.
Иной за страхъ служилъ, иной за совѣсть,
Да не порокъ служить и за награду.
Бояринъ твой, Петръ Ѳедорычъ Басмановъ,
Не по уму и не по лѣтамъ, рано
Добился чести преданностью рабской
Царю Борису. Царь бояръ крамольныхъ
Не миловалъ; грозна была опала
Ослушникамъ. Вонъ Бѣльскій попытался,
Да самъ не радъ, проворовался въ службѣ
И надолго себѣ безчестія добылъ. (*)
Меня раба Борисъ послалъ къ народу,
И рабъ пошелъ, творя его велѣнье,
И говорилъ, что не царевичъ Дмитрій
Идетъ въ Москву съ иноплеменной силой,
А воръ, разстрига, еретикъ Отрепьевъ.
Повѣрили, иль нѣтъ, и кто повѣрилъ
Словамъ моимъ, не знаю; я исполнилъ,
Что царь велѣлъ. Вотъ вся вина моя!

БАСМАНОВЪ.

Не вѣрь ему, великій государь!

ШУЙСКІЙ.

Я все сказалъ, что за собою вѣдалъ;
Передъ лицемъ царя я повинился,
И больше нѣтъ вины за мной. Ведите
Пытать меня; хоть до смерти замучьте,

Вы не услышите ни слова больше.
Напрасно ты, Петръ Ѳедорычъ, безвинныхъ
Сиротъ пыталъ. Узнать тебѣ хотѣлось,
Что говорилъ по царскому приказу
Я съ Лобнаго,—на каждомъ перекресткѣ
Спросилъ бы ты: тебѣ безъ пытки скажутъ.
Да не запрусь и я: не потихоньку,—
На всю Москву я громко говорилъ.
Ждетъ милостей народъ, а ты пытаешь.
Что значитъ—кровь! отецъ былъ въ палачахъ, (9)
И ты по немъ.

БАСМАНОВЪ.

Онъ лжетъ передъ соборомъ,
Безстыдно лжетъ; онъ вѣдомый обманщикъ.
Не съ Лобнаго, — то было да прошло,—
Въ своемъ дому недавно онъ народу
Бездѣльныя тѣ рѣчи говорилъ.

ШУЙСКІЙ.

Ни слова! стой! Заглазно, сколько хочешь,
Нашептывай; въ глаза не смѣй порочить
Вѣрнѣйшихъ слугъ Московскихъ государей.
Чѣмъ клеветать на Шуйскихъ, вы бы лучше
Царямъ служить у Шуйскихъ поучились.

ЩЕЛКАЛОВЪ.

У тѣхъ ли Шуйскихъ, что въ Литву бѣжали?
У тѣхъ ли Шуйскихъ, что царя Ивана
Въ младенчествѣ не досыта кормили,
Въ его глазахъ бояръ его губили,
Съ митрополитовъ облаченье рвали? (10)
Или у тѣхъ, что черный людъ Московскій
Не разъ, не два водили бунтомъ въ Кремль?

ШУЙСКІЙ.

Нашъ родъ большой, въ семьѣ не безъ урода,
Я-бъ насчиталъ тебѣ десятки Шуйскихъ,
Пролившихъ кровь и головы сложившихъ
На всѣхъ концахъ, на всѣхъ украйнахъ Русскихъ,
Въ бою ручномъ и въ городскихъ осадахъ,
Да говорить я не хочу съ тобой.

БѢЛЬСКІЙ.

Боясь Бориса, ты солгалъ народу,
Зачѣмъ же ты потомъ не повинился
Во лжи своей? Когда Гаврила Пушкинъ
Съ Плещеевымъ намъ грамоты читали

ЩЕЛКАЛОВЪ.

Такъ что-жъ писать?

ОДИНЪ ГОЛОСЪ.

Пиши: казнить Василья,
А Дмитрію съ Иваномъ снять боярство
И въ ссылку ихъ по дальнимъ городамъ!

ЩЕЛКАЛОВЪ.

Согласны всѣ?

ГОЛОСА.

Согласны! ладно, ладно!
Чтобъ такъ и быть тому безъ перемѣны!

МСТИСЛАВСКІЙ.

Пиши, Василій! Расходитесь съ Богомъ!

---

(1) Кн. Василій Шуйскій внушалъ народу черезъ своихъ повѣренныхъ, куп... Ѳедора Конева и другихъ, что Димитрій—самозванецъ, еретикъ, орудіе Лях... католиковъ. Шуйскаго съ братьями взяли подъ стражу и велѣли судить собор... избраннымъ людямъ всѣхъ чиновъ и званій. (2) *Окольничій*—сановникъ втор... степени. (3) *Рында* — царскій оруженосецъ и тѣлохранитель. (4) До Петра І... время у насъ считалось не отъ Рождества Христова, а отъ сотворенія міра; т... кимъ образомъ 7113 г. отъ сотворенія міра, безъ 5508 (время отъ сотворенія міра ... Рождества Христова)=1605 г. (5) *Архангелъ*—Архангельскій соборъ въ Кремлѣ. (6) См. ст. 98-ю. (7) *Басмановъ*—см. ст. 107. прим. 4. (8) Борисъ посылалъ Бѣльскаго строить крѣпость Борисовъ. Борису донесли, что Бѣльскій думаетъ объявит... себя независимымъ, говоря: «Борисъ царь въ Москвѣ, а я царь въ Борисовѣ». Царь велѣлъ взять у него имѣніе, выщипать длинную и густую бороду и потом... отправить въ ссылку. (9) Отецъ П. Ѳ. Басманова былъ любимецъ Іоанна Грозн... наго. (10) Князья Василій и Иванъ Шуйскіе. (11) Грамота читалась въ Москвѣ с... Лобнаго мѣста мѣсяца черезъ полтора по смерти Бориса. (12) См. ст. 98-ю.

---

111. КНЯЗЬ ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ НА ПЛАХѢ. (1)

(1605 г.)

Въ глубокой тишинѣ народъ тѣснился вокругъ Лобнаго мѣста, гдѣ стоялъ осужденный бояринъ подлѣ сѣкиры и плахи, между дружинами воиновъ, стрѣльцевъ (2) и казаковъ; на стѣнахъ и башняхъ кремлевскихъ также блистало оружіе, для устрашенія Москвитянъ, и Петръ Басмановъ, держа бумагу, читалъ народу отъ имени царскаго: «Великій бояринъ князь Василій Ивановичъ Шуйскій измѣнилъ мнѣ, законному государю вашему, Димитрію Іоанновичу всея Россіи; коварствовалъ, злословилъ, ссорилъ меня съ вами, добрыми подданными: называлъ лжецаремъ; хотѣлъ свергнуть съ престола. Для того осужденъ на казнь: да умретъ за измѣну и вѣроломство!»

родъ безмолствовалъ въ горести, издавна любя Шуйскихъ, и олилъ слезы, когда несчастный князь Василій, уже обнажаемый лачемъ, громко воскликнулъ къ зрителямъ: «братья! умираю за тину, за вѣру христіанскую и за васъ!» Уже голова осужден-.го лежала на плахѣ... Вдругъ слышатъ крикъ: *стой!* и видятъ рснаго чиновника, скачущаго изъ Кремля къ Лобному мѣсту, съ казомъ въ рукѣ: объявляютъ помилованіе Шуйскому. Тутъ вся площадь закипѣла въ неописанномъ движеніи радости: славили царя, акъ въ первый день его торжественнаго вступленія въ Москву; радовались и вѣрные приверженники Самозванца, думая, что такое милосердіе даетъ ему новое право на любовь общую; негодовали только дальновиднѣйшіе изъ нихъ, и не ошиблись: могъ ли забыть Шуйскій пытки и плаху?

(¹) См. ст. 110-ю. (²) *Стрѣльцы*—см. ст. 109 прим. 4.

112. Убіеніе названнаго царя Димитрія.

(17 Мая 1606 г.)

Заговорщики не спали. Шуйскій (¹) еще до свѣта разослалъ нѣкоторыхъ, назначивъ, кому гдѣ быть: одни должны быть готовы на Красной площади, чтобъ идти на дворецъ; другіе—по улицамъ въ назначенное время волновать народъ. Дождались солнечнаго восхода. Это было самое удобное время: Москвичи были тогда по обыкновенію всѣ на ногахъ, а гости, (²) утомленные обычными ночными забавами, должны были спать по своимъ квартирамъ. Дома, на которые надобно было нападать, отмѣтили.

Разсвѣло. Шуйскій приказалъ отворить тюрьмы и выпустить заключенныхъ. Имъ роздали топоры и мечи. Съ солнечнымъ восходомъ ударили въ набатъ въ церкви святаго Илія на Новгородскомъ дворѣ, на Ильинкѣ; потомъ зазвонили также въ сосѣднихъ церквахъ, а потомъ ударили въ большой *полошной* колоколъ, въ который всегда били на тревогу. Звонъ распространялся отъ одной церкви до другой, и въ короткое время по всѣмъ Московскимъ церквамъ раздался зловѣщій набатъ. Въ иныхъ мѣстахъ звонили, не зная въ чемъ дѣло,—звонили потому, что другіе звонятъ. Народъ бѣжалъ со всѣхъ сторонъ въ Китай-городъ. Главные руководители: Шуйскій, Татищевъ, Голицыны, были на коняхъ; съ ними толпилось на Красной площади до двухъ сотъ человѣкъ заговорщиковъ. —Что за тревога? спрашивали толпы. Заговорщики кричали народу: «Литва (³) собирается убить государя и перебить бояръ; идите бить Литву!» Быстро разнеслась по Москвѣ неясная вѣсть; одни

узнали, что Литва кого-то хочетъ убить; тѣмъ послышалось и
царя, а этимъ—имя бояръ; другіе слышали, что царя кто-то хо
убить, и спрашивали: «кто убиваетъ царя?»—Литва! кричали
отвѣтъ заговорщики.—Идите на Литву, бейте Литву, берите
воты себѣ!—Народъ бросался въ разныя стороны на Поля
многіе съ мыслію, что въ самомъ дѣлѣ они защищаютъ царя;
гіе изъ ненависти къ Полякамъ за ихъ своевольства и съ
ніемъ свергнуть чужеземное иго; а иные, какъ то случается
самомъ справедливомъ дѣлѣ, просто изъ одной страсти къ граб
Шуйскій, освободившись отъ народной толпы, поѣхалъ въ Кре
въ одной рукѣ у него крестъ, а въ другой мечъ. За нимъ ѣх
и бѣжали заговорщики съ ружьями, обнаженными саблями, съ ко
ями, топорами и рогатинами.

Набатный звонъ разбудилъ царя... Онъ поспѣшно вскочилъ, к
кинулъ кафтанъ, не сталъ тревожить царицы и побѣжалъ *по ко*
ридору въ свой дворецъ. Вошедши въ сѣни, увидѣлъ онъ Димит
Шуйскаго. Этотъ, вѣроятно, забѣжалъ впередъ, чтобъ *обман*
царя и не дать ему уйти впору. —Что это за звонъ? спроси
Димитрій.—«Пожаръ въ городѣ», сказалъ Шуйскій. Было въ *обыча*
что царь самъ ѣздилъ на пожаръ. Димитрій направился опять в
покои жены, вѣроятно, на короткое время, чтобъ успокоить *жен*
потомъ ѣхать на пожаръ. Набатный звонъ раздавался уже в
Кремлѣ у него надъ ухомъ. Онъ слышалъ крики на дворѣ, *воротил*
ся во дворецъ и столкнулся съ Басмановымъ.—Поди, узнай, что это
такое, сказалъ царь. Басмановъ отворилъ окно, увидалъ пред
собою разъяренную вооруженную толпу; она бѣгомъ спѣшила во
дворъ и уже наполняла дворъ. Басмановъ спрашивалъ изъ окна: «что
вамъ надобно? что это за тревога?»

Толпа закричала: «Отдай намъ своего царя вора! Тогда поговоришь съ нами!»

Басмановъ бросился къ Димитрію и закричалъ: «Ахти мнѣ, государь! Самъ виноватъ! Не вѣрилъ своимъ вѣрнымъ слугамъ! *Бояре* и народъ идутъ на тебя!»

Тутъ проскочилъ мимо аллебардщиковъ, (4) стоявшихъ на лѣстницѣ, казенный дьякъ (5) Тимоѳей Осиповъ и явился передъ царемъ. Вѣроятно, его пропустили потому, что онъ былъ безъ оружія. Онъ сказалъ:

— Ну, безвременный цесарь, проспался ты? Выходи давать отвѣтъ людямъ. Велишь себя именовать непобѣдимымъ цесаремъ, что Богу противно и грубно. (6) А ты не цесарь; ты воръ, разстрига Гришка Отрепьевъ, чернокнижникъ, еретикъ, обругатель православной вѣры!

Онъ сталъ было поражать царя словами Св. Писанія, но Басмановъ разсѣкъ его саблею. Этотъ дьякъ былъ извѣстенъ по своей

жности и постничанью; онъ хмѣльнаго въ ротъ не бралъ. Онъ азнился особенно тѣмъ, что Димитрій вѣнчался съ Мариною, эавославнымъ людямъ приходилось давать крестное цѣлованіе ичкѣ Латинской вѣры. Осиповъ хотѣлъ принять мученическій эцъ за правду, исповѣдался, причастился Св. Таинъ и пошелъ эбличеніе разстриги.

ѣло дьяка выбросили за окно.

олпа подходила къ крыльцу.

— Запирайте двери, мои вѣрные аллебардщики! не пускайте! ичалъ Димитрій.

Но онъ, какъ видно, не зналъ, что аллебардщиковъ только триць человѣкъ, и они не могли удержать толпы. Кромѣ ихъ было дворцѣ человѣкъ двадцать съ небольшимъ слугъ да музыканъ—народъ все невоинственный. Шуйскій слѣзъ съ коня, подѣзалъ двери Успенскаго собора, а потомъ указалъ толпѣ заговорковъ на дворецъ и сказалъ:

— Кончайте скорѣе съ воромъ Гришкою Отрепьевымъ! Если не убьете его, онъ намъ всѣмъ головы сниметъ.

Аллебардщики стали было у входа, но по нимъ дали нѣсколько стрѣловъ. Они увидали, что не въ силахъ защищаться. Половина бросала оружіе и разбѣжалась; пятнадцать поднялись по лѣстцѣ въ сѣни и пропустили за собою толпу, которая бросилась лѣстницу.

— Государь, спасайся! сказалъ Басмановъ:—а я умру за тебя! о царь безстрашно выступилъ впередъ въ сѣни и закричалъ: подайте мнѣ мой мечъ!»

Но тотъ, кто носилъ званіе великаго мечника и хранилъ его ечъ, не явился съ этимъ мечемъ къ своему царю. (7)

Аллебардщики стояли въ сѣняхъ съ своимъ оружіемъ. Царь вызватилъ у одного изъ нихъ, Вильгельма Шварцгофа, аллебарду, одступилъ къ наружнымъ дверямъ и закричалъ толпѣ:

— Я вамъ не Борисъ!

Изъ толпы выстрѣлили. Димитрія не зацѣпила пуля. Басмановъ выступилъ впередъ, заслонилъ царя собою, сошелъ нѣсколько ступеней внизъ по лѣстницѣ и говорилъ къ боярамъ: «Братья бояре и думные люди! побойтесь Бога, не дѣлайте зла царю вашему, усмирите народъ, не безславьте себя!»

На него кинулся Михайло Татищевъ, сказалъ ему крѣпкое слово, а потомъ ударилъ Басманова длиннымъ ножемъ прямо въ сердце. Басмановъ покатился съ лѣстницы. Другіе выбросили трупъ Басманова на показъ народу.

Димитрій, притворивши дверь, высунулся изъ нея, началъ махать аллебардою на обѣ стороны и кое-кого зацѣпилъ. Но заговорщики

стали стрѣлять. Димитрій отступилъ. Двери заперли. Си[illegible] натискомъ и ударами топоровъ заговорщики выломали ихъ. съ аллебардщиками ушелъ въ переднюю комнату и тамъ за[illegible] Заговорщики стали ломать слѣдующую дверь. Царь бросилъ [illegible]барду, схватилъ себя за волосы, побѣжалъ по переходу къ [illegible]нымъ покоямъ, но съ той стороны пробраться было невоз[illegible] сѣни и входъ съ другой стороны царицыныхъ покоевъ были [illegible] толпою. Царь не вошелъ къ женѣ, а только черезъ окно [illegible]чалъ къ ней: «мое сердце, здрада!» (измѣна) и бѣжалъ, по [illegible] извѣстіямъ, въ каменный дворецъ, по другимъ—назадъ въ де[illegible]ный, и заперся въ угольной комнатѣ, гдѣ онъ обыкновенно [illegible] Выхода не было. Онъ глянулъ въ растворенное окно, увида[illegible]ли стрѣльцевъ (в) на караулѣ. Тутъ ему пришла мысль выско[illegible] окно, спуститься по лѣсамъ, приставленнымъ къ стѣнамъ [illegible] предполагаемой иллюминаціи, и отдаться подъ защиту на[illegible] «Если-бъ ему удалось, говоритъ иностранецъ, благополучно сос[illegible] и уйти, онъ бы избавился отъ бѣды; народъ перебилъ бы го[illegible] заговорщиковъ; народъ не зналъ о заговорѣ, слышалъ, что П[illegible] хотятъ убить царя, и бросился поэтому бить Поляковъ; даже м[illegible] изъ тѣхъ, что бросились тогда въ Кремль, думали, что они [illegible] спасать царя отъ Поляковъ.» Димитрій прыгнулъ изъ окна[illegible] споткнулся на лѣсахъ и оборвался на землю. Отъ окна до зе[illegible] было очень высоко: тридцать футовъ. Царь разбилъ себѣ гр[illegible] вывихнулъ ногу, зашибъ голову и лишился на время чувств[illegible]

Заговорщики сломали другую дверь, пробѣжали по комнат[illegible] дворца и никого не нашли. Они отняли у аллебардщиковъ [illegible] брошенное оружіе и приставили къ нимъ стражу. Толпа брос[illegible] въ каменный дворецъ, хватала все, что ни попадалось подъ р[illegible] золото, серебро, жемчугъ, платья; обдирали обои, ломали ме[illegible] другіе старались спрятать себѣ въ карманъ что-нибудь изъ об[illegible] добычи. Искали царя, и не находили его.

Между тѣмъ Марина пробудилась отъ набатнаго звона и кри[illegible] вскочила, не нашла близъ себя мужа; поняла, что происходитъ [illegible]то странное; надѣла юбку и съ растрепанными волосами бросил[illegible] изъ своихъ комнатъ. Догадавшись, въ чемъ дѣло, она бѣжала [illegible] безпамятствѣ въ нижніе покои каменнаго дворца подъ своды и [illegible]чала безсознательно хотѣла укрыться въ какомъ-то темномъ за[illegible]улкѣ. Но ей одинокой стало страшно въ этомъ убѣжищѣ. До [illegible] долеталъ трескъ выстрѣловъ, набатный звонъ, грозные крики [illegible]ны. Постоявши немного въ этомъ мѣстѣ, Марина выскочила отт[illegible] поднялась вверхъ и наткнулась на толпу Москвичей, бѣгавших[illegible] по дворцу и по переходамъ. Ее не узнали, столкнули съ лѣстни[illegible]цы и не обратили на это вниманія. Когда толпа пробѣжала, он[illegible] [illegible]скоро ушла назадъ въ свой дворецъ къ придворнымъ дамамъ. Вс[illegible] [illegible] стояли вмѣстѣ въ странномъ ожиданіи. Изъ мужчинъ бы[illegible]

ъ только юноша, пажъ Марины, Осмольскій. Двери заперли, ольскій сталъ у дверей съ саблею и говорилъ, что только по трупу злодѣи доберутся до царицы. Заговорщики разломали и. Осмольскаго положили ружейными выстрѣлами и изрубили куски. Придворныя дамы Марины сбились въ кучку. Одна изъ ъ, старуха пани Хмѣлевская, пораженная нечаянно пулею, навленною въ Осмольскаго, лежала, истекая кровью.

Москвитяне, говоритъ иностранный современникъ, тотчасъ какъ дѣли женщинъ, такъ и показали, что они народъ безстыдный, имѣющій понятія о чести, стыдѣ и приличіи.»

— Говорите, Польскія.... гдѣ царь? гдѣ Полька, его царица?

Гофмейстерина (⁹) сказала въ отвѣтъ:

— Вамъ лучше это знать, гдѣ вы его дѣли; мы за нимъ не аулимъ.

— А! закричали Москвичи:—вотъ мы васъ всѣхъ!... И они стали лать разныя непристойности. Такія сцены были, конечно, въ подкѣ вещей, послѣ того какъ Шуйскій такъ былъ неразборчивъ выборѣ сообщниковъ, что, для умноженія ихъ числа, выпустилъ ъ тюремъ преступниковъ. Но тутъ прибѣжали старшіе бояре и али разгонять толпу.—Не то, чтобъ у нихъ дѣйствовало человѣлюбіе и состраданіе, говоритъ Полякъ современникъ, а они боясь истреблять знатныхъ Поляковъ и женщинъ, чтобъ потомъ не влечь войны и мщенія отъ Польши. Шуйскій разсчитывалъ, что ли половину Поляковъ и побьютъ Москвичи, за то бояре обегутъ нѣкоторыхъ и потомъ будутъ представлять это къ своему правданію.

Бояре приказали всѣмъ идти за ними, отвели ихъ въ особый окой и приставили къ нимъ стражу.

Въ то время раздались крики:

— Нашли, нашли еретика!

Царь, упавши, лежалъ нѣсколько времени безъ чувствъ; его подялъ одинъ аллебардщикъ, Вильгельмъ Фирстенбергъ, и потомъ подбѣжали къ нему стрѣльцы, отлили водою и отнесли на каменный фундаментъ сломаннаго, по приказанію Димитрія, Борисова деревяннаго дома. Такимъ образомъ, ему приходилось, окровавленному, бороться со смертію и молить себѣ защиты и спасенія на томъ мѣстѣ, гдѣ; безъ малаго за годъ, не вымолили себѣ жизни Борисова жена и ея сынъ. (¹⁰) Царь долго не могъ придти въ себя, только жалобно стоналъ отъ боли; наконецъ собралъ силы и, увидя, что его окружаютъ стрѣльцы, говорилъ имъ:

— Обороните меня отъ злодѣевъ Шуйскихъ, Христа ради, мои милые, православные! Ведите меня къ міру на площадь передъ Кремль.

Я васъ вознесу выше всѣхъ, и боярскихъ женъ и дѣте дамъ вамъ въ неволю, и все ихъ имущество ваше будетъ.

Стрѣльцы обѣщали. Вдругъ заговорщики, отыскавши слѣд павшей было для нихъ жертвы, бросились туда съ ружьями, гатинами и топорами. Они яростно кричали. Стрѣльцы за своего царя, стали въ строй и дали залпъ. Нѣсколькихъ дво положили. Это до того отбило у другихъ охоту лѣзть на Дим что заговорщики отступили и готовы были разбѣжаться. Тутъ го было народа, вовсе неспособнаго жертвовать собою. Но Ва Шуйскій остановилъ ихъ:

— Развѣ вы думаете, что спасетесь? говорилъ онъ.—Это ковскій человѣкъ, чтобъ забылъ обиду. Дайте ему волю, такъ запоетъ иную пѣсню: онъ передъ своими глазами всѣхъ васъ мучитъ. Это не простой воръ,—это змій свирѣпый! Задушите пока онъ еще въ ямѣ; а какъ выползетъ, то намъ горе, и жен нашимъ и дѣтямъ!

Заговорщики послушались совѣта и опять было присту Стрѣльцы приложились къ ружьямъ. Тогда кто-то закричалъ:

— Когда такъ, идемъ же въ Стрѣлецкую слободу, побьемъ стрѣльчихъ и стрѣльчатъ, если они не хотятъ выдать вора, манщика, злодѣя!

— Дѣло! идемъ! закричали другіе.

И заговорщики поспѣшно повернулись, показывая видъ, что шатъ въ Стрѣлецкую слободу.—Любовь къ женамъ и дѣтямъ, го ритъ современникъ, пересилила всѣ приманки, которыми склон ихъ надѣялся царь. Они, поговоря между собою, разступились оставили Димитрія одного.

Бояре и заговорщики подошли къ нему, подняли и понесли деревянный дворецъ какъ бы для допроса. Недавно еще нарядн и опрятный дворецъ теперь былъ страшно окровавленъ и загр ненъ. Въ сѣняхъ лежали трупы убитыхъ музыкантовъ и па лятъ. ([11]) Аллебардщики стояли безоружные подъ стражею и не сми поворотить языка. Имъ сказали Московскіе люди: если пикнет то и пропали. Димитрій посмотрѣлъ на нихъ жалобно, вздохну и прослезился. Его унесли въ другую комнату. Когда толпа вс дила на лѣстницу, Вильгельмъ Фирстенбергъ не утерпѣлъ, вошел за думными людьми и пробрался въ ту комнату, куда внесли цар Онъ хотѣлъ дать ему понюхать какого-то спирту, чтобъ подер жать въ немъ сознаніе; но кто-то изъ толпы ударилъ его аллебар дою и повалилъ мертваго къ ногамъ Димитрія.

— Эти собаки-иноземцы, говорили тогда, и теперь не остав ляютъ своего воровскаго государя. Надобно ихъ всѣхъ побить!—Но ые бояре не допустили перебить иноземцевъ.

ринялись за Димитрія. «Еретикъ ты окаянный! кричали заговорщики:—что? удалось тебѣ судить насъ въ субботу?» (¹⁰) «Онъ Сѣверщину хотѣлъ отдать Польшѣ!» кричали одни. «Латинскихъ попъ привелъ!» говорили другіе. «Зачѣмъ взялъ нечестивую Польку жену и некрещеную въ церковь пустилъ!» кричали третьи. азну нашу Московскую въ Польшу вывозилъ!» замѣчали четвертые. Сорвали съ Димитрія кафтанъ и надѣли на него дырявую ську.—Смотрите, говорили Москвичи, каковъ царь-государь, всея си самодержецъ! вотъ такъ царь! — «О, у меня такіе цари на юшнѣ есть!» сказалъ какой-то бояринъ. Тотъ тыкалъ ему пальцемъ глаза, другой щелкалъ его по носу, третій дергалъ за ухо... Одинъ ударилъ его въ щеку и сказалъ: «Говори, кто ты таковъ? кто твой отецъ? какъ тебя зовутъ? откуда ты?»

Димитрій говорилъ: «Вы знаете, я царь вашъ и великій князь Димитрій, сынъ царя Ивана Васильевича. Вы меня признали и внчали на царство. Если теперь еще не вѣрите, спросите у моей матери,—она въ монастырѣ; спросите ее, правду ли я говорю; или ынесите меня на Лобное мѣсто и дайте говорить.»

Тогда князь Иванъ Голицынъ крикнулъ во всеуслышаніе: «Сейчасъ я былъ у царицы Мароы; она говоритъ, что это не ея сынъ; на признала его по неволѣ, страшась смертнаго убійства, а теперь отрекается отъ него.» Эти слова были тотчасъ же переданы изъ окна стоявшей толпѣ. Шуйскій между тѣмъ ѣздилъ верхомъ на дворѣ и тутъ же подтверждалъ, что единственный сынъ царицы Мароы убитъ въ Угличѣ, а другаго сына у ней не было. Онъ торопилъ поскорѣе убить вора. Ему нужно было, покончивъ съ Димитріемъ, остановить народное буйство противъ Поляковъ.

— Винится ли злодѣй? кричала толпа.

— Винится! отвѣчали изъ дома.

— Бей! руби его! раздалось въ толпѣ.

— Что долго толковать съ еретикомъ! сказалъ дворянинъ Григорій Валуевъ:—вотъ я благословлю этого Польскаго свистуна!

Онъ выстрѣлилъ въ Димитрія изъ короткаго ружья, которое у него было подъ армякомъ. Пуля убила его сразу. Тогда Москвичи бросились на трупъ и били его палками, камнями; топтали ногами, кололи ножами; а потомъ обвязали ему веревкою ноги, зацѣпили еще иначе, срамнымъ образомъ, и стащили съ лѣстницы. Трупъ былъ до того обезображенъ, что не только нельзя было распознать въ немъ знакомыхъ чертъ, но даже замѣтить человѣческаго образа. Его потащили изъ Кремля черезъ Спасскія ворота. У Вознесенскаго монастыря толпа остановилась и вызвала царицу Мароу.

— Говори, царица Мароа, твой ли это сынъ? спрашивали ее. Свирѣпые взоры и дикіе голоса показывали царицѣ, какого отвѣта отъ нея хотѣли.

По одному извѣстію, Мареа отвѣчала: «не мой.»

По другому, она сказала загадочно:

— Было-бъ меня спрашивать, когда онъ былъ живъ; а те
какъ вы его убили, уже онъ не мой.

Какъ бы то ни было, убійцы признали, что мать отреклас
него, и успокоивали совѣсть свою. Тѣло положили на Кр
площади, на маленькомъ столикѣ, длиною въ аршинъ. За нимъ
тащили за ноги трупъ Басманова и положили внизу, такъ что
Димитрія свѣшены были на грудь Басманова.—Ты любилъ
живаго, пилъ и гулялъ съ нимъ вмѣстѣ: не разставайся съ ни
послѣ смерти,—сказали Московскіе люди. Тогда прискакалъ
Кремля одинъ дворянинъ и показывалъ народу маску; ее нашл
дворцѣ: Марина приготовляла маскарадъ.—Вотъ, смотрите! крич
дворянинъ:—это у него такой богъ, а святые образа лежали п
лавкою! Маску положили трупу на грудь. Кто-то досталъ ду
вѣроятно, взявши у убитаго музыканта, и всадилъ въ ротъ и
твому царю.—Подуди-ка! Ты любилъ музыку; мы тебя тѣшили
теперь ты насъ потѣшь!—Другой кто-то вынулъ копейку и по
жилъ на трупъ —Это ему плата, какъ скоморохамъ даютъ, го
рилъ Москвичъ. Толпа потѣшалась около трупа. Приходили и
кіе, что не были при убійствѣ, и задавали удары мертвецу; и
хотѣли приложить руку къ умерщвленію еретика, какимъ счита
его, по внушенію Шуйскаго и его соумышленниковъ. Пришедш
на другой день къ этому тѣлу иноземецъ насчиталъ на немъ два
цать одну рану.

---

(1) *Шуйскій*—см. ст. 110 и 111-ю (2) *Гости*—Поляки, пріѣхавшіе въ Москву вмѣст
съ невѣстою Самозванца, Мариною Мнишекъ. (3) *Литва*—Поляки, пріѣхавшіе с
Мариною. (4) *Аллебардщики*—Нѣмцы тѣлохранители. (5) *Дьякъ*—чиновникъ, на к
торомъ лежала письменная часть. (6) Самозванецъ называлъ себя *цесаремъ-непобѣ
димымъ*. (7) *Великій мечникъ*—Скопинъ-Шуйскій. (8) *Стрѣльцы*—см. ст. 109 при
4. (9) *Гофмейстерина* — дама, имѣющая смотрѣніе за фрейлинами. (10) *Марія* и Ѳе
доръ Годуновы были удавлены 10 Іюня 1605 г. (11) *Цыхолята*—мальчики, отроки
(12) Узнавъ о заговорѣ, Самозванецъ сказалъ: «хорошо. я сдѣлаю розыскъ, дозна
юся, кто противъ меня мыслитъ зло;» и отложилъ это дѣло до Субботы 7 Іюня
дня, въ который и произошло возстаніе.

113. Тушинскій воръ. (1)

(Народная былина.)

(1606 — 1610 г.)

Изъ-за Шведскія изъ Литовскія изъ землюшки
Выѣзжаетъ воръ-собачушка на добромъ конѣ,
На добромъ конѣ, во чисто поле.
Становился воръ собачушка подъ столицею,

Подъ столицею, въ славномъ Рубежѣ;
Онъ разставливаетъ бѣлъ-тонкой шатеръ,
Разстилаетъ во шатрикѣ шелковой коверъ,
Разсыпаетъ на коврикѣ золоты бобы;
По бобамъ сталъ воръ-собачушка угадывати:
«Не казнятъ-то нас и не вѣшаютъ,
«Ужъ и много насъ жалованьемъ жалуютъ!»
Садился воръ-собачушка на добра коня;
Онъ поѣхалъ воръ-собачушка во чисто поле,
Изъ чиста поля во царевъ дворецъ;
Подъѣзжаетъ онъ ко цареву дворцу,
Пріѣзжаетъ онъ на широкій дворъ;
Слѣзаетъ воръ-собачушка со добра коня,
Онъ свово коня не привязываетъ,
Не привязываетъ, никому не приказываетъ.
Восходилъ воръ-собачушка на Красенъ крылецъ,
Входилъ онъ воръ-собачушка во царевъ дворецъ;
Онъ самимъ боярамъ не кланяется
И самой государынѣ челомъ не бьетъ;
Онъ садился воръ-собачушка за дубовый столъ,
Вынимаетъ воръ-собачушка ярлыки на столъ;
По ярлыкамъ воръ-собачушка сталъ расписываться:
«Я самихъ же то бояръ во полонъ возьму;
«А съ самою царицею обвѣнчаюся!»

---

(1) *Тушинскій воръ* — второй Лжедимитрій, который въ царствованіе Василія Шуйскаго тщетно пытался взять Москву, укрѣпившись съ Ляхами и Русскими измѣнниками въ селѣ Тушинѣ, въ 12 верстахъ отъ нея.

114. КНЯЗЬ МИХАИЛЪ СКОПИНЪ-ШУЙСКІЙ. (1)

(Изъ народной былины.)

(1608 — 1610 г.)

А и дѣялось, учинилося,
Кругомъ сильна царства Московскаго,
Литва облегла со всѣхъ четырехъ сторонъ;
А и съ нею сила Сорочина долгополая,
И тѣ Черкесы Пятигорскіе,
Еще ли Калмыки съ Татарами,
Со Татарами, съ Башкирцами,
Еще Чукши съ Люторами. (2)
Какъ были припасы многіе,
А и царскіе и княженецкіе,
Боярскіе и дворянскіе;
А нельзя ни пройти, ни проѣхати,

Ни конному, ни пѣшему,
И ни соколомъ вонъ вылетѣти
А изъ сильнаго царства Московскаго
И великаго государства Россійскаго.
А Скопинъ князь Михайло Васильевичъ,
Онъ правитель царству Московскому,
Оберегатель міру крещеному
И всей нашей земли свѣто-русскія,
Что ясенъ соколъ вонъ вылетывалъ,
Какъ бы бѣлой кречетъ вонъ выпархивалъ.
Выѣзжалъ воевода Московскій, князь Скопинъ,
Князь Михайло Васильевичъ;
Онъ походъ чинилъ къ Нову-городу.
Какъ и будетъ Скопинъ въ Новѣ-городѣ,
Пріѣзжалъ онъ, Скопинъ, на съѣзжій дворъ,
Шелъ во избу во съѣзжую;
Садился Скопинъ на ременчатъ стулъ,
А и беретъ чернилицу золотую,
Какъ бы въ ней перо лебединое,
И беретъ онъ бумагу бѣлую,
Писалъ ярлыки скорописчаты (3)
Во Шведскую землю,
Къ любимому брату названному,
Къ Шведскому королю Карлусу.
А отъ мудрости слово поставлено:
«А и гой еси, названной братъ,
«А ты, Шведской король Карлусъ!
«А и смилуйся, смилосердуйся,
«Смилосердуйся, милость покажи:
«А и дай мнѣ силы на подмочь:
«Наше сильно царство Московское
«Литва облегла со всѣхъ четырехъ сторонъ,
«Приступила Сорочина долгополая,
«А и тѣ Черкесы Пятигорскіе,
«А и тѣ Калмыки со Башкирцами,
«А и тѣ Чукши со Люторами;
«И не можемъ мы съ ними управиться:
«Я закладываю три города Русскіе.»
А съ ярлыками посламъ скораго почтаря,
Своего любимаго шурина,
Того Митрофана Фунтосова.
Какъ и будетъ почтарь въ Полевецкой ордѣ (4)
У честна короля, честнаго Карлуса,
Онъ въѣзжаетъ прямо на королевскій дворъ,
Во Шведскому королю Карлусу;

Середи двора королевскаго
Соскочилъ почтарь со добра коня,
Вязалъ коня къ дубову столбу,
Сумы подхватилъ, самъ во палаты идетъ;
Ни за чѣмъ почтарь не замѣшкался,
Приходитъ во палату бѣлокаменну;
Расковыривалъ сумы, вынималъ ярлыки,
Онъ кладетъ королю на круглой столъ.
Принимавши король распечатываетъ,
Распечаталъ, самъ просматриваетъ
И печальное слово повыговорилъ.

Отъ мудрости слово поставлено:
Отъ любимаго брата названнаго,
Скопина князя Михайлы Васильевича;
Какъ проситъ силы на подмочь,
Закладываетъ три города Русскіе.
А честной король, честной Карлусъ
Показалъ ему милость великую:
Отправляетъ силы со трехъ земель
Того ратнаго люду ученаго.
А не много, не мало—сорокъ тысячей.
Прибыла сила въ Новъ-городъ,
Изъ Нова-города въ каменну Москву.
У ясна сокола крылья отросли,
У Скопина князя думушки прибыло
А поутру рано ранешенько
Въ соборѣ Скопинъ онъ заутреню отслужилъ,
Отслужилъ, самъ въ походъ пошелъ,
Подымавши знаменье царское;
А на знаменьи было написано
Чуденъ Спасъ со Пречистою,
На другой сторонѣ было написано
Михайло и Гаврило Архангелы,
Еще вся тутъ сила небесная.

Въ восточную сторону походомъ пошли,
Они вырубили Чудь бѣлоглазую
И ту Сорочину долгополую;
Въ полуденную сторону походомъ пошли,
Прекратили Пятигорскихъ Черкесъ;
А на сѣверну сторону пошли,
Прирубили Калмыковъ съ Башкирцами;
А на западну сторону походомъ пошли,
Прирубили Чукши со Люторами.
А кому будетъ Божья помощь?
Скопину князю Михайлѣ Васильевичу:

Онъ очистилъ царство Московское.
На великихъ тѣхъ радостяхъ
Служили обѣдни съ молебнами
И кругомъ города ходили въ каменной Москвѣ;
Отслужили обѣдни съ молебнами
И всю литургію великую;
На великихъ на радостяхъ пиръ пошелъ,
А пиръ пошелъ и великій столъ
Про Скопина князя Михайлу Васильевича,
Про весь православный міръ;
И велику славу до-вѣку поютъ
Скопину князю Михайлѣ Васильевичу.

(¹) Во время войны съ Поляками и Русскими измѣнниками, царь Васил[illegible] скій отправилъ своего племянника кн. Михаила Скопина-Шуйскаго къ Шве[illegible] королю Карлу IX, чтобы заключить съ нимъ союзъ и получить помощь во[illegible] Съ этими иноземными войсками Скопинъ-Шуйскій очистилъ Московское [illegible] отъ Ляховъ и Русскихъ измѣнниковъ. (²) *Люторы*—Лютеране. (³) *Яр*[illegible] см. ст. 27 прим. 5. (⁴) *Половецкая орда*—Швеція.

115. СМЕРТЬ КНЯЗЯ МИХАЙЛА СКОПИНА-ШУЙСКАГО

(Изъ народной былины.)

(23 Апрѣля 1610 г.)

А во той же славной каменной Москвѣ
У того ли было князя Воротынскаго,
Крестили младаго князевича,
А Скопинъ князь Михайло кумомъ былъ,
А кума была дочь Малютина,
Того Малюты Скурлатова.
У того-то князя Воротынскаго
Какъ будетъ и почестной столъ,
Туто было много князей и бояръ и званыхъ гостей:
Будетъ пиръ во полупирѣ,
Княженецкой столъ въ полустолѣ,
Какъ пьяненьки тутъ расхвастались:
Сильной хвастаетъ силою,
Богатой хвастаетъ богатествомъ;
Скопинъ князь Михайло Васильевичъ
А не пилъ онъ зелена вина,
Только одно пиво пилъ и сладкой медъ;
Не съ большаго хмѣлю онъ похвастается:
«А вы глупой народъ, неразумные!
«А всѣ вы похваляетесь бездѣлицей:
«Я, Скопинъ Михайло Васильевичъ,

«Могу князь похвалитися,
«Что очистилъ царство Московское
«И велико государство Россійское;
«Еще ли мнѣ славу поютъ до вѣку,
«Отъ стараго до малаго,
«Отъ малаго до вѣку моего.»
А и тутъ боярамъ за бѣду стало;
Въ тотъ часъ они дѣло сдѣлали:
Поддернули зелья лютаго;
Подсыпали въ стаканъ, въ меды сладкіе;
Подавали кумѣ его крестовыя,
Малютиной дочи Скурлатовой.
Она, знавши, кума его крестовая,
Подносила стаканъ меду сладкаго
Скопину князю Михайлѣ Васильевичу.
Примаетъ Скопинъ, не отпирается;
Онъ выпилъ стаканъ меду сладкаго,
А самъ говорилъ таково слово:
«Услышалъ во утробѣ нелюбко добрѣ!
«А и ты съѣла меня, кума крестовая,
«Малютина дочь Скурлатова;
«А знаючи мнѣ съ зельемъ стаканъ подала;
«Съѣла ты меня, змѣя подколодная!»
Голова съ плечъ покатилася,
Онъ и тутъ Скопинъ скоро съ пиру пошелъ,
Онъ садился Скопинъ на добра коня,
Побѣжалъ къ родимой матушкѣ;
А только успѣлъ съ нею проститися,
А матушка ему пенять стала:
«Гой еси, мое чадо милое,
«Скопинъ князь Михайло Васильевичъ!
«Я тебѣ приказывала,
«Не велѣла ѣздить ко князю Воротынскому;
«А и ты меня не послушался;
«Лишила тебя свѣту бѣлаго
«Кума твоя крестовая,
«Малютина дочь Скурлатова.»
Онъ къ вечеру Скопинъ и преставился.

(¹) См. ст. 114-ю. «23 Апрѣля князь Дмитрій Шуйскій давалъ обѣдъ Скопину. Бесѣдовали дружественно и весело. Жена Дмитріева, княгиня Екатерина, дочь того, кто жилъ смертоубійствами, Малюты Скуратова (см. ст. 78 прим. 2), явилась съ часкою и чашею предъ гостемъ знаменитымъ: Михаилъ выпилъ чашу.... и былъ принесенъ въ домъ, исходя кровію, безпрестанно лившеюся изъ носа; успѣлъ только исполнить долгъ христіанина и предалъ свою душу Богу.» *Карамзинъ.*

116. Сказаніе о бѣдахъ и скорбяхъ и напас
(1610—1612 г.)

Однажды люди всѣхъ чиновъ собрались къ патріарху Гер на совѣтъ и говорили: «Не хотимъ этого царя Васил на царствѣ; (¹) пошли къ Польскому королю Сигизмунду, чтоб намъ на царство сына своего Владислава. Патріархъ долго рявалъ ихъ, что и прежде много напасти было отъ Пол людей, когда приходили съ Гришкою Отрепьевымъ; (²) а чего еще надѣетесь? только конечнаго разоренія царству и или нельзя вамъ избрать на царство изъ князей Русскихъ? и бояре отвѣчали ему: «не хотимъ своего брата служаться ные люди царя изъ Русскихъ не боятся и не служатъ ему.» патріархъ, посовѣтовавшись съ боярами и съ народомъ, отп пословъ къ королю Польскому, чтобъ далъ имъ сына свое царство, и чтобъ королевичъ крестился по закону Греческом поганый король умыслилъ лесть и сказалъ: «какъ мнѣ вам рить? у васъ царь сидитъ на царствѣ, а просите у меня сы его на царство; если приведете царя вашего съ братьями то я дамъ вамъ сына моего.» Тогда собрались нѣкоторые от ярскаго рода, измѣнники и нарушители христіанству, любящ ганскіе обычаи и законы; (³) устремились они въ палаты къ исторгли у него изъ рукъ посохъ царскій, свели съ царства стригли и свезли съ братьями къ королю подъ Смоленскъ. Когда услышалъ король, что цѣловали крестъ сыну его въ сквѣ и на Руси, то поганый умыслилъ такой отвѣтъ послан скимъ: «Что вы ко мнѣ пришли за сыномъ? какъ мнѣ вам дать? Вы одного своего царя убили, другаго теперь ко мнѣ плѣнника привели: что же сдѣлаете съ моимъ сыномъ? онъ не единовѣрецъ, не Русскій родомъ; вы съ нимъ еще хуже лаете что-нибудь; но если вся Русь цѣлуетъ крестъ мнѣ, кор то дамъ вамъ сына моего на царство.» И послалъ гетмана Жолкѣвскаго, на Московское государство, со многими людьми казавши ему привести всѣхъ людей къ крестному цѣлованію его королевское имя; но въ Москвѣ люди этого не захотѣли сказали: «не цѣлуемъ креста королю Польскому.» И сбылось царствующемъ градѣ Москвѣ то же, что и на Іерусалимѣ, ко рый былъ плѣненъ въ самый праздникъ пасхи Антіохомъ. Услы объ этомъ нѣкоторые православные на Низу; (⁴) начальником нихъ былъ нѣкто отъ простыхъ людей, но теплый вѣрою и [illegible] по христіанствѣ, именемъ Козьма Мининъ. Собра [illegible] имѣнія по городамъ на людяхъ, онъ нанялъ войско [illegible] го князю Дмитрію Пожарскому, и самъ съ нимъ [illegible] поганые Польскіе люди на князя Дмитрія Пожарскаго

и гнать, то дьяволъ вложилъ древнюю гордость въ князя Дмит- Трубецкаго: не вышелъ онъ на помощь брату своему, потому самъ себя считалъ выше: «я осадилъ городъ», говорилъ онъ. а христолюбецъ Козьма пришелъ въ полкъ князя Трубецкаго и лъ со слезами молить разныхъ людей о любви, да помогутъ ъ другу, обѣщая имъ большіе дары. Въ этотъ часъ воздвиже- поднялся у нихъ голосъ, всѣ какъ львы заревѣли и пошли ные и пѣшіе на поганыхъ.

Василій — Іоанновичъ Шуйскій, царствовавшій отъ 1606 до 1610 г. (²) ›ньевъ — см. ст. 112. (³) Захарій Ляпуновъ, Голицынъ, Воротынскій и другіе. (⁴) Польскій король въ это время осаждалъ Смоленскъ. (⁵) *На Низу* — въ Нижнемъ городѣ.

117. Польскій гарнизонъ въ Москвѣ. (¹)

(Разсказъ иностранца современника.)

(1611 г.)

25 Января Московскіе обыватели жаловались намѣстнику Вла- слава (²) Гонсѣвскому, что Поляки притѣсняютъ народъ, не ува- ютъ Русскаго богослуженія, ругаются надъ св. иконами, даже рѣляютъ въ нихъ изъ ружей; что Русскимъ и въ домахъ нѣтъ зопасности; казна государственная расхищена, и непомѣрныя суммы ыдаются на содержаніе 6000 воиновъ, а царь Владиславъ не являет- , и что король, вопреки обѣщанію, до сихъ поръ не соглаша- сь прислать своего сына, обнаруживаетъ намѣреніе только разо- ить въ конецъ Русскую землю. Въ заключеніе же недовольные елѣли сказать наотрѣзъ намѣстнику и всѣмъ его ротмистрамъ, (³) чтобы они позаботились о скорѣйшемъ прибытіи королевича; въ противномъ случаѣ убрались бы сами туда, откуда пришли: иначе мъ укажутъ дорогу.—Для такой невѣсты, говорили Москвитяне, какова Россія, мы скоро найдемъ и другаго жениха.

Панъ Гонсѣвскій ласково принялъ жалобу и просилъ Москвитянъ быть покойными, особенно же не замышлять ничего вреднаго, къ собственному несчастію: ибо, говорилъ намѣстникъ, его величе- ство такъ озабоченъ разными дѣлами въ своемъ государствѣ, что не имѣетъ никакого средства ввести въ Россію своего сына съ приличнымъ царскому сану достоинствомъ; притомъ же король хочетъ непремѣнно овладѣть Смоленскомъ, искони принадлежав- шимъ Польской коронѣ, (⁴) чтобы въ послѣдствіи не имѣть объ немъ спора съ собственнымъ сыномъ. Впрочемъ, Гонсѣвскій обѣ- щалъ немедленно просить Сигизмунда о скорѣйшемъ пріѣздѣ избраннаго Русскими государя и далъ слово строго наказывать Поляковъ, которые станутъ нарушать спокойствіе столицы.

Народъ, узнавъ о столь добромъ намѣреніи Гонсѣвскаго, в часъ приступилъ къ нему съ просьбою явить примѣрный судъ пьянымъ Польскимъ дворяниномъ, выстрѣлившимъ въ образъ Б матери, соглашаясь забыть о прочихъ своихъ обидахъ. Двор был взятъ немедленно и осужденъ на смерть. Близъ Срѣтенс воротъ, гдѣ находилась эта икона, ему отсѣкли обѣ руки в вѣсили ихъ подъ образомъ; а самого виновника вывели за гор и сожгли. При семъ случаѣ панъ Гонсѣвскій обнародовалъ явленіе, что скоро прибудетъ царь Владиславъ; что Москви должны молиться о здравіи его величества; что государь пове строжайшимъ образомъ наблюдать за правосудіемъ, наказывать с вольство, охранять гражданъ и святыню ихъ, и что казнь вин го дворянина служитъ яснымъ доказательствомъ попеченій Вл слава о благѣ и спокойствіи Россіи:

Москвитяне казались довольными; но Поляки, испытавъ на ихъ вѣроломство, не дремали: разставили при всѣхъ воро сильную стражу въ полномъ вооруженіи, запретили Русск имѣть при себѣ что-либо смертоносное; обыскивали всѣ возы ѣзжавшіе въ городъ, опасаясь, нѣтъ ли въ нихъ оружія. Есл Москвитяне изъявляли досаду, Поляки говорили имъ: «Осторожн не мѣшаетъ: насъ горсть, а васъ тысячи; мы не думаемъ нич дурнаго, вы же, Москвитяне, насъ не любите. Не хотимъ съ ва ссориться: этого требуетъ государь нашъ; только вы будьте с койны.» Не взирая на убѣжденія, Москвитяне весьма негод на Поляковъ.—Уже и теперь, говорили они, нѣтъ намъ воли же будетъ, когда наберется и болѣе этихъ лысыхъ головъ? По му видно, они хотятъ быть нашими господами. Но мы ихъ п учимъ! Мы выбрали царемъ Поляка, только не для того, что каждый безмозглый Ляхъ здѣсь поднималъ носъ; мы не думали казываться и отъ своего права. Старая собака король не хот отпустить своего щенка: теперь оба они могутъ навѣки остат во-свояcяхъ,—не хотимъ Владислава. А эти глаголи пусть добр отсюда уберутся, не то переколотимъ ихъ какъ псовъ. Насъ въ семьсотъ тысячъ; если на что рѣшимся, постоимъ за себя.

Злоба народа безпрестанно увеличивалась. Москвитяне насмѣ лись надъ стражею Гонсѣвскаго и нерѣдко поносили Поляко приходившихъ на рынокъ за покупками.—Эй, пучки! кричали смѣшники:—долго ли вамъ здѣсь пировать? Видно, придется соб камъ потѣшиться надъ плѣшивыми головами, когда не хотите д ромъ оставить нашего города!—За все, что ни покупали, Поля должны были платить вдвое дороже противъ Русскихъ, или вращались съ рынка домой съ пустыми руками. Благоразумн Поляки, видя всеобщую ненависть, старались удерживать своих пылкихъ товарищей.—Смѣйтесь, какъ хотите, говорили они Русским —для насъ все равно: мы не будемъ зачинщиками; но берегитесь: [illegible]сь бы вамъ раскаяваться!—и уходили домой, осмѣянные.

Февраля Польскіе дворяне велѣли своимъ служителямъ купить на рынкѣ, за Московскою дорогою. Одинъ изъ Поляковъ, гивъ, сколько платили Русскіе, приказалъ отмѣрить нѣсколько ъ и хотѣлъ заплатить за нихъ по одному флорину, такъ же, платили и другіе. Московскій торгашъ, недовольный этою ою, требовалъ съ него за каждую бочку 2 флорина.—Ей, ты... каль! ... закричалъ слуга—какъ смѣешь ты грабить насъ? Развы не одному царю служимъ?—«Коли не хочешь дать за бочку два флорина, возразилъ Москвитянинъ, возьми свои деньги и й мнѣ овесъ. Полякамъ не покупать его дешевле. Убирайся черту!» Полякъ выхватилъ саблю съ намѣреніемъ проучить Моля, какъ вдругъ сбѣжалось человѣкъ 40 или 50, вооруженныхъ кольемъ; въ минуту собралось такое множество народа, что льская стража, находившаяся у Водяныхъ воротъ, должна была ибыть на мѣсто драки. Слуги же, покупавшіе овесъ, искали спаіія въ бѣгствѣ и, преслѣдуемые Москвитянами, просили пощи у своихъ единоземцевъ, объявивъ имъ, что трое изъ тоэищей ихъ убиты народомъ единственно за несогласіе платить зое болѣе Русскихъ. Тутъ 12 Польскихъ воиновъ ударили на огія сотни Москвитянъ, убили человѣкъ 15, а прочихъ разогнали.

Какъ скоро узнали объ этой дракѣ жители предмѣстья и Бѣлаго рода, со всѣхъ сторонъ набѣжало такое множество Москвитянъ, эдовольныхъ Поляками, что дѣло едва не кончилось всеобщимъ унтомъ. Благоразуміе намѣстника отвратило бѣдствіе. Онъ самъ вился среди народа и сказалъ: «Москвитяне! Вы считаете себя аилучшими христіанами въ мірѣ; но боитесь ли вы Бога, когда аждете крови и помышляете только о вѣроломствѣ и измѣнѣ? Или ы думаете, что Богъ васъ не накажетъ? Нѣтъ! вы испытаете всю яжесть Его десницы. Умертвивъ не одного изъ собственныхъ царей, зы избрали наконецъ государемъ нашего королевича; но едва присягнули ему въ вѣрности, вы уже стали поносить его только за то, что онъ не можетъ сюда пріѣхать такъ скоро, какъ вамъ хотѣлось бы; называете отца его старою собакою, а его самого—щенкомъ, забывъ, что Богъ избралъ ихъ своими намѣстниками. Вы сами нарушаете клятву, не признавая царемъ своего законнаго государя; а насъ, его подданныхъ, пріѣхавшихъ сюда по вашему приглашенію, предаете смерти! Или не помните, что мы спасли васъ отъ злодѣя Дмитрія? (5) Не повинуясь царю, вы раздражаете Бога, который шутить не любитъ. Не хвалитесь силою и многочисленностію: конечно, шести тысячамъ трудно устоять противъ семи-сотъ тысячъ; но побѣда зависитъ не отъ числа, а отъ Бога: и горстію людей Онъ можетъ истребить несчетныя полчища. Что побуждаетъ васъ къ бунту? Развѣ мы служимъ не тому же государю, которому и вы присягнули? Если же вы хотите кровопролитія; то будьте увѣрены, что Богъ насъ не оставитъ: мы постоимъ за правое дѣло!»

— Полно врать! закричали изъ толпы: — безъ ружей и дуби побьемъ васъ колпаками!

— Нѣтъ, братцы, продолжалъ намѣстникъ: — колпаками и съ ми не управитесь: и онѣ васъ утомятъ; чего же не сдѣлаютъ героевъ? Прошу васъ, умоляю, будьте смирны и покойны!

— Ну, такъ убирайтесь отсюда и очистите нашъ городъ! ска Москвитяне.

— Этого не дозволяетъ намъ присяга, возразилъ намѣстникъ: - сударь не за тѣмъ прислалъ насъ, чтобы мы тотчасъ разб лись по вашему требованію: мы должны ожидать его пріѣзда.

— Такъ не долго вамъ оставаться въ живыхъ! воскликнулъ нар

— Это зависитъ не отъ васъ, а отъ Бога. Если вы начнете сс да не съумѣете кончить ее, тогда помилуй Богъ женъ и д вашихъ! Я довольно вразумлялъ васъ; повторяю: будьте покой а не то вы пропали. Съ нами Богъ! — Сказавъ это, намѣсти возвратился въ замокъ; а Москвитяне разошлись по домамъ, си вая въ душѣ злые умыслы.

(¹) См. ст. 116-ю (²) *Владиславъ* — Польскій королевичъ, избранный Рус въ цари. (³) *Ротмистръ* — начальникъ коннаго отряда (⁴) *Смоленскъ* искони прина жалъ Россіи. См. ст. 7 -ю. (⁵) *Дмитрій* — второй Лжедимитрій Тушинскій и См. ст. 113-ю.

118. ПРОКОПІЙ ПЕТРОВИЧЪ ЛЯПУНОВЪ.

(Изъ народной былины.)

(1611 г.)

Какъ было-то у насъ на святой Руси,
На святой Руси, въ каменной Москвѣ,
Было время военное, времечко мятежное:
Заполонила-то Москву погана Литва,
Погана Литва, проклята Польска сторона. (¹)
Ужъ одинъ-то бояринъ, думный воеводушка, крѣпко вѣру защищалъ,
Крѣпко вѣру защищалъ, измѣнниковъ отгонялъ;
Ужъ какъ думный воевода былъ Прокофій Ляпуновъ.
Какъ Прокофій-то Петровичъ разослалъ своихъ гонцевъ,
Какъ Прокофій Ляпуновъ роздалъ письма гонцамъ,
Роздалъ письма гонцамъ и приказъ имъ приказалъ:
«Поѣзжайте вы, гонцы, на всѣ Русскіе концы,
«На всѣ Русскіе концы, во большіе города;
«Вы просите воеводъ идти съ войскомъ сюда,
«Свободить городъ Москву, защищать вѣру Христа.»
Какъ узналъ-то Жигимонтъ (²) отъ своихъ измѣнниковъ бояръ,

разослалъ-то Ляпуновъ гонцевъ въ города,
...съ въ города, просить воеводъ съ войскомъ сюда,—
...ердился; распалился нечестивый Жигимонтъ;
...палившись, велѣлъ воеводушку убить,
...о ли воеводушку Прокофья Ляпунова.
убили злы измѣнники воеводушку. (³)

(¹) См. ст. 117-ю. (²) *Жигимонтъ* — Сигизмундъ, король Польскій. (³) Польскій ...ъ Гонсѣвскій, желая погубить предводителя земскаго ополченія Ляпунова, ...исалъ отъ его имени грамоты, въ которыхъ между прочимъ было сказано: ...ъ поймаютъ казака, бить и топить; а когда Богъ дастъ государство Москов...е успокоится, то мы весь этотъ злой народъ истребимъ.» Обманутые казаки ...или Ляпунова.

119. КОЗЬМА МИНИНЪ НА НИЖЕГОРОДСКОЙ ПЛОЩАДИ.

(1611 г.)

Темноголубыя небеса становились часъ отъ часу прозрачнѣе и ...ѣлѣе; величественная Волга подернулась туманомъ; востокъ за...ылалъ, и первый лучъ восходящаго солнца, осыпавъ искрами по...лащенныя главы соборныхъ храмовъ, возвѣстилъ наступленіе не...абвеннаго дня,—дня, въ который раздался и прогремѣлъ по всей ...емлѣ Русской первый общій кликъ: «умремъ за вѣру православную ...и святую Русь!»

Солнце взошло, но тишина и молчаніе царствовали еще по...всюду. Вдругъ прозвучалъ на соборной колокольнѣ первый ударъ ...колокола, за нимъ другой, вотъ третій. . . все чаще, все сильнѣе. . . призывный гулъ промчался по всей окрестности, и все ожило въ Нижнемъ Новгородѣ.

Какъ бурное море, шумѣлъ и волновался народъ на городской площади; бояре и простолюдины, именитые граждане и люди ратные,—всѣ тѣснились вокругъ лобнаго мѣста; на всѣхъ лицахъ изображалось нетерпѣливое ожиданіе. Вдругъ народъ зашумѣлъ болѣе прежняго, раздались громкія восклицанія: «Вотъ Козьма Мининъ! Глядите, вонъ онъ!» и человѣкъ среднихъ лѣтъ, весьма просто одѣтый, но осанистый и видный собою, взошелъ на лобное мѣсто. Оборотясь къ соборнымъ храмамъ, онъ трижды сотворилъ крестное знаменіе, поклонился на всѣ четыре стороны, и, по мановенію руки его, утихло все вокругъ лобнаго мѣста; мало по малу молчаніе стало распространяться по всей площади, шумъ отдалялся, глухой говоръ безчисленнаго народа становился все тише, тише, и чрезъ нѣсколько минутъ лишенный зрѣнія могъ бы подумать, что городская площадь совершенно опустѣла.

«И дай, Господи, здоровъ былъ православный царь.
«Князь великій Михаилъ Ѳедоровичъ!
«А ему сдержати царство Московское
«И вся земля свято-русская.»

(¹) Митрополитъ *Филаретъ Никитичъ,* отецъ Михаила Ѳедоровича, в... ный потомъ въ санъ патріарха, былъ въ плѣну у Поляковъ. (²) *М. Б. Ш...* воевода въ Смоленскѣ, взятый въ плѣнъ Поляками. (³) *Дай-споди* — дай, Го...

123. Рѣчь Русскаго депутата на Польскомъ сеймѣ. (¹)

(1620 г.)

Въ войнѣ Турецкой ваше королевское величество (²) едва л... большую часть ратныхъ людей потребуете отъ народа Русс... Греческой вѣры, того народа, который если не будетъ удовле... ренъ въ своихъ нуждахъ и просьбахъ, то можетъ ли постав... грудь свою оплотомъ державы вашей? Какъ можетъ онъ старать... о доставленіи отечеству вѣчнаго мира, когда дома не имѣетъ в... тренняго спокойствія? Каждый видитъ ясно, какія великія прит... ненія терпитъ этотъ древній Русскій народъ относительно св... вѣры. Уже въ большихъ городахъ церкви запечатаны, имѣнія це... ковныя расхищены; въ монастыряхъ нѣтъ монаховъ, тамъ ско... запираютъ; дѣти безъ крещенія умираютъ; тѣла умершихъ бе... церковнаго обряда изъ городовъ, какъ падаль, вывозятъ; мужья... женами живутъ безъ брачнаго благословенія; народъ умираетъ бе... исповѣди, безъ пріобщенія. Неужели это не самому Богу обида... неужели Богъ не будетъ за это мстителемъ? Не говоря о други... городахъ, скажу, что во Львовѣ дѣлается: кто не уніатъ, (³) то... въ городѣ жить, торговать и въ ремесленные цехи (⁴) прини... быть не можетъ; мертвое тѣло погребать, къ больному съ Тайнами Христовыми открыто идти нельзя. Въ Вильнѣ, когда хотятъ по... гребсти тѣло благочестиваго Русскаго, то должны вывозить его в... тѣ ворота, въ которыя одну нечистоту городскую вывозятъ. Монаховъ православныхъ ловятъ на вольной дорогѣ, бьютъ и въ тюрьмы сажаютъ. Въ чины гражданскіе людей достойныхъ и ученыхъ не производятъ потому только, что не уніаты; простаками и невѣжами, изъ которыхъ иной не знаетъ, что такое правосудіе, мѣста наполняютъ въ поношеніе странѣ Русской. Деньги у невинныхъ православныхъ безъ всякой причины исторгаютъ. Главная причина зла заключается въ томъ, что ваше королевское величество изволите назначать на высшіе саны духовные людей, не зная ихъ происхожденія. Кто не знаетъ, что теперь епископомъ Полоц-

ъ сынъ сапожника, сдѣлавшій себѣ шляхетскую (⁵) памятію Кун-
ичъ? (⁶) Перемышльскій владыка Шишка сынъ пастуха, и те-
ръ родной его дядя въ холопахъ у Кіевскаго воеводы; и Влади-
ірскій владыка сынъ Львовской мѣщанки Стецковой; Холмской
адыка Покость сынъ Виленскаго купца, обвиненный въ покражѣ
ина, такъ что если-бъ не спасъ его монашескій клобукъ, то давно
лъ бы на висѣлицѣ. Такая-то польза отъ уніи, что въ двадцать
тъ не могутъ уніаты доставить кого-нибудь изъ природнаго шля-
тства въ епископы! Вотъ и теперь дали намъ въ Луцкъ По-
повскаго, правда, шляхтича, но по лѣтамъ недостойнаго не
лько епископскаго, даже и дьяконскаго сана: не можемъ назы-
ть его отцемъ, потому что и двадцати лѣтъ ему нѣтъ. Все это
еустройство происходитъ отъ того, что принимаютъ посвященіе
е отъ законнаго пастыря; отступили они отъ патріарха Констан-
инопольскаго, которому искони въ этомъ государствѣ власть при-
адлежала. Уже двадцать лѣтъ на каждомъ сеймикѣ, (⁷) на каж-
омъ сеймѣ горькими слезами молимъ, но вымолить не можемъ,
тобъ оставили насъ при правахъ и вольностяхъ нашихъ. Если и
еперь желаніе наше не исполнится, то будемъ принуждены съ
ророкомъ возопить: «суди ми, Боже, и разсуди прю мою!»

(¹) *Сеймъ* — см. ст. 97 прим. 6. (²) *Королевское величество*—Польскій король,
къ которому обращена рѣчь. (³) *Уніатъ* — отдѣлившійся отъ православной
церкви и признавшій главенство Римскаго папы. (⁴) *Цехъ*—общество—ремеслен-
никовъ, занимающихся одинаковымъ ремесломъ. (⁵) *Шляхетскій*—дворянскій.
(⁶) *Кунцевичъ*—уніатскій епископъ въ Полоцкой епархіи, отличавшійся особенною
ревностію въ распространеніи уніи между православными. Онъ былъ убитъ жите-
лями Витебска за то, что православныя ихъ церкви насильственно обращалъ въ
уніатскія. (⁷) *Сеймикъ*—малый, провинціальный сеймъ.

124. КАЗНЬ ОСТАПА И ПОМИНКИ ПО НЕМЪ.

Плѣнные казаки шли съ открытыми головами, съ длинными чу-
бами; бороды у нихъ были отпущены. Они шли ни боязливо, ни
угрюмо, но съ какою-то тихою горделивостію; ихъ платья изъ до-
рогаго сукна износились и болтались на нихъ ветхими лоскутья-
ми; они не глядѣли и не кланялись народу. Впереди всѣхъ шелъ
Остапъ.

Что почувствовалъ старый Тарасъ, (¹) когда увидѣлъ своего Оста-
па? Что было тогда въ его сердцѣ! Онъ глядѣлъ на него изъ тол-
пы и не проронилъ ни одного движенія его. Они приблизились
уже къ лобному мѣсту. Остапъ остановился. Ему первому прихо-
дилось выпить эту тяжелую чашу. Онъ глянулъ на своихъ, под-
нялъ руку вверхъ и произнесъ громко: «дай же, Боже, чтобы всѣ

какіе тутъ ни стоятъ еретики, не услышали, нечестивые, как чится христіянинъ! чтобы ни одинъ изъ насъ не промолвил одного слова!» Послѣ этого онъ приблизился къ эшафоту.

— Добре, сынку, добре! сказалъ тихо Бульба и уставил землю свою сѣдую голову.

Палачъ сдернулъ съ него ветхія лохмотья; ему увязали ру ноги въ нарочно сдѣланные станки, и.... Не будемъ смущать тателей картиною адскихъ мукъ, отъ которыхъ дыбомъ подня бы ихъ волосы. Онѣ были порожденіе тогдашняго грубаго, сви паго вѣка, когда человѣкъ велъ еще кровавую жизнь однихъ во скихъ подвиговъ и закалился въ ней душою, не чуя человѣ ства.... Остапъ выносилъ терзанія и пытки, какъ исполинъ. крика, ни стона не было слышно даже тогда, когда стали пере вать ему на рукахъ и ногахъ кости, когда ужасный хряскъ и послышался среди мертвой толпы отдаленными зрителями, ко панянки отворотили глаза свои,—ничто похожее на стонъ не выр лось изъ устъ его, не дрогнулось лице его. Тарасъ стоялъ толпѣ, потупивъ голову и въ то же время гордо приподнявъ оч одобрительно только говорилъ: «добре, сынку, добре!»

Но когда подвели его къ послѣднимъ смертнымъ мукамъ, каз лось, какъ будто стала подаваться его сила. И повелъ онъ оча вокругъ себя. Боже! все невѣдомыя, все чужія лица. Хоть бы кт нибудь изъ близкихъ присутствовалъ при его смерти! Онъ не хо тѣлъ бы слышать рыданій и сокрушенія слабой матери, или бе зумныхъ воплей супруги, исторгающей волосы и біющей себя в бѣлыя груди; хотѣлъ бы онъ теперь увидѣть твердаго мужа, кото рый бы разумнымъ словомъ освѣжилъ его и утѣшилъ при конч нѣ. И упалъ онъ силою и воскликнулъ въ душевной немощ «батько! гдѣ ты? слышишь ли ты все?»

— Слышу! раздалось среди всеобщей тишины, и весь милліонъ народа въ одно время вздрогнулъ. Часть военныхъ всадниковъ бросилась заботливо разсматривать толпы народа... но Тараса уже не было: его и слѣдъ простылъ.....

А что же Тарасъ? А Тарасъ гулялъ по всей Польшѣ съ своимъ полкомъ, выжегъ восьмнадцать мѣстечекъ, ([2]) близъ сорока костеловъ, ([3]) и уже доходилъ до Кракова. Много избилъ онъ всякой шляхты, ([4]) разграбилъ богатѣйшіе и лучшіе замки; распечатали и поразливали по землѣ казаки вѣковые меды и вина, сохранно сберегавшіеся въ панскихъ погребахъ; изрубили и пережгли дорогія сукна, одежды и утвари, находимыя въ кладовыхъ. — Ничего не [illegible] повторилъ только Тарасъ. Не уважили казаки чернобро[illegible] бѣлогрудыхъ, свѣтлоликихъ дѣвицъ; у самыхъ ал[illegible] спастись онѣ: зажигалъ ихъ Тарасъ вмѣстѣ съ [illegible] бѣлоснѣжныя руки подымались изъ огненнаго

іени къ небесамъ, сопровождаемыя жалкими криками, отъ коихъ бы подвигнулась сама сырая земля, и степная трава пола бы отъ жалости долу. Но не внимали ничему жестокіе ка и, поднимая копьями съ улицъ младенцевъ ихъ, кидали къ ъ же въ пламя.—Это вамъ, вражьи Ляхи, поминки по Остапѣ! говаривалъ только Тарасъ. И такія поминки по Остапѣ отпралъ онъ въ каждомъ селеніи, пока Польское правительство не дѣло, что поступки Тараса были побольше, чѣмъ обыкновенное бойничество, и Потоцкому (⁵) поручено было съ пятью полкапоймать непремѣнно Тараса.

Шесть дней уходили казаки проселочными дорогами отъ всѣхъ эслѣдованій; едва выносили кони необыкновенное бѣгство и сали казаковъ. Но Потоцкій на сей разъ былъ достоинъ возлоннаго порученія: неутомимо преслѣдовалъ онъ ихъ и настигъ берегу Днѣстра, гдѣ Бульба занялъ для роздыха оставленную звалившуюся крѣпость.

Надъ самой кручей у Днѣстра рѣки виднѣлась она своимъ обованнымъ валомъ и своими развалившимися остатками стѣнъ. Щебнемъ и разбитымъ кирпичемъ усѣяна была верхушка утеса, говая всякую минуту сорваться и слетѣть внизъ. Тутъ-то, съ ухъ сторонъ, прилежащихъ къ полю, обступилъ его коронный этманъ Потоцкій. Четыре дня бились и боролись казаки, отбиваь кирпичами и каменьями. Но истощились запасы и силы, рѣился Тарасъ пробиться сквозь ряды. И пробились было уже азаки, и, можетъ быть, еще разъ послужили бы имъ вѣрно быгрые кони, какъ вдругъ, среди самаго бѣгу, остановился Тарасъ вскрикнулъ: «стой! выпала люлька съ табакомъ; (⁶) не хочу, тобы и люлька досталась вражьимъ Ляхамъ!» И нагнулся старый таманъ и сталъ отыскивать въ травѣ свою люльку съ табакомъ, неотлучную сопутницу на моряхъ и на сушѣ, и въ походахъ, и дома. А тѣмъ временемъ набѣжала вдругъ ватага и схватила его подъ могучія плечи. Двинулся было онъ всѣми членами, но уже не посыпались на землю, какъ бывало прежде, схватившіе его гайдуки. (⁷)—Эхъ, старость, старость! сказалъ онъ, и заплакалъ небелый старый казакъ. Но не старость была виною: сила одолѣла силу. Чуть не тридцать человѣкъ повисло у него по рукамъ и по ногамъ. — Попалась, ворона! кричали Ляхи. — Теперь нужно только придумать, какую бы ему, собакѣ, лучшую честь воздать. И присудили, съ гетманскаго разрѣшенья, сжечь его живаго въ виду всѣхъ. Тутъ же стояло голое дерево, вершину котораго разбило громомъ. Притянули его желѣзными цѣпями къ древесному стволу, гвоздемъ прибивши ему руки и приподнявъ его повыше, чтобы отвсюду былъ видѣнъ казакъ, и принялись тутъ же раскладывать подъ деревомъ костеръ. Но не на костеръ глядѣлъ Тарасъ; не объ огнѣ онъ думалъ, которымъ соби

лись жечь его: глядѣлъ онъ, сердечный, въ ту сторону, гдѣ от
ливались казаки; ему съ высоты все было видно, какъ на
ни.—Занимайте, хлопцы, занимайте скорѣе, кричалъ онъ, гор
за лѣсомъ: туда не подступятъ они!—Но вѣтеръ не донесъ его с

— Вотъ пропадутъ, пропадутъ ни за что, говорилъ онъ от
но и взглянулъ внизъ, гдѣ сверкалъ Днѣстръ. Радость блес
въ очахъ его. Онъ увидѣлъ выдвинувшіяся изъ-за кустарника
тыре кормы, собралъ всю силу голоса и звучно закричалъ:
берегу, къ берегу, хлопцы! спускайтесь подгорной дорожкой,
налѣво. У берега стоятъ челны; всѣ забирайте, чтобы не б
погони.»

На этотъ разъ вѣтеръ дунулъ съ другой стороны, и всѣ с
были услышаны казаками. Но за такой совѣтъ достался ему г
же ударъ обухомъ по головѣ, который переворотилъ все въ г
захъ его.

Пустились казаки во всю прыть подгорной дорожкой, а у
погоня за плечами. Видятъ: путается и загибается дорожка и м
го даетъ въ сторону извивовъ.

— А, товарищи! ни куда пошло! сказали всѣ; остановились
мигъ, подняли свои нагайки, свиснули, и Татарскіе ихъ кони,
дѣлившись отъ земли, распластавшись въ воздухѣ, какъ змѣ
перелетѣли черезъ пропасть и бултыхнули прямо въ Днѣстр
Двое только не попали въ рѣку, грянулись съ вышины объ к
менья и пропали тамъ на-вѣки съ конями, даже не успѣвши изда
крику. А казаки уже плыли съ конями въ рѣкѣ и отвязыва
челны. Остановились Ляхи надъ пропастью, дивясь неслыханно
казацкому дѣлу и думая, прыгать ли имъ, или нѣтъ. Одинъ мол
дой полковникъ, живая горячая кровь, не подумалъ долго и бр
сился со всѣхъ силъ съ конемъ за казаками. Перевернулся тр
раза въ воздухѣ съ конемъ своимъ и прямо грянулся на остр
утесы. Въ куски изорвали его острые камни, пропавшаго сред
пропасти, и мозгъ его, смѣшавшись съ кровью, обрызгалъ росш
по неровнымъ стѣнамъ провала кусты.

Когда очнулся Тарасъ Бульба отъ удара и глянулъ на Днѣстр,
уже казаки были на челнахъ и гребли веслами; пули сыпались на
нихъ сверху, но не доставали. И вспыхнули радостныя очи у ста-
раго отамана.

— Прощайте, товарищи! кричалъ онъ имъ сверху:—вспоминай-
те меня и будущей же весной прибывайте сюда вновь, да хоро-
[illegible] погуляйте! Что взяли, чертовы Ляхи? Думаете: есть что-
[illegible] свѣтѣ, чего бы побоялся казакъ? Постойте же: придетъ
[illegible] время,—узнаете вы, что такое православная Русская
[illegible] теперь чуютъ дальніе и близкіе народы: подымется

Русской земли свой царь, и не будетъ въ мірѣ силы, которая не покорилась ему!... А уже огонь подымался надъ костромъ, захватывалъ его ноги и разостлался пламенемъ по дереву... Да нѣ найдутся на свѣтѣ такіе огни и муки, и сила такая, которая пересилила Русскую силу!

) *Тарасъ*—Бульба, отецъ Остапа, казацкій полковникъ. ([2]) *Мѣстечко*—селеніе, ожее на небольшой городъ. ([3]) *Костелъ*—Римско-католическая церковь. ([4]) *иляхта*—низшее Польское дворянство. ([5]) *Потоцкій*—коронный гетманъ, т. е., вный начальникъ надъ казаками отъ Польскаго правительства. ([6]) *Люлька* — убка. ([7]) *Гайдукъ*—легко вооруженный воинъ.

125. Хмельницкій и Барабашъ. ([1])

(Малороссійская дума.)

(1647 г.)

Съ той поры - времени, какъ началась тревога на Украинѣ, икого не вызовется, чтобы дружно стать за вѣру христіанскую. Вызвались только Барабашъ, да Хмельницкій, да Климъ Бѣлоцерковскій. Пошли они къ королю, просили грамотъ, универсаловъ.

Король написалъ универсалы и подалъ въ руки самому Барабашу. А какъ взялъ Барабашъ грамоты, три года не давалъ знать казакамъ.

Догадался Хмельницкій: позвалъ его къ себѣ въ кумовья и сталъ угощать. А какъ разгулялся Барабашъ навеселѣ, сталъ ему говорить Хмельницкій: «полно тебѣ, панъ кумъ, королевскія грамоты держать,—дай мнѣ хоть прочитать!»

— На что тебѣ знать ихъ, панъ кумъ? подати мы не даемъ, въ войско Польское нейдемъ; не лучше ли намъ оставаться въ мирѣ съ вельможными панами Ляхами, чѣмъ идти луга топтать, да кормить комаровъ своимъ тѣломъ?

Какъ услышалъ это Хмельницкій, подавалъ ему еще лучшихъ напитковъ. Упился Барабашъ и повалился спать на кровать.

Тогда Хмѣльницкій отобралъ у него ключи, послалъ своего чуру ([2]) въ городъ Чигиринъ, велѣлъ подать ключи паньѣ Барабашевой и просить королевскихъ грамотъ.

Пріѣхалъ къ ней чура и говоритъ словами: «панья Барабашева! твой панъ остался у насъ гулять, а тебѣ велѣлъ достать королевскія грамоты.»

— Видно, моему пану больно встосковалось, что съ Хмельницкимъ гулять пожелалось. Поди, въ глухомъ концѣ подъ воротами возьми въ шкатулкѣ королевскія грамоты.

Отозвался тогда жидъ Аврамъ [у него былъ мелкій тов[аръ] только шпильки да иголки; ходилъ онъ съ ними за Днѣпро[мъ] обманывалъ казацкихъ женъ]: «эй, жиды-арендаторы! какъ под[уетъ] изъ Низу [т. е. изъ Запорожья] тихій вѣтеръ, погибнетъ вся в[аша] сторожа.»

Въ святой, Божій день, вторникъ гетманъ Хмельницкій, до [вос]хода солнца, высылалъ казаковъ въ походъ и говорилъ имъ: «казаки, дѣти, друзья! прошу васъ, постарайтесь: вставайте [со] сна, читайте Русскій *Отче нашъ*, приходите на славную Укра[йну], рубите жидовъ-арендаторовъ до остатка, мѣшайте въ полѣ съ же[л]тымъ пескомъ ихъ жидовскую кровь, не допустите ругаться на[д] своей христіанской вѣрой, жидовскаго шабашу (7) не уважайте.

Спохватились жиды-арендаторы и всѣ ушли въ городъ Поло[н]ное. Пришелъ Хмельницкій на славную Украйну и не засталъ [в] ней ни одного жида-арендатора. Онъ не возгордился, пошелъ [к] городу Полонному. Тамъ писалъ письма и посылалъ въ городъ, а въ письмахъ говорилъ: «эй, Полоняне, Полонянская громада! хорошо бы вы сдѣлали, когда-бъ жидовъ-арендаторовъ мнѣ выдали.»

На это Полоняне ему отвѣчали: «панъ гетманъ Хмельницкій! хоть ляжемъ трупами одинъ на другомъ, а жидовъ-арендаторовъ тебѣ не выдадимъ.»

Хмельницкій написалъ къ нимъ въ другой разъ: «эй, Полоняне, Полонянская громада! неразуменъ совѣтъ вашъ: есть у меня пушка Сирота, отворятся ваши желѣзныя широкія ворота.»

И вотъ въ святой, Божій день, четвертокъ всталъ Хмельницкій до восхода солнца, подошелъ ближе къ городу Полонному, поставилъ впереди пушку Сироту и послалъ Полонянамъ гостинецъ. Тогда жиды-арендаторы горькимъ воплемъ возопили: «Эй, Полоняне, Полонянская громада! сдѣлайте вы доброе дѣло: отворите ворота съ Польской стороны и выпустите насъ за рѣку Вислу хоть въ однихъ рубашкахъ. Будемъ мы жить за рѣкой Вислою, и когда будутъ у насъ дѣти, то станемъ ихъ учить добру, чтобъ они на казацкую Украйну даже не взглянули косо.»

И дана была тогда казакамъ въ городѣ Полонномъ воля на три часа съ половиною: «пейте, гуляйте и получите хорошую добычу отъ жидовъ-арендаторовъ!»

[illegible] въ городѣ Полонномъ пили, гуляли, отъ жидовъ-арендаторовъ добычу получили; потомъ пришли обратно на [illegible]ись въ кружекъ и дѣлили серебро, золото на три [illegible] часть на Сѣчевую Покрову и на Межигорскаго Спаса

и, другую на меду, да на хорошей водкѣ пропили, а третью у собой раздѣлили. Не одинъ казакъ тогда молилъ Бога о Хмельницкомъ, одѣваясь въ жидовскіе кафтаны.

Злотый — 15 коп. сер. (2) *Шестакъ* — 6 злотыхъ, 90 коп. сер. (3) *Муш*—ружье. (4) *Равъ*—раввинъ, Іудейскій учитель. (5) *Сеймъ*—см: ст. 97 прим. 6. *тманъ* — см. ст. 87 прим. 1. (7) *Шабашъ* — субботній день у Евреевъ, свой отъ работъ и занятій.

128. Походъ Хмельницкаго въ Молдавію. (1)

(Малороссійская дума.)

(1649 г.)

ъ низовья Днѣпра тихій вѣтеръ вѣетъ, повѣваетъ, казацкое ско въ походъ выступаетъ. Только Богъ Святый знаетъ, что ельницкій думаетъ-гадаетъ. Не знали о томъ ни сотники, ни енные атаманы, (2) ни полковники. Только Богъ Святый знаетъ, Хмельницкій думаетъ-гадаетъ.

Какъ подъѣхали къ Днѣстру, переправлялися черезъ три перевоза. ереди всѣхъ былъ самъ Хмельницкій. Какъ вступилъ онъ въ Хонъ, остановился въ домѣ у старшаго капитана, посылалъ письма Василью Молдавскому и говорилъ словами: «Какъ ты со мною дешь вѣдаться? будешь биться или будешь мириться? или пришь меня съ миромъ и отдашь половину славной Волощины?» (3)

Какъ услышалъ Василій Молдавскій, посылалъ письма къ Поцкому и говорилъ словами: «Гетманъ Потоцкій! женскій у тебя зумъ. Ты гоняешься за дорогими напитками и пирами. Что ты ейдешь на Хмельницкаго? Онъ ужъ началъ пахать землю конкими копытами, поливать Молдавскою кровью.

Тогда Ляхи бѣжали изъ города изъ Сочавы.

Какъ дали о томъ знать Василью Молдавскому, пріѣзжаетъ Василій Молдавскій въ Яссы, говоритъ словами: «Яссы вы мои, Іссы! очень вы были красны; а ужъ не быть вамъ такими, какъ придутъ казаки.»

Сдѣлалъ панъ Хмельницкій свое дѣло: навелъ страхъ на Польшу, побѣдилъ Волощину, взвеселилъ Гетманщину. (4)

Тогда была честь, слава, войсковая справа; сама себя на смѣхъ не давала, непріятеля подъ ноги топтала!

(1) Василій Липула, господарь Молдавскій, лишился престола. Богданъ Хмельницкій послалъ къ нему на помощь войско, подъ предводительствомъ сына своего Тимоѳея, который возвратилъ ему господарство и, полюбивъ его дочь Ирину, просилъ ея руки, но получилъ отказъ отъ Василія, желавшаго выдать ее, противъ ея воли, за Поляка Потоцкаго. Тогда Богданъ отправилъ въ Молдавію 30,000 казаковъ и Татаръ, а Липула обратился за помощью къ Полякамъ. Разбивъ Поляковъ, Тимоѳей женился наконецъ на Иринѣ. (2) См. ст. 88 прим. 1. (3 Валахія. (4) *Гетманщина*—Малороссійское казацкое войско.

120. Бѣлоцерковскій миръ и война съ Поляк

(Малороссійская дума.)

(1651 г.)

Хорошо ли нашъ гетманъ (¹) Хмельницкій поступилъ, что Ляхами, вельможными панами, въ Бѣлой церкви помирился? велѣлъ Ляхамъ, вельможнымъ панамъ, у казаковъ и мужиковъ ять постоемъ, только не велѣлъ имъ вымышлять большихъ ровъ. Вотъ и размѣстились Ляхи, вельможные паны, у казаковъ мужиковъ постоемъ и начали вымышлять большіе поборы. брали у нихъ ключи и сдѣлались въ ихъ домахъ господами. зяина Ляхъ на конюшню отсылаетъ, а самъ на подушкахъ чиваетъ.

Приходитъ казакъ или мужикъ съ конюшни, смотритъ въ и видитъ: Ляхъ, вельможный панъ, все еще на подушкахъ чиваетъ. Такъ онъ и послѣдній осьмакъ (²) въ кабакѣ съ тоски печали, пропиваетъ.

Встаетъ ото сна Ляхъ, вельможный панъ, идетъ по улицѣ какъ немытая свинья, настороживаетъ ухо; слушаетъ, не осуж ли его гдѣ-нибудь казакъ или мужикъ. Входитъ въ кабакъ, к жется ему, что казакъ привѣтствуетъ его стаканомъ меду или кой водки, а казакъ выливаетъ ему стаканъ въ глаза и споко приговариваетъ: «Эхъ вы, Ляхи, вельможные паны! пусть ужъ у насъ отобрали ключи и сдѣлались въ нашихъ домахъ господа но хоть бы въ нашу компанію не лѣзли.»

И собрались казаки на совѣтъ, какъ малыя дѣти; писали своихъ рукъ письма и посылали къ гетману Хмельницкому: «Па гетманъ Хмельницкій, отецъ нашъ, Зиновій Чигиринскій! За ты на насъ такъ разгнѣвался? для чего ты наслалъ на насъ так плѣненіе? Мы ужъ теперь ни въ чемъ не имѣемъ воли: Ляхи, вел можные паны, отобрали у насъ ключи и сдѣлались господами въ нашихъ домахъ.»

Читаетъ Хмельницкій письма и говоритъ: «Эй, казаки, дѣт друзья мои, голубчики! погодите вы немножко, обождите отъ По крова до свѣтлаго трехдневнаго Воскресенія. Дастъ Богъ, наст питъ красная весна, тогда вся наша голь пріодѣнется.»

Тогда панъ Хмельницкій выслалъ въ походъ казаковъ до восхо да солнца и говорилъ имъ: «Эхъ, казаки, дѣти, друзья мои! про шу васъ, постарайтесь: ступайте на славную Украйну, рубите Ля ховъ, вельможныхъ пановъ, до остатка, мѣшайте съ желтымъ пе скамъ ихъ Ляшскую кровь, не давайте имъ ругаться надъ святой христіанскою вѣрой.»

...хватились тогда Ляхи, вельможные паны, и всѣ разбѣжались ...амъ и кустарникамъ. Казакъ и въ лѣсъ бѣжитъ, а Ляхъ, и

за кустомъ, дрожитъ. Находитъ казакъ Ляха за кустомъ, его чеканомъ ([3]) въ спину и тихо приговариваетъ: «Эй вы, вельможные паны! полно вамъ за кустами валяться; пора идти почивать: уже наши жены и подушки приготовили, Ляховъ, вельможныхъ пановъ, поджидаючи.»

огда Ляхи казаковъ родными братьями называли: «Эй, казаки, ые братцы! сдѣлайте вы доброе дѣло: пустите насъ за Вислу хоть въ однихъ рубашкахъ.»

утъ Ляхамъ Богъ помогъ: на рѣкѣ Вислѣ ледъ обломалъ. То- казаки Ляховъ спасали: за волосы хватали, да еще дальше ь ледъ пихали и тихо приговаривали: «Эй вы, Ляхи, вельмож- паны! когда-то наши дѣды надъ этой рѣкой казаковали и въ свои скарбы ([4]) спрятали. Какъ найдете вы ихъ, то будемъ вами пополамъ дѣлиться, и тогда будемъ жить съ вами, какъ родными братьями. Ступайте! тутъ вамъ дорога одна—до самаго іаго дня.

([1]) *Гетманъ*—см. ст. 87 прим. 1. ([2]) *Осьмакъ*—8 злотыхъ, 1 р. 20 к. с. ([3]) *Че- къ*—металлическій молотъ, насаженный на топорище. ([4]) *Скарбъ*—всякая до- шняя рухлядь, пожитки.

130. Возсоединеніе Малороссіи.

(8 Января 1654 г.)

8-го Января 1654 г. гетманъ Богданъ Хмельницкій назна- илъ общую раду ([1]) въ Переяславлѣ. На разсвѣтѣ, въ седьмомъ асу утра, довбиши ([2]) ударили въ котлы; Переяславльская площадь ачала наполняться. Между тѣмъ у гетмана происходила тайная рада съ генеральнымъ старшиною. Гетманъ пригласилъ къ этому времени въ Переяславль всѣхъ полковыхъ старшинъ и много знат- нѣйшихъ казаковъ. По срединѣ толпы сдѣлано было просторное мѣсто. Въ одиннадцать часовъ гетманъ вышелъ на площадь, одѣ- тый парадно, прикрытый бунчукомъ; ([3]) за нимъ шла вся старши- на Украинская. Генеральный асаулъ приказалъ молчать; на- родъ на улицѣ, на крышахъ домовъ, слушалъ рѣчь своего пове- лителя.

— Панове полковники, асаулы, сотники, все войско Запорож- ское и всѣ православные христіане! говорилъ гетманъ. — Всѣмъ вамъ извѣстно, какъ насъ Богъ освободилъ изъ рукъ враговъ, преслѣдующихъ церковь Божію, озлобляющихъ все христіанство нашего восточнаго православія, хотящихъ искоренить насъ такъ, чтобъ и имя Русскаго не упоминалось въ землѣ нашей. ([4]) Всѣмъ намъ уже это стало несносно, и, видно, нельзя намъ жить болѣ безъ царя. Поэтому мы собрали сегодня раду, явную всему

ду, чтобъ вы съ нами избрали себѣ государя изъ четырехъ, к го захотите: первый—царь Турецкій, который много разъ пр вилъ насъ подъ свою власть черезъ своихъ пословъ; второй— Крымскій; третій—король Польскій, который и теперь можетъ нять насъ въ свою милость, если сами захотимъ; четвертый— православный Великой Руси, царь восточный, котораго уже л лѣтъ мы безпрестанно умоляемъ быть нашимъ царемъ и паном Котораго хотите, того и избирайте. Царь Турецкій бусурм Всѣмъ намъ извѣстно, какую бѣду терпятъ наши братья, пр славные христіане, Греки, и въ какомъ утѣсненіи они отъ бе жниковъ. Крымскій ханъ тоже бусурманъ. Хотя мы, по нужд свели съ нимъ дружбу; однако приняли черезъ то нестерп бѣды, плѣненіе и нещадное пролитіе крови христіанской. Объ сненіяхъ отъ Польскихъ пановъ не надобно и сказывать: с знаете, что они почитали лучше жида и собаку, чѣмъ на брата, христіанина. А православный христіанскій царь восточ одного съ нами Греческаго благочестія, одного исповѣданія; съ православіемъ Великой Руси едино тѣло церкви, имѣющее гла Іисуса Христа. Этотъ-то великій царь христіанскій, сжалившись н нестерпимымъ озлобленіемъ православной церкви въ нашей Ма Руси, не презрѣвъ нашихъ шестилѣтнихъ моленій, склонилъ т перь къ намъ милостивое свое царское сердце и прислалъ нам своихъ великихъ ближнихъ людей съ царскою милость Возлюбимъ его съ усердіемъ! Кромѣ его царской руки, мы не на демъ пристанища. Кто насъ не захочетъ послушать, тотъ пус идетъ, куда хочетъ: вольная дорога!

Тысячи голосовъ отвѣчали:

— Волимъ (⁶) подъ царя восточнаго. Лучше намъ умереть в нашей благочестивой вѣрѣ, нежели доставаться ненавистнику Хри стову, поганину!

Тогда Переяславльскій полковникъ началъ обходить майданъ кругомъ и спрашивалъ:

— Чи вси такъ соизволяете?

— Вси! кричалъ народъ.

Гетманъ закричалъ громкимъ голосомъ:

— Буди тако! Да укрѣпитъ насъ Господь подъ его царско крѣпкою рукою!

Народъ восклицалъ:

— Боже, утверди, Боже, укрѣпи, чтобъ мы навѣки вси были едино!

---

(1) *Рада*—собраніе, совѣтъ. (2) *Довбишъ*—барабанщикъ. (3) *Бунчукъ*—знакъ гетманскаго достоинства. (4) Малороссія до возстанія Хмельницкаго была соединена съ Польшею. См. стр. 125—127 и 129-ю. (5) Михаилъ Θеодоровичъ. (6) *Волимъ*—отъ [illegible] (7) *Майданъ*—собраніе.

131. Смерть Богдана Хмельницкаго (1)

(Малороссійская дума.)

(1657 г.)

й, пошла тяжелая горе-бѣда по всей Украйнѣ, когда смутно о въ городѣ Чигринѣ, когда тамъ панъ гетманъ Богданъ льницкій тяжко занемогъ. Собиралъ онъ къ себѣ всѣхъ старъ, сотниковъ и полковниковъ, и на радѣ (2) прощался со всѣми; годарилъ онъ Бога, что оставляетъ Украйну въ мирѣ, приблись къ смерти, и такъ молвилъ:

— Ой вы, паны-молодцы, храбрые сотники и полковники, всѣ старшины казацкіе молодецкіе! нужно вамъ раду созвать, ѣ гетмана избрать; а я уже больно боленъ, къ смерти приблиюсь, милосердому Богу долженъ свою грѣшную душу отдать. ны-молодцы! думайте-гадайте, гетмана избирайте. Хотите, изрите, паны, Антона Волочая Кіевскаго, или Григорья Костыря иргородскаго, или Филона Чичая Кропивянскаго, или Мартына ушкаря Полтавскаго.

Услышали это казаки и горевали, и тяжко вздыхали, и молвии такія рѣчи:

— Ненужно намъ ни Антона Волочая, ни Григорья Костыря, и Филона Чичая, ни Мартына Пушкаря; хотимъ сына твоего, олодаго Юрія, реестроваго казака.

— У него, паны-молодцы, разумъ молодъ: не знаетъ онъ обыаевъ казацкихъ.

— Будемъ при немъ старыхъ людей держать; будутъ они его чить; будемъ его чтить, вспоминая тебя, гетмана, отца нашего.

— Только прошу васъ, паны-молодцы, не нарушайте мира въ Украйнѣ, управляйтесь разумомъ, стойте всѣ заодно. Тѣмъ и стала страшна сила казацкая, что у всѣхъ у васъ, паны-молодцы, была и дума и воля одна. Тебѣ же, храбрый Пушкарь, полковникъ, завѣщаю: кого бы паны-молодцы ни избрали себѣ гетманомъ, всякому говори свою думу прямо; храни миръ въ Украйнѣ, чти славу казацкую.

И досказавши эти рѣчи, Богданъ Хмельницкій молился Богу, кланялся казакамъ, панамъ-молодцамъ, и успокоился навѣки.

Не черная гроза заволакивала ясное солнце, не буйные вѣтры бущевали въ мрачныхъ лѣсахъ: казаки Хмельницкаго погребали, по своемъ отцѣ рыдали.

Ему же, Богдану, и слава навѣки межъ казаковъ, простыхъ и старшихъ, и межъ селянъ, и межъ князей, и межъ царей. Аминь!

---

(1) См. ст. 125—130-ю. (2) *Рада*—см. ст. 130 прим. 1.

132. ПЛАЧЪ УКРАЙНЫ О ПУШКАРѢ. (1)

(Малороссійская дума.)

(*1658 г.*)

Течетъ рѣчка небольшая; зовутъ ее Ворсклой. О той рѣ небольшой знаютъ и старики, и дѣти; умѣютъ о ней пѣсню п любятъ о ней и думу думать. Дума, ты дума! не довела-бъ ты горя. Дума, ты дума! не привела бы ты къ тревогѣ. А гдѣ паны казаки молодцы?—Кости въ могилѣ, а сабли въ болотѣ. Г жъ и ты, Пушкарь, храбрый казакъ? Не по тебѣ ли, другъ, п четъ Украйна?—Кости въ могилѣ, самъ у Господа Бога. Пл Украйна! плачь, бѣдная сирота! твою ясную долю онедолилъ говскій. У него ли сердце не камень? у него ли умъ не чер умъ?...

---

(1) По смерти Богдана Хмельницкаго (см. ст. 131-ю), опекуномъ сына его Ю сдѣлался Полякъ Выговскій; но скоро, удаливъ Юрія, провозгласилъ себя геп номъ. Видя, что Выговскій предаетъ казаковъ католикамъ, Пушкарь съ 30 человѣкъ возсталъ противъ него, но былъ убитъ въ сраженіи.

133. САМОЙЛО КУШКА.

(Малороссійская дума.)

Изъ города изъ Трапезонта (1) выступала галера, (2) разри ванная, изукрашенная тремя цвѣтами: что первымъ цвѣтомъ—оби та золото-синими киндяками, (3) вторымъ цвѣтомъ—пушками уст влена, третьимъ цвѣтомъ—покрыта бѣлымъ Турецкимъ сукномъ.

Гуляетъ въ этой галерѣ Алканъ-паша, княжичъ Трапезонтскі при немъ избранныхъ воиновъ семьсотъ Турковъ и четыреста яны чаръ, (4) да триста пятьдесятъ однихъ бѣдныхъ невольниковъ, н считая войсковой старшины. Первый старшина—Самойло Кушк гетманъ Запорожскій; (5) второй—Марко Рудный, войсковой судь третій—Моисей Грачъ, войсковой трубачъ; четвертый—Ляхъ-Бу турлакъ, галерный ключникъ, сотникъ Переяславскій, отступникъ христіанскій, который тридцать лѣтъ былъ въ неволѣ,—двадцать четыре года, какъ уже на свободѣ; обасурманился для почестей.

Далеко они въ той галерѣ отчаливали отъ пристани, далеко Чернымъ моремъ гуляли, а противъ Кафы города пристали и дер жали тамъ очень долгій отдыхъ.

Вотъ и приснился Алкану-пашѣ, Трапезонтскому княжичу, удиви тельно-странный сонъ, и Алканъ-паша отзывается къ Туркамъ-[illegible]арамъ и бѣднымъ невольникамъ:

Слушайте, Турки-янычары, и вы, бѣдные невольники! Кто урокъ-янычаръ отгадаетъ мой сонъ, подарю тому три Турец-рода; кто угадаетъ изъ невольниковъ, дамъ отпускныя, чтобъ и нигдѣ не смѣлъ ихъ трогать.

ıышавъ это, Турки ничего не сказали, а бѣдные невольники, и хорошо знали, однако промолчали. Только изъ среды Ту- и отозвался Ляхъ-Бутурлакъ, галерный ключникъ, сотникъ яславскій, отступникъ христіанскій.

Какъ же, говоритъ, намъ твой сонъ, Алканъ-паша, отгадать, , ты намъ его не разсказываешь?

Такой мнѣ, братцы, сонъ привидѣлся, что дай Богъ не ви- въ другой разъ. Снится мнѣ, что моя разрисованная, изукра- ная галера стала вдругъ ободрана и зажжена; Турки мои, яны- ı, изрублены въ куски; бѣдные мои невольники свободны, а ойло Кушка разрубилъ меня на три части и бросилъ въ Чер- море.

Гслыхавъ это, Ляхъ-Бутурлакъ проговорилъ ему:

– Алканъ-паша, Трапезонтскій княжичъ, молодой господинъ! ъ этотъ нисколько не повредитъ тебѣ; прикажи мнѣ только по- ше присматривать за невольниками, по рядамъ сажать ихъ, рѣпче заковывать, брать по два прута красной лозы, сѣчь ихъ шеямъ, кровь христіанскую проливать на землю.

Іослѣ этого далеко отчаливали галеру отъ берега: въ городъ зловъ къ дочери Санджака на помолвку поспѣшали.

Вотъ и прибыли въ городъ Козловъ. Дочь Санджака выходитъ встрѣчу Алкану-пашѣ со всѣмъ войскомъ: зазываетъ въ городъ зловъ; Алкана-пашу беретъ за бѣлую руку, ведетъ въ камен- я палаты, сажаетъ на бѣлую скамью, а войско размѣщаетъ на ıнкѣ.

Алканъ-паша, княжичъ Трапезонтскій, не слишкомъ однако-жъ етъ дорогіе напитки: онъ на галеру посылаетъ двухъ Турокъ ı развѣдку, изъ боязни, чтобъ Ляхъ-Бутурлакъ не отперъ оковъ амойлу Кушкѣ и не посадилъ бы его рука объ руку съ собою. урки тѣ прибыли на галеру.

Вотъ Самойло Кушка, гетманъ Запорожскій, и говоритъ: «Ляхъ-Бутурлакъ, старый товарищъ! Когда-то и ты былъ, какъ мы, въ еволѣ: поблагодѣтельствуй же намъ, отопри оковы хоть намъ, гаршимъ: пусть бы и мы побывали въ городѣ, посмотрѣли на осподскую свадьбу!»

Ляхъ-Бутурлакъ отвѣчалъ: «Кушка Самойло, гетманъ Запорожскій, отецъ казацкій! Послушайся ты меня: топчи подъ ноги вѣру христіанскую, изломай крестъ на себѣ; а если ты исполнишь это, будешь словно родной братъ у нашего молодаго господина.»

Едва услыхавъ это, Самойло Кушка отвѣчалъ:

— Гей, Ляхъ-Бутурлакъ, сотникъ Переяславскій, отступни стіанскій! не дождешься ты, чтобы я топталъ вѣру христіанск товъ я на смерть и на рабство, но буду стараться сложить въ землѣ казацкой. Мерзкая вѣра ваша, проклята земл

Услыхавъ это, Ляхъ-Бутурлакъ ударилъ по лицу (Кушку.

— О, говорилъ онъ, Самойло Кушка, гетманъ Запор если ты будешь укорять меня въ отступничествѣ; стану чѣмъ за всѣми невольниками, за тобою присматривать, на за твоими оковами и тройными цѣпями прикрѣплять тебя.

Бывъ свидѣтелями этого, Турки посланцы воротились подину.

— Алканъ-паша, княжичъ Трапезонтскій! говорили они селись безпечно: у тебя вѣрный и хорошій ключникъ: онъ по лицу Самойла Кушку и обращаетъ его въ нашу вѣру.

Это очень радуетъ Алкана-пашу, княжича Трапезонтскаго. раздѣляетъ на двѣ части дорогіе напитки и одну половину лаетъ на галеру, а другую оставляетъ себѣ съ невѣстой.

Началъ Ляхъ-Бутурлакъ попивать дорогіе напитки, начал головѣ ключника разыгрываться казацкіе помыслы.—Господ малъ онъ:—есть у меня что пить, есть въ чемъ ходить, толь съ кѣмъ поговорить о вѣрѣ христіанской.—Вотъ идетъ онъ к мойлу Кушкѣ, сажаетъ его рука объ руку съ собою, по два три кубка дорогихъ напитковъ ему наливаетъ.

Беретъ Самойло Кушка по два, по три кубка въ руки; но т рукава, то за пазуху, то сквозь платокъ выливаетъ ихъ на п Ляхъ же Бутурлакъ, выпивая по одному, до того напился, что лился съ ногъ.

Тогда Самойло Кушка догадался, словно ребенка уложил постелю спать Ляха-Бутурлака, а самъ вынулъ у него изъ го восемьдесятъ четыре ключа и, отдавая по ключу на пять челов товарищей, сказалъ имъ: «старайтесь, ребята, отпирайте др друга, не скидывайте оковъ ни съ рукъ, ни съ ногъ, а ожида полуночи.»

И вотъ казаки отперли другъ друга, но не сбрасывая око ни съ рукъ, ни съ ногъ, ожидали полуночи; а Самойло Кушк догадавшись о чемъ-то, словно бѣднаго невольника, самъ себя тройную цѣпь взялъ, тоже ожидая назначеннаго времени. Нача полночь приближаться, сталъ Алканъ-паша съ войскомъ подъѣзж къ галерѣ. Взойдя на галеру, онъ и говоритъ: «Вы, Турки-ян чары, потише! не разбудите моего вѣрнаго ключника, сами пройдите по рядамъ и хорошенько осмотрите каждаго челові Ключникъ теперь подгулялъ, то чтобы онъ не расковалъ кого-

.» Взявъ свѣчи, Турки-янычары проходили между рядами, .тривали каждаго человѣка и, видно Богъ помогъ, не прикась руками въ замкамъ.—Алканъ-паша! говорили они;—почивай ечно: у тебя вѣрный и исправный ключникъ: онъ посадилъ эядъ невольниковъ, заковалъ ихъ, какъ слѣдуетъ, а Самойла іку прикрѣпилъ тройною цѣпью.

'огда Турки-янычары вошли въ галеру и легли беззаботно спать; ѣ, которые были пьяны и одолѣваемы сномъ, улеглись возлѣ ловской пристани.

Дождавшись полуночи, Самойло Кушка всталъ одинъ, съ рукъ :ъ ногъ оковы побросалъ въ Черное море, вошелъ въ галеру, ;будилъ казаковъ, выбралъ булатныя сабли и сказалъ казакамъ:

— Вы, ребята, не стучите оковами, не надѣлайте шума, чтобъ не збудить въ галерѣ ни одного Турка.

Казаки хорошо это понимали: сняли съ себя оковы, бросили ъ въ Черное море и не разбудили ни одного Турка.

Тогда Самойло Кушка говоритъ казакамъ: «вы, казаки молодцы, арайтесь: заходите отъ города Козлова и рубите въ куски Ту-ɔкъ-янычаръ, а иныхъ и живьемъ бросайте въ Черное море.»

И казаки заходили отъ города Козлова и рубили Турокъ-яны-ɪръ въ куски, а иныхъ живьемъ бросали въ Черное море.

Самойло же Кушка, взявъ съ постели Алкана-пашу, разсѣкъ его а три части и, бросивъ въ Черное море, говорилъ казакамъ: Старайтесь, ребята! выбрасывайте всѣхъ въ Черное море, только не рубите Ляха-Бутурлака, а оставьте его среди войска, для орядку, войсковымъ яризой. (*)

Казаки хорошо старались: всѣхъ Турокъ побросали въ Черное юре, только не рубили Ляха-Бутурлака, оставляя его среди зойска, для порядка, войсковымъ яризой.

И, отчаливъ галеру отъ пристани, далеко пустились въ Черное юре.

Вотъ въ Воскресенье Ляхъ-Бутурлакъ встаетъ съ постели, идетъ къ Самойлу Кушкѣ и падаетъ ему въ ноги.—О, Кушка Самойло, атаманъ Запорожскій, отецъ казацкій! не будь для меня тѣмъ, чѣмъ былъ я для тебя при концѣ моего вѣка. Тебѣ Господь Богъ пособилъ побѣдить врага, но ты не будешь умѣть достигнуть земли христіанской. А ты вотъ что сдѣлай: половину казаковъ прикуй къ лавкамъ и посади за весла, а половину наряди въ Турецкую богатую одежду, потому что еще будемъ ѣхать къ Цареграду, а изъ Цареграда будутъ выплывать двѣнадцать галеръ, будутъ Алкана-пашу и невѣсту его поздравлять съ обрученіемъ. А что ты будешь отвѣчать имъ?

Самойло Кушка, гетманъ Запорожскій, послушался совѣта .

Бутурлака: половину казаковъ приковалъ онъ къ лавкамъ и садилъ за весла, а другую половину одѣлъ въ Турецкую до[...] одежду. И начали они отъ города Козлова къ Цареграду пут[...] жать; начали выплывать изъ Цареграда двѣнадцать галеръ, [...] привѣтствовать изъ орудій Алкана-пашу и невѣсту его съ об[...] ніемъ. А Ляхъ-Бутурлакъ о чемъ-то догадался: вышелъ на к[...] замахалъ бѣлой Турецкой чалмой и заговорилъ по-гречески и турецки: «Вы, братцы, Турки-янычары, потише! Отворачив[...] ка отъ галеры, потому что онъ подгулялъ и почиваетъ съ хмѣлья: головы не подыметъ, не встанетъ къ вамъ. Онъ гово[...] что какъ поѣдетъ назадъ, то вашей милости не забудетъ.»

И Турки-янычары отъ галеры отворачивали, плыли въ Ц[...]граду, изъ двѣнадцати орудій гремѣли, честь отдавали.

Тогда казаки постарались: уставили себѣ семь орудій, поч[...] воздавали, спускались къ лиману и низко кланялись Днѣпру-[...]вутѣ:

—Хвалимъ тебя, Господи, и благодаримъ! Были пятьдесятъ чет[...] года въ неволѣ; не дастъ ли намъ Богъ хоть часъ пожить на своб[...]

(1) *Трапезонтъ*—городъ въ Азіатской Турціи, при Черномъ морѣ. (2) *Гал[...]* военное судно, плавающее подъ парусами и на веслахъ. (3) *Киндякъ*—тел[...] матерія. (4) *Янычары*—особый родъ Турецкихъ войскъ. (5) *Гетманъ*—*см. ст.* прим. 1. (6) *Ириза*—должность въ Запорожскомъ войскѣ.

184. ТРИ БРАТА.

(Малороссійская дума.)

То не синіе туманы вставали, а три брата родные уходили [...] города Азова (1) изъ тяжкаго плѣна. Два изъ нихъ на коняхъ, а тр[...]тій, пѣшій, старается догнать братьевъ, ноги свои казацкія рѣжетъ о сырые корни, о бѣлые камни, кровью слѣдъ свой заливаетъ и говоритъ: «Остановитесь, братцы, покормите коней, меня подожди[...]те, съ собой возьмите, въ города христіанскіе довезите!» Слыша это, средній братъ спрашиваетъ у старшаго, а старшій отвѣчаетъ: «Вотъ стану я морить лошадь, подавать помощь и живой тру[...] брать къ себѣ! Развѣ тебѣ не памятна еще тяжкая неволя? Как[...] начнемъ ожидать брата, будетъ орда (2) догонять насъ и разстрѣ[...]ляетъ, изрубитъ, или снова будемъ пропадать въ работѣ. Если онъ живъ и здоровъ будетъ, самъ дойдетъ въ христіанскіе города.» —Если уже не хотите, братцы, ожидать меня, началъ говорить мень[...]шой,—то прошу васъ, своротите на правую сторону, вынимайте изъ ноженъ сабли, снимите мнѣ съ плечъ голову, порубите мое тѣло, похороните въ степи и не отдайте на съѣденіе звѣрямъ и [...]

Услышавъ это, средній братъ говоритъ: «Это отъ роду [...]

ıыхано, чтобы родной кровью обмывали сабли или проща- острымъ копьемъ.... Сабля не возьметъ, рука не поднимется гь тебя.»—Если уже, братцы, не хотите умертвить меня; то, ıу васъ: когда будете въѣзжать въ лѣсные овраги, срубите тер- :я вѣтки, набирайте съ собою въ полы, разбрасывайте по до- и оставляйте мнѣ примѣту. Пусть и мнѣ будетъ вѣдомо, куда ıить за вами.

ютъ и въѣзжаютъ два казака въ лѣсные овраги. Средній братъ ствуетъ жалость, срубаетъ верхнія вѣтви терновника и бросаетъ ту на примѣту. Но какъ начали выѣжать на Муравскую дорогу, ıечего уже было разбрасывать; онъ красную китайку выры- :тъ изъ-подъ кафтана, разбрасываетъ по дорогѣ и оставляетъ ıьшому брату признакъ.

Началъ пѣшій выходить изъ терновника, началъ находить крас- о китайку, беретъ ее въ руки, кладетъ къ сердцу.—Недаромъ, юритъ, красная китайка валяется по дорогѣ; вѣрно, нѣтъ уже свѣтѣ моихъ братьевъ.... Охъ, вѣрно, за ними изъ города была гоня: миновавъ меня въ терновникахъ, догнала моихъ братьевъ, стрѣляла, изрубила ихъ. Если бы хоть милосердый Господь по- ıгъ мнѣ отыскать казацкое тѣло, оплакать братьевъ и похоро- ıть ихъ въ чистой степи!.... Бѣда мнѣ! нѣтъ хлѣба, нѣтъ воды; :ѣда не вижу; буйный вѣтеръ повѣваетъ по степи и сбиваетъ съ эгъ бѣднаго казака..... Ахъ, довольно мнѣ гнаться за конными ›атьями; пора мнѣ дать отдыхъ ногамъ казацкимъ.—Говоря это, рибылъ онъ къ Cауръ-могилѣ и отдыхаетъ подъ нею беззаботно.

Тогда налетали сизые орлы и пристально заглядывали казаку ь глаза. Казакъ видитъ это и говоритъ: «Орлы сизоперые, гости ои милые! прошу васъ тогда прилетать и выклевывать глаза мнѣ, эгда уже не буду видѣть свѣта Божьяго.» Проговоривъ это, бѣд- якъ черезъ часъ отдалъ душу милосердому Богу.

И слетѣлись орлы и выклевывали глаза ему; собиралися мелкія тицы и оклевали тѣло около желтыхъ костей; сбѣгалися сѣрые юлки, рвали казацкое тѣло; по терновникамъ, по лѣснымъ овра- 'амъ глодали желтыя кости; жалобно волки завывали: это они такъ казачьи похороны отбывали.... Вдругъ гдѣ ни взялась кукушка, ѣла въ головахъ и жалостно закуковала, словно оплакивала сестра брата или мать сына.

А конные братья стали подъѣзжать къ христіанскимъ городамъ, и начала сильная тоска облегать сердца ихъ. Вотъ средній братъ и говоритъ старшему: «Не даромъ сильная тоска тяготитъ насъ: вѣр- но, нѣтъ уже нашего брата на свѣтѣ... А что, братъ, какъ пріѣдемъ домой, и отецъ и мать начнутъ спрашивать о братѣ, что мы отвѣтимъ?»

Услышавъ это, старшій братъ говоритъ среднему: «Скаж

не у одного господина были мы въ рабствѣ, уходили ночью, могли добудиться соннаго, ждали и не дождались, а начало свѣтать, и мы сѣли на лошадей.»

Услыхавъ это, средній братъ и говоритъ: «Если не скажемъ и матери правды, насъ покараетъ Богъ милосердый.»

Старшій братъ отвѣчалъ: «А если мы правду скажемъ, то и мать проклянутъ насъ. Пусть лучше они не знаютъ объ э а умрутъ, такъ мы же раздѣлимъ имѣніе на двѣ части.»

И вотъ выѣзжаютъ старшіе братья на Самарскія поля и навливаются надъ рѣчкой Самаркою, возлѣ источника Сала отдыхать и пасутъ лошадей.

Въ то время набѣжали безбожные басурманы и изрубили э двухъ братьевъ: тѣло казацкое разнимали на части, разбрасы по чистому полю, подымали на сабли и долго тѣшились.

(¹) *Азьвк*—Турецкая крѣпость. (²) *Орда*—Крымскіе Татары.

185. КАЗАКЪ ГОЛОТА.

(Малороссійская дума.)

По Килійскому полю, (¹) по Ордынской дорогѣ, гулялъ каза Голота. Не боится онъ ни огня, ни меча, ни болота. На каза одежда дорогая—три ветхія сермяги: одна негодная, другая др ная, а третья и на хлѣвъ швырнуть не стоитъ. На казакѣ ла вязовые, а онучи китайчатыя—изъ настоящей женской дерюги об ры (²) шелковыя—изъ чистаго женскаго валу вдвое. На каза шапка баранья—сверху дыра; травою шапка сшита, вѣтромъ по бита; куда дуетъ, туда и продуваетъ, молодаго казака прохлаждает

Гуляетъ казакъ Голота, погуливаетъ, ни города, ни села не тр гаетъ, на городъ Килію посматриваетъ. Въ городѣ Киліи Татари сидитъ бородатый. Онъ по горницамъ похаживаетъ, съ Татаркой ра говариваетъ: «Думаешь ли ты, Татарка, о томъ, о чемъ я дума видишь ли ты, что я вижу?»—Нѣтъ, сѣдой, бородатый Татарин я вижу только, что ты по горницамъ похаживаешь, да не зна что замышляешь.

— Я вижу, Татарка: не орелъ въ чистомъ полѣ летаетъ, то каза Голота на добромъ конѣ гуляетъ. Хочу я живьемъ его взять и в городъ Килію продать, хочу похвастать имъ передъ великими па нами-пашами и набрать за него червонцевъ безъ счету и доро гихъ суконъ безъ мѣры.

Сказалъ и въ дорогое платье одѣвается, въ сапоги обувается, на голову надѣваетъ бархатную шапку, садится на коня и безпеч гонится за казакомъ Голотою.

казакъ Голота хорошо казацкій обычай знаетъ: онъ посмаᴧетъ съ-искоса, какъ волкъ, на Татарина и говоритъ: «На что Татаринъ, мѣтишь? на мою ли блестящую сбрую, на моего ли ...наго коня, или на меня самого, казака молодаго?»

- Я, говоритъ, мѣчу на твою блестящую сбрую, а еще больше ...воего коня воронаго, а еще больше на самого тебя, казака ...одаго. Хочу я тебя взять живьемъ и продать въ городъ Килію, ... похвастать тобой передъ великими панами-пашами и набрать ...ебя червонцевъ безъ счету, а дорогихъ суконъ безъ мѣры.

... казакъ Голота хорошо казацкій обычай знаетъ: онъ посмаваетъ съ-искоса, какъ волкъ, на Татарина.

— Эй ты, говоритъ, сѣдой, бородатый Татаринъ! не богатъ, ...но, ты умомъ-разумомъ: еще ты казака въ руки не взялъ, а ... и деньги за него сосчиталъ. Не бывалъ, вѣрно, ты еще между ...аками, не ѣдалъ казацкой каши и не знаешь казацкихъ обычаевъ.

...казалъ и привсталъ на стременахъ; подсыпалъ пороху, не мѣ...чи, и послалъ въ грудь Татарину гостинецъ. Еще казакъ и не ...ицѣлился, а ужъ Татаринъ къ нечистому съ коня свалился. Тотъ ...нако-жъ ему не довѣряетъ, приближается и бьетъ его чеканомъ (³) ... спину; посмотрѣлъ—съ него и духъ вонъ. Тогда онъ приниᴧется за дѣло: сапоги съ него стащилъ и на свои казацкія ноги ...дѣлъ, одежду съ него стащилъ и на свои казацкія плечи натя...лъ, бархатную шапку снялъ и на свою казацкую голову надѣлъ, Татарскаго коня взялъ за повода и прибылъ въ городъ Сѣчь. ...мъ пьетъ, гуляетъ и Килійское поле славитъ: «О, будь же ты, ...илійское поле, лѣтомъ и зимою зелено, какъ мнѣ посчастливи...сь на тебѣ въ трудное время! Дай Богъ, чтобъ казаки пили да ...уляли, добро замышляли, еще больше добычи добывали, непрія...еля ногами топтали!»

(¹) *Килійское поле*—въ Молдавіи. (²) *Обора*—веревка или ремень, которымъ ...бертываются голени сверхъ онучъ (³). *Чеканъ*—см. ст. 129 прим. 3.

136. ДВА БУГРА ВЪ СТЕПИ.

(Народная былина.)

Охъ ты, степь моя, степь широкая!
Заросла ты, степь, ковылемъ-травой.
По тебѣ ли, степь, вихри мычутся;
У тебя орлы на пескахъ живутъ;
А вокругъ тебя, степь родимая,
Синей ставкою небеса лежатъ,
И вечерняя заря съ утренней
Съ поры на пору разгараются.

вало, и помыслить страшно на такое дѣло. Прости, владык тый, хотя бы и еретичества держался, и тутъ мнѣ какъ о отставить его безъ вашего собора? Чаю, владыка святый, хо въ дальнемъ ты разстояніи съ нами грѣшными, (7) но то-же ска что отнюдь того не бывало, чтобъ его, свѣта, отставить или дить съ безчестіемъ. А келейной казны у него, государя, ост 13,400 рублей слишкомъ, а сосудовъ серебряныхъ, блюдъ, с родокъ, кубковъ, стопъ и тарелокъ много хорошихъ. А пере валъ я самъ келейную казну; а если бы самъ не ходилъ, т маю, что и половины бы не по-чему сыскать, потому что за нѣтъ; не осталось бы ничего, все бы раскрали: рѣдкая та с что записано, а то все безъ записки: самъ онъ, государь, в наизусть, отнюдь ни который келейникъ сосудовъ тѣхъ не вѣ А какое, владыка святый, къ нимъ строенье (8) было у него, сударя, въ умъ мнѣ грѣшному не вмѣстится! Не было того с да, чтобъ не впятеро оберчено бумагою или киндякомъ. (9) въ томъ меня, владыка святый, прости: немного и я не покус на иные сосуды, да милостію Божіею воздержался и вашими литвами святыми; ей, ей, владыка святый, ни до чего не дотро ся! могъ бы я и вчетверо цѣну дать, да не хочу для того, отъ Бога грѣхъ, отъ людей зазорно: какой я буду прикащикъ мому мнѣ брать, а деньги мнѣ платить себѣ же! А теперь мѣрно радъ, что ни до чего не дотронулся. Всякимъ людямъ, торые были у патріарха на жалованьи, давалъ я изъ своихъ р по десяти рублей; собиралъ я ихъ въ Крестовую (10) и говор со слезами, чтобъ поминали и не роптали; и они всѣ плакал благодарили; и говорилъ имъ я, чтобъ поклонцевъ по силѣ по кануну на всякъ день говорили. Да и то я имъ говор «Есть ли между вами такой, кто-бъ раба своего или рабыню дѣла не оскорбилъ? (11) иное за дѣло, а иное и пьянъ напивш оскорбитъ, и напрасно бьютъ; а онъ, великій святитель, от нашъ, если кого и понапрасну оскорбилъ, можно и потерпѣть; уже чтобъ то ни было, теперь пора всякую злобу покин молитесь и поминайте съ радостію его, свѣта, сколько сила жетъ.» А не дать было имъ и не потѣшить деньгами, подняло бы роптаніе большое, потому что въ конецъ бѣдны, и онъ, свѣтъ у нихъ жалованья гораздо много убавилъ.

---

(1) *Патріархъ Іосифъ*—предшественникъ Никона на патріаршемъ престолѣ. (2) *Келарь*—монахъ, завѣдывавшій монастырскими вотчинами и всѣми недуховными дѣлами по монастырскому вѣдомству. (3) *Немѣрно*—чрезмѣрно, весьма. (4) *Риза Положенія*—церковь. (5) *Не по подобію*—не какъ слѣдуетъ. (6) *Досталь*—окончательно. (7) Никонъ въ это время былъ Новгородскимъ митрополитомъ. (8) *Строеніе*—порядокъ. (9) *Киндякъ*—см. ст. 133 прим. 3. (10) *Крестовая*—палата. (11) *Не за дѣло*—не за дѣло.

9. ЦАРЬ АЛЕКСѢЙ МИХАЙЛОВИЧЪ ПОДЪ РИГОЮ. (1)

(Народная былина.)

(*1656 г.*)

Подъ славнымъ было городомъ подъ Ригою,
Что стоялъ тутъ православный царь,
Православный царь Алексѣй, сударь, Михайловичъ;
Какъ стоялъ онъ ровно три года,
Да и сталъ нашъ царь снаряжатися,
Снаряжается онъ въ каменну Москву.
На зарѣ то было на утренней,
На восходѣ красна солнышка,
Что не гуси, не лебеди воскрикнули,
Что возговорили солдаты новобранные:
«Ой ты гой еси, православный царь,
«Ласковый нашъ Алексѣй, сударь, Михайловичъ!
«Снаряжаешься ты въ каменну Москву,
«Не оставь насъ ты бѣдныхъ подъ Ригою:
«Ужъ и такъ-то намъ Рига наскучила;
«Натерпѣлися мы холоду и голоду,
«Наготы, босоты вдвое того.»
Не золотая трубонька вострубила,
Проглаcилъ государь православный царь,
Что и ласковый Алексѣй Михайловичъ:
— Ужъ вы гой есте, мои дѣтушки-солдаты,
— Вы солдатушки новобранные!
— Какъ и мнѣ ли самому царю Рига-то наскучила,
— Что наскучила она мнѣ Рига, напроскучила.
— Когда Богъ насъ принесетъ въ каменну Москву,
— Мы забудемъ бѣдность-нужду великую,
— Я и выставлю вамъ погреба мои царскіе,
— Я съ виномъ и пивомъ и съ медами сладкими.—

(1) Алексѣй Михайловичъ осадилъ Ригу 23 Августа, а въ началѣ Октября принужденъ былъ отступить вслѣдствіе осенняго времени, упорства непріятеля, возстанія крестьянъ, истреблявшихъ Русскіе отряды, посылаемые для кормовъ, и наконецъ слуховъ, что самъ Шведскій король намѣренъ прибыть въ Ливонію.

---

140. ССОРА ПАТРІАРХА НИКОНА СЪ ЦАРЕМЪ АЛЕКСѢЕМЪ МИХАЙЛОВИЧЕМЪ. (1)

(*1658 г.*)

Лѣтомъ 1658 г. былъ обѣдъ во дворцѣ по случаю пріѣзда въ Мо-скву Грузинскаго царевича Теймураза; окольничій (2) Богданъ Ма

твѣевичъ Хитрово очищалъ путь царевичу; онъ это дѣлал
извѣстному обычаю, надѣляя палочными ударами тѣхъ, кто с
комъ высовывался изъ толпы. Случилось, что попался ему
палку дворянинъ патріаршій.—Не дерись, Богданъ Матвѣе
закричалъ дворянинъ:—вѣдь я не просто сюда пришелъ, а з
ломъ.—«Ты кто такой?» спросилъ окольничій.—Патріаршій
вѣкъ, съ дѣломъ посланный, отвѣчалъ дворянинъ. «Не чван
закричалъ Хитрово и съ этими словами ударилъ его въ д
разъ по лбу. Дворянинъ побѣжалъ жаловаться патріарху, и
своею рукою написалъ къ царю, прося разыскать дѣло и нак
Хитрово. Алексѣй Михайловичъ отвѣчалъ также собственноруч
запискою, что велитъ сыскать, и самъ повидается съ патріарх
Но свиданія не было. Наступило 8 Іюля, праздникъ Казанс
Богородицы, крестный ходъ; царь не былъ въ Казанскомъ соб
ни на одной службѣ. Черезъ день, 10-го числа, былъ также бо
шой праздникъ въ Москвѣ, установленный съ недавняго врем
праздникъ Ризы Господней, привезенной изъ Персіи при царѣ М
хаилѣ; передъ обѣднею явился къ патріарху князь Юрій Рамо
новскій съ приказаніемъ отъ царя, чтобы не дожидались его
обѣднѣ въ Успенскій соборъ. Но къ этому приказанію Рамодан
скій прибавилъ еще другое: «Царское величество на тебя гнѣве
сказалъ онъ:—ты пишешься великимъ государемъ, а у насъ од
великій государь—царь.»—Называюсь я великимъ государемъ
самъ собою, отвѣчалъ Никонъ:—такъ восхотѣлъ и повелѣлъ его цар
ское величество, свидѣтельствуютъ грамоты, писанныя его рукою.—
«Царское величество, продолжалъ Рамодановскій, почтилъ тебя как
отца и пастыря, но ты этого не понялъ; теперь царское велич
ство велѣлъ мнѣ сказать тебѣ, чтобъ ты впередъ не писался и не
назывался великимъ государемъ, и почитать тебя впередъ не б
детъ». Разговоръ этимъ кончился. Никонъ отправился въ собор
служить обѣдню и послѣ причастія велѣлъ ключарю поставить
сторожу, чтобъ не выпускать людей изъ церкви: поученіе будетъ.
Пропѣли: *Буди имя Господне;* народъ столпился около амвон
слушать поученіе и услыхалъ странныя слова: «Лѣнивъ я былъ вас
учить, говорилъ патріархъ:—не стало меня на это; отъ лѣни я око
ростовѣлъ, (3) и вы, видя мое къ вамъ неученіе, окоростовѣли от
меня. Отъ сего времени я самъ больше не патріархъ; если же по
мыслю быть патріархомъ, то буду анаѳема. Какъ ходилъ я съ ца
ревичемъ Алексѣемъ Алексѣевичемъ въ Колязинъ монастырь, в
то время на Москвѣ многіе люди къ Лобному мѣсту сбирались и
называли меня иконоборцемъ, потому что многія иконы я отбиралъ
и стиралъ, и за то меня хотѣли убить. Но я отбиралъ иконы Ла
тинскія, писанныя по образцу, какой вывезъ Нѣмецъ изъ своей
земли. Вотъ какимъ образомъ надобно вѣрить и покланяться (при
семъ указалъ на образъ Спасовъ въ иконостасѣ), а я не иконо-

цъ. И послѣ того называли меня еретикомъ: новыя де книги ль! И все это дѣлается ради моихъ грѣховъ. Я вамъ предла-, многое поученіе и свидѣтельство вселенскихъ патріарховъ, ы; въ окаменѣніи сердецъ своихъ, хотѣли меня каменіемъ по-; но Христосъ насъ одинѣ разъ кровію искупилъ, а меня вамъ еніемъ побить — и мнѣ никого кровію не избавить; и чѣмъ ъ каменіемъ меня побить и еретикомъ называть, такъ лучше амъ отъ сего времени не буду патріархъ.» Кончилъ и сталъ облачаться; послышались всхлипыванія, голоса: «кому ты насъ ыхъ оставляешь!» — Кого вамъ Богъ дастъ и Пресвятая Бого-цица изволитъ, отвѣчалъ Никонъ. Принесли мѣшокъ съ про-імъ монашескимъ платьемъ, но тутъ толпа двинулась и отняла шокъ. Никонъ пошелъ въ ризницу и написалъ письмо къ ца-: «Отхожу ради твоего гнѣва, исполняя писаніе: дадите мѣсто ѣву, и паки: егда изженутъ васъ изъ сего града, бѣжите во ъ градъ, и еже аще не пріимутъ васъ, грядуще отрясите прахъ ъ ногъ вашихъ.» Въ ризницѣ Никонъ надѣлъ мантію съ источ-іками (*) и клобукъ черный, посохъ Петра митрополита поста-лъ на святительскомъ мѣстѣ, взялъ простую палку и пошелъ яло изъ собора, но народъ бросился къ дверямъ и не пустилъ го, выпустилъ только Крутицкаго митрополита Питирима, кото-ый пошелъ во дворецъ сказать царю, что дѣлается въ соборѣ. лексѣй Михаиловичъ сильно встревожился: «Точно сплю съ от-рытыми глазами и все это вижу во снѣ», сказалъ онъ и отпра-илъ въ соборъ самаго сановитаго боярина, князя Алексѣя Ники-ича Трубецкаго. Много перемѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ въ 1654 году этотъ самый Трубецкой, передъ отправленіемъ въ по-ходъ, съ благоговѣніемъ принималъ благословеніе Никона, быв-шаго во всей своей силѣ и славѣ. И теперь Трубецкой началъ тѣмъ, что подошелъ подъ благословеніе къ патріарху, но полу-чилъ въ отвѣтъ: «Прошло мое благословеніе: не достоинъ я быть въ патріархахъ.» — Какое твое недостоинство? что ты сдѣлалъ? спра-шивалъ простодушно Трубецкой — «Если тебѣ надобно, то я ста-ну тебѣ каяться», отвѣчалъ Никонъ. Трубецкой еще больше сму-тился: «Это не мое дѣло; не кайся; скажи только, зачѣмъ бѣжишь, престолъ свой оставляешь? Живи, не оставляй престола. Великій государь нашъ тебя жалуетъ и радъ тебѣ.» — Поднеси это государю, сказалъ Никонъ, подавая Трубецкому письмо: — попроси царское величество, чтобъ пожаловалъ мнѣ келью. — Трубецкой отправился во дворецъ. Никонъ, въ сильномъ волненіи, то садился на нижней ступени патріаршаго мѣста, то вставалъ и подходилъ къ дверямъ, но народъ съ плачемъ не пускалъ его; наконецъ и самъ Никонъ заплакалъ. Всѣ ждали, что царь явится, послѣдуетъ объясненіе и примиреніе между ними, но вмѣсто царя вошелъ опять Трубецкой и, отдавая Никону письмо его назадъ, говорилъ име-

немъ царскимъ, чтобъ онъ патріаршества не оставлялъ, а н… на патріаршемъ дворѣ много.—Уже я слова своего не перем… отвѣчалъ Никонъ:—да и давно у меня обѣщаніе, что патріар… не быть.—Поклонившись боярину, патріархъ вышелъ изъ цер… но когда хотѣлъ сѣсть въ карету, то народъ бросился на не… выпрягъ лошадь. Никонъ пошелъ пѣшкомъ черезъ Кремль къ С… скимъ воротамъ, но народъ забѣжалъ впередъ и заперъ вор… Никонъ сѣлъ въ одномъ изъ углубленій (въ печурѣ); тутъ … лись посланные изъ дворца и заставили отворить ворота. Ни… всталъ и опять пошелъ пѣшкомъ черезъ Красную площадь… Ильинку, на подворье построеннаго имъ Воскресенскаго мона… ря (Новаго Іерусалима), благословилъ плачущій народъ, отпус… его, и чрезъ нѣсколько времени самъ отправился въ Воскре… скій монастырь.

(¹) См. ст. 138-ю. (²) *Окольничій*—см. ст. 110 прим. 2. (³) *Окоростовѣлъ*—по… ся коростою, болячками, производящими зудъ; своею лѣнью заразилъ, какъ к… стою. (⁴) *Источники*—на мантіяхъ у архіереевъ три струистыя другаго цвѣта по…

141. СТЕНЬКА РАЗИНЪ.

(Народная былина.)

(1667 г.)

У насъ-то было, братцы, на тихомъ Дону,
На тихомъ Дону, въ Черкасскомъ городу,
Породился удалой доброй молодецъ,
По имени Степанъ Разинъ Тимофеевичъ.
Во казачій кругъ Степанушка не хаживалъ,
Онъ съ нами, казаками, думу не думывалъ;
Ходилъ, гулялъ Степанушка во царевъ кабакъ,
Онъ думалъ крѣпку думушку съ голудвою: (¹)
«Судари мои, братцы, голь кабацкая!
«Поѣдемъ мы, братцы, на синее море гулять;
«Разобьемъ, братцы, бусурмански корабли;
«Возьмемъ мы, братцы, казны сколько надобно;
«Поѣдемте, братцы, въ каменну Москву;
«Покупимъ мы, братцы, платье цвѣтное;
«Покупивши цвѣтно платье, да на низъ поплывемъ.»

(¹) *Голудва*—голые, бѣдные казаки.

9. ПОХОДЪ СТЕНЬКИ РАЗИНА ПОДЪ АСТРАХАНЬ.

(Народная былина.)

(1670 г.)

Какъ по матушкѣ по Волгѣ
    Легка лодочка плыветъ;
Какъ во лодочкѣ гребцовъ
    Ровно тридцать молодцовъ;
Посередъ лодки сидитъ
    Стенька Разинъ самъ.
Какъ возговоритъ онъ, Стенька,
    Ко товарищамъ своимъ:
«Ужъ и что-й-то это, братцы,
    «Мнѣ тошнымъ-тошно,
«Мнѣ сегоднишній денечекъ
    «Да грустнехонько?
«Какъ и знать-то мой сынокъ
    «Во неволюшку попалъ.
«Ужъ я въ Астрахань зайду—
    «Выжгу, вырублю,
«Астраханскаго воеводу
    «Я подъ судъ возьму.» (1)

Астрахань была взята шайкою Стеньки, при чемъ Астраханскій воевода зоровскій былъ убитъ.

143. КАЗНЬ СТЕНЬКИ РАЗИНА.

(Народная былина.)

(1671 г.)

Помутился славный тихій Донъ
От Черкаска до Черна моря,
Помѣшался весь казачій кругъ:
Атамана болѣ нѣтъ у насъ,
Нѣтъ Степана Тимоѳеевича,
По прозванью Стеньки Разина:
Поймали добра молодца,
Завязали руки бѣлыя,
Повезли во каменну Москву
И на славной Красной площади
Отрубили буйну голову.

144. Шайка Стеньки Разина.

(Народная былина.)

Ахъ, туманы, вы, мои туманушки,
Вы, туманы мои непроглядные,
Какъ печаль-тоска ненавистные!
Не подняться вамъ, туманушки, со синя моря долой:
Не отстать тебѣ, кручинушка, отъ ретива сердца прочь.
Ты возмой, возмой, туча грозная!
Ты пролей, пролей, частъ-крупенъ дождикъ!
Ты размой, размой земляну тюрьму,
Чтобъ тюремнички-братцы разбѣжалися,
Во темномъ бы лѣсу собиралися!
Во дубравушкѣ во зелененькой,
Ночевали тутъ добры молодцы,
Подъ березонькой они становилися,
На восходъ Богу молилися,
Красну солнышку поклонилися:
«Ты взойди, взойди, красно солнышко,
«Надъ горой взойди надъ высокою,
«Надъ дубровушкой надъ зеленою,
«Надъ урочищемъ добра молодца,
«Что Степана свѣтъ Тимофеевича,
«По прозванью Стеньки Разина!
«Ты взойди, взойди, красно солнышко,
«Обогрѣй ты насъ, людей бѣдныихъ,
«Добрыхъ молодцовъ, людей бѣглыихъ!
«Мы не воры, не разбойнички,
«Стеньки Разина мы работнички,
«Есауловы все помощнички;
«Мы весломъ махнемъ—корабль возьмемъ,
«Кистенемъ махнемъ—караванъ собьемъ,
«Мы рукой махнемъ—дѣвицу возьмемъ.»

145. Разсказъ русскихъ матросовъ о Стенькѣ Разинѣ.

Возвращались Русскіе матросы изъ Тюркменскаго плѣна; проходили они черезъ Русскій городъ. Было дѣло праздничное; православные христіане собрались около нихъ послушать разсказовъ о дальнихъ бусурманскихъ сторонахъ. Матросы говорили: [illegible] бѣжали мы изъ плѣна, такъ проходили черезъ Персц[illegible] по берегу Каспійскаго моря. Тамъ, надъ берегами

высокія, страшныя горы. Случилась гроза. Мы подъ гору говоримъ между собою по-русски, какъ вдругъ [illegible] насъ отозвался: «Здравствуйте, Русскіе люди!» Мы оглянулись, изъ щели, изъ горы, вылазитъ старикъ, сѣдой-сѣдой, старый, ...ій, ажно мохомъ поросъ.—А что? спрашиваетъ насъ:—вы ...е по Русской землѣ: не зажигаютъ тамъ сальныхъ свѣчей ...го восковыхъ? Мы ему говоримъ: «Давно, дѣдушка, были на ...шесть лѣтъ въ неволѣ пробыли; а какъ живали еще на ..., такъ этого не видали и не слыхали.»—Ну, а бывали вы въ ...ей церкви въ обѣднѣ, на первое воскресенье великаго поста?— ...ъ же, дѣдушка, бывали.—А слыхали, какъ проклинаютъ ...ьку Разина?—«Слыхали.»—Такъ знайте же: я Стенька Ра-... Меня земля не приняла за мои грѣхи; за нихъ я проклятъ. ...дено мнѣ страшно мучиться. Два змѣя сосали меня: одинъ ...і со полуночи до полудня, другой со полудня до полуночи. ...лѣтъ прошло—одинъ змѣй отлетѣлъ, другой остался, приле-...ъ ко мнѣ въ полночь и сосетъ меня за сердце; я мучусь, къ ...удню умираю и лежу совсѣмъ мертвый, а послѣ полудня ожи-..., и вотъ, какъ видите, живъ и выхожу изъ горы, только дале-... нельзя мнѣ идти: змѣй не пускаетъ. А какъ пройдетъ сто лѣтъ, ... Руси грѣхи умножатся, да люди Бога станутъ забывать и ...ьныя свѣчи зажгутъ вмѣсто восковыхъ передъ образами, тогда ...опять пойду по свѣту и стану бушевать пуще прежняго. Разска-...те объ этомъ всѣмъ на святой Руси.

116. Смерть царевича Алексѣя Алексѣевича.

(Изъ народной былины.)

Погасала свѣча мѣстная,
Упадала звѣзда поднебесная,
Померкло на Руси красно солнышко:
Не стало у насъ молодаго царевича.
Лежитъ нашъ царевичъ, не двигнется;
Пораспpавлены его руки бѣлыя,
Позакрылися его очи ясныя,
Призамолкнули его уста алыя.
Ты возстань, возстань, царевичъ младъ!
Изрони слово жемчужное,
Что жемчужное слово, ласковое.
Не вставать, видно, солнышку отъ запада,
Не вставать изъ гроба царевичу!

147. Рожденіе царевича Петра Алексѣевича.

(Народная былина.)

(1672 г.)

Ужъ какъ свѣтелъ, радошенъ въ Москвѣ
Ласковый царь Алексѣй, сударь, Михайловичъ:
Народилъ ему Господь сына царевича,
Что царевича, Петра Алексѣевича.
Какъ и всѣ-то Русскіе плотнички,
Что плотнички, сами мастеры,
Они ночку не спали, колыбель-люльку дѣлали;
А нянюшки, мамушки, сѣнны дѣвушки,
Онѣ ночку не спали, шириночки вышивали (¹)
По бѣлу рытому бархату краснымъ золотомъ; (²)
А втапоры затюремнички они всѣ распущалися,
Царскіе погребы они всѣ растворялись:
У царя у ласковаго шелъ пиръ и столъ на радости.
Всѣ князья, бояре къ царю собиралися,
Всѣ дворяне къ ласковому соѣзжалися,
Весь народъ Божій на пиру пьютъ-ѣдятъ, прохлаждаются;
Въ весельи не видали, какъ и дни прошли;
Все для младшаго царевича, Петра Алексѣевича,
Перваго императора по землѣ.

(¹) *Ширинка*—см. ст. 108 прим. 4. (²) *Рытый бархатъ*—см. ст. 55 при

148. Царская охота.

Какъ любилъ государь, православный царь,
Алексѣй государь, свѣтъ, Михайловичъ,
Какъ любилъ государь, больно жаловалъ
Ту потѣху свою государскую,
Ту охоту соколиную;
Да любилъ государь позабавиться—
Заоблавить въ дубровѣ сохатаго, (¹)
Аль расправить плечо неподатное
И медвѣдя поднять на рогатину....
Вотъ и было къ веснѣ, о Грачевникѣ, (²)
Пріѣзжалъ государь со боярами
Въ свою отчину, городъ Звенигородъ,
Помолиться святому угоднику; (³)
Въ келью сталъ къ самому настоятелю.
Будетъ такъ о полуднѣ на третій день,
Мужичекъ и приходитъ къ келейнику:

«Обошелъ я медвѣдя для батюшки,
«Для царя Алексѣя Михайловича;
«Тамъ и тамъ.... Матерой да породливый,
«Только царской рукѣ и угодливый.»
Доложили царю—усмѣхается,
А съ самимъ съ собой думушку думаетъ:
«Аль пойдти въ одиночку помѣряться,
«Въ молодецкой удачѣ провѣриться?»
И пошелъ... За плечами рогатина;
Видитъ: тропка проложена по снѣгу,
И промерзлые сучья надломлены.
«Быть сюда!». И пошелъ, не задумавшись,
По тропѣ снѣговой, межъ березами.
Что ни шагъ, то нога оступается,
Въ снѣгъ уходитъ по берцо, а охобень (⁴)
Заметаетъ сугробы; а инеемъ
Вся бобровая шапка осыпана.
Засвѣтилась полянка.... подъ соснами
Куча хвороста снѣгомъ надавлена;
Бѣлый паръ таетъ и валитъ въ отдушины:
Тутъ берлога.... И царь снаровляется:
У рогатины жало осматривалъ,
Поясокъ свой шелковый подтягивалъ,
Съ плечъ спускалъ соболиный свой охобень
И задумалъ загадку мудреную:
«Быть—не быть, а свалить косолапаго...
«Не управлюсь—и Русь не управится,
«А управлюсь—навѣки прославится.»
И поднялъ онъ корягу изъ-подъ снѣга,
И ударилъ корягой по хворосту,—
И медвѣдь заревѣлъ, инда дерево
Надъ берлогой его закачалося;
Показалъ онъ башку желтоглазую,
Вылѣзъ онъ изъ берлоги, съ оглядкою,
Дыбомъ сталъ и полѣзъ на охотника,
А полѣзъ—угодилъ на рогатину.
Подъ косматой лопаткою хруснуло;
Чернобурая шерсть побагровѣла;
Разогнулися когти и замерли,
И медвѣдь захрапѣлъ, какъ удавленный,
И свалился онъ на-бокъ колодою.

(¹) *Сохатый*—лось. (²) *Грачевникъ*—св. Герасимъ. (³) *Святой угодникъ*—преподобный Савва Звенигородскій. (⁴) *Охобень*—верхняя длинная одежда, съ прорѣхами подъ рукавами и съ четвероугольнымъ откиднымъ воротникомъ.

149. Уничтоженіе мѣстничества. (1)

1682.

ДОЛГОРУКОВЪ (*съ Постельнаго крыльца*).

Стольники и стряпчіе (2) и дворяне Московскіе и иныхъ чиновъ ратные люди!

Великій государь царь и великій князь Θеодоръ Алексѣевичъ всея Великія, Малыя и Бѣлыя Россіи самодержецъ, велѣлъ говорить:

«Понеже не токмо въ мимошедшихъ лѣтѣхъ, но и нынѣ, м[illegible] гихъ государскихъ ратныхъ, посольскихъ и иныхъ всякихъ, [illegible] чинятся отъ вредительнаго и разрушительнаго мѣстничества [illegible] тѣхъ мѣстныхъ случаевъ великія пакости, и нестроеніе, и ра[illegible] ніе, и непріятелямъ радованіе, а между бояры, окольничи[illegible] думными и ближними людьми противныя Богу дѣла, нелюбо[illegible] великія, продолжительныя вражды, — великій государь указалъ [illegible] чинамъ на Москвѣ въ приказахъ (3) и въ полкахъ, у ратныхъ посольскихъ и у всякихъ дѣлъ и въ городахъ быть межъ себя [illegible] мѣстъ, никому впредь разрядами и мѣстами не считаться и [illegible] рядные случаи оставить и искоренить, чтобы впредь отъ тѣхъ [illegible] чаевъ въ дѣлахъ помѣшки не было, разрядныя же книги (4) сж[illegible] да погибнетъ то во вѣки Богомъ ненавистное, враждотворное [illegible] любовь от[illegible] няющее мѣстничество и къ тому да не воспоминается во вѣки.

ПЕРВЫЙ ПРОСТОЛЮДИНЪ.

Слышь ты, Алеха, что это я какъ будто не понимаю. О [illegible] это объявлялъ-то онъ намъ?

ВТОРОЙ ПРОСТОЛЮДИНЪ.

Эхъ, безмозглая ты башка! Вишь, бояре-то больно расходил[illegible] озорничаютъ, что ни на что не похоже, а все изъ-за мѣстовъ свои[illegible]

ПЕРВЫЙ ПРОСТОЛЮДИНЪ.

Да какъ же это изъ-за мѣстовъ?

ВТОРОЙ ПРОСТОЛЮДИНЪ.

Ну, да вотъ. Ты, пожалуй, со мной заспорилъ, что ты де лу[illegible] меня.... Я тебѣ на то: нѣтъ, шалишь! я тебя лучше.

ПЕРВЫЙ ПРОСТОЛЮДИНЪ.

[illegible] чѣмъ же ты меня лучше?

ВТОРОЙ ПРОСТОЛЮДИНЪ.

[illegible] не понимаешь. Это для примѣра. Ну, и [illegible] Я тебя въ усъ, ты меня въ рыло.

Въ то самое время патріархъ, предувѣдомленный о замыслѣ раскольниковъ, въ Успенскомъ соборѣ совершалъ молебствіе, слезами умоляя небесную Заступницу о спасеніи церкви и [illegible] ства. Когда же появились на площади раскольники, и раздались неистовые вопли, [illegible] съ объясненіемъ [illegible] та въ царствованіе Алексѣя Михайловича явился предъ соборомъ въ своей ереси, просилъ прощенія и торжественно обѣщался пристать къ расколу. Ее напечатали назначенѣ въ нѣсколькихъ экземплярахъ, для лучшаго убѣжденія народа. Стрѣльцы (¹) схвативъ протопопа, привели его въ [illegible] и хотѣли у [illegible] велѣлъ ему дочитать [illegible] мертвый отъ страха, протопопъ едва могъ произносить слова. Ни[кто] его не слушалъ; въ толпѣ раздавался неистовый крикъ; многіе б[рались] уже за каменья. — Что вы трудитесь? сказалъ Сергій [illegible] никто не внимаетъ, но пусть слышатъ [illegible] глаголемъ, но отъ божественныхъ писаній. — И, ставъ на ст[улъ] рядомъ съ протопопомъ, началъ читать сочиненную тетрадь [о] значеніи честнаго креста [illegible]

[illegible]

Волненіе болѣе и болѣе усиливалось; раскольники громко вызвали патріарха, который, по окончаніи молебствія, удалился [въ] Крестовую палату. Смущенный народъ съ нетерпѣніемъ жда[лъ] его выхода.

Правительство [illegible] мятежъ готовый вспыхнуть, не [illegible] Хованскій (⁶) тверд[о] [illegible]

[illegible] (10) [illegible] Сергій [illegible] скій, Савватій Московскій, другой Савватій Костромитинъ [illegible] Дороѳей и Гавріилъ [illegible]

— Для чего такъ дерзко и нагло, спросила Софія, пришли вы къ царскому величеству, въ государевы палаты, будто къ иновѣрцамъ и Бога не знающимъ? И какъ смѣли вы по улицамъ, на площади, проповѣдывать свою расколничью ересь и возмущать народъ? — Пришли мы, отвѣчалъ Никита, къ царямъ государямъ побить челомъ объ исправленіи православной христіанской вѣры, чтобы царское ваше разсмотрѣніе дали [illegible] и чтобы церкви Божіи были въ мирѣ и соединеніи, а не въ мятежѣ и раздраніи, и чтобы служба Божія была, какъ при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ и при святѣйшемъ патріархѣ [illegible] ретѣ Никитичѣ, по старымъ служебникамъ. — Не ваше дѣло, возразилъ патріархъ, не вамъ, простолюдинамъ, церковь исправлять: судить о томъ архіереямъ. Мы на себѣ Христовъ образъ носимъ, и дана намъ Богомъ власть такова: еже свяжемъ на земли, связано будетъ и на небеси, а еже разрѣшимъ на земли, будетъ разрѣшено и на небеси. Вы же должны повиноваться матери нашей соборной апостольской церкви, и потому и архіереямъ, пекущимся о спасеніи вашемъ. А вѣра православія Греческаго закона исправлена нами съ Греческихъ и харатейныхъ книгъ по грамматикѣ, а ты, не учася грамматикѣ, [illegible] какую въ себѣ силу содержитъ. — Мы пришли, вскричалъ Никита, не о грамматикѣ съ тобою толковать, а о церковныхъ догматахъ; [illegible] ты же отвѣчай на мои вопросы, [illegible] стараясь дерзостью [illegible] ствомъ софизмовъ (11) смутить престарѣлаго іерарха, [illegible] въ догматахъ вѣры.

На помощь первосвятителю выступилъ Аѳанасій, архіепископъ Холмогорскій, святитель бодрый, опытный въ расколь[illegible] изощренныхъ [illegible]. Увидѣвъ противника, Никита заскрежеталъ зубами. — Что ты, ноги выше головы ставишь? я не съ тобой говорю, а съ патріархомъ, вскричалъ на Аѳанасія и бросился къ нему съ неистовствомъ. Выборные стрѣльцы едва спасли архіепископа отъ ярости [illegible].

— Видите ли, что дѣлаетъ Никита? воскликнула Софія, вставъ съ трона. — При насъ архіерея бьетъ, а безъ насъ и подавно убьетъ. — Нѣтъ, государыня, заговорили въ толпѣ сообщники Пустосвята: онъ только рукою отвелъ его, чтобы не говорилъ прежде патріарха. — Да какъ смѣешь ты, продолжала царевна, обратившись къ Никитѣ, говорить съ патріархомъ? Не довелось тебѣ быть и на [illegible] [illegible]. Развѣ забылъ ты, какъ отцу нашему, [illegible]

нѣйшему патріарху и освященному собору принесъ повинную, съ великою клятвою, впередъ не бить челомъ о вѣрѣ, предавая себя въ противномъ случаѣ проклятію св. отецъ седьми вселенскихъ соборовъ, а нынѣ опять за то дѣло принялся. — Не запираюсь въ томъ, государыня, отвѣчалъ дерзкій раскольникъ — подносилъ я челобитную отцу вашему, да мечемъ и срубомъ; подавалъ я челобитную, которую писалъ самъ, и освященному собору; о томъ была тюрьма, не вѣдаю, а что тогда сложилъ на меня Симеонъ Полоцкій книгу *Жезлъ*, но въ ней и пятой доли моей челобитной не разобрано. А изволишь, государыня, я противъ Жезла того отвѣчать готовъ. Его *вини...* Если же виноватъ буду, то воля ваша: что хотите, то и дѣлайте». — Молчи! гнѣвно сказала царевна, и велѣла дьяку читать раскольничью челобитную.

Святители, въ особенности архіепископъ Аѳанасій, сначала разбирали пунктъ за пунктомъ и доказывали ихъ нелѣпость; но какъ ожесточенные изувѣры не хотѣли слушать никакихъ доводовъ и, упорствуя въ своемъ заблужденіи, съ неистовымъ крикомъ осыпали пастырей церкви наглыми упреками, то послѣдніе пункты оставлены безъ отвѣта. Не разъ, съ жаромъ и чувствомъ оскорбленнаго достоинства, возвышала свой голосъ и царевна Софія. Когда староверы стали доказывать любимую мысль свою, что еретикъ Никонъ поколебалъ душею царя Алексѣя Михайловича, и что съ тѣхъ поръ благочестіе погибло въ Россіи, царевна, обратившись къ боярамъ и стрѣльцамъ, съ огорченіемъ сказала: «Нѣтъ, мы не можемъ долѣе терпѣть такой хулы! Если Никонъ и отецъ нашъ были еретики, то и мы тоже. Братья наши не цари, патріархъ не пастырь церкви! Намъ ничего болѣе не остается, какъ оставить царство», и сошла съ трона. Въ мятежной толпѣ заговорили: «Пора, государыня, давно вамъ въ монастырь, полно де царствомъ мутить, намъ бы здорово цари государи были, а безъ васъ де пусто не будетъ». Но всѣ бояре и выборные стрѣльцы, окруживъ царевну, клялись положить свои головы за царскій домъ и уговорили ее возвратиться на прежнее мѣсто.

По окончаніи чтенія челобитной, патріархъ, взявъ въ одну руку св. Евангеліе, писанное св. Алексѣемъ митрополитомъ Московскимъ, а въ другую соборное дѣяніе объ учрежденіи въ Россіи патріаршаго престола, старался вразумить ослѣпленныхъ невѣждъ въ неосновательности ихъ толковъ; съ тою же цѣлью предложены были Греческія и старинныя Славянскія рукописи, также и печатныя при прежнихъ патріархахъ книги, съ указаніемъ вкравшихся въ нихъ ошибокъ, которыя необходимо было исправить. Изувѣры ничего не слышали, ни видѣли, и сами себѣ грубо противорѣчили. Когда одинъ изъ ученыхъ священниковъ указалъ имъ въ книгѣ, изданной при патріархѣ Филаретѣ, явную несообразность о разрѣшеніи иноковъ на масло и сыръ, а мірянъ на мясо, въ Вели-

кій четвертокъ и въ Великую субботу, Никита воскликнулъ: «
же плуты печатали, какъ и вы.»

Видя столь упорное зломысліе, царевна рѣшилась взять
мѣры къ водворенію тишины: раскольникамъ объявлено, что за
нимъ временемъ, ибо наступалъ уже вечеръ, некогда продол
креніе, и что указъ имъ будетъ сказанъ послѣ. Царскія о
встали съ своихъ мѣстъ и удалились изъ Грановитой палаты
ними послѣдовалъ и патріархъ. Изувѣры съ торжествующими
цами вышли къ народу и, поднявъ вверхъ два пальца, кри
что ни есть мочи: «Тако вѣруйте, тако творите; всѣхъ архіе
препрехомъ и посрамихомъ!» ([12]) Народъ въ недоумѣніи сл
валъ за ними на Лобное мѣсто. Тамъ они остановились и
поучали толпы по Соловецкимъ тетрадямъ, оттуда съ пѣніемъ
правились чрезъ Таганскія вороты за Яузу; въ Титовомъ п
встрѣтили ихъ колокольнымъ звономъ; они вступили въ цер
Всемилостиваго Спаса, что на Чигасахъ, отслужили молебен
разбрелись по своимъ домамъ, сопровождаемые толпами народ
ми.

Между тѣмъ Софія велѣла быть къ себѣ въ *верхъ* ([13]) выб
нымъ стрѣльцамъ отъ всѣхъ полковъ. Они не замедлили явит
кромѣ Титова полка, не приславшаго ни одного человѣка. Пра
тельница вышла къ нимъ, окруженная царицами, царевнами, и
сильныхъ выраженіяхъ изобразила бѣдствія, которыми угрож
церкви и государству безумные изувѣры.—Ужели вы промѣняе
насъ на шестерыхъ чернецовъ и предадите святѣйшаго патріар
поруганію? говорила Софія со слезами; стыдила стрѣльцовъ *рав*
душіемъ, хвалила за прежнюю службу, ласкала, уговаривала, с
лила щедрыя награды и достигла своей цѣли. Выборные *Стрем*
наго полка сказали въ одинъ голосъ: «Мы, государыня царевна,
вѣру старую не стоимъ, и не наше то дѣло: то дѣло патріар
и всего освященнаго собора.» Въ такомъ же смыслѣ отозвались
другіе стрѣльцы. Царевна тутъ же велѣла двухъ *пятисотни*
Стремяннаго полка помѣтить въ думные дьяки и всѣхъ выборны
угостить царскимъ погребомъ; каждый изъ нихъ получилъ *сверх*
того значительную сумму денегъ.—Нѣтъ намъ дѣла до старой вѣ
ры, сказали они, возвратившись въ слободы.

Но рядовые стрѣльцы, упорствуя въ заблужденіи, не хотѣли по
кинуть старцевъ и осыпали выборныхъ упреками.—Вы посланы
правдѣ говорить, кричали толпы, а дѣлаете неправду. Пропили вы
насъ на водкахъ, да на красныхъ винахъ.—Мало по малу, ропот
въ слободахъ до такой степени усилился, что выборные не разъ
приходили къ царевнѣ съ мольбою спасти ихъ отъ ярости стрѣль
цовъ, которые грозили истребить ихъ каменьями. Патріархъ так
же былъ въ большомъ страхѣ; носилась молва, что стрѣльцы со
[illegible]тся идти въ Кремль съ барабанами, для убійствъ. Въ Тито-

ь полку уже поговаривали: «добромъ съ *ними* не раздѣлаешь- пора опять за собачьи шкуры приниматься.» Смятеніе продол- ось съ недѣлю. Софія наконецъ восторжествовала; она успѣла энить на свою сторону большую часть и рядовыхъ стрѣльцовъ; волѣ ея, предводители раскола были переловлены и приведены Лыковъ дворъ, гдѣ разсадили ихъ порознь и предали суду го- скому По приговору его, Никитѣ Пустосвяту отсѣчена голова Красной площади; Сергій сосланъ въ Ярославль, въ Спасскій іастырь; сообщники ихъ также заточены, а многочисленные по- ѕдователи разбѣжались въ разныя стороны.

---

(1) *Никита Пустосвятъ*—одинъ изъ главныхъ расколоучителей; онъ былъ ли- нъ священническаго сана и сосланъ въ заточеніе, но потомъ притворно раскаял- и былъ возвращенъ изъ ссылки. (2) Стрѣлецкій *Титовъ* полкъ отличался осо- іною наклонностію къ расколу. (3) *Стрѣльцы*—см. ст. 169 прим. 4. (4) *Чер- цъ Сергій*—расколоучитель. (5) *Крыжъ*—раскольничье названіе для четвероконеч- го креста. (6) *Хованскій*—начальникъ стрѣльцевъ, державшійся раскола. (7) По ерти бездѣтнаго царя Ѳеодора Алексѣевича, на престолъ вступили несовершенно- тніе братья его, Іоаннъ и Петръ Алексѣевичи, а сестра ихъ, Софья Алексѣев- , была объявлена правительницею. *Царицы*—Наталья Кирилловна, вторая су- уга Алексѣя Михайловича, мать Петра, и Марѳа Матвѣевна, супруга Ѳеодора. *зревны*—дочери Алексѣя Михайловича отъ перваго брака. (8) Безъ малаго за два ѕсяца предъ тѣмъ, стрѣльцы ходили бунтомъ въ Кремль и убили Нарышкиныхъ, ›атьевъ и родственниковъ царицы Натальи Кирилловны. (9) *Харатейный*—писан- ый на хартіи, или на пергаменѣ, употреблявшемся для письма до 16 вѣка. (10) *Ере- архъ*—ересеначальникъ, положившій начало расколу. (11) *Софизмъ*—ложный вы- одъ для подтвержденія какого-нибудь мнѣнія. (12) *Препрехомъ, посрамихомъ*—мы ›респорили, мы посрамили. (13) *Верхъ*—см. ст. 80 прим. 3.

151. СТРѢЛЕЦКОЕ СКАЗАНІЕ О ЦАРЕВНѢ СОФЬѢ АЛЕКСѢЕВНѢ. (1)

Какъ за чаркой, за блинами,
Потѣшались молодцы,
Надъ потѣшными полками
Похвалялися стрѣльцы: (2)
«Гдѣ ужъ вамъ, Преображенцы
Да Семеновцы, гдѣ вамъ,
Мелочь, Божіи младенцы,
Намъ перечить, старикамъ! (3)
—Съ слободой своей Нѣмецкой,
Да съ своимъ царемъ Петромъ,
Мы, молъ, весь приказъ стрѣлецкій,
Всѣхъ въ бараній рогъ согнемъ.—
Всѣхъ, и самую царевну!
Нѣтъ, ужъ тутъ, голубчикъ, врешь!
Нашу Софью Алексѣвну
Обойдешь, да не возьмешь.

Даромъ, что родилась дѣвкой,
Да иной разъ такъ пройметъ.
Молодецкою издѣвкой,
А какъ въ духѣ, да взмахнетъ
Черной бровью соболиной —
Пропадай богатыри!
Умеръ, право-бъ, за-едино,
Если-бъ молвила: умри!...
Грѣхъ бывалъ и между нами,
Какъ о вѣрѣ вышелъ споръ,
И ходили съ чернецами,
Въ царскій Кремль мы на соборъ:
Бунтовское было дѣло!
Да вѣдь сладила: какъ разъ
Словомъ вышибить умѣла
Дурость всякую изъ насъ.

«Будемъ хоронить мы [illegible]
В[illegible] молодцы
В[illegible] вынутъ: [illegible]
С[illegible] черницы [illegible]

Не сказали бъ, такъ узнала бъ
Вся Москва изъ старины,
Не наотмашь, низко на лобъ
Надвинули клобуки;

Не развалисты въ походкѣ,
А согбенные идутъ;
Не дерутъ, разиня глотки,
Тихимъ голосомъ поютъ;

Лица постныя, худыя,
Вѣры точно что столпы...
Ужъ не толстые, хмѣльные
Никоньянскіе попы. (*)

Умилился людъ Московскій,
Повалилъ за нами, прётъ,
И на площади кремлевской
Что волна забилъ народъ.

А ужъ тамъ, во Грановитой,
Всѣ насъ ждутъ: царевны, дворъ,
Патріархъ, митрополиты,
Освященный весь соборъ.

Старцы свѣчи возжигали,
И Евангелье съ крестомъ
На [illegible]
И царевнѣ бьютъ челомъ:

«Благовѣрная царевна!
Солнце Русскія земли!
Свѣтъ-Софія Алексѣвна,
Государыня! вели,

«Чтобъ у насъ было разсмотрѣнью
Съ патріархомъ о дѣлахъ
По церковному строенью
И о Никоновыхъ лжахъ.

«Процвѣтала церковь наша,
Аки райскій кринъ, полна
Благодати, яко чаша
Пресладчайшаго вина;

«Утверждалася на книгахъ,
Ихъ же имемъ отъ мужей,
Проводившихъ жизнь въ веригахъ
Въ умертвіи страстей;

«Ихъ [illegible] спасенье
[illegible]
Из[illegible]
По Руси, монастыри [illegible]

«Но реченнымъ Никономъ воля
Вторгся въ оный вертоградъ
И своимъ безумнымъ толкомъ
Ниспровергъ церковный ладъ.

«Аки Римская блудница
На драконѣ возсѣдя,
Рекъ: «нѣсть Бога; (кровопійца)
«Азъ есмь Богъ, и вся моя!»

«И святыя книги рушилъ...
Ну, и началъ все мутить.
Патріархъ ихъ слушалъ, слушалъ,
Подымался говорить, —

Да куда! изъ-за владыки
Ну выскакивать попы.
Брань пошла, мятежъ и крики,
На дворъ ревутъ толпы;

Вкругъ царевенъ — натерпѣлись
Ужъ бѣднянки! мученицы,
Чернецы орутъ, зардѣлись,
Поскидали клобуки;

Всѣ-то съ взбитыми власами,
Очи кровью налиты,
[illegible]
Пали книги и кресты...

Ждетъ царевна, не дождется,
Чтобъ затихли, то впередъ,
Словно лебедь къ нимъ рванется,
Образумливать учнетъ.

«Замутили царствомъ бабы!
Голосятъ кругомъ — ахти!
Государынямъ пора бы
Въ монастырь давно идти!»

Слыша то и [illegible]
И отдвинувъ тронъ златой,
Вся зардѣвшися, царевна
Удалилась въ свой покой.

Съ барабаннымъ вышли боемъ
Изъ Кремля мы; вдругъ приказъ,
Чтобъ къ царевнинымъ покоямъ
Выслать выборныхъ тотчасъ.

[illegible]очью, съ фонарями, ровно,
[illegible]о вышла на крыльцо;
[illegible]ъ-то ласково-любовно
[illegible]атила къ намъ лицо.

Видѣлъ тутъ ее я близко:
[illegible]ый съ золотомъ покровъ,
На лбу-то низко, низко,
[illegible]ъ изъ крупныхъ жемчуговъ...

«Если мы вамъ неугодны,
[illegible]оритъ, весь царскій домъ,
[illegible] объявимъ всенародно
[illegible] изъ царства вонъ уйдемъ.

«У Волконскаго ль, [illegible] (?)
[illegible] найдемъ пріютъ
[illegible]
[illegible]

«Пусть на нихъ падетъ и царство!
[illegible] въ вину не ставьте намъ,
[illegible]ль сосѣди государство
[illegible]е растащатъ по клочкамъ.

«Коль Поляки съ ханомъ Крымскимъ
[illegible]усь подѣлятъ межъ собой:
[illegible]кланяйтесь папамъ Римскимъ!
[illegible]асурмантесь съ Татарвой!

«Мы въ церквахъ положимъ вклады
[illegible] поклонимся мощамъ,
[illegible]а и съ Богомъ!» Всей громадой
[illegible]али мы къ ея ногамъ.

—Что ты, матушка, какое
[illegible]лово молвишь, говоримъ: —
[illegible]лово самое пустое!
Нешто мы того хотимъ!

Знаемъ мы, безъ государя
Каковы дѣла пойдутъ:
Заѣдятъ народъ бояре
Да въ латинство поведутъ (?).

Все тѣ старцы-лиходѣи!
Чтобы пусто было имъ!
Нешто мы архiереи?
Что мы въ книгахъ разглядимъ!

Ты ужъ смилуйся, пожалуй,
Хоть жалѣючи земли...
А за грубость насъ до малу
Жестоко казнить вели.—

Ждемъ, что скажетъ. И сказала:
«Встаньте! вѣрныхъ Россіянъ
Вижу въ васъ. Я такъ и знала.
Бойся жъ насъ ты, Крымскій ханъ!

[illegible]»
Мы — «ура!» на весь народъ,
А она [illegible]
«Выйдти, кричатъ, впередъ!»

И велитъ дьякамъ приказнымъ
Награждать кого казной,
А кого имѣньемъ разнымъ,
Соболями аль землей.

А кого боярскимъ саномъ;
«А для прочихъ молодцовъ,
Говоритъ, [illegible] быть пьянымъ
Съ нашихъ царскихъ погребовъ!...»

И была гульба въ столицѣ,
Будетъ помнить царскій градъ!
Чернецы-жъ сидятъ въ темницѣ
И сидятъ стрѣльцевъ корятъ:

«Такъ-то вѣру отстояли
Вы, стрѣлецкіе полки!
Прогуляли, промѣняли
На царевы кабаки!»

[illegible]цы! щи вамъ съ кашей!
Что, братъ, скажешь? хороша?...
Лучше нѣтъ царевны нашей!
Вотъ какъ есть совсѣмъ душа!

(1) *Софья Алексѣевна*—см. ст. 150-ю и ст. 150 прим. 7. (2) *Стрѣльцы*—см. ст. 109 прим. 4. (3) Два первыхъ гвардейскихъ полка, Преображенскій и Семеновскій, составились изъ *потѣшныхъ* ротъ Петра. (4) Раскольники называютъ православныхъ *никоніанами*. (5) См. ст. 116. (6) *Цесарцы*—Австрійцы. (7) [illegible]

152. Какъ Петръ Великій началъ учиться.

(Разсказъ самого Петра.)

(1687—1688 г.)

Передъ посылкою князя Якова Долгорукова во Францію между другими разговоры, сказывалъ вышепомянутый князь Я что у него былъ такой инструментъ, которымъ мочно было б дистанціи или разстоянія, не доходя до того мѣста. Я зѣло ж его видѣть; но онъ мнѣ сказалъ, что его у него украли. И поѣхалъ онъ во Францію, тогда наказалъ я ему купить межд гими вещьми и сей инструментъ; и когда возвратился онъ Франціи и привезъ, то я, получа оный, не умѣлъ его употреб (А инструменты были астролябія, (²) да кокорѣ или готоваль съ циркулями и прочимъ.) Но потомъ объявилъ его до Захару Фонъ-деръ-Гулетлу, что не знаетъ ли онъ; который залъ, что онъ не знаетъ, но сыщетъ такого, кто знаетъ, о я съ великою охотою велѣлъ его сыскать; и оный дохторъ въ ромъ времени сыскалъ Голландца, именемъ Франца, прозван Тиммермана, которому я вышеписанные инструменты показ который, увидѣвъ, сказалъ тѣ-жъ слова, что князь Яковъ говор о нихъ, и что онъ употреблять ихъ умѣетъ; къ чему я гор присталъ съ охотою учиться геометріи и фортификаціи. (⁴) И сей Францъ, черезъ сей случай, сталъ при дворѣ быть безс станно и въ компаніяхъ съ нами.

(¹) Кн. *Я. Ө. Долгоруковъ* отправился во Францію и Испанію 27 *Феврал* г., когда Петру было 14 лѣтъ 9 мѣсяцевъ, а возвратился въ Москву 15 Ма г. (²) *Астролябія*—орудіе для измѣренія угловъ на земной поверхности. (³) *Го вальня*—коробочка съ отгородками, для храненія разныхъ инструментовъ. (⁴) *Г метрія*—наука, занимающаяся измѣреніемъ и свойствами различныхъ протяж *Фортификація*—наука укрѣплять мѣста, для защиты отъ непріятеля.

153. Начало флота.

(Разсказъ Петра Великаго.)

(1688 г.)

Случилось намъ быть въ Измайловѣ, (¹) на льняномъ дворѣ, и гуляя по амбарамъ, гдѣ лежали остатки вещей дому дѣда Никит Ивановича Романова, (²) между которыми увидѣлъ я судно иностранное, спросилъ Франца Тиммермана, (³) что то за судно? Онъ сказалъ, что то ботъ Англійскій. Я спросилъ: гдѣ его употребляютъ? Онъ сказалъ, что при корабляхъ, для ѣзды и возки. Я паки спросилъ: какое преимущество имѣетъ передъ нашими судами? (понеже видѣлъ его образомъ и крѣпостью лучше нашихъ) Онъ мнѣ ска-

, что онъ ходитъ на парусахъ не только что по вѣтру, но и ивъ вѣтру, которое слово меня въ великое удивленіе привело обы неимовѣрно. Потомъ я его паки спросилъ: есть ли такой вѣкъ, который бы его починилъ и сей ходъ мнѣ показалъ? сказалъ мнѣ, что есть; то я съ великою радостью сіе услыша, ълъ его сыскать.

. вышереченный Францъ сыскалъ Голландца Карштенъ-Бранта, ерый призванъ при отцѣ моемъ въ компаніи морскихъ людей, дѣланія морскихъ судовъ на Каспійское море; который оный ъ починилъ и сдѣлалъ маштъ (⁴) и парусы и на Яузѣ (⁵) при ѣ лавировалъ, что мнѣ паче удивительно и зѣло любо стало. томъ, когда я часто то употреблялъ съ нимъ, и ботъ не всегда рошо ворочался, но болѣе упирался въ берега, я спросилъ его: ι чего такъ? Онъ сказалъ, что узка вода. Тогда я перевезъ его Просяной прудъ, (⁶) но и тамъ не много авантажу (⁷) сыалъ, а охота стала отъ часу быть болѣе. Того для я сталъ овѣдывать, гдѣ болѣе воды; то мнѣ объявили Переславское озеро, о наибольшее; куды я, подъ образомъ обѣщанія въ Троицкій онастырь, у матери выпросился, а потомъ уже сталъ ее просить явно, чтобы тамъ дворъ и суды сдѣлать. И такъ вышереченный арштенъ-Брантъ сдѣлалъ два малые фрегата (⁸) и три яхты. (⁹) И ымъ нѣсколько лѣтъ охоту свою исполнялъ. Но потомъ и то показалось мало, то ѣздилъ на Кубенское озеро; но оное ради мелости не показалось. Того ради уже положилъ свое намѣреніе рямо видѣть море.

(¹) *Измайлово*—царское село, въ 7 верстахъ отъ Москвы, по Владимірской дорогѣ. (²) *Н. И. Романовъ*—двоюродный братъ царя Михаила Θедоровича. (³) *Францъ Тиммерманъ*—см. ст. 152-ю. (⁴) *Маштъ*—мачта. (⁵) *Яуза*—рѣчка, впадающая въ Москву-рѣку. (⁶) *Просяной прудъ*—въ селѣ Измайловѣ. (⁷) *Авантажъ*—удобство. (⁸) *Фрегатъ*—военное судно, похожее на корабль, съ одною закрытою батареею. (⁹) *Яхта*—родъ небольшаго однопалубнаго судна.

154. Взятіе Азова. (¹)

(Народная былина.)

(*1696* г.)

Охъ, бѣдныя головушки солдатскія!
Какъ ни днемъ, ни ночью вамъ покою нѣтъ:
Что со вечера солдатамъ приказъ отданъ былъ,
Со полуночи солдаты ружья чистили,
Ко бѣлу свѣту солдаты во строю стоятъ.
Что не золотая трубонька вострубила,

Не серебряна сиповочка возыграла, (²)
Что возговоритъ нашъ батюшка православный царь: (³)
«Ой вы гой есте, всѣ князья и бояре!
«Вы придумайте мнѣ думушку, пригадайте:
«Еще какъ намъ Азовъ городъ взяти?»
Какъ князи и бояре промолчали,
А и самъ нашъ батюшка прослезился:
«Ой вы гой есте, солдаты и драгуны!
«Вы придумайте мнѣ думушку крѣпкую:
«Еще какъ-то намъ Азовъ городъ взяти?»
Что не ярыя пчелушки зашумѣли,
Какъ возговорятъ солдаты и драгуны:
— Взять ли намъ, не взять ли — бѣлой грудью! —
На восходѣ было краснаго солнышка,
На закатѣ было свѣтлаго мѣсяца,
На зарѣ они на приступъ пошли,
Подъ тотъ ли подъ славный подъ Азовъ городъ,
Что подъ тѣ ли стѣны бѣлокаменныя,
Что подъ тѣ ли подъ раскаты подъ высокіе. (⁴)
Что не съ горъ ли бѣлы камни покатилися,
Покатилися со стѣнъ непріятели;
Не бѣлы снѣги въ полѣ забѣлѣлися,
Забѣлѣлися бѣлы груди бусурманскія;
Что не съ дождичка ручьи разливалися,
Разливалася тутъ кровь нечестивая. (⁵)

(¹) *Азовъ*—см. ст. 134 прим. 1. (²) *Сиповочка*—дудка изъ тростника. (³) *Православный царь*—Петръ Алексѣевичъ. (⁴) *Раскатъ*—помостъ на крѣпостныхъ стѣнахъ, на которомъ ставились пушки. (⁵) Только Запорожскіе и Донскіе казаки ходили на приступъ; Турки сдали Азовъ, не дожидаясь общаго приступа Русскихъ.

155. ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ ВЪ ГОЛЛАНДІИ.

(Августъ 1697 г.)

Деревянный домикъ, подъ черепичною кровлею, въ два ок раздѣленный на двѣ небольшія комнаты, съ изразчатою печью приготовленія пищи, съ глухою каморкою для кровати и съ пр строеннымъ при входѣ чуланчикомъ, въ западной, наиболѣе уе ненной части Саардама, на Кримпѣ, — вотъ чертогъ, гдѣ поселил Петръ, тщательно скрывая свой санъ и добровольно обрекая се тяжкому труду, чтобы втайнѣ изучить искусство, которое долж было возвеличить Россію.

Нетерпѣливо онъ ждалъ рабочей поры, и въ понедѣльникъ, ра утромъ, накупивъ въ лавкѣ вдовы Якова Оме плотничныхъ инстр

въ, записался корабельнымъ плотникомъ, подъ именемъ Петра йлова, на верфи ([1]) Линста Рогге въ Бойтензанѣ. Ежедневно, лнечнымъ восходомъ, отправлялся на работу и, потрудившись ту лица, заходилъ въ какой-нибудь герберъ ([2]) подкрѣпить силы, или посѣщалъ семейства Саардамскихъ плотниковъ, авшихъ въ Москву. Въ потомствѣ ихъ доселѣ сохранились ьнія, переходя изъ рода въ родъ, что дѣлалъ и говорилъ царь овскій. У Маріи Гитмансъ, матери Томаса Іосіаса, женщины ой, но радушной, онъ выпилъ стаканъ джину; ([3]) у жены Яна ена обѣдалъ; Антѣ Метье, спросившей о своемъ мужѣ, ска: «онъ добрый мастеръ; я хорошо знаю его, потому что ря съ нимъ строилъ корабль.»—Развѣ и ты плотникъ? возра недовѣрчивая Голландка.—«Да, и я плотникъ», отвѣчалъ ръ. Чаще другихъ посѣщалъ онъ вдову искуснаго мастера за Муша, умершаго въ Москвѣ. Незадолго предъ тѣмъ она учила, по смерти мужа, отъ имени Россійскаго государя въ рокъ 500 гульденовъ ([4]) и, догадавшись, что Московскій гость простой плотникъ, просила сказать при случаѣ его царскому ичеству, что сердце ея преисполнено живѣйшей признательности щедрую милость, утѣшившую ее въ горькомъ вдовствѣ. Петръ удовольствіемъ согласился передать слова ея царю Московскому охотно остался у нея обѣдать.

Сохранились также преданія о посѣщеніи имъ, во время прогу съ по Саардаму, разныхъ фабрикъ и заводовъ: самымъ тщатель мъ образомъ онъ вникалъ въ ихъ устройство, распрашивалъ стеровыхъ, иногда болѣе, чѣмъ могли или хотѣли объяснить у, нерѣдко слышалъ грубые отвѣты, часто самъ брался за дѣло въ каждомъ мастерствѣ обнаруживалъ изумительную ловкость. къ на бумажной мельницѣ, подъ вывѣскою *Повара*, приглядѣвись къ пріемамъ мастера, онъ попросилъ у него формы, про рно черпнулъ ею изъ чана, наполненнаго массою, и выкинулъ істъ безукоризненнаго совершенства. Довольный успѣхомъ и позалою мастера, онъ подарилъ ему цѣлый талеръ на водку. Съ кимъ же любопытствомъ онъ осматривалъ лѣсопильни, маслобойни, бумагопрядильни, сукновальни и другія мельницы, наполявшія Занландскія деревни; въ Зандикѣ даже помогалъ рабочимъ ъ строеніи крупчатки для купца Кальфа. Она существуетъ до сихъ оръ, подъ именемъ de Grootvorst (великій князь).

Любимая прогулка его была водою. На другой день по пріѣздѣ въ Саардамъ, онъ купилъ у корабельнаго маляра Гармедсона за 40 гульденовъ, съ придачею кружки пива, которую распилъ съ продавцемъ въ герберґѣ близъ Овертома, небольшой яликъ и весело катался на немъ по Зану, по каналамъ и по заливу Эй.

Между тѣмъ съ перваго дня появленія его на верфяхъ, въ Саардамѣ заговорили о Московскомъ плотникѣ: величественный видъ,

замѣтная привычка къ господству, нетерпѣливость въ испо желаній, даже невольные порывы гнѣва,—все измѣняло тайн ландцы, тѣмъ болѣе Голландки, не хотѣли вѣрить, чтобы в статный, красивый Московитъ, съ повелительнымъ взоромъ, бы стой плотникъ: они считали его знатнымъ господиномъ; не толью, кто онъ; развѣдывали, расправшивали, съ возраста любопытствомъ слѣдили за нимъ, и нерѣдко около него соби толпа, къ немалой досадѣ его, которую онъ не всегда могъ с Вскорѣ высокій санъ его не былъ уже тайною для многихъ обнаружилась сначала чрезъ цирюльника.

Одинъ Саардамскій плотникъ писалъ изъ Москвы на род отцу своему, что въ Голландію отправилось великое посол что въ свитѣ скрывается самъ царь, что онъ, безъ сомнѣнія, титъ Саардамъ, и что его не трудно узнать по высокому по трясенію головы, по размахиванію правою рукою и по не шой бородавкѣ на правой щекѣ. Отецъ прочиталъ это п пріятелю своему, цирюльнику Помпу; вскорѣ послѣ того заш цирюльню Московскіе гости, и Помпъ, увидѣвъ, что один нихъ имѣлъ всѣ означенныя въ письмѣ примѣты, не замед разгласить о своемъ открытіи. Сначала не вѣрили ему; и обратились съ расспросами къ Герриту Кисту; тотъ хранилъ т и утверждалъ, что въ домѣ его живетъ простой плотникъ. Но Киста, Ниль Максъ, въ присутствіи многихъ, вскричала на у «терпѣть не могу, когда ты, Герритъ, говоришь неправду!»

Вечеромъ того же дня Петръ навѣстилъ купца Кальфа и, дѣвъ у него бургомистра (⁵) Іора, въ знакъ почтенія, снялъ пр нимъ шляпу. Бургомистръ спросилъ переводчика: «не угодно будетъ господину его откушать завтра рыбы по-саардамски?» П велѣлъ сказать, что господинъ ихъ еще не пріѣхалъ, и отказался приглашенія. Пріятель Кальфа, богатый купецъ Мейнертъ Бл съ своей стороны предлагалъ царю собственный домъ, болѣе у ный для помѣщенія, съ фруктовымъ садомъ, въ лучшей части С ардама, на восточной сторонѣ, и получилъ въ отвѣтъ: «мы знатные господа; простые люди; для насъ довольно и той кварти гдѣ мы живемъ.»

Скоро молва о царѣ-плотникѣ достигла до Амстердама. Од вѣрили ей, другіе сомнѣвались. Богатый негоціантъ Адольфъ Го манъ, неоднократно принимавшій Петра въ своемъ домѣ въ А хангельскѣ, поспѣшилъ отправить въ Саардамъ главнаго при щика своего, Якова Избрандеса, удостовѣриться въ справедливос разсказовъ. Избрандесъ, увидѣвъ царя издали, тотчасъ узналъ ег но не смѣлъ къ нему подойти, возвратился къ хозяину, блѣдны ... полотно, и донесъ, что царь дѣйствительно въ Саардамѣ. Го ... пріятель его Іонгъ немедленно туда отправились, встрѣ ... въ матросской курткѣ и съ изумленіемъ воскликну

ли это, ваше величество?»—Вы сами видите, ласково отвѣчалъ царь, пригласилъ ихъ къ себѣ и долго съ ними бесѣдовалъ.

Въ тотъ же день купилъ онъ у Дирка Стофельса за 450 гульденовъ красивый буеръ (⁶) и собственными руками придѣлалъ къ нему новый бугшпритъ. (⁷) «Нельзя было не удивляться, пишетъ современникъ, съ какимъ рвеніемъ, въ потѣ лица, трудился столь великій государь надъ своимъ буеромъ, и какъ искусно приложенъ имъ бугшпритъ.» Герритъ Мушъ, братъ Класа, служилъ на буерѣ каютъ-юнгою. (⁸) Царь былъ очень доволенъ его расторопностью и усердіемъ, не разъ бывалъ у него въ домѣ, приглашалъ жену его и невѣстку къ себѣ на обѣдъ и подарилъ имъ по золотому кольцу.

Снарядивъ буеръ, Петръ весь слѣдующій день провелъ на водѣ. Въ 4 часа утра онъ былъ уже въ заливѣ; къ полудню возвратился въ Занъ; отобѣдалъ у купца Кальфа, а послѣ обѣда тотчасъ отправился въ заливъ. У Бейтензана пристали къ нему яхты (⁹) и буеры, наполненные любопытными. Онъ хотѣлъ удалиться отъ нихъ и направилъ свой путь къ Галфвегу, плотинѣ, отдѣляющей заливъ отъ Гарлемскаго моря. Безотвязные Голландцы не отставали. Причаливъ къ плотинѣ, царь проворно выскочилъ на берегъ; толпа немедленно окружила его. Онъ разсердился и Корнелію Марсену, который, подошедши ближе другихъ, съ разинутымъ ртомъ смотрѣлъ ему прямо въ глаза, далъ крѣпкую пощечину. —Браво, Марсенъ! закричали въ толпѣ:—ты пожалованъ въ рыцари. Разгнѣванный Петръ заперся въ гербергѣ. Уже позднимъ вечеромъ, когда разсѣялся народъ, онъ возвратился въ Саардамъ.

(¹) *Верфь*—мѣсто для строенія и починки судовъ. (²) *Гербергъ*—трактиръ, харчевня. (³) *Джинъ*—можжевеловая водка. (⁴) *Гульденъ*—серебряная монета, стоимостію около рубля. (⁵) *Бургомистръ*—старшій членъ въ главномъ городовомъ судебномъ мѣстѣ. (⁶) *Буеръ*—полупалубное одномачтовое судно. (⁷) *Бугшпритъ*—мачта на передней части корабля, въ наклоненномъ положеніи выдающаяся за водорѣзъ. (⁸) *Каютъ-юнга*—матросскій ученикъ при каютѣ. (⁹) *Яхта*—см. ст. 153 прим. 9.

156. ПОѢЗДКА ПЕТРА ВЕЛИКАГО ЗА ГРАНИЦУ.

(Народная былина.)

(1697—1698 г.)

Какъ никто-то про то не знаетъ, не вѣдаетъ,
Что куда-то нашъ государь-царь собирается:
Чистымъ серебромъ кораблики изнаполнилъ,
Краснымъ золотомъ суденышки изукрасилъ;
Онъ беретъ-то съ собой силушки очень мало,
Что однихъ только Преображенскіихъ гренадеровъ.

Возлѣ милаго сижу млада,
Меня милый другъ журитъ-бранитъ,
Онъ-то журитъ-бранитъ,
Въ монастырь идти велитъ:
«Постригись, моя немилая.
«Посхимися, постылая!
«На постриженье выдамъ сто рублей,
«На посхименье тебѣ тысячу.
«Я поставлю нову келейку
«Въ зеленомъ саду подъ яблоней;
«Прорублю я три окошечка:
«Первое ко Божьей церкви,
«Другое-то въ зеленый садъ,
«Третье-то во чисто поле.
«Въ Божьей церкви ты намолишься,
«Въ зеленомъ саду нагуляешься,
«Во чисто поле насмотришься.»
Случилось ѣхать князьямъ боярамъ;
Они спрашиваютъ: «что за келейка,
«Что за келейка, что за новенька?
«Что въ ней за монашенька, за молоденька?
«Еще кѣмъ она пострижена?»
Отвѣчала имъ монахиня:
— Я пострижена самимъ царемъ,
— Я посхимлена Петромъ Первымъ,
— Черезъ его змѣю лютую.—(²)

(¹) См. ст. 157-ю. (²) Въ Москвѣ носилась молва, что остудила царя къ царицѣ золовка ея, царевна Наталья Алексѣевна.

159. Казни стрѣльцевъ. (¹)

(1698 г.)

30 Сентября была первая казнь: стрѣльцевъ, числомъ 201 человѣкъ, повезли изъ Преображенскаго (²) въ телѣгахъ къ Покровскимъ воротамъ; въ каждой телѣгѣ сидѣло по-двое и держали въ рукѣ по зажженной свѣчѣ; за телѣгами бѣжали жены, матери, дѣти, съ страшными криками. У Покровскихъ воротъ, въ присутствіи самого царя, прочитана была сказка: (³) «Въ распросѣ и съ пытокъ всѣ сказали, что было приттить къ Москвѣ и на Москвѣ, учиня бунтъ, бояръ побить, и Нѣмецкую слободу разорить, и [illegible]въ побить, и чернь возмутить,—всѣми четыре полки вѣдали и [illegible]али. И за то ваше воровство великій государь указалъ казнить

ю.» По прочтеніи сказки, осужденныхъ развезли вершить ([4]) азанныя мѣста; но пятерымъ, сказано въ дѣлѣ, отсѣчены го- въ Преображенскомъ. Свидѣтели достовѣрные объясняютъ намъ гранность: самъ Петръ собственноручно отрубилъ головы этимъ ымъ стрѣльцамъ. 11 Октября новыя казни: вершено 144 че- :а; на другой день—205; на третій—141; семнадцатаго Октября— осьмнадцатаго—65; девятнадцатаго—106; двадцать перваго—2. стрѣльцевъ повѣшено подъ Новодѣвичьимъ монастыремъ, пе- кельею царевны Софьи; трое изъ нихъ, повѣшенные подлѣ хъ оконъ, держали въ рукахъ челобитныя: ([5]) «а въ тѣхъ че- тныхъ написано противъ ихъ повинки.» Въ Преображенскомъ исходили кровавыя упражненія: здѣсь 17 Октября приближенные рубили головы стрѣльцамъ: князь Ромодановскій отсѣкъ четыре овы; Голицынъ, по неумѣнью рубить, увеличилъ муки доставшаго- эму несчастнаго; любимецъ Петра Алексашка ([6]) хвалился, что зглавилъ 20 человѣкъ; полковникъ Преображенскаго полка Блюм- гъ и Лефортъ ([7]) отказались отъ упражненій, говоря, что въ ихъ іяхъ этого не водится. Петръ смотрѣлъ на зрѣлище, сидя на ади, и сердился, что нѣкоторые бояре принимались за дѣло петными руками. «А у пущихъ воровъ и заводчиковъ ломаны и и ноги колесами; и тѣ колеса воткнуты были на Красной ощади на колья; и тѣ стрѣльцы, за ихъ воровство, ломаны вые, положены были на тѣ колеса и живы были на тѣхъ коле- съ не много не сутки, и на тѣхъ колесахъ стонали и охали; и указу великаго государя одинъ изъ нихъ застрѣленъ изъ фу- и, а застрѣлилъ его Преображенскій сержантъ Александръ Мен- иковъ. А попы, которые съ тѣми стрѣльцами были у нихъ въ лкахъ, одинъ передъ тіунскою избою ([8]) повѣшенъ, а другому сѣчена голова и воткнута на колъ, и тѣло его положено на ко- эсо». Цѣлые пять мѣсяцевъ трупы не убирались съ мѣстъ казни; ѣлые пять мѣсяцевъ стрѣльцы держали свои челобитныя передъ кнами Софьи.

([1]) Пользуясь отсутствіемъ Петра изъ Россіи (см. ст. 155-ю), стрѣльцы (см. ст. 09 прим. 4), стоявшіе на Литовской границѣ, взбунтовались и пошли къ Москвѣ. Царевна Софья Алексѣевна (см. ст. 150 прим. 7), заключенная Петромъ въ Ново- дѣвичій монастырь, говорятъ, звала ихъ въ Москву, распространяя слухъ, будто бы Петръ умеръ. Шеинъ и Гордонъ, съ регулярными войсками, разбили стрѣль- цевъ: главные виновники были казнены, а остальные заключены въ тюрьмы. Петръ, вернувшись изъ-за границы, остался недоволенъ розыскомъ Шеина, и на- чались новыя пытки и казни. ([2]) *Преображенское* — подмосковное село, гдѣ про- изводился розыскъ надъ стрѣльцами. ([3]) *Сказка* — судебный приговоръ. ([4]) *Вер- шить* — казнить смертью. ([5]) *Челобитныя*—прошеніе, поданное Софьѣ. ([6]) *Алек- сашка* — Александръ Даниловичъ Меншиковъ. ([7]) *Лефортъ*—иностранецъ, лю- бимецъ Петра. ([8]) *Тіунская изба*—см. ст. 77 прим. 6.

100. Какъ Петръ казнилъ стрѣльцовъ. (¹)

(Разсказъ иностранца очевидца.)

(3 Февраля 1699 г.)

День ужасный, такъ какъ сегодня казнено двѣсти чело
Этотъ день несомнѣнно долженъ быть отмѣченъ черною кра
Всѣ были обезглавлены топоромъ. На пространной площади,
легающей къ Кремлю, были приготовлены плахи, на ко
осужденные должны были класть головы. Я (²) измѣрилъ шагам
ну плахъ и нашелъ, что ширина вдвое ихъ длины. Его ца
величество съ извѣстнымъ Александромъ, (³) общество кот
онъ наиболѣе любитъ, пріѣхалъ туда въ каретѣ и, проѣхавъ
ужасную площадь, остановился неподалеку отъ нея, на том
стѣ, гдѣ тридцать осужденныхъ поплатились головою за свой
ступный заговоръ. Между тѣмъ злополучная толпа осужден
наполнила вышеозначенную площадь. Тогда царь пошелъ туд
того, чтобы при немъ были казнены тѣ, которые въ отсутствіе
составили святотатственный замыслъ на столь беззаконное пре
пленіе. Между тѣмъ писарь, становясь въ разныхъ мѣстахъ
щади на лавку, которую подставлялъ ему солдатъ, читалъ во
услышаніе собравшемуся народу приговоръ на мятежниковъ, чт
придать бо́льшую извѣстность безмѣрности ихъ преступлені
справедливости опредѣленной имъ за оное казни. Народъ молч
и палачъ началъ трагедію. Несчастные должны были соблюд
извѣстный порядокъ: они шли на казнь поочередно. На лицахъ
не видно было ни печали, ни ужаса предстоящей смерти. Я
принимаю за мужество подобное безчувствіе къ смерти, но дум
что это самоотверженіе и презрѣніе къ жизни проистекли у ни
не отъ твердости ихъ духа, а единственно отъ того, что, сознав
какъ много они обезчестили себя своимъ ужаснымъ преступле
емъ, и вспоминая о жестокихъ истязаніяхъ, претерпѣнныхъ и
на дняхъ, ужъ не дорожили болѣе собою, и жизнь имъ опро
вѣла. Одного изъ нихъ провожала до самой плахи жена съ дѣтьм
испуская пронзительные вопли. Прежде чѣмъ положить на пла
голову, отдалъ онъ на память женѣ и малымъ дѣтямъ, горько пл
кавшимъ, перчатки и платокъ, который ему оставили. Другой,
дойдя по очереди къ плахѣ, сѣтовалъ, что долженъ безвинно ум
реть. Царь, находившійся отъ него только на одинъ шагъ разсто
янія, отвѣчалъ: «Умирай, несчастный! А если ты невиненъ, пус
вина за пролитіе твоей крови падетъ на меня!» Кромѣ царя и
вышеупомянутаго Александра, присутствовали еще нѣкоторые и
Московскихъ вельможъ. Одному изъ нихъ царь сказалъ, чтобы
онъ взялся за топоръ; а какъ тотъ отвѣтилъ, что онъ не имѣетъ
достаточной для того смѣлости, то царь попрекнулъ его дуракомъ.

кончаніи расправы, его царское величество изволилъ ужи-
у генерала Гордона, но не былъ веселъ и очень распростра-
і о злобѣ и упрямствѣ преступниковъ, съ негодованіемъ раз-
ıвая генералу Гордону и присутствующимъ Московскимъ вель-
ıмъ о закоренѣлости одного изъ осужденныхъ, который въ ми-
, какъ лечь на плаху, осмѣлился сказать царю, стоявшему,
ıятно, слишкомъ близко къ плахѣ: «Посторонись, государь! Это
ıлженъ здѣсь лечь!» Изъ 150 человѣкъ только трое, сознаваясь
ıреступленіи и государственной измѣнѣ, просили его царское
ıчество, въ присутствіи котораго давали свое показаніе, о
щеніи, а потому государь освободилъ ихъ отъ смертной казни
ıростилъ имъ ихъ преступленіе, такъ какъ они оказали себя
тойными царской милости. На слѣдующій день назначена была
ıая расправа, на которую царь приглашалъ генерала Гордона,
ъ какъ онъ желалъ казнить преступниковъ новымъ, еще неиз-
стнымъ его народу способомъ: не топоромъ, а мечемъ. Въ тотъ
вечеръ многократно упомянутый мною Александръ ѣздилъ въ
ıетѣ на всѣ перекрестки города и часто показывалъ обнажен-
й мечъ, давая тѣмъ знать, съ какимъ нетерпѣніемъ ожидаетъ
ъ кровавой трагедіи слѣдующаго дня.

(¹) См. ст. 159-ю. (²) Я—Корбъ, секретарь цесарскаго посольства. (³) Александръ—
і. ст. 159 прим. 6.

161. СТРѢЛЕЦКІЙ АТАМАНЪ МОЛИТЪ ПЕТРА О ПОЩАДѢ. (¹)

(Изъ народной былины.)

(1698 г.)

Бывало-де, православный царь
Любилъ стрѣльцевъ, много жаловалъ;
Ныньче государь на насъ прогнѣвался
И хочетъ стрѣльцевъ казнить-вѣшати,
Съ самого съ атамана голову рубить.
Сходились стрѣльцы во единый кругъ,
Они думали крѣпку думу за единую,
Посылали атамана къ самому царю:
«Поди-ка, атаманъ, къ самому царю;
«Кланяйся царю въ рѣзвы ноженьки,
«Проси у царя большой милости:
«Не можно ли насъ, батюшка, стрѣльцевъ простить?
«Возьмемъ мы ему городъ, который надобно;
«Безъ свинцу возьмемъ, безъ пороху,
«Безъ его снаряду государева,
«Возьмемъ городъ грудью бѣлою.»

164. Взятіе Шлиссельбурга. (1)

(Народная былина.)

(*11 Октября 1702 г.*)

Ты злодѣй, злодѣй, ретиво сердце,
Ретиво сердце, молодецкое!
Къ чему ты ныло, занывало?
Ты бѣду мнѣ, молодцу, предвѣщало,
Предвѣщало ты, а не сказало.
Что быть ли мнѣ, молодцу, во рекрутахъ,
Что въ рекрутахъ быть, и во солдатахъ,
А въ солдатахъ быть, и во походѣ,
Что подъ славнымъ городомъ Орѣшкомъ,
По нынѣшнему званію, Шлиссельбургомъ.
Ужъ и скоро Шведы догадалися,
Они ударили тотчасъ въ барабаны,
Наши Русскіе солдаты во литавры. (2)
Да что возговоритъ нашъ батюшка императоръ:
«Ахъ вы, любимые мои генералы!
«Вы придумайте мнѣ думу, пригадайте:
«Еще брать ли намъ городъ Орѣшекъ,
«Иль не лучше ли намъ отъ него отступити?»
Что возговорятъ всѣ генералы:
— Ахъ ты, нашъ батюшка-государь царь!
— Еще сила намъ будетъ нада,
— Что не лучше-ль намъ отсюда отступити? —
Что возговоритъ надежда-государь царь:
«Ахъ вы, дѣтушки мои солдаты!
«Вы придумайте мнѣ думушку, пригадайте:
«Еще брать ли намъ городъ Орѣшекъ?»
Что не ярыя тутъ пчелы зашумѣли,
Что возговорятъ Россійскіе солдаты:
— Ахъ ты, нашъ батюшка-государь царь!
— Намъ водою къ нему плыти—не доплыти,
— Намъ сухимъ путемъ идти—не достигнути,
— А что брать или не брать ли—бѣлой грудью! —
Тронулось войско ко стѣнѣ,
Полетѣли башни на берегъ;
Отворилися ворота не продѣланны,
А проломаны изъ пушекъ ядрами;
Побѣдили силу Шведскую,
Полонили городъ надобный.

[illegible] (1) Петръ, взявши Шведскую крѣпость Нотебургъ, переименовалъ ее въ Шл[illegible] [illegible]ргъ. (2) *Литавры*—музыкальный ударный инструментъ, состоящій изъ дв[illegible] [illegible] полушарій, обтянутыхъ кожею.

165. ОСНОВАНІЕ ПЕТЕРБУРГА.
(*1703 г.*)

На берегу пустынныхъ волнъ
Стоялъ онъ, думъ великихъ полнъ, (¹)
И вдаль глядѣлъ. Предъ нимъ широко
Рѣка неслася; бѣдный челнъ
По ней стремился одиноко.
По мшистымъ, топкимъ берегамъ
Чернѣли избы здѣсь и тамъ,
Пріютъ убогаго Чухонца;
И лѣсъ, невѣдомый лучамъ,
Въ туманѣ спрятаннаго солнца,
Кругомъ шумѣлъ.
И думалъ онъ:
«Отсель грозить мы будемъ Шведу;
Здѣсь будетъ городъ заложенъ,
На зло надменному сосѣду;
Природой здѣсь намъ суждено
Въ Европу прорубить окно,
Ногою твердой стать при морѣ;
Сюда, по новымъ имъ волнамъ,
Всѣ флаги въ гости будутъ къ намъ,
И запируемъ на просторѣ.»

¹) *Онъ*—Петръ Великій.

166. ИЗМѢНА КАЗАКА НЕКРАСОВА. (¹)
(Народная былина.)
(*1708 г.*)

Возмутился славный нашъ тихой Донъ,
Возмутился и совершился
До славнаго до устьица,
До города до Черкасскаго; (²)
Возмутилъ его Донской казакъ,
По имени и по отечеству, Игнатьюшка Иванычъ,
По фамильицѣ, Некрасовъ.
Онъ-то ушелъ, увелъ силы-рати сорокъ тысячъ,
Окромѣ стариковъ староженныхъ,
Опричь малолѣтковъ малолѣтныхъ,
И отъ тумовъ прироженныхъ. (³)
Да со вечера они собиралися,
А во полуночь они въ походъ пошли,
На бѣлой зарѣ проходили

Славной тихой Донъ;
На славную Днѣпръ-рѣку они становилися;
Во чистомъ полѣ и во зеленыхъ лугахъ расположилис
Казаченьки теплыми лагерьми;
Распускали царску знамичку позлащеную,
Собиралея къ знамичку казачій кругъ.
Во кругу стоитъ раздвижной стулъ;
На стулѣ сидитъ ихъ молодой атаманушка,
Игнатьюшка Иванычъ сынъ Некрасовъ;
Передъ нимъ стоятъ его сотники любимые его.
Онъ же пишетъ наскоро грамотку,
Не перомъ пишетъ, не чернилами,
А онъ пишетъ своими горючьми слезами,
Къ графу Долгорукому:
«Ты спасибо, нашъ батюшка!
«Поилъ-кормилъ и берегъ-жаловалъ;
«Ты въ одномъ же на насъ, батюшка, прогнѣвался:
«Захотѣлъ старикамъ усы-бороды брить
«И молодыхъ дѣтей во солдаты брать;
«Ты пріѣхалъ къ намъ на тихой Донъ,
«Безъ указу-то насъ разорять сталъ.
«Ужъ мы бросили свое бытье-богатство,
«Со того-то мы со тиха Дона долой пошли,
«Мы пошли къ Турецкому хану въ подданство;
«Онъ принялъ насъ со честію, со славою.»

(1) Петръ I отправилъ на Донъ отрядъ войска, чтобы отыскивать бѣглы шайка голутвенныхъ (бѣдныхъ) казаковъ, подъ предводительствомъ стар Булавина, истребила царское войско. Противъ казаковъ былъ посланъ кн. В лій Долгорукій, который и усмирилъ возстаніе, казнивъ множество бунтовщ Но одинъ изъ товарищей Булавина, Некрасовъ, успѣлъ съ своею шайкою на Кубань, поддался Крымскому хану, а потомъ перешелъ на нижній Ду Турецкую область. Потомки этихъ переселенцевъ извѣстны подъ именемъ Не *совцевъ.* (2) *Черкасскъ*—въ старину главный городъ Донскихъ казаковъ, вз Булавинымъ. (3) *Тумы*—выродки, глупые люди.

107. КАЗАКЪ.

Кто при звѣздахъ и при лунѣ
Такъ поздно ѣдетъ на конѣ?
Чей это конь неутомимой
Бѣжитъ въ степи необозримой?
Казакъ на сѣверъ держитъ путь,
Казакъ не хочетъ отдохнуть
Ни въ чистомъ полѣ, ни въ дубравѣ,
Ни при опасной переправѣ.

Какъ стекло, булатъ его блеститъ;
Мѣшокъ за пазухой звенитъ;
Не спотыкаясь, конь ретивой
Бѣжитъ, размахивая гривой.
Червонцы нужны для гонца,
Булатъ—потѣха молодца,
Ретивый конь—потѣха тоже;
Но шапка для него дороже.
За шапку онъ оставитъ радъ
Коня, червонцы и булатъ;
Но выдастъ шапку только съ бою
И то лишь съ буйной головою.
Зачѣмъ онъ шапкой дорожитъ?
Затѣмъ, что въ ней доносъ зашитъ,
Доносъ на гетмана злодѣя
Царю Петру отъ Кочубея. (1)

---

(1) Гетманъ Мазепа велъ тайные переговоры съ Польскимъ королемъ Станиславомъ Лещинскимъ, другомъ Шведскаго короля Карла XII. Генеральный судья Кочубей и полковникъ Искра донесли объ этомъ Петру, но Петръ не повѣрилъ имъ и выдалъ ихъ Мазепѣ.

168. Казнь Кочубея и Искры. (1)
(14 Іюля 1708 г.)

Пестрѣютъ шапки. Копья блещутъ.
Бьютъ въ бубны. Скачутъ сердюки; (2)
Въ строяхъ ровняются полки.
Толпы кипятъ; сердца трепещутъ.
Дорога, какъ змѣиный хвостъ,
Полна народу, шевелится.
Средь поля роковой помостъ;
На немъ гуляетъ, веселится
Палачъ и алчно жертвы ждетъ:
То въ руки бѣлыя беретъ,
Играючи, топоръ тяжелой;
То шутитъ съ чернію веселой.
Въ гремучій говоръ все слилось:
Крикъ женскій, брань, и смѣхъ, и ропотъ.
Вдругъ восклицанье раздалось—
И смолкло все. Лишь конскій топотъ
Былъ слышенъ въ грозной тишинѣ.
Тамъ, окруженный сердюками,
Вельможный гетманъ съ старшинами
Скакалъ на ворономъ конѣ.

А тамъ, по Кіевской дорогѣ,
Телѣга ѣхала. Въ тревогѣ
Всѣ взоры обратили къ ней.
Въ ней, съ міромъ, съ небомъ примиренный,
Могущей вѣрой укрѣпленный,
Сидѣлъ безвинный Кочубей,
Съ нимъ Искра тихій, равнодушный,
Какъ агнецъ, жребію послушный.
Телѣга стала Раздалось
Моленье ликовъ громогласныхъ;
Съ кадилъ куренье поднялось.
За упокой души несчастныхъ
Безмолвно молится народъ,
Страдальцы за враговъ. И вотъ
Идутъ они, взошли. На плаху,
Крестясь, ложится Кочубей.
Какъ будто въ гробѣ, тмы людей
Молчатъ. Топоръ блеснулъ съ размаху,
И отскочила голова.
Все поле охнуло. Другая
Катится вслѣдъ за ней, мигая.
Зардѣлась кровію трава,
И, сердцемъ радуясь, во злобѣ
Палачъ за чубъ поймалъ ихъ обѣ
И напряженною рукой
Потрясъ ихъ обѣ надъ толпой.

---

(1) См. ст. 167 прим. 1. (2) *Сердюки*—войско, состоявшее на собственномъ иждив. гетмановъ.

169. ШЕРЕМЕТЕВЪ ОТПРАВЛЯЕТСЯ ПОДЪ ПОЛТАВУ.

(Народная былина.)

(1709 г.)

Еще что у насъ въ Москвѣ, братцы, за кручина?
Наканунѣ было Свѣтла воскресенья,
Заунывно въ Царь-колоколъ звонили,
Съѣзжалися князья и всѣ бояре
Во Успенской во соборъ Богу молиться.
Молились они Господу со слезами;
Что одинъ изъ нихъ бояринъ не молился,
Генералъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ.
Почастехоньку вонъ изъ церкви выступаетъ,
Къ бѣлой каменной оградѣ припадаетъ,
Горючьми слезами обливался,
Миткалиннымъ онъ платочкомъ утирался:

«Ужъ тошно мнѣ, боярину, тошнехонько;
«Никогда-то мнѣ таково тошно не бывало;
«Что болитъ, болитъ у боярина головка;
«Щемитъ, щемитъ ретиво сердечко:
«Что сказана боярину царска служба,
«Указанъ путь широкая дорожка
«Подъ славный подъ городъ подъ Полтаву.
«Какъ быть-то мнѣ, боярину, убиту
«Подъ славнымъ подъ городомъ подъ Полтавой,
«На чистомъ полѣ лебединомъ.» (1)

...льдмаршалъ Шереметевъ не былъ убитъ подъ Полтавою.

170. ПОЛТАВСКАЯ БИТВА.

(27 Іюня 1709 г.)

...итъ востокъ зарею новой.
на равнинѣ, по холмамъ,
...чутъ пушки. Дымъ багровой
...ми всходитъ къ небесамъ
...стрѣчу утреннимъ лучамъ.
и ряды свои сомкнули;
...устахъ разсыпались стрѣлки.
...тся ядра, свищутъ пули;
...сли хладные штыки.
ы любимые побѣды,
...зь огнь окоповъ рвутся Шведы;
...нуясь, конница летитъ;
...ота движется за нею
...яжкой твердостью своею
стремленія крѣпитъ.
...битвы поле роковое
...митъ, пылаетъ здѣсь и тамъ;
явно счастье боевое
...жить ужъ начинаетъ намъ.
...льбой отбитыя дружины,
...шаясь, падаютъ во прахъ;
...одитъ Розенъ сквозь тѣснины;
...ается пылкій Шлиппенбахъ. (1)
...снимъ мы Шведовъ рать за ратью;
...мнѣетъ слава ихъ знаменъ,
Бога браней благодатью
...ашъ каждый шагъ запечатлѣнъ.

Тогда-то свыше вдохновенный
Раздался звучный гласъ Петра:
«За дѣло, съ Богомъ!» Изъ шатра,
Толпой любимцевъ окруженный,
Выходитъ Петръ. Его глаза
Сіяютъ. Ликъ его ужасенъ;
Движенья быстры. Онъ прекрасенъ;
Онъ весь какъ Божія гроза
Идетъ. Ему коня подводятъ.
Ретивъ и смиренъ вѣрный конь.
Почуя роковой огонь,
Дрожитъ, глазами косо водитъ
И мчится въ прахѣ боевомъ,
Гордясь могущимъ сѣдокомъ.
Ужъ близокъ полдень. Жаръ пылаетъ.
Какъ пахарь, битва отдыхаетъ.
Кой-гдѣ гарцуютъ казаки;
Равняясь, строятся полки;
Молчитъ музыка боевая.
На холмахъ пушки, присмирѣвъ,
Прервали свой голодный ревъ.
И се, равнину оглашая,
Далече грянуло *ура:*
Полки увидѣли Петра.

И онъ промчался предъ полками,
Могущъ и радостенъ какъ бой.
Онъ поле пожиралъ очами.

За нимъ во слѣдъ неслись толпой
Сіи птенцы гнѣзда Петрова,
Въ премѣнахъ жребія земнова,
Въ трудахъ державства и войны,
Его товарищи, сыны:
И Шереметевъ благородный, (²)
И Брюсъ, и Боуръ, (³) и Рѣпнинъ,
И, счастья баловень безродный,
Полудержавный властелинъ. (⁴)
И передъ синими рядами
Своихъ воинственныхъ дружинъ,
Несомый вѣрными слугами,
Въ качалкѣ, блѣденъ, недвижимъ,
Страдая раной, Карлъ явился; (⁵)
Вожди героя шли за нимъ.
Онъ въ думу тихо погрузился;
Смущенный взоръ изображалъ
Необычайное волненье.
Казалось, Карла приводилъ
Желанный бой въ недоумѣнье....
Вдругъ слабымъ маніемъ руки

На Русскихъ двинулъ онъ
И съ ними царскія дружи
Сошлись въ дыму среди равн
И грянулъ бой, Полтавскій
Въ огнѣ, подъ градомъ раскал
Стѣной живою отраженны
Надъ падшимъ строемъ свѣжі
Штыки смыкаетъ. Тяжкой г
Отряды конницы летучей,
Браздами, саблями звуча,
Сшибаясь, рубятся съ плеча.
Бросая груды тѣлъ на груд
Шары чугунные повсюду
Межъ ними прыгаютъ, разят
Прахъ роютъ и въ крови ши
Шведъ, Русскій колетъ, *рубит*
. . . . жет
Бой барабанный, клики, *скрежет*
Громъ пушекъ, топотъ, ржанье, с
И смерть, и адъ со всѣхъ *сторо*

(¹) *Разенъ* и *Шлиппенбахъ*—Шведскіе генералы. (²) *Шереметевъ*—Борис тровичъ, Русскій фельдмаршалъ. См. ст. 169-ю. (³) *Брюсъ*—начальникъ арти *Боуръ*—начальникъ конницы, командовавшій нашимъ правымъ крыло *Меншиковъ*,—командовавшій лѣвымъ крыломъ. (⁵) Шведскій король *Карл* наканунѣ раненый въ ногу въ схваткѣ съ нашими казаками, во *время ср* ѣздилъ въ коляскѣ, и когда она была разбита ядромъ, велѣлъ посадить се перекрещенныя пики.

171. МАЗЕПА И ПАЛІЙ. (¹)

(Народное преданіе.)

Былъ когда-то гетманъ Мазепа, котораго и царь называлъ ба шкой. А Кочубей съ Искрой узнали, что онъ хочетъ воевать Шведомъ противъ Восточнаго царя, и пошли къ царю Восточно —Гой ты, царь Восточный! говорятъ они:—хочетъ Мазепа вое противъ тебя. Но царь имъ не повѣрилъ. — Можно ли, говори чтобы онъ противъ меня воевалъ?

Только что они отошли, какъ скачетъ гонецъ къ царю: «гото тесь къ битвѣ! говоритъ:—Мазепа на васъ ударитъ.» Царь изуми ся: «скачи, говоритъ, вслѣдъ за ними; спѣши, какъ только мож а то онъ ихъ погубитъ.» Прискакалъ гонецъ, а имъ ужъ головы от сѣкли. (²)

Вотъ, какъ началъ Мазепа воевать противъ царя, то Богъ знаетъ что и дѣлать. Въ Батуринѣ встащилъ онъ пушки на самый ра

на церковь и все стрѣляетъ. Такъ избилъ, что наше войско мъ завертѣлось; погибать, да и только. Царь безпокоится. тъ ли въ нашемъ царствѣ такого человѣка, который бы зналъ, одолѣть Мазепу? пусть обзовется, говоритъ:—я его пожалую. ь один старый Запорожецъ осмѣлился и говоритъ: «Пойду я царю и скажу, что есть у насъ такой человѣкъ, Палій Семенъ.» ервый императоръ былъ такой строгій, что только солги, то лову снимет.) И пошелъ.—А зачѣмъ ты, казакъ, пришелъ? ритъ царь.—«Пришелъ я, царь, посовѣтовать тебѣ, что у насъ такой человѣкъ, Семенъ Палій. Онъ одолѣетъ Мазепу.» А » говоритъ: «Палія нѣтъ уже на свѣтѣ.»—Нѣтъ, царь; онъ ь, только въ Сибири.

отъ послали за нимъ огненную почту, быстрѣе птицы; примча Палія къ царю.—Эй, Палій Семенъ! говоритъ царь:—вотъ по иемъ царство.—А онъ говоритъ: «Не бойся; какъ заѣду, то еще етъ по нашему.» Тотчасъ дали ему поѣсть.—Нѣтъ, говоритъ ::—пускай сперва благовѣстятъ къ Божіей службѣ...

— Теперь, говоритъ, давайте мнѣ коня. Пошелъ въ конюшню: не жетъ найти по себѣ коня: встряхнетъ за гриву, конь такъ и по ится.—Нѣтъ, говоритъ, у тебя, царь, нѣтъ по мнѣ коня. Царь серди лся: «какъ нѣтъ? я царь, и у меня нѣтъ для тебя коня!» Нѣту, говоритъ Палій.—Пустите меня въ казацкое войско, такъ я беру по себя коня. Пошелъ Палій въ казацкое войско, смотритъ:) конь везетъ воду. Онъ и заплакалъ.—Я, говоритъ, въ неволѣ, конь мой въ неволѣ! Но какъ сѣлъ онъ на коня, то конь подъ мъ словно орелъ.—Теперь поѣдемъ, царь, въ Мазепино войско; къ услышишь, что про тебя говорятъ. Поѣхали, смотрятъ: сидятъ » палаткѣ втроемъ Мазепа, Шведъ и Турецкій паша и говорятъ: стребимъ все его войско и царство между собой раздѣлимъ.» -Видишь, царь, что говорятъ!—Только Мазепа и Турецкій паша не идѣли царя и Палія, а Шведъ смекнулъ, что это что-то не спро га и выстрѣлилъ по Палію изъ ружья. А Палій повернулся къ арю и говоритъ: «Если-бъ не старая кожа, то, можетъ, и про илъ бы. Хорошъ и этотъ бестія!»

Ѣдутъ уже оттуда, а Запорожцы сидятъ и играютъ въ карты. —Здравствуйте, паны молодцы! говоритъ Палій.—Что, будемъ биться, или мириться? А одинъ Запорожецъ говоритъ: «это Палій по ѣхалъ.»—Кой чертъ Палію быть здѣсь!—Какъ тутъ онъ въѣхалъ въ свое войско и знаки свои выставилъ, они такъ и обмерли.

А Мазепа былъ наученъ Паліемъ, (*) а потому царь и говоритъ: «Что же, Палій? тебѣ съ нимъ не справиться: вѣдь ты самъ его научилъ.»—Нѣтъ, царь, отвѣтилъ Палій:—хоть я и научилъ его, да не всему. И началъ заряжать пушки накресть: одну сюда, а другую туда, одну сюда, а другую туда.—Теперь, говоритъ

173. Взятіе Риги.

(Народная былина.)

(1710 г.)

Какъ по морю, морю синему, по синю морю, по Балтійскі,
Тутъ и плыли, восплывали три военныхъ корабля:
На первыимъ на кораблик императоръ-царь сидитъ,
На другимъ корабликѣ князья-бояре сидятъ,
А на третіимъ корабликѣ—все солдатушки,
Сидѣли солдаты полку Семеновскаго,
Той же первой роты Бомбандирскія.
Парусы они роняли бѣлы полотняные,
Того ли полотенца все голландскаго;
Якори они бросали все булатные,
Того ли булату все сибирскаго;
Мосты они намостили все дубовые;
Подкопы они копали все глубокіе,
Глубокіе подкопы, на двѣнадцать верстъ;
Бочки закатали со лютымъ зельемъ,
Со лютымъ зельемъ, съ чернымъ порохомъ;
Свѣчки зажигали воску ярого.
Свѣчи догорали, бочки разорвало,
Что взрывало стѣну бѣлокаменную.
Вотъ и стали государя-царя поздравляти:
«Ужъ ты здравствуй, государь нашъ православный царь!
«Поздравляемъ тебя съ крѣпкіимъ городомъ,
«Съ крѣпкимъ городомъ, со Ригою.»

174. Казни сообщниковъ царевича Алексѣя.

(Разсказъ иностранца современника.)

(Мартъ 1718 г.)

За два дня до отъѣзда моего въ С. Петербургъ происходили въ Москвѣ казни: маіоръ Степанъ Глѣбовъ, пытанный страшно к томъ, раскаленнымъ желѣзомъ, горящими угольями, трое суто привязанный къ столбу на доскѣ съ деревянными гвоздями и пр всемъ томъ ни въ чемъ не сознавшійся, 15 Марта посаженъ колъ часу въ третьемъ предъ вечеромъ и на другой день рано у ромъ кончилъ жизнь. Въ понедѣльникъ 17 Марта колесованъ (¹) ар ерей Ростовскій, завѣдывавшій Суздальскимъ монастыремъ, гдѣ на ходилась бывшая царица; послѣ казни, онъ обезглавленъ, тѣло со жено, а голова взоткнута на колъ. Александръ Кикинъ, прежн любимецъ царя, также колесованъ; мученія его были медленны съ промежутками, для того, чтобы онъ чувствовалъ страданія. Н

день царь проѣзжалъ мимо. Кикинъ еще живъ былъ на онъ умолялъ пощадить его и дозволить постричься въ ырѣ. По приказанію царя, его обезглавили и голову взо на колъ. Третьимъ лицомъ былъ прежній духовникъ ца- Онъ также колесованъ, голова взоткнута на колъ, тѣло сож- Четвертымъ былъ простой писарь, который торжественно въ укорялъ царя въ лишеніи царевича престола и подалъ у: онъ былъ колесованъ; на колесѣ сказалъ, что хочетъ от- царю нѣчто важное, снятъ былъ съ колеса и привезенъ къ въ Преображенское; (²) не могъ однако-жъ отъ слабости ска- ы слова, и порученъ былъ на излѣченье хирургамъ; но какъ сть увеличилась, то голова его была отрублена и взоткнута лъ, а тѣло положено на колесо. При всемъ томъ думаютъ, что тайно открылъ царю, кто его подговорилъ, и отчего обна- лъ такую ревность къ царевичу.

омѣ того, иные наказаны кнутомъ, другіе батогами всенаро- и съ обрѣзанными носами сосланы въ Сибирь. Знатная дама, фамиліи Троекуровыхъ, бита кнутомъ; другая, изъ фамиліи Голо- хъ, батогами. По окончаніи экзекуціи, княгиня, нѣсколько лѣтъ шая въ большой силѣ при дворѣ, супруга князя Голицына, ая дочь стараго князя Прозоровскаго, привезена была въ ображенское; тамъ, на пыточномъ дворѣ, въ кругу сотни атъ, положена на землю съ обнаженною спиною и очень боль- высѣчена батогами; послѣ того отправлена къ мужу, который слалъ ее въ домъ отца.

ъ городѣ, на большой площади предъ дворцемъ, гдѣ происхо- а экзекуція, поставленъ четыреугольный столпъ изъ бѣлаго ня, вышиною около шести локтей, съ желѣзными шписами по ронамъ, на которыхъ взоткнуты головы казненныхъ, между ко- ыми виднѣлся трупъ Глѣбова, какъ бы сидящій въ кругу другихъ.

---

[1]) Царевичъ Алексѣй Петровичъ былъ воспитанъ въ сочувствіи къ старинѣ и въ ависти къ отцевскимъ нововведеніямъ. Когда Петръ, истощивъ мѣры строго- , потребовалъ наконецъ отъ сына, чтобы онъ или постригся въ монахи, или из- нилъ свой характеръ и поведеніе, царевичъ согласился на постриженіе, но вмѣ- о того отправился за границу и обратился къ покровительству Германскаго ператора. Толстой уговорилъ царевича возвратиться въ отечество, обѣщая ему ъ имени государя полное прощеніе; но едва царевичъ пріѣхалъ въ Россію, какъ ылъ заключенъ въ крѣпость и подвергнутъ розыску. При этомъ были арестова- ы, допрошены и казнены Ростовскій архіепископъ Досиѳей, Глѣбовъ, Кикинъ и ножество другихъ лицъ, помогавшихъ бѣгству царевича и находившихся въ тай- ыхъ сношеніяхъ съ царицею-инокинею Евдокіею. (См. ст. 157 прим. 1.) Верховный удъ приговорилъ царевича къ смертной казни, но приговоръ не былъ испол- енъ: царевичъ умеръ въ крѣпости. (²) *Колесовать*—предавать смертной казни осредствомъ ломанья рукъ и ногъ колесомъ. (³) *Преображенское*—см. ст. 159 прим. 2.

175. Смерть царевича Алексѣя Петрович

(Разсказъ, приписываемый иностранцу современнику.)

(*25 Іюня 1718 г.*)

Верховный судъ единогласно приговорилъ царевича къ л жизни, предоставивъ способъ казни его величеству. Царевн веденъ былъ предъ судъ и, по прочтеніи ему приговора, отправленъ въ крѣпость. Въ слѣдующій день царь, сопровож сенаторами и епископами, явился въ крѣпости, въ томъ ка гдѣ содержался царевичъ. Вскорѣ вышелъ оттуда маршалъ и приказалъ мнѣ ([2]) сходить къ аптекарю Беру, живущему вблизи явить ему, чтобы заказанное питье было крѣпко, потому что вичъ очень боленъ. Услышавъ отъ меня такое приказаніе, поблѣднѣлъ, затрепеталъ и былъ въ большомъ замѣшательст такъ удивился, что спросилъ его, что съ нимъ сдѣлалось. Он чего не могъ отвѣчать. Между тѣмъ пришелъ самъ маршал чти въ такомъ же состояніи, какъ и, аптекарь, и объявил, надобно поспѣшить, потому что царевичъ очень боленъ отъ паралича. Аптекарь вручилъ ему серебряный стаканъ съ крыш который маршалъ самъ понесъ къ царевичу, и всю дорогу ш ся, какъ пьяный. Чрезъ полчаса царь удалился со всѣми со жавшими его особами; лица у нихъ были очень печальны. Мар приказалъ мнѣ быть въ комнатѣ царевича и, въ случаѣ какой бо перемѣны, немедленно его увѣдомить. Тутъ же находилис врача, два хирурга и караульный офицеръ; съ ними я обѣ за столомъ, приготовленнымъ для царевича. Врачи были немед но позваны къ царевичу: онъ былъ въ конвульсіяхъ и послѣ н токихъ страданій, около 5 часовъ по-полудни, скончался. Я т часъ далъ знать о томъ маршалу, который въ ту же минуту доне царю. По царскому повелѣнію, внутренности изъ трупа были нуты; послѣ того тѣло положено въ гробъ, обитый чернымъ бар томъ, съ богатымъ золотымъ надгробнымъ покрываломъ. Изъ кр пости перенесено въ соборъ Св. Троицы, гдѣ стояло на катафа до 30 Іюня, когда перенесено опять въ крѣпость, и тамъ похоро но подлѣ умершей супруги царевича.

([1]) См. ст. 174 прим. 1. До насъ дошло нѣсколько разнорѣчащихъ разсказ о смерти царевича. Вѣроятнѣе всего, что онъ умеръ вслѣдствіе пытки. ([2] Генрихъ Брюсъ.

176. Горесть Петра Великаго.

(*1719 г.*)

Въ 1719 году заболѣлъ малолѣтный царевичъ Петръ. Государ ... любилъ младенца, на которомъ основывалъ всѣ свои на ..., и былъ глубоко огорченъ болѣзнью его.

дежда, долго поддерживала его, но наконецъ доктора объявили, болѣзнь царевича смертельна.

ресть, овладѣвшая Петромъ Великимъ, равнялась радости, рую онъ ощутилъ при рожденіи царевича. Чувства отца поли даже мужество и твердость духа, никогда не покидавшія кaго государя.

етръ заперся въ своемъ кабинетѣ, легъ въ постель и горько алъ... Тщетно просилась государыня въ кабинетъ, чтобы своласкамиʼ утѣшить несчастнаго отца: Петръ никого не впускалъ себѣ.

ри дня сряду не выходилъ онъ; три дня сряду не ѣлъ и не ъ; три дня сряду не хотѣлъ слышать ни о какихъ дѣлахъ.

И три дня сряду въ журналѣ князя Меншикова ничего не засано о Петрѣ Великомъ.

Мрачная тишина господствовала во дворцѣ; на лицахъ всѣхъ идворныхъ выражалась безпокойная печаль. Государственныя ла остановились; предложенія министровъ и генераловъ, не тервшія отлагательства, оставались безъ рѣшенія; ни сенатъ, ни миралтейство, (1) ни коллегіи, (2) не знали, что дѣлать.

Казалось, душа, оживлявшая Россію, покинула ее, и все какъ замерло...

Сильна была горесть государыни: она страдала не только какъ ать, но и какъ супруга: лишившись сына, она страшилась литься мужа. Она занемогла отъ слезъ.

Тщетно стучалась она въ дверь кабинета—государь не отвѣалъ ей.

Наконецъ, въ третью ночь, ее испугали громкія рыданія Петра; Екатерина вскочила, поспѣшно одѣлась и, рѣшившись на послѣднее средство, послала за Яковомъ Ѳедоровичемъ Долгоруковымъ.

Екатерина знала, сколько Петръ любилъ и уважалъ князя.

— Яковъ Ѳедоровичъ! сказала она, проливая горячія слезы:— спасите государя, спасите отечество, которому угрожаетъ ужасная опасность. Горе можетъ убить государя, и что̀ тогда будетъ!

Долгоруковъ подумалъ нѣсколько секундъ.

— Утѣшьтесь, ваше величество, отвѣчалъ онъ:—потерпите еще до утра; надѣюсь, что завтра все перемѣнится.

Утромъ всѣ сенаторы съѣхались во дворецъ, по приглашенію Долгорукова, въ ту же ночь разославшаго ко всѣмъ записки отъ имени государыни.

— Господа! сказалъ Яковъ Ѳедоровичъ собравшимся:—благо отечества и благо самого государя требуютъ, чтобы мы употребили всѣ средства вывести его изъ уединенія и утѣшить.

138. ЦАРЬ ПЕТРЪ И МУЖИКЪ.

(Народный разсказъ.)

Наѣхалъ царь Петръ въ лѣсу на мужика; мужикъ дрова с… И говоритъ ему царь: «Божья ти помочь крестьянствовати!»—… ка надо Бога на помочь!—

«А велико ли у тебя, старичекъ, семейство?»—А сем… у меня двѣ дочери да два сына.—«Не велико-жъ твое семей… Куда же ты деньги кладешь?»—Кладу я деньги на три стат… первыхъ, долгъ плачу; а въ-другихъ, въ долгъ даю; а въ-третьи… воду мечу.—Царь призадумался, что бы это значило, что ста… и долгъ платитъ, и въ долгъ даетъ, и въ воду мечетъ?... Н… ритъ ему старикъ: «Долгъ плачу—стараго отца и мать корм… долгъ даю—двухъ сыновей кормлю, а въ воду мечу—двухъ … рей *кручу*.» ([1])—Ну, говоритъ ему царь:—умная ты голова… ричекъ. Будутъ со святой Руси бѣлые гуси, умѣй-ка щипат… теперь сведи меня въ сени: я дороги не знаю.—«Почто я тебя пов… найдешь самъ дорогу. Иди прямо, сверни вправо, тутъ пово… влѣво, а тамъ опять вправо.»—Этой я грамоты, говоритъ царь… знаю. Ты меня сведи.—«А мнѣ, сударь, въ крестьянствѣ ден… рого стоитъ.»—Дорого день стоитъ, да я тебѣ заплачу.—«А … платишь, такъ поѣдемъ.»

Сѣли они на одноколку и поѣхали. Дорогою сталъ царь му… чка выспрашивать: «далече-ль, мужичекъ, ты бывалъ?»—Кое-г… бывалъ, сударь.—«А видалъ ли царя?»—Царя не видалъ, а в… бъ посмотрѣть: согласился бы и помереть.—«Такъ смотри: въ … пяхъ царь будетъ.»—А какъ я царя узнаю?—«Всѣ будутъ бе… шапокъ бѣгать; одинъ царь въ шапкѣ.» Какъ пріѣхали въ се… увидѣли люди царя, всѣ шапки подъ пазухи, бѣгомъ бѣгаютъ… мужикъ ширитъ глаза: двое стоятъ въ шапкахъ; и спрашивает… «кто же царь?» Говоритъ ему Петръ Алексѣевичъ: «видно, кто-ни… будь изъ насъ царь.»

([1]) *Кручу*—одѣваю, снаряжаю къ замужству.

139. СѢРЫЕ ГУСИ ИЗЪ БѢЛОЙ РУСИ.

(Народный разсказъ.)

Пашетъ въ полѣ мужикъ, смотритъ: царь ѣдетъ. Мужикъ по… ходитъ (за плугомъ) къ дорогѣ, а царь зоветъ его: «старикъ!» … …, или какъ-нибудь иначе его назвалъ.—Чего, панъ? (Въ то … …уще не было благородій, а просто—панъ, да и все тутъ.) … панъ? говоритъ мужикъ.—«Давно ли, старикъ, легли на го…

снѣга?»—Давно, панъ! лѣтъ будетъ пятнадцать или двадцать.—о, видишь, значитъ: давно ли голова посѣдѣла?) «Э!» думаро себя царь. «А давно ли, говоритъ, пошла изъ-подъ горъ» (Закидываетъ, видишь, крючекъ съ высшаго ума-разума: у хъ, значитъ, людей слезы изъ глазъ текутъ.)—Давно, говоритъ къ: лѣтъ десять уже будетъ.—«О, да это не простакъ стари» думаетъ царь и спрашиваетъ еще: «много ли на небѣ звѣздъ?» .съ, говоритъ, я воловъ и считалъ, а передъ разсвѣтомъ уснулъ дочелъ.—«Ну, потрафилъ я на старика!» думаетъ царь. «Сможе, мужикъ, говоритъ онъ ему: «какъ залетятъ сюда гуси изъ й Руси, то подери хорошенько!»—Хорошо, говоритъ тотъ:—коживъ буду, то подеру.

арь и поѣхалъ своимъ путемъ. Пришелъ въ сенатъ. А тамъ старики сидятъ... извѣстно, сенаторы. Онъ тотчасъ: «а давно и снѣга на горахъ?» Тѣ долго думали. А царь видитъ: и стаи, да ничего не могутъ сказать ему. Ужъ они въ книги, ужъ и въ богословію заглядывали; перелистываютъ, ломаютъ кни «Вотъ какъ Богъ міръ сотворилъ, вотъ такія и такія рѣки...» гъ, ничего не сдѣлаютъ, да и только.—То-то! говоритъ царь. А вотъ пошлите къ такому-то старику: онъ вамъ скажетъ, въ чемъ о.—Ну, разумѣется, денегъ бездна у этихъ *членовъ*. Выбрали почтаря, дали ему нѣсколько тысячъ,—валяй!

Прискакалъ почтарь въ деревушку, спрашиваетъ: «живъ такой старикъ?»—Живъ, говорятъ. Тотчасъ къ нему: «Здорово, старикъ!»—Здорово, панъ!—«Позволь взъѣхать на дворъ.»—Взъѣзжай, панъ.—Взъѣхалъ почтарь къ нему. Тотчасъ послалъ за водкою. адобно, видите ли, какъ-нибудь зацѣпиться. А иного и съ водй не проведешь.) Вотъ и спрашиваетъ: «знаешь ли ты, старикъ, къ давно легли снѣга на горѣ?»—Какъ не знать?—«А знаешь, къ давно пошла вода изъ-подъ горъ?»—Знаю, говоритъ, и это, все.—(А онъ затѣмъ и пріѣхалъ.) Старикъ и смекнулъ: «видно, о тотъ панъ прислалъ.»—Что ты возьмешь за то, что скажешь нѣ?—«Тысячу рублей дашь, такъ скажу.» Вытаскиваетъ почтарь ысячу рублей: «говори, старикъ!» А старикъ: «погоди, говоритъ, прячу сперва деньги въ *комору* (чуланъ).» Спряталъ деньги.—Ну, тарикъ!—«Вотъ въ чемъ дѣло, панъ: выпали снѣга, это значитъ наша голова посѣдѣла.» Тотъ смотритъ на него: «вотъ-те на!» говоритъ.—А вода пошла изъ-подъ горъ, это значитъ у старика, вотъ хоть у меня, слезы начали идти изъ глазъ.—А почтарь: «Господи! вотъ-те и загадка!»—А откуда вы, панъ? спрашиваетъ мужикъ. «Изъ Петербурга.»—Аа! говоритъ. Проѣзжалъ здѣсь какой-то панъ; я, говоритъ, подхожу къ дорогѣ, а онъ началъ меня спрашивать, а я ему отвѣчалъ. Спросилъ онъ: «давно ли на горахъ снѣга легли?» а я отвѣчалъ: «лѣтъ пятнадцать или двадцать.» Спросилъ: «давно ли пошла вода изъ-подъ горъ?» а я ему такъ-то отвѣчалъ.

онъ и говоритъ мнѣ: «Смотри же, старикъ: какъ залетятъ г
гуси изъ Бѣлой Руси, то подери ихъ хорошенько.» А я с
ему: «коли буду живъ, то подеру.»

Тогда почтарь назадъ: «Вотъ въ чемъ дѣло, господа!» Тѣ
голову схватились: «Ну, какъ это намъ не пришло въ мысл
жикъ далъ царю отвѣтъ, а мы не дали!»

Да, и съ нашимъ братомъ иной разъ не шути!

180. БЕЗПЕЧАЛЬНЫЙ МОНАСТЫРЬ.

(Народный разсказъ.)

Императоръ Петръ Первый, ѣздившій, какъ извѣстно, по вс
пустырямъ и темнымъ лѣсамъ Русскаго царства, одинъ раз
ѣхалъ на монастырь, который былъ въ сторонѣ отъ большой
ги, въ лѣсу, и былъ, какъ слѣдовало монастырю, обнесенъ с
или заборомъ. Надъ воротами этого монастыря была надпись:
печальный монастырь. Петръ Первый прочиталъ такую на
и удивился: «Что это значитъ? Безпечальный монастырь! В
монахи живутъ тутъ и ничего не дѣлаютъ, и отъ того не зн
никакой печали,—безпечальны. Дай, говоритъ, задамъ я имъ
чаль.» Призвалъ къ себѣ игумена этого монастыря и велѣл
тотчасъ же рѣшить слѣдующія три задачи:

Первая задачи: чего стóитъ онъ, Петръ Первый?

Вторая задача: много ли на небѣ звѣздъ?

Третья задача: о чемъ теперь онъ, Петръ Первый, думаетъ

Игуменъ пошелъ въ свой монастырь, а Петръ Первый оста
на конѣ ждать его.

Придя въ монастырь, игуменъ тотчасъ же собралъ на сов
всю братію, чтобы общими силами рѣшить эти задачи. Дума
думали,—ничего не могли выдумать; потому что монахи Безпеча
наго монастыря давно отвыкли отъ всякой думы. А не рѣшить
дачъ боялись Петра Перваго. Весь Безпечальный монаст
вдругъ опечалился, и всѣ монахи не рады были и своей жизн
А Петръ Великій сидитъ на конѣ и ждетъ игумена съ отвѣта

На ту пору былъ въ монастырѣ одинъ мельникъ, который,
гда услышалъ объ этомъ горѣ монастырскомъ и узналъ, въ че
дѣло, пришелъ къ игумену и говоритъ: «давай мнѣ скорѣе тв
платье, чтобы Петръ Первый не узналъ тебя». Игуменъ съ р
достью согласился на это и отдалъ мельнику свое платье, а сам
нарядился мельникомъ.

Мельникъ, надѣвши на себя игуменскую рясу, наложивши на голов
клобукъ, а въ руки взявши монашескія четки,—все какъ слѣдует
игумену, явился передъ Петромъ Первымъ.

Что, отецъ святой, выдумался ли?

Выдумался, говоритъ мельникъ.

Ну, отвѣчай же: дорогъ ли я?

Христосъ, Царь небесный, проданъ былъ за тридесять сре-иковъ, а ты, земной царь, конечно, можешь быть проданъ певле, сказалъ мельникъ.

Много ли на небѣ звѣздъ?

- Я считалъ и насчиталъ тридцать три тысячи трилліоновъ и девяносто одну звѣзду. Если не вѣришь мнѣ, царь, то пере-ай самъ, сказалъ мельникъ; вынулъ изъ пазухи и подалъ Пет-Іервому листъ бумаги, въ которомъ было множество точекъ, рыя означали звѣзды, будто бы сосчитанныя мельникомъ.

— А о чемъ я теперь думаю?

— Ты думаешь, что съ тобой говоритъ игуменъ, а межъ тѣмъ едъ тобой стоитъ мельникъ, только въ игуменскомъ платьѣ. И ьникъ разсказалъ Петру Первому всю исторію съ игумномъ.

тимъ мельникъ такъ полюбился Петру Первому, что онъ сдѣ-ъ мельника игумномъ того монастыря, а игумну велѣлъ быть мель-комъ.

Съ тѣхъ поръ не стало *Безпечальнаго монастыря*.

181. Кто онъ?

Лѣсомъ частымъ и дремучимъ,
По тропинкамъ и по мхамъ,
Ѣхалъ всадникъ, пробираясь
Къ свѣтлымъ Невскимъ берегамъ.

Только вотъ—рыбачья хата;
У рѣки старикъ стоялъ,
Челнъ осматривалъ дырявый,
И бранился, и вздыхалъ.

Всадникъ подлѣ — онъ не смотритъ.
Всадникъ молвилъ: «здравствуй, дѣдъ!»
А старикъ въ сердцахъ чуть глянулъ
На привѣтствіе въ отвѣтъ.

Все ворчалъ себѣ онъ подъ носъ:
«Поздоровится тутъ, жди!
Времена ужъ не такія...
Жди, да у моря сиди.

«Вамъ вѣдь все ничто, боярамъ;
А челнокъ для рыбака

То-жъ, что̀ бабѣ веретена,
Али конь для сѣдока.

«Шведы-ль, наши-ль шли тутъ утромъ,—
Кто ихъ знаетъ: ото всѣхъ
Нынче пахнетъ табачищемъ...
Ходитъ въ мірѣ, ходитъ грѣхъ!

«Чуть кого вдали завидишь—
Смотришь, въ лѣсъ бы... Вѣдь грѣшно!...
Лодка, вишь, имъ помѣшала,
И давай рубить ей дно!..

«Да, ужъ стала здѣсь сторонка
За теперешнимъ царемъ!...
Изъ подъ Пскова вѣдь на лѣто
Промышлять сюда идемъ.»

Всадникъ прочь съ коня и молча
За работу принялся;
Живо дѣло закипѣло
И поспѣло въ полчаса.

Самъ топоръ вотъ такъ и ходитъ,
Такъ и тычетъ долото,
И челнокъ на славу вышелъ,
А вѣдь былъ что̀ рѣшето.

— Ну, старикъ, теперь готово,
Хоть на Ладогу ступай,
Да закинуть сѣть на счастье
На Петрово попытай. —

«На Петрово!... Эко слово
Молвилъ! думаетъ рыбакъ:
Съ топоромъ, гляди, какъ ловокъ...
А по рѣчи... какъ же такъ?»

И развелъ старикъ руками,
Шапку снялъ и смотритъ въ лѣсъ,
Смотритъ долго въ ту сторонку,
Гдѣ чудесный гость исчезъ.

---

182. НАРОДНОЕ ПРЕДАНІЕ О БРЮСѢ. [1]

Бродя въ полной нѣгѣ юношеской безпечности, разъ мы запо- [illegible]али далеко отъ своего жилья. [2] Дѣло ужъ подходило къ осен[illegible] [illegible]вать подъ открытымъ воздухомъ намъ не захотѣлось. Сообра- [illegible] довольно знакомыя намъ мѣста, мы рѣшились пробраться [illegible] [illegible] черезъ большой сосновый боръ. Грунтъ, покрытый игла- [illegible] гладкій, какъ мощеный полъ; мы иногда скользили по

акъ по льду. Этакъ черезъ полчаса ходьбы мы увидѣли
ое зарево; пламя высоко било вверхъ снопами, и искры
ою, трескучей метелью осыпали лѣсъ. Мы подумали, что это
деревня, и бросились туда, гдѣ горѣло. Но это былъ ко-
разложенный крестьянами, пріѣхавшими на *ночную* стеречь
ей. Собственно они ихъ не стерегли, а пускали на волю
, сами-жъ тѣшились ночною, краденой ѣдой, всякаго рода
ми и росказнями. Дѣтей между ними не было, а были все
ые парни, и только одинъ старикъ, отставной солдатъ; его
Безконнымъ, потому что у него не было ни одного коня.
емъ, у него не было ни коровы, ни овцы, ни собаки; онъ
ъ чужихъ лошадей.

ı поздоровались и шутя сказали: «Что вы пустите насъ пере-
ать у вашего костра?»—Милости просимъ, сказалъ кто-то:—
гесь; изба просторная: сколько ни-на-есть скотины, вся уля-
.—Всякаго, кто одѣвался по-нѣмецки, у насъ крестьяне считали
бариномъ, или холопомъ. Насъ приняли за холопей, къ тому
ужихъ, и поэтому появленіе наше ихъ нисколько не стѣсня-
они по-прежнему громко разговаривали, то съ ласковой, то съ
итой ругней.... Бесѣда иногда прерывалась то тутъ, то тамъ,
осомъ: «Гдѣ-жъ этотъ дьяволъ застрялъ? Что-жъ этотъ пострѣлъ
детъ? Куда этотъ лѣшій провалился?»

казалось, что это былъ общій картофельный вопросъ. Извѣстно,
когда наши крестьяне отправляются въ *ночную*, то берутъ съ
ою только хлѣба, да соли, а остальное продовольствіе у нихъ
краденое.

Іаши знакомцы послали одного проворнаго малаго красть кар-
ель. Нетерпѣніе ихъ возрастало каждую минуту; одинъ и тотъ
вопросъ сталъ повторяться безпрестанно. Наконецъ мокрый по
сь, въ грязи по колѣно, лѣшій и пострѣлъ явился. Онъ при-
цилъ цѣлый мѣшекъ картофелю.

— Ай, да молодецъ Митюха! закричали всѣ въ одинъ голосъ.—
отъ парень, такъ парень! У кого ты это накопалъ?

— Извѣстно у кого, у попа.

— Ну, это ты, братъ, напрасно, сказалъ Безконный:—у нашего
па грѣхъ красть.

— Ну, теперь дѣлать нечего; не назадъ же нести! заговорили
ѣкоторые.

— Вѣстимо, не назадъ, подхватили другіе.—Митюха, вали въ
лу. Да не туда, дьяволъ! Въ золу вали, а онъ валитъ прямо въ
голья. Лѣшій!

— А ну-тка, спросилъ Безконный, скажите, сколько тутъ карто-
елинъ будетъ? А?

— Цѣлый мѣшекъ! отвѣчалъ одинъ парень смѣючись.

— Мѣшекъ, мѣшекъ! отвѣчалъ, нѣсколько смѣшавшись, Безк

ный.—Этакъ всякая лошадь отвѣтитъ. А ты скажи, какъ с
колько, то-есть, будетъ картофелинъ въ мѣшкѣ? А? Не сч
скажи. Вотъ оно что!

— Да этакаго человѣка на всемъ свѣтѣ нѣтъ, дядя Без
отвѣчали мужики.

— Да, теперь, можетъ, и вправду такого человѣка нѣтъ;
человѣкъ сталъ дрянь, а прежде бывали.

— Кто-жъ это такой человѣкъ, дядя Безконный, что безъ сч
считать можетъ? Это, должно быть, ужъ очень мудреный чел

— Да, не простой, вѣстимо; не нашему брату чета.

— Да кто-жъ, кто?

Дядя Безконный молча взялъ обгорѣлый сукъ и начал
пать имъ уголья, какъ будто намѣревался въ огнѣ *откопать*
человѣка. Всѣ слушали съ какимъ-то суевѣрнымъ безпокойст

— Такой человѣкъ, сказалъ Безконный, понизивъ *голос*
арихметчикъ.

— Арихметчикъ?

— Да, арихметчикъ. Ты вотъ возьми, примѣромъ, насып
столъ гороху и спроси его: сколько тутъ, молъ, *горошинъ?* А
только взглянетъ и скажетъ: вотъ сколько, и не обочтется ни о
горошиной. А то спроси его: сколько, молъ, разъ *колесо* по
нется, когда доѣдешь отсюда, отъ Тешевичъ, (*) до Кіева?
тебѣ и это скажетъ. Вотъ онъ каковъ, арихметчикъ-то. Да что
только взглянетъ—и скажетъ, сколько есть звѣздъ на небеси.

— Кто-жъ былъ, примѣромъ, такой, какъ ты сказалъ....

— А такой арихметчикъ былъ Брюсъ, министръ царскій,
батюшкѣ Петрѣ Великомъ. Да мало-ль еще что зналъ этотъ Брю
онъ зналъ всѣ травы этакія тайныя и камни чудные, составы
ные изъ нихъ дѣлалъ, воду даже живую произвелъ, то-есть, та
воду, что мертваго, совсѣмъ мертваго человѣка живымъ и мо
дымъ дѣлаетъ.

— Это ту живую воду, которую Змѣй Горынычъ стерегъ?

— Какой вашъ тутъ Змѣй Горынычъ! То въ басняхъ бабы
сказываютъ. А это былъ Брюсъ, министръ, арихметчикъ при ца
государѣ Петрѣ. Онъ-то этакую воду живую и произвелъ.... до
но быть, не своею силою произвелъ.

— А что-жъ, дядюшка Безконный, онъ пробовалъ надъ к
нибудь эту воду?

— Гм! пробовалъ? Да пробы-то этакой никто отвѣдать не х
тѣлъ: вѣдь тутъ надо было сперва человѣка живаго разрубить
части! и всякій думалъ: ну, какъ онъ разрубить-то разрубить,
сложить, да жизнь дать опять не съумѣетъ? Ужъ сколько онъ та
ни обѣщалъ сребра и злата, никто не взялъ; всѣ боялись.

А онъ бы самъ надъ собой попробовалъ?

такъ и было: онъ надъ собой попробовалъ.

Попробовалъ? и опять живъ сталъ? Ахъ, окаянный!

Погоди, не сердись и не ругайся. Окаянный онъ былъ, или —про это одинъ Господь вѣдаетъ. Только вотъ, что было: ду- онъ, думалъ, и очень грустенъ сталъ; не ѣстъ, не пьетъ, не ». — Что-жъ это, говоритъ, я воду этакую чудную произвелъ, и , ею попользоваться боится. Я-жъ имъ, дуракамъ, покажу, что бояться нечего.

I призвалъ онъ къ себѣ своего слугу вѣрнаго, Турецкаго раба ıнаго, и говоритъ: «Слуга мой вѣрный, рабъ безсловесный! со- ıи ты мнѣ важную службу; я тебя награжу по заслугѣ твоей. »ми ты вотъ мой мечъ острый и пойдемъ со мной въ зеленый •; разруби ты меня этимъ мечемъ острымъ, сперва вдоль, а по- ь впоперекъ; положи ты меня на землю, зарой навозомъ и ивай вотъ изъ этой скляночки три дня и три ночи сряду, а на вертый день откопай меня: увидишь, что̀ будетъ. Да смотри, ни- у объ этомъ ничего не говори.

Пошли они въ садъ; рабъ Турецкій все сдѣлалъ, какъ ему бы- велѣно.

«Вотъ проходитъ день, проходитъ другой; рабъ поливаетъ Брю- живой водой. Вотъ наступаетъ и третій день; воды ужъ немного галось. Страшно отчего-то стало рабу, а онъ все поливаетъ.

«Только понадобись для чего-то государю-царю министеръ юсъ.—Позвать его!—Ищутъ, бѣгаютъ, ѣздятъ; спрашиваютъ, гдѣ юсъ, гдѣ Брюсъ: царь требуетъ. Никто не знаетъ, гдѣ онъ. Царь іѣзжаетъ за нимъ самъ прямо въ домъ; спрашиваетъ холопей: ѣ баринъ? Никто не знаетъ.

— Позовите, говоритъ, ко мнѣ раба Турецкаго: онъ долженъ іать.

«Позвали.

— Гдѣ баринъ твой, мой вѣрный министеръ? грозно спрашиваетъ арь.—Говори, а не то сію минуту голову тебѣ снесу!

«Рабъ затрясся, заметался, бухъ царю въ ноги.—Такъ и такъ.— I повелъ онъ царя въ садъ и раскопалъ навозъ. Глядятъ: тѣло Брюсово ужъ совсѣмъ срослось, и ранъ не видно; онъ раскинулъ руки, какъ сонный; ужъ дышетъ, и румянецъ играетъ въ лицѣ.

— Это нечистое дѣло, сказалъ гнѣвно царь, велѣлъ снова раз- рубить Брюса и закопать въ землю.

«Вотъ онъ каковъ былъ, Брюсъ-то!»

(¹) Графъ *Брюсъ*, извѣстный своею ученостью, прослылъ въ народныхъ преданіяхъ какимъ-то чернокнижникомъ; его именемъ называется календарь, который былъ изданъ только подъ его надзоромъ. (²) *Мы*—студентъ разсказчикъ и его братъ. (³) *Тешевичи* — деревня въ Калужской губерніи, въ Жиздринскомъ уѣздѣ.

183. Малое слово о Великомъ.

—Какъ-бы въ мудрость иноземцевъ
Намъ проникнуть?—Думалъ онъ. (1)
—Дай, поучимся у Нѣмцевъ!
Только первый шагъ мудренъ.

Сердце бойко застучало;
Всталъ онъ, время не губя:
«На Руси всему начало—
«Царь: начну же я съ себя.»

И съ ремесленной науки
Началъ онъ и, въ дѣлѣ скоръ,
Крѣпко въ царственныя руки
Взялъ онъ плотничій топоръ.

Съ добрымъ духомъ въ добромъ тѣлѣ,
Славно плотничаетъ царь;
Тамъ успѣлъ въ столярномъ дѣлѣ;
Тамъ, глядишь, ужъ и токарь.

Къ мужику придетъ: «Богъ помочь!»
Тотъ трудится, лобъ въ поту.
«Что ты дѣлаешь, Пахомычъ?»
— Лапти, батюшка, плету;

Только дѣло плоховато:
Ковыряю, какъ могу,
Черезъ пятое въ десято.—
«Дай-ка, я тѣ помогу!»

Сѣлъ. Продернетъ, стянетъ дырку;
Знаетъ, гдѣ и какъ продѣть,
И плететъ въ частоковырку,
Такъ что любо поглядѣть.

Въ поле къ праздному владѣльцу
Выйдетъ онъ, найдетъ досугъ,
И исправитъ земледѣльцу
Борону его и плугъ.

А на трудъ свой съ недовѣрьемъ
Самъ все смотритъ.—Нѣтъ, пора
Перестать быть подмастерьемъ,—
Время выдти въ мастера.—

И покинувъ царедворскій
Штатъ, и чинъ, и скипетръ свой,
Онъ поѣхалъ въ край заморскій: (2)
«Человѣкъ-де я простой,

«Петръ Михайловъ, плотникъ. сл
Подмастерье, говоритъ:
А на царствѣ тамъ Князь-Кес,
Ромодановскій сидитъ,

«Өедоръ Юрьичъ. Онъ вѣдь сп
Отъ Петра и то, и се.»
И рапортомъ онъ доноситъ
Князю-Кесарю про все.

«Вотъ, онъ пишетъ, дѣло наш
Подвигается; тружусь
И о здравьи вашемъ ваше
Я величество молюсь.»

И припишетъ вдругъ: «Однак
Все я знаю: не дури!
Не грызи людей, собака!
Худо будетъ, князь,—смотри!

Навострившись у Голландцевъ,
Заглянувъ и въ Альбіонъ, (4)
У Цесарцевъ, Итальянцевъ,
Поучился также онъ.

Сталъ онъ мастеръ корабельный
И на все горазды притомъ:
Онъ и врачъ довольно дѣльный,
И хирургъ, и анатомъ,

Физикъ, химикъ понемногу,
И механикъ не плохой.
И въ обратную дорогу
Снарядился онъ домой.

Для уроковъ же изустныхъ,
Что онъ Руси дать желалъ,
Онъ учителей искусныхъ
Ей изъ-за моря прислалъ.

—Полно втунѣ волочиться,
Дворянинъ! сади сынка
Буквѣ, цыфири учиться,
Землемѣрію слегка.—

Только все успѣхи плохи,
И ученье ни къ чему.
Русскій смотритъ: скоморохи
Въ Нѣмцахъ видятся ему,

телямъ не хочетъ
ь, что ни говори:
ъ, думаетъ, морочитъ;
игляры, штукари.

ъ нихъ странно, не по-русски;
щеный все народъ;
табачный, платья узки,
ходятъ безъ бородъ.

имъ вѣрить? Кто порука?
э къ ночи говоря,
я бѣса—ихъ наука;
эчили царя. (5)

ржавный нашъ работникъ
отрѣлъ, похмурилъ взоръ,
а вспомнилъ, что онъ плотникъ,
і взялся за топоръ.

авай рубить онъ съ корня:
ошь прочь! Кафтанъ съ плеча!
ıь хоромы, пышность, дворня!
чь и бархатъ, и парча!

золоченныя тряпки,
стки прочь! Все въ печь valись!
дывай собольи шапки!
усто—Нѣмцемъ нарядись!

ıь велѣлъ: слова коротки;
эстоты-жъ примѣръ въ глазахъ:
ıъ, подкинувъ онъ подметки,
цитъ въ старыхъ сапогахъ.

ь завѣтныхъ, тайныхъ горницъ,
ъ невѣдомыхъ свѣтлицъ,
івесть велѣно затворницъ:
дѣвицъ, и молодицъ.

ассамблею! (6) Душегрѣйки
плечъ долой! Таковъ приказъ.
рахъ подумать: бѣлы шейки,
ілы плечи на показъ!

і чего?—Полъ-груди видно:
ıкъ и въ танецъ выходи!
цутъ, жмурятся... такъ стыдно!
учки къ глазкамъ—не гляди!

приказу все послушно.
іенки слезы трутъ платкомъ,
арь же потчуетъ радушно
уженьковъ ихъ табакомъ.

Табакерки! Трубки! Въ глотку
Хоть не лѣзетъ, а тяни!
Порошку возьми щепотку,
Въ носъ пихни, нюхни, чихни!

Тянутъ, нюхаютъ. Ну зѣлье!
Просто одурь отъ него.
Эко знатное веселье!
А привыкнешь—ничего,

Самъ попросишь. Въ плясъ Голландскій,
Хоть не хочется, иди;
—Эй, ты тамъ, сынокъ дворянскій,
Выходи-ка, выходи!

«Либеръ Августинъ» по звуку
На Нѣмецкій ладъ кружи; (7)
Откружилъ—ступай въ науку,
А научишься—служи.

Мало дома школьныхъ храминъ—
За границу поѣзжай;
А воротишься—экзаменъ
Царь задастъ: не оплошай!

Самъ допроситъ: выложь знанья:
Цыфирь, линіи, круги;
А не сдержишь испытанья—
И жениться не моги:

Не позволитъ. Оглянулся—
Онъ ужъ тамъ, и снова весь—
Мысль и дѣло; покачнулся,
Задремалъ ты—онъ ужъ здѣсь.

Тамъ нашелъ онъ ключъ цѣлебный,
Тамъ—серебряный рудникъ,
Тамъ устроилъ домъ учебный,
Тамъ богатствъ открылъ родникъ,

Тамъ взрываетъ камней груду,
Тамъ дворянъ зоветъ на смотръ;
А межъ тѣмъ наука всюду,
И въ наукѣ всюду Петръ

Рыщетъ взглядомъ, сводитъ брови...
Тамъ, подъ Нарвой, храбрый Шведъ
Учитъ насъ цѣною крови
Трудной алгебрѣ побѣдъ. (8)

Научились. Подъ Полтавой
Вотъ онъ грозенъ и могучъ;
Голосъ—громъ, глаза—кровавый
Выблескъ молніи изъ тучъ.

Врагъ разбитъ. Побѣда наша!
И сподвижникъ близъ него,
Князь Данилычъ Алексаша,
Славный Меншиковъ его. (9)
Отъ добра пришлось и къ худу:
Смѣлый царь вступилъ на Прутъ,
И бѣда случись: отвсюду
Злые Турки такъ и прутъ.
Окружили. Дѣло круто.
Торжествуетъ сопостатъ;
И Великій пишетъ съ Прута
Въ свой встревоженный сенатъ:
«Не робѣть! Дѣла плохія.
Жизнь Петру не дорога.
Что тутъ Петръ? Важна Россія,
Петръ ей, такъ какъ вы, слуга.
Только-бъ чести не нарушить;
Противъ чести что̀ коль самъ
Скажетъ Петръ—Петра не слушать!
То не царь ужъ скажетъ вамъ.
Плѣнъ грозитъ. За выкупъ много
Коль потребуютъ враги—
Не давать! Держаться строго!
Деньгу крѣпко береги!»
Но спасетъ властелина
И супруга своего
Черна-бровь Екатерина;
Катя чудная его;
Хитрый путь она находитъ,
Клонитъ къ миру Визиря (10)

И изъ злой бѣды выводитъ
Изумленнаго царя.
Разъ, замѣтивъ захолустье.
Лѣсъ, болотный уголокъ,
Глушь кругомъ, при Невской
Заложилъ онъ городокъ.
Шатокъ грунтъ, да съ боку и
Расхлеснемъ къ Европѣ путь!
Эта дверь не на затворѣ;
Дѣло сладимъ какъ-нибудь.
Ныньче сказана граница,
Завтра срублены лѣса,
Чрезъ десятокъ лѣтъ—столи
Черезъ сотню—чудеса. (11)
Смерть смежила царски очи;
Но безсмертныя дѣла,
Но слѣды гигантской мочи
Русь въ наслѣдье приняла.
И въ тотъ вѣкъ лишь взоръ попа
Все оттоль глядитъ добромъ,
И доселѣ, что̀ ни схватишь,
Откликается Петромъ.
И Петровскую стихію
Носимъ въ Русской мы крови.
Такъ что матушку Россію
Хоть «Петровіей» зови;
А по имени любовно,
Да по батюшкѣ назвать,
Такъ и выйдетъ: «Русь Петр
Такъ извольте величать!

(1) *Онъ*—Петръ Великій. (2) См. ст. 155-ю. (3) Петръ въ своемъ вѣрнопо ническомъ письмѣ къ Ромодановскому дѣлаетъ приписку: «Звѣрь! Долго-л людей жечь? И сюда раненые отъ васъ пріѣхали. Перестань знаться съ И *кою* (т. е. виномъ). Быть отъ него рожѣ драной.» (4) *Альбіонъ*—Англія. (5) *рочить*—испортить. (6) *Ассамблея*—собраніе гостей, вечеръ запросто. (7) *Августинъ*—названіе одной Нѣмецкой плясовой пѣсни. (8) При началѣ вой Шведами, Русскіе были разбиты подъ Нарвою. (9) См. ст. 170-ю. (10) *Ви* высшій сановникъ въ Турецкой имперіи. (11) См. ст. 165-ю.

184. СМЕРТЬ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

(Разсказъ иностранца современника.)

(28 Января 1725 г.)

Очень скоро послѣ праздника св. Крещенія 1725 г. императ почувствовалъ припадки болѣзни, окончившейся его смертью. В

очень далеки отъ мысли считать ее смертельною, но за-
еніе это не продолжалось и восьми дней. Тогда онъ пріоб-
і Св. Таинъ по обряду, предписываемому для больныхъ Гре-
ю церковью. Вскорѣ отъ жгучей боли крики и стоны
аздались по всему дворцу, и онъ не былъ уже въ состояніи
ь съ полнымъ сознаніемъ о распоряженіяхъ, которыхъ требо-
его близкая кончина. Страшный жаръ держалъ его почти въ
оянномъ бреду. Наконецъ, въ одну изъ тѣхъ минутъ, когда
ть, передъ окончательнымъ ударомъ, даетъ обыкновенно вздох-
нѣсколько своей жертвѣ, императоръ пришелъ въ себя и вы-
илъ желаніе писать; но его отяжелѣвшая рука чертила буквы,
рыхъ невозможно было разобрать, и послѣ его смерти изъ на-
аннаго имъ удалось прочесть только первыя слова: «Отдайте
...» Онъ самъ замѣтилъ, что пишетъ неясно, и потому закри-
ъ, чтобъ позвали къ нему принцессу Анну, которой хотѣлъ
товать. За ней бѣгутъ; она спѣшитъ идти, но когда является
его постели, онъ лишился уже языка и сознанія, которые болѣе
нему не возвращались.

185. ПЛАЧЪ СОЛДАТА О СМЕРТИ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

(Народная былина.)

(28 Января 1725 г.)

Ахъ ты батюшка, свѣтелъ мѣсяцъ!
Что ты свѣтишь не по-старому,
Не по-старому, не по-прежнему, —
Не во всю землю святорусскую,
Что со вечера не до полночи,
Со полуночи не до бѣла свѣта,
Все ты прячешься за облаки,
Закрываешься тучей темною?—
Какъ у насъ было на святой Руси,
Въ Петербургѣ, славномъ городѣ,
У дворца было государева,
У крыльца было воекрашенаго,
Молодой солдатъ на часахъ стоялъ,
Стоючи-то, онъ призадумался,
Призадумавшись, слезно плакать сталъ.
И онъ плачетъ, какъ рѣка льется;
Ужъ и слезы льетъ, что ручьи текутъ;
Воздыхаетъ онъ, словно лѣсъ шумитъ;
Возрыдаетъ онъ, ровно громъ гремитъ;
Возрыдаючи, онъ возговорилъ:

«Вы подуйте съ горъ, вѣтры буйные,
«Разнесите вы снѣжки бѣлые;
«Разступися ты, мать сыра земля,
«Ты на всѣ четыре стороны;
«Развались-ка ты, бѣлъ-горючь камень;
«Раскались-ка ты, гробова доска;
«Развернись-ка ты, золота парча;
«Распахнись-ка ты, бѣлъ-тонкой саванъ!
«Ужъ ты встань-проснись, православный царь,
«Православный царь, Петръ Алексѣевичъ!
«Подыми ты свою головушку,
«Посмотри на свою силушку,
«На свою матерь Россіюшку;
«Посмотри, сударь, на свою гвардію,
«Посмотри на всю армеюшку.
«Хорошо твоя армеюшка обряжена:
«Всѣ полковники во своихъ полкахъ,
«Подполковнички на своихъ мѣстахъ,
«Всѣ маіоры на добрыхъ коняхъ,
«Капитаны передъ ротами,
«Офицеры передъ взводами,
«А прапорщики подъ знаменами;
«Дожидаютъ они полковничка,
«Что полковничка Преображенскаго,
«Капитана Бомбандерскаго.»

---

186. Бѣгство Ломоносова.

(1728 г.)

Зима 1728 года на Руси была жестокая. Путешественники от раживали себѣ лица, а волки безбоязненно приходили въ дере распѣвать свои жалобы на голодъ. Замѣчали даже, что въ эту зи птицы налету падали мертвыми.

Въ одну лунную ночь, когда утренняя заря уже боролась со св томъ потухавшаго мѣсяца, обозъ съ рыбою тянулся по дорогѣ п Москвѣ верстахъ въ семидесяти отъ Холмогоръ. Подлѣ одного из возовъ шелъ, припрыгивая и постукивая руками, закутанный в овчинный тулупъ и въ поярковый армякъ, обозный прикащикъ.

Въ это время то бѣгомъ, то шагомъ, приблизился къ самому обо парень лѣтъ семнадцати, пріятной наружности, высокій, стройны полуокоченѣвшій отъ холода, потому что онъ былъ одѣтъ въ один нагольный тулупъ, совсѣмъ не по-дорожному. На головѣ у него был ветхая шапка; на ногахъ сверхъ онучъ надѣты коты; онъ был

не опоясанъ. Поравнявшись съ заднимъ возомъ, онъ дошелъ ловеннымъ шагомъ и, какъ гусь въ чужомъ стадѣ, казалось, ѣлъ ни къ кому обратиться. Пименъ Никитичъ (прикащикъ) улся раза два; но, видя, что отъ этого любопытству его не , что молодой человѣкъ ничего ни съ кѣмъ не говоритъ, овился и, дождавшись того воза, подлѣ котораго шелъ новый ьникъ, пошелъ съ нимъ рядомъ.

А что, братъ, тебѣ надобно? спросилъ онъ у молодаго чело-
.

Мнѣ?.... Ничего.

- Какъ ничего? Да куда ты идешь?

- Коли ваша милость позволитъ, такъ иду въ Москву.

- Въ Москву? Да кто ты такой? откуда?

- Я Денисовскій крестьянинъ. Вы, чай, и батюшку моего эте.

– Денисовскій крестьянинъ? Мы третьяго дня изъ Денисовго.... А какъ зовутъ отца твоего?

– Василій Ломоносовъ. Я видѣлъ, какъ вы нагружали рыбу въ пей деревнѣ и съ батюшкой моимъ говорили.

— Ну, Василья Ломоносова я знаю. Да зачѣмъ же ты идешь Москву и какъ дойдешь туда?

Позвольте мнѣ, ваша милость, идти подлѣ вашего обоза.... Я мъ буду служить дорогой и въ Москвѣ готовъ работать, только звольте идти съ вами.

— Да ты, братъ, не рехнулся ли? Что тебѣ за надобность въ оскву? Отецъ что ли послалъ? Только этому быть нельзя. Говори равду: зачѣмъ ты идешь въ Москву?

— Да.... такъ.... мнѣ хочется посмотрѣть Москву.

— Э, э, братъ! такъ ты, видно, безъ отцевскаго позволенія махулъ.... Ты убѣжалъ отъ отца?

— Сказать правду, такъ убѣжалъ... Но, право, я не за худымъ ѣломъ иду въ Москву.

— А кто тебя знаетъ! Безъ отцевскаго позволенія на добрыя ѣла не ходятъ. Вижу, братъ, я, что ты малый—шалунъ, забулдыга. Дѣлать тебѣ въ Москвѣ нечего: есть тамъ много вашей братіи.... Воротись-ка добромъ къ отцу, а не то я тебя турну инымъ порядкомъ!

— Не гоните меня, ваша милость!... Право, я заслужу вамъ....

— Пошелъ ты, негодяй, съ своими услугами! Да что я за сумашедшій, что возьму съ собой въ Москву бѣглаго мальчишку!... Пошелъ!

— Ахъ, господинъ купецъ, право, я не какой-нибудь негодяй!

Тутъ грозный прикащикъ хотѣлъ толчками поворотить бѣднаго мальчика назадъ; но, замѣтивъ у него подъ-мышкой узелокъ, спросилъ:

— А это что у тебя подъ-мышкой?

— Это?... Да это я взялъ съ собой....

— Вижу, что ты это взялъ съ собой, а, по просту ска укралъ,—да! Говори: что у тебя въ узелкѣ?

— Господинъ купецъ! Я не укралъ этого, потому что это ст ко же мое, какъ моя голова. Только голову даетъ человѣку Б а это мнѣ дали добрые люди.

— Ахъ ты, краснобай деревенскій! Видно, у тебя голова-то чинена такъ же, какъ этотъ узелокъ. Да что въ немъ? чья ка или изъ отцевскаго сундука мошна?

У незнакомаго парня сверкнули въ глазахъ слезы. Видно бы что не морозъ ихъ выжалъ: горе стѣснило его дыханіе. Онъ о новился и былъ такъ изумленъ словами прикащика, что въ н умѣніи глядѣлъ на него и не говорилъ ни слова.

Казалось, это произвело впечатлѣніе на допрощика.

— Ну, не правду ли я говорилъ, что ты воришка? Что ж оторопѣлъ?

— Не оторопѣлъ, а одурѣлъ отъ твоихъ словъ, господинъ пецъ. Я воръ? я укралъ деньги, казну?... Господи, Боже мой Съ этими словами онъ зарыдалъ и, бросивъ свой узелокъ къ гамъ прикащика, сказалъ сквозь слезы:

— На, посмотри, что̀ я несу, и Богъ съ тобой! Не безъ рыхъ людей на свѣтѣ: дойду и безъ тебя до Москвы.

Пименъ Никитичъ поднялъ узелокъ и, развернувъ его, пробормот съ удивленіемъ:

— Что это? книги? Да на кой прахъ ты несешь въ Москву кую дрянь? Тамъ, братъ, не дадутъ гроша за это.

— Да я и не возьму за нихъ тысячи рублей. Эти книги н дороже всего твоего обоза... Тебѣ чудно это, господинъ купец Видно, что милы онѣ мнѣ, когда я для нихъ оставилъ отца и ро мую сторону.

— Чудно! сказалъ Пименъ Никитичъ.—Ну, пойдемъ до пере упряжки, а тамъ увидимъ.

Нѣсколько минутъ длилось молчаніе. Наконецъ прикащикъ заг ворилъ снова:

— Теперь вижу я, что ты не таковъ, какъ думалъ я сначал но все-таки не догадываюсь, зачѣмъ ты идешь въ Москву.

Въ глазахъ юноши стало свѣтло, хоть и не весело.

— Не знаю и самъ, отвѣчалъ онъ, что̀ со мной станется в Москвѣ; но мнѣ тошно стало жить въ нашей нелюдной сторонѣ, [illegible] съ кѣмъ поговорить, какъ бы мнѣ хотѣлось, и не у кого [illegible], о чемъ бы подумалось. По этимъ книгамъ, которыя в-

ваша милость, выучился я грамотѣ и ариѳметикѣ; хочется еще больше, а отъ кого и какъ узнаешь? Вотъ я и рѣшилти въ Москву: тамъ, говорятъ, много людей ученыхъ, и есть іща для всякаго, кто вздумаетъ учиться. Заговорилъ я объ ѣ отцу своему, да онъ никакъ не могъ смекнуть, чего я хочу; началъ поносить книги и книжниковъ. Я рѣшился убѣжать, ι увидѣлъ, что съ нимъ не сговоришь.... Хочу въ Москвѣ ься.

· Я, дружекъ, самъ человѣкъ, безъ хвастовства сказать, грамот-, отвѣчалъ Пименъ Никитичъ.—Спросилъ бы ты у меня, такъ ı тебѣ далъ толкъ. Ну, да ужъ теперь поздно: видно, такова ı часть. Все—Богъ!

– Богъ меня не оставитъ! промолвилъ юноша съ робкою до-енностью.

Въ это время одинъ изъ возовъ закатился въ глубокій ухабъ; падь затаращилась съ нимъ, и вся эта нестройная громада съ эскомъ остановилась.

— Та-та, ай-та! закричало со всѣхъ сторонъ нѣсколько мужиц-хъ голосовъ:—э-а-та, Терёхъ, Ванькъ!

Всѣ бросились подымать лошадь и вытаскивать возъ.

Когда порядокъ былъ возстановленъ, и возы пошли впередъ, рикащикъ обернулся къ юношѣ, также помогавшему другимъ во ремя суматохи, и, отряхивая снѣгъ съ своего армяка, сказалъ:

— Вотъ, братъ, не пойдетъ на умъ ученость... а?

— Да, правда, отвѣчалъ тотъ.

Безъ дальнѣйшихъ событій прiѣхали на мѣсто роздыха. Сѣверное нарѣчіе зашумѣло, когда извощики, а съ ними и обозный прика-щикъ, сѣли за столъ и начали работать за горячими щами. Новый спутникъ ихъ, удалившись въ уголъ и вынувъ изъ кармана ку-сокъ самаго нероскошнаго хлѣба, хотѣлъ имъ пообѣдать. Добрая Русь не вытерпѣла этого.

Одинъ изъ мужиковъ, котораго лице уже горѣло, какъ на огнѣ, отъ множества проглоченныхъ имъ щей, возвысилъ голосъ:

Что-жъ ты, родимый, не поѣшь съ нами? Садись-ка, благословясь.

Молодой человѣкъ раздумывалъ.

— Садись, голубчикъ, садись! Отъ хлѣба-соли не отнѣкиваются, примолвилъ Пименъ Никитичъ.

Дѣло сладилось. Робкій юноша присоединился къ другимъ и не отсталъ отъ нихъ.

— Ну, вотъ оно-тко и повеселѣе! сказалъ одинъ изъ извощиковъ, помоляся Богу.

— Да вотъ, ребята! началъ Пименъ Никитичъ:—малъ въ Москву, Христосъ его знаетъ, зачѣмъ, а ѣсть у него Возьмемъ что ли его?

— Почто нѣтъ! отвѣчалъ одинъ извощикъ.

— Вѣстимо, пускай себѣ идетъ! промолвилъ другой.

— Да я одинъ платить за него не буду, поспѣшилъ Пименъ Никитичъ.

— Ну, съ-обча заплатимъ, проговорилъ одинъ извощикъ.

— Съ артели заплатимъ, примолвилъ другой.—Пожалуй, т и не плати.

— Нѣтъ, и я съ вами, сказалъ прикащикъ.

187. ПЕРВЫЕ СТИХИ ЛОМОНОСОВА. (1)

(*1739 г.*)

Дворецъ въ Петербургѣ блисталъ огнями....

Но что̀ дѣлалось во дворцѣ?—Тамъ былъ царскій вечеръ у и ратрицы Анны Іоанновны. (2)

Собраніе было многочисленное и, повидимому, веселое. В можи и придворные расхаживали по заламъ. Между тѣмъ и ратрица облокотилась на стоявшаго подлѣ нея пажа, и взоры упали на камергера Корфа, который приближался съ улыбающи ся видомъ.

— А что̀ же, баронъ! сказала она:—принесли ли вы мнѣ сочиненіе?

— Приказаніе вашего величества исполнено, отвѣчалъ Кор подавая небольшую кипку печатныхъ листочковъ.

Императрица взяла ихъ, немного откатилась на креслахъ с ихъ отъ столика, за которымъ играла, и обратила рѣчь къ обр жавшимъ ее:

— Вотъ, господа, я подарю вамъ чудо. Вчера, при нашемъ ново торжествѣ надъ Турками, баронъ Корфъ поднесъ мнѣ стихи, н писанные рыбачьимъ сыномъ....

— Рыбачьимъ сыномъ! воскликнуло нѣсколько голосовъ. Н въ этихъ словахъ не было выраженія, потому что еще не знал какое придать имъ: шутливое или торжественное. Императриц любила иногда приводить въ недоумѣніе своихъ придворныхъ шу [illegible] и загадочными словами, и они ждали объясненія.

— [illegible], рыбачьимъ сыномъ, повторила она.—Вотъ, возьмите: эт

іа взятіе Хотина и на побѣду надъ Турками. Да какіе сти- Такихъ не пишетъ Тредьяковскій, ни Грекъ Антонъ Канте- (3)

дворные спѣшили принимать изъ рукъ императрицы листоч- іа сама раздала ихъ нѣкоторымъ и, отдавая остальные опять , сказала: «На! дай имъ всѣмъ. Я нарочно велѣла Корфу на- тъ ихъ больше, чтобы вы всѣ, господа, могли полюбоваться ъ стихотворцемъ нашимъ.»

кду тѣмъ получившіе стихотвореніе прежде другихъ спѣшили ѣчамъ; старики надѣвали очки, а иные уже разбирали по, амъ: *врач.... врачеб.... ной.... да.... ли.... мнѣ. .. воды....* (4) И юду слышно было: «безподобно! удивительно! прекрасно!»

жду тѣмъ императрица сама снова отозвалась о стихахъ Ло- зова чрезвычайно благосклонно и наконецъ сказала Корфу:

А гдѣ бишь теперь этотъ Ломоносовъ?

Въ Марбургѣ, ваше величество, учится у профессора Вольфа.

Ну, да разскажи имъ, какъ получилъ ты эти стихи. Разска- подробно. Это страсть, какъ любопытно, господа!

ы всѣхъ настроились. Корфъ, съ поклономъ къ императрицѣ, лъ:

-Ломоносовъ учится на счетъ Академіи, щедротами всемилости- ней государыни. Онъ присылаетъ ко мнѣ, какъ къ президенту, ты о своихъ успѣхахъ. Въ послѣдній разъ, при письмѣ и от- , я получилъ отъ него и стихи, написанные имъ, когда услы- ъ онъ о преславной побѣдѣ, одержанной войсками ея импера- кагo величества. Онъ говоритъ, что побѣда отозвалась въ Гер- іи какъ громъ, и что онъ, въ избыткѣ чувствъ, осмѣлился во- ть торжество Россійскаго оружія.

— Удивительно! превосходно! начались опять восклицанія.

— Но кто этотъ Ломоносовъ? спросилъ наконецъ Остерманъ, (5) авшійся на своемъ мѣстѣ, противъ императрицы, за карточнымъ ломъ, потому что подагра давала ему право меньше другихъ омлять свои ноги, даже при императрицѣ.

— Ломоносовъ—Холмогорскій уроженецъ, сынъ рыбака, отвѣ- лъ Корфъ.—Въ достославное царствованіе нашей всемило- ивѣйшей государыни, когда науки, вмѣстѣ со всѣми другими раслями государственнаго хозяйства....

Императрица улыбнулась; но Корфъ, нимало не смѣшавшись, родолжалъ:

— Когда все процвѣтаетъ и благоденствуетъ, и науки находятъ окровительство, Ломоносовъ пришелъ пѣшкомъ въ Москву изъ рхангельска...

Близъ винныхъ подваловъ, гдѣ теперь стоитъ голубецъ (ною, (⁶) стояла висѣлица; тутъ же вѣшали, тутъ и хорони рушки помнили и разсказывали мнѣ, какъ, бывало, на этом стѣ зарывали живыхъ въ землю почти по шею; несчастные дней по шести; бывало, пойдетъ дождикъ, а они и ловятъ воду. Страшное было время! Настьку-докащицу всѣ уважали боялись. Находились и такіе люди, которые и этой славѣ за вали и тоже старались страхомъ вселить къ себѣ уваженіе. я помню, на примѣръ, одного, Алексѣя Степановича.... вотъ милію-то и забыла... ну, да Богъ съ нею. Вотъ былъ чел характерный; тоже требовалъ, чтобъ его боялись; и дѣйстви боялись не хуже Настьки-докащицы. Былъ у насъ въ городѣ И Дементьевичъ, фамилію тоже забыла, человѣкъ хорошій, не пый, но не уважилъ какъ-то Алексѣя Степановича. Вотъ он зазвалъ къ себѣ Ивана Дементьевича, угостилъ его какъ слѣд да и высѣкъ его, штукъ 200 плетей задалъ, приговаривая: « меня не уважать! Научу я тебя меня уважать!» Потомъ бы Иванъ Дементьевичъ тысячъ сто просудилъ, и дѣло ни чѣмъ кончилось. И до дѣламъ! еще Сирахъ сказалъ: «съ сильным борись, съ богатымъ не тягись.» А то нынче, вотъ внучекъ изъ гимназіи вышелъ, двадцати годковъ еще нѣтъ, а говор всѣмъ въ глаза правду, богатства не уважаетъ и кричитъ то о чести, о справедливости, о равенствѣ правъ.... Ужъ не за стара я стала: если такъ дѣла пойдутъ; то, разумѣется, бу хорошо, только, значитъ, свѣтъ-то очень измѣнится

(¹) *Бироновщина*—время управленія Курляндскаго герцога *Бирона*, любимца и ратрицы Анны Іоанновны. (²) «Кабинетъ-министра *Волынскаго* обвиняли во гихъ государственныхъ преступленіяхъ; но самое большее его несчастіе бы что не нравился Курляндскому герцогу Бирону .... Приговорили сперва от Волынскому руку, а потомъ отрубить голову, и казнь сія совершена. Та совѣтнику *Хрущеву* и *Еропкину*, бывшимъ его друзьямъ и довѣреннымъ, отр ны головы, а графу *Мусину-Пушкину* отрѣзанъ языкъ.» *Манстейнъ.* (³ дѣли черезъ три по смерти Анны Іоанновны, Биронъ былъ арестованъ ф маршаломъ Минихомъ и сосланъ въ Пелымъ. (⁴) *Правежъ*—см. ст. 83. пр (⁵) *Городъ*—Елецъ. (⁶) *Голубецъ*—деревянный столбикъ съ крышею.

191. ТЮРЬМА ВЪ ГОРИЦКОМЪ МОНАСТЫРѢ. (¹)

(*1739—1741 г.*)

Въ Горицкомъ монастырѣ, у выхода на такъ называемый черн дворъ, гдѣ были конюшня, хлѣва и коровникъ, стоялъ неболь ванный домикъ, съ малыми отверстіями вмѣсто оконъ; нар ра, окованная желѣзомъ, день и ночь была заперта внутр да еще висячимъ замкомъ. Здѣсь содержались секретн

ицы, никѣмъ не видимыя, кромѣ настоятельницъ и пристав-
только развѣ которая изъ колодницъ опасно занемогала, то-
зывался для совершенія требъ монастырскій священникъ. Го-
, что когда привезли Долгорукову, то настоятельница мона-
до того испугалась, что долго не хотѣла впускать въ мона-
стороннихъ лицъ, даже въ церковь богомольцевъ: страшно
о было имя Долгоруковыхъ!... Въ тѣ времена въ монасты-
съ колодниками не церемонились: для усмиренія ихъ и для
стки, были колодки, кандалы, стулья съ цѣпями, палки, плети,
па, т. е., холщевые мѣшечки, набитые мокрымъ пескомъ.
нажды приставница за что-то хотѣла дать острастку колодницѣ
еринѣ Долгоруковой, замахнувшись на нее огромными четками
деревянныхъ бусъ. Четки иногда замѣняли плетку.—Уважь свѣтъ
тмѣ: я княжна, а ты холопка! сказала Долгорукова и гордо
отрѣла на приставницу. Приставница смутилась и тотчасъ вы-
, забывъ даже запереть тюрьму: она была дѣйствительно изъ
юстныхъ. Княжна, какъ видно, не забыла прежняго величія;
астіе только ожесточило ее .. Другой разъ пріѣхалъ какой
енералъ изъ Петербурга, едва ли не членъ Тайной канцеляріи
аже не самъ глава ея, Андрей Ивановичъ Ушаковъ: все за-
гилось, забѣгало въ Горицкомъ монастырѣ. Игуменья угощала
я въ своихъ кельяхъ, подносила подарки, образа, вышиванья и
. Генералъ велѣлъ показать тюрьму и колодницъ; показали ему
няжну Долгорукову. Княжна оказала грубость: не встала и
ернулась отъ посѣтителя. Генералъ погрозилъ на колодницу
огами и сейчасъ же вышелъ изъ тюрьмы, строго приказавъ
меньѣ смотрѣть за колодницею. Въ монастырѣ не знали, какъ
е строже смотрѣть; думали, думали и надумались—заколотить
инственное окошечко въ чуланчикѣ, гдѣ содержалась бывшая го-
дарыня-невѣста. Съ тѣхъ поръ даже близко къ тюрьмѣ боялись
допускать кого-нибудь. Двѣ дѣвочки изъ живущихъ въ монастырѣ
думали посмотрѣть въ скважину внутренняго замка наружной
ери: ихъ за это больно высѣкли.

Такъ провела княжна Долгорукова почти три года въ Горицкомъ
онастырѣ.

---

(1) *Горицкій монастырь*—въ Новгородской губерніи, въ Кирилловскомъ уѣздѣ. Здѣсь въ царствованіе Анны Іоанновны была заключена въ тюрьму княжна Екатерина Алексѣевна Долгорукая, невѣста умершаго императора Петра II-го, царствовавшаго отъ 1727 до 1730 г.

192. МОСКОВСКІЙ УНИВЕРСИТЕТЪ. (1)

(Разсказъ университетскаго воспитанника.)

(1755—1758 г.)

Справедливость велитъ мнѣ предварительно признаться, что нынѣшній университетъ уже не тотъ, какой при мнѣ былъ. Учит

и ученики совсѣмъ нынѣ другихъ свойствъ, и сколько тог
положеніе сего училища подвергалось осужденію, столь ны
похвалы заслуживаетъ. Я скажу въ примѣръ бывшій нашъ
менъ въ нижнемъ Латинскомъ классѣ. Наканунѣ экзамена д
приготовленіе; вотъ въ чемъ оно состояло: учитель нашъ
въ кафтанѣ, на коемъ было пять пуговицъ, а на камзолѣ ч
Удивленный сею странностію, спросилъ я учителя о причинѣ
говицы мои вамъ кажутся смѣшны, говорилъ онъ; но онѣ
стражи вашей и моей чести: ибо на кафтанѣ значатъ пят
неній, а на камзолѣ четыре спряженія. (²) Итакъ, продолжа
ударяя по столу рукою:—извольте слушать всѣ, что́ говорит
Когда станутъ спрашивать о какомъ-нибудь имени, какого с
нія, тогда примѣчайте, за которую пуговицу я возьмусь; есл
вторую, то смѣло отвѣчайте: втораго склоненія. Съ спряж
поступайте, смотря на мои камзольныя пуговицы, и никогда
ки не сдѣлаете.—Вотъ каковъ былъ экзаменъ нашъ! О вы,
тели, восхищающіеся часто чтеніемъ газетъ, видя въ нихъ
дѣтей вашихъ, получившихъ за прилежность свои призы,
слушайте, за что́ я медаль получилъ. Тогдашній нашъ инспек
покровительствовалъ одного Нѣмца, который принятъ былъ
телемъ географіи. Учениковъ у него было только трое. Но
учитель нашъ былъ тупѣе прежняго, Латинскаго, то пришелъ
экзаменъ съ полнымъ бортищемъ пуговицъ, и мы, слѣдств
экзаменованы были безъ приготовленія. Товарищъ мой спр
былъ: куда течетъ Волга? Въ Черное море, отвѣчалъ онъ.
сили о томъ же другаго моего товарища: въ Бѣлое, отвѣчалъ
Сей же самый вопросъ сдѣланъ былъ мнѣ: не знаю, сказалъ
такимъ видомъ простодушія, что экзаменаторы единодушно м
даль присудили.

(¹) Московскій университетъ былъ основанъ Иваномъ Ивановичемъ Шува
въ 1755 г., при императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, царствовавшей отъ 1
1761 г. (²) Въ Латинской грамматикѣ 5 склоненій и 4 спряженія.

193. Походъ въ Пруссію.

(Народная пѣсня.)

По Московской по широкой по дороженькѣ
Не ковыль трава, братцы, зашаталася;
Не алы цвѣты, братцы, развивалися:
Зашаталася тутъ сильна армія,
Сильна армія, царя Бѣлаго,
Идучи, братцы, въ землю Прусскую,

На чужу-дальню на сторонушку,
На чужу-дальнюю, незнакомую.
Раздувалися знамена бѣлыя;
Напередъ идутъ новокорпусны;
Всереди везутъ артиллерію;
Позади ѣдетъ сильна конница,
Славна конница, кирасирская.
Ужъ какъ всѣ веселы идутъ,
Веселы идутъ, принапудрены;
Что одинъ изъ нихъ не веселъ идетъ,
Не веселъ идетъ, призадумавшись;
Что за нимъ идетъ красна дѣвица;
Она плачетъ, какъ рѣка льется,
Возрыдаетъ, что ключи кипятъ.
Ужъ какъ возговоритъ удалой, доброй молодецъ:
«Ты не плачь, не плачь, красна дѣвица,
«Не слези лица румянаго,
«Не вздыхай, моя разумная!
«Не одной-то, вѣдь, тебѣ тошно,
«И мнѣ, молодцу, грустнехонько:
«Что иду-то я на чужую сторону,
«На чужу-дальнюю, незнакомую,
«Что на службу я государеву.»

194. ПОХОДЪ РУССКАГО ФЛОТА ВЪ АРХИПЕЛАГЪ.

(Народная пѣсня.)

(1770 г.)

Не бушуйте вы, вѣтры буйные,
Вы, буйные вѣтры, осенніе!
Успокойся ты, море синее,
Не волнуйся ты, море Средиземное!
Ты постой, постой, лѣто теплое!
Не теки, постой, солнце красное!
Я не самъ велю, вамъ указъ велитъ;
Съ страны пришелъ указъ, съ страны сѣверной.
Хоть давно течетъ солнце красное,
Давно вѣютъ вѣтры буйные;
Не видали вы такого дива:
По указу ли царя Бѣлаго,
Наказать врага вѣроломнаго,
На восточную дальню сторону

Снаряжался флотъ съ бѣлой Руси,
Съ береговъ Невы, рѣки славныя;
Снарядившись, протекалъ моря,
Всѣ препятства ни во что вмѣнялъ.
Приближаяся къ Царю-граду,
Адмиралъ вскричалъ громкимъ голосомъ: (¹)
«Ой ты гой еси, невѣрный царь!
«Прогнѣвилъ ты своею гордостью
«Нашу мудрую государыню, (²)
«Прогнѣвилъ ты самого Творца;
«Я за то присланъ наказать тебя;
«Поспѣши упасть ты къ стопамъ ея,
«Ты успѣй просить прощенія;
«Не успѣешь ты просить прощенія,
«Опровергну тронъ невѣрнаго!»

(¹) *Адмиралъ*—начальникъ Русскаго флота, графъ Алексѣй Орловъ. (²) *Г[illegible]рыня*—Екатерина II-я, царствовавшая отъ 1762 до 1796 г.

195. ЧЕСМЕНСКІЕ ТРОФЕИ. (¹)

(1770 г.)

Былъ то вѣкъ Екатерины.
Въ морѣ наши исполины
Дали вновь урокъ чалмѣ:
Налетѣвъ на супостата,
Нашей Матушки ребята
Отличились при Чесмѣ.
Нашъ Орелъ (²) изринулъ пламя,
И поникло Турковъ знамя,
Затрещала ихъ луна;
Флотъ ихъ взорванъ и во влагу
Брошенъ въ снѣдь Архипелагу,
Возмущенному до дна.
Пронеслась лишь вѣсть побѣды,
Взликовали наши дѣды,
Въ гудъ пошли колокола,
Пушки гаркнули въ столицѣ:
Слава Матушкѣ-царицѣ!
Храбрымъ дѣтушкамъ хвала!
[illegible] добыча ихъ отваги:
[illegible]аблей Турецкихъ флаги
[illegible] крѣпость вносятся,—ура!
И усвоенные кровно
Посвящаются любовно
Вѣчной памяти Петра.
Тамъ, Невы въ широкой ракѣ,
Есть гробница въ Божьемъ храмѣ,
Подъ короной золотой,
Надъ завѣтной той гробницей,
Съ Римской цыфрой I (единица)
Русскій выведенъ П (покой).
Тамъ кузнецъ своей державы,
Дивный плотникъ Русской славы,
Что учась весь вѣкъ училъ,
Съ топоромъ, съ дубинкой, съ ломомъ,
Съ молоткомъ, съ огнемъ и громомъ,
Сномъ глубокимъ опочилъ.
По царицыну велѣнью,
Тѣ трофеи стали сѣнью
Надъ гробницею того,
Чья вся жизнь была работа,
Кто отцемъ, творцемъ былъ флота,
Возбудителемъ всего.

ица подъ навѣсомъ,
устымъ знаменцымъ лѣсомъ,
а за него....
честь воздать хотѣла
жительница дѣла
телю его.

рутъ дѣла благія.
соборнѣ литургія
пается надъ нимъ;
сановныя всѣ лица
а императрица
лотымъ дворомъ своимъ.

дь общаго вниманья,
уховнаго вѣщанья,
лъ пастырь на амвонъ.
ылъ онъ, медорѣчивый,
ный пахарь Божьей нивы,
о-сѣятель Платонъ,

, что посохъ бралъ и, стоя
дъ паствой, безъ налоя,
къ и сердце увлекалъ,
ри страшно судныхъ спросахъ,
нимая грозно посохъ,
ь объ землю ударялъ.

ъ онъ вышелъ бросить слово,
и ниспосланныхъ намъ снова
акахъ Божьихъ благостынь,
изрекъ сначала строго
я троичное Бога
утвердительнымъ «аминь!»

безмолвье воцарилось....
дали всѣ: молчанье длилось.
вилось, пастырь онѣмѣлъ.
Шепотъ въ слушателяхъ бродитъ:
Знать, онъ слова не находитъ.
Даръ глагола отлетѣлъ!»

Ждутъ. И вдругъ, къ Турецкимъ стягамъ
Обратясь, широкимъ шагомъ
Онъ съ амвоннаго ковра
Устремился на гробницу
И простеръ свою десницу
Надъ останками Петра.

Всѣ невольно содрогнулись
И тайкомъ переглянулись,
И поникшіе стоятъ....
Сквозь разлитый въ сферѣ храма
Дымъ дрожащій ѳиміама
Стѣны, видѣлось, дрожатъ.

И простертою десницей
Двигнутъ вскользь надъ той гробницей
Строй знаменъ, какъ рядъ тѣней,
Что̀ вокругъ шатромъ сомкнулся,
Зашатался, всколыхнулся
И развѣялся надъ ней.

И надъ чествуемымъ прахомъ
Ризы пастырской размахомъ
Всколебалось пламя свѣчъ;
Сѣнь, казалось, гробовая
Потряслась, и громовая
Излилась Платона рѣчь.

И прогрянулъ гласъ витіи:
«Петръ! Возстань и виждь Россіи
«Силу, доблесть, славу, честь!
«Се трофеи новой брани!
«Морелюбецъ нашъ! Возстани
«И услышь благую вѣсть!»

И межъ тѣмъ, какъ словъ гремящихъ
Мощь разила предстоящихъ,
Произнёсъ изъ нихъ одинъ
Робкимъ шепотомъ, съ запинкой:
«Что̀ онъ кличетъ?—Вѣдь съ дубинкой
«Встанетъ грозный исполинъ!» ([3])

([1]) Въ *Чесменской* гавани Русскій флотъ одержалъ полную побѣду надъ Турецкимъ. *Трофей*—добыча, взятая у побѣжденнаго непріятеля. ([2]) *Орелъ*—См. ст. 94 прим. 1. ([3]) Бывшій при этомъ графъ Разумовскій, родомъ изъ Малороссіянъ, потихоньку сказалъ окружавшимъ его: «Чего винъ (онъ) его кличе? Якъ (какъ) встане, то всѣмъ намъ достанется.»

196. Походъ въ Крымъ.

(Народная пѣсня.)

(13 Іюня 1771 г.)

Перешли мы всю Татарску степь,
Нужды мы ни въ чемъ не видѣли,
Про кручину и не знали мы;
Непріятели боялись насъ,
Насъ боялись, не казались намъ;
Они клали всю надежду ихъ
На свою на стѣну крѣпкую,
На высоку Перекопскую,
На широкій и глубокій ровъ.
Только этимъ не спасетесь вы,
Васъ не скроетъ море Черное,
Не удержитъ насъ Сивашъ р
Третій-на-десять тогда был
Во Іюнѣ лѣтнемъ мѣсяцѣ,
Въ семьсотъ семьдесятъ перво
Какъ пришли мы къ непріят
Къ Перекопской крѣпкой лин
Не отъ вѣтра зашумѣлъ тутъ
Не на Волгѣ подымался вал
Зашумѣли тмы свинцовыхъ п
Подымался градъ чугунныхъ д

197. Чума въ Москвѣ.

(15 Сентября 1771 г.)

Рано поутру, 15 Сентября, тащилась шагомъ по большой славской дорогѣ телѣга, запряженная тройкою лошадей; въ ней дѣлъ купецъ въ синемъ кафтанѣ тонкаго сукна, сверхъ кото наброшена была дорогая лисья шуба. Съ перваго взгляда на бѣлую какъ снѣгъ бороду и высокій лобъ, покрытый морщина можно было подумать, что онъ доживаетъ осьмой десятокъ; но которая горѣла въ его глазахъ, по временамъ грустныхъ и заг чивыхъ, его прямой и видный станъ, не совсѣмъ поблекшія щеки все доказывали, что не лѣта, а горе провело эти глубокія щины на лицѣ и покрыло преждевременной сѣдиною его гол

— Вотъ ужъ солнышко и пригрѣвать стало, сказалъ проѣз спуская съ плечъ свою шубу.—Эй, другъ сердечный, продолжалъ о обращаясь къ ямщику:—ты ужъ версты четыре идешь шаго Не пора ли рысцой!

— Постой, хозяинъ, отвѣчалъ ямщикъ:—выберемся на гор такъ и рысью поѣдемъ. Да что ты больно торопишься? Тел всѣ норовятъ изъ Москвы, а въ Москву охотниковъ мало.

— А ты давно ли былъ въ Москвѣ? спросилъ купецъ.

— Да вотъ ономнясь, дней пятокъ назадъ, возилъ Ростовск купца.

— Ну что, полегче ли тамъ стало?

— Куда легче! Такой моръ, что и сказать нельзя. Такъ, слы ч, варомъ и варитъ. Гробовъ не успѣваютъ дѣлать.

оже мой! Боже мой! прошепталъ купецъ:—не накажи меня камъ моимъ!

Іrогнѣвали мы Господа, продолжалъ ямщикъ.—А слышалъ хозяинъ: на Варварскихъ воротахъ явился образъ Богой Божіей Матери?

Нѣтъ, не слышалъ.

Я въ прошлый разъ ходилъ самъ ему свѣчу поставить. Го- Боже мой! народу-то, народу!... Такъ другъ друга и давятъ. ворятъ, стало мереть пуще прежняго.

И не диво, любезный. Вѣдь эта болѣзнь пристаетъ.—Ну, тедорога пошла подъ горку, продолжалъ купецъ.—Пріударь-ка, чикъ!

Погоди, хозяинъ! выберемся изъ этого села, такъ поѣдемъ; по улицѣ-то грязь какая, вовсе дороги нѣтъ.

роѣзжіе въѣхали въ село Пушкино. Кое-гдѣ лаяли тощія со-, и заморенные голодомъ телята бродили по улицѣ, но нигдѣ лышно было голоса человѣческаго; ни одна труба не дыми-: все было мертво и тихо, какъ въ глубокую полночь.

- Что это, любезный? спросилъ купецъ:—иль еще по домамъ спятъ? Кажись, солнышко высоко.

– Какой спятъ! отвѣчалъ ямщикъ, покачивая головою.—Все пкино вымерло.

– Возможно ли! Не уже ли всѣ до одного?

— Всѣ, отъ мала до велика; во всемъ селѣ одной живой души не алось.

— Всѣ до одного! повторилъ купецъ въ полголоса.—Быть могъ, въ этой избѣ дня три тому назадъ отецъ любовался своей іьею, мать нянчила дѣтей своихъ...

— А теперь, перервалъ ямщикъ, и воротъ-то притворить немy. Тутъ жилъ мой кумъ Ѳаддей, мужикъ богатый, а семья-то кая была! шестеро сыновей, молодецъ къ молодцу. Недѣли двѣ му назадъ всѣ были здоровехоньки; а какъ въ послѣдній разъ проѣзжалъ, такъ, гляжу, горемычный старикъ одинъ какъ перстъ ıдитъ на завалинкѣ. Онъ что-то хотѣлъ мнѣ сказать въ догонку, ı вдругъ покатился, застоналъ и тутъ же при мнѣ Богу душу гдалъ.

Миновавъ длинный порядокъ крестьянскихъ дворовъ, проѣзжіе тали приближаться къ деревенской околицѣ. Изъ крайней избы, ысунувшись до половины въ окно, смотрѣла на улицу крестьянская баба, повязанная бѣлымъ платкомъ.

— Слава тебѣ, Господи! сказалъ проѣзжій:—насилу-то увидѣли живаго человѣка.

Ямщикъ покачалъ головою.

— Да развѣ ты ослѣпъ? продолжалъ купецъ: —вонъ, въ то избѣ!

— Вижу, хозяинъ; да ужъ она пятыя сутки смотритъ въ Видно, голубушка хотѣла передъ смертью взглянуть на свѣтъ! Сердечная!.. и прибрать-то ее некому.

Купецъ невольно содрогнулся, когда они поровнялись съ изъ которой выглядывала эта ужасная хозяйка. Онъ закрыл ками глаза, чтобъ не видѣть ея обезображеннаго и покрыта ными пятнами лица, на которомъ замерло выраженіе нестер муки и адскаго страданія.

Когда проѣзжіе выѣхали изъ села, ямщикъ тронулъ лоша поѣхалъ небольшой рысцею.

— Да прибавь немного ходу! сказалъ купецъ: — этакъ мы лый день протащимся.

— Какъ еще ѣхать-то! пробормоталъ извощикъ, пошевел вожжами.—И куда спѣшить, хозяинъ? Вѣдь не на радость ѣ

— Почему ты это знаешь? спросилъ торопливо купецъ.

— Да что теперь веселаго-то въ Москвѣ?

— У меня тамъ жена и дѣти... Поспѣешь въ Москву къ нямъ, такъ я тебѣ рубль на водку дамъ.

— Спасибо, хозяинъ! Да крѣпка ли у тебя повозка-то? ска ямщикъ, подбирая вожжи.—Эй вы, други! Смотри, Өедотъ мычъ, держись! продолжалъ онъ, вытаскивая изъ-за пояса свой менный кнутъ.—Ну, что стали?.. ударю! Эй ты, сѣрко, замял али ножки болятъ?

Удалой ямщикъ свистнулъ, гаркнулъ, и телѣга вихремъ мчалась по широкой дорогѣ. Тарасовка, Большія Мытищи, Росто но, село Алексѣевское, съ своимъ царскимъ домомъ и зеркальн прудами, замелькали мимо проѣзжихъ; и благовѣстъ еще не чинался въ городѣ, когда ямщикъ, осадивъ съ трудомъ свою ли тройку, остановился близъ креста у Троицкой заставы. Къ не подошелъ, какъ-будто нехотя, старый инвалидъ и, узнавъ, что пецъ ѣдетъ изъ «благополучнаго» города Ярославля, безъ да нихъ распросовъ отворилъ рогатку.—Ну, счастливъ ты, хозяи сказалъ ямщикъ, тронувъ лошадей:—меня въ прошлый разъ от самыхъ полуденъ продержали за рогаткою почитай до вечерен распросовъ-то сколько было!

— А вотъ обозъ, что передъ нами идетъ, сказалъ купецъ:—е вовсе не останавливали.

— Да, да! подхватилъ ямщикъ.—Что за притча такая?

— Видно, любезный, и караулить-то ужъ некому нашу матушк Москву.

Что ты, хозяинъ! Мало ли здѣсь всякихъ командъ? Однихъ ныхъ да десятскихъ тма тмущая. Нѣтъ, знать, въ Москвѣ-то че стало.

Дай-то Господи! произнесъ съ глубокимъ вздохомъ купецъ. озъ, который ѣхалъ передъ проѣзжими, вдругъ сталъ торо› сворачивать въ сторону, и впереди раздался отвратительный, ›атый голосъ: «сворачивай проворнѣй! господа ѣдутъ!» Въ минуту вся середина улицы опустѣла, и купецъ увидѣлъ песобою такой странный поѣздъ, что сердце его оледенѣло отъ а. Къ заставѣ тянулся длинный рядъ роспусковъ, нагруженъ гробами; нѣкоторые изъ нихъ были такъ плохо сколочены, казалось, при каждомъ потрясеніи готовы были развалиться; е были даже вовсе безъ крышъ, и безобразные, едва прикрыцыновками трупы выглядывали изъ нихъ на проходящихъ. ые люди, которые окружали эту похоронную процессію, покаісь проѣзжему еще ужаснѣе самихъ мертвецовъ не потому, что были одѣты какими-то пугалами, въ вощаные балахоны и коли, но ихъ пьяныя, развратныя физіономіи, ихъ звѣрскія лица, безумный хохотъ при видѣ проѣзжихъ, которые торопились рачивать съ дороги,—все придавало имъ видъ настоящихъ деіовъ. Нѣсколько поодаль шли гарнизонные солдаты съ ружьями, ›халъ полицейскій чиновникъ верхомъ.

— О, Господи! сказалъ купецъ, что это за люди!.. Въ нихъ гъ и образа человѣческаго.

— Развѣ не видишь, хозяинъ, что они въ кандалахъ? перерлъ ямщикъ.—Это разбойники.

— Разбойники! повторилъ робкимъ голосомъ купецъ.

— Ну, да. Сначала вывозили покойниковъ за городъ казенные ›гонщики, да больно стали мереть, такъ теперь наряжаютъ изъ :трога колодниковъ.

— Эй ты, хозяинъ! закричалъ одинъ каторжный:—почни кушку-то, дай что-нибудь: нечемъ помянуть покойниковъ.

— Да полно, не скупись, промолвилъ другой.—Вѣдь завтра, ожетъ статься, и тебя туда же потащимъ.

—Купецъ бросилъ имъ горсть мелкихъ денегъ; всѣ разбойники, акъ голодныя собаки, кинулись подбирать мѣдные гроши.

— Проѣзжай скорѣй, любезный, шепнулъ купецъ:—на этихъ людей і глядѣть-то страшно!

— Поживешь здѣсь денька два, такъ привыкнешь, пробормоталъ ямщикъ, погоняя лошадей.

Они проѣхали отъ заставы до самой Сухаревой башни, не встрѣтивъ ни одного прохожаго: мертвая тишина, изрѣдка прерываемая глухими воплями, которые проникали сквозь стѣны домовъ;

гдѣ на церковныхъ погостахъ окостенѣлые трупы нищих колоченныя двери; окна съ выбитыми стеклами, и вездѣ, по каждомъ шагу, красные кресты на воротахъ. (1) За Сухаревой ней проѣзжіе стали обгонять сначала людей, идущихъ пѣш кѣ, потомъ цѣлыя толпы мущинъ и женщинъ, и когда, въ къ Никольскимъ воротамъ, поворотили налѣво, мимо городск ны, то должны были безпрестанно останавливаться, чтобы не давить народа.

— Смотри-ка, хозяинъ, сказалъ ямщикъ, какъ всѣ православны тутъ молиться Боголюбской Божіей Матери! Глядь-ка, глядь! тамъ, у Варварскихъ воротъ!.... Ахъ ты, Господи! Эва на то! Словно въ котлѣ кипятъ!

—Да что это? сказалъ купецъ, прислушиваясь къ какимъ-то внятнымъ звукамъ, которые, какъ отдаленные перекаты грома давались посреди безчисленной толпы народа: —это не походитъ обыкновенный людской говоръ.... Слышишь, какъ кричатъ?

—Слышу, Ѳедотъ Абрамычъ. Въ прошлый разъ народу не мен было, а такъ не шумѣли ... Ужъ не фабричные ли?...

—Избави, Господи!

—А вотъ постой, хозяинъ, подъѣдемъ ближе, такъ увидимъ.- доѣзжая шаговъ триста до Варварскихъ воротъ, проѣзжіе дол были остановиться. Все пространство между городской стѣн приходской церкви Всѣхъ Святыхъ было усыпано народомъ.

— Ну, дѣлать нечего, сказалъ купецъ, вылѣзая изъ телѣги.—С пай назадъ; авось Ильинскими воротами проѣдешь на Варвар а я ужъ какъ-нибудь добреду пѣшкомъ до дому.

Ямщикъ поворотилъ лошадей, а купецъ смѣшался съ народ и попеременно, то продираясь медленно впередъ, то быстро ув каемый бѣгущими толпами, очутился въ нѣсколько минутъ у с мыхъ Варварскихъ воротъ. Прежде всего кинулся ему въ гл стоящій на высокой скамьѣ небольшаго роста человѣкъ, съ р трепанными волосами, запачканный, оборванный; однимъ словом похожій на убѣжавшаго изъ тюрьмы колодника. Онъ кричалъ с времени до времени, охриплымъ и протяжнымъ голосомъ: «пор дѣйте, православные, Богоматери на всемірную свѣчу!» Къ обра Боголюбской Божіей Матери, вдѣланному саженяхъ въ двухъ от земли въ стѣну башни, приставлена была лѣстница; народъ лѣ по ней безпрерывно вверхъ; одни прикладывались, другіе ставил свѣчи; нижніе цѣплялись за верхнихъ, сталкивали ихъ внизъ, па дали сами; ихъ топтали въ ногахъ, давили; клятвы, крики, жен скій визгъ, стоны умирающихъ,—все заглушалось общимъ ропотом народа, который волновался и шумѣлъ, какъ бурное море. При ...ивавшись къ разговорамъ нѣкоторыхъ лицъ, пріѣзжій купец ...; пораженъ именемъ преосвященнаго Амвросія и намеками на

ость, угрожающую добродѣтельному пастырю. Онъ хотѣлъ › подробнѣе, въ чемъ дѣло; расспрашивалъ многихъ; отвѣты быины или заключались въ общихъ угрозахъ, и онъ не сталъ цать на нихъ вниманія. (*)

'да толпа начала рѣдѣть, купецъ снова пошелъ впередъ. Мино- церковь Георгія Побѣдоносца, онъ выбрался на просторъ; и его кипѣли толпы народа, но впереди вся улица была пуи только кой-гдѣ изъ оконъ домовъ выглядывали украдкою богатыхъ купцовъ, которыя жили взаперти и не смѣли вызь на улицу. Вдругъ купецъ, который шелъ скорыми шагами, ловился; онъ увидѣлъ вдали кровлю своего дома; сердце его ось, холодный потъ выступилъ на блѣдномъ лицѣ. До этой ительной минуты онъ не вовсе былъ несчастливъ: онъ могъ яться, могъ думать: «у меня есть жена, у меня есть дѣти!» Но рь.... еще нѣсколько шаговъ, еще полминуты—и, можетъ ›, онъ давно уже одинъ въ цѣломъ мірѣ; горькій сирота, съ ями волосами, быть можетъ, онъ станетъ искать и не найдетъ илы, надъ которою могъ бы поплакать.—Милосердый Боже! проталъ бѣдный старикъ:—не мнѣ просить Тебя о милости, но чтобъ упить ихъ жизнь, нашли на меня болѣзни, страданія; дозволь ѣ живому лечь въ могилу, и я стану прославлять Твое милодіе!—Въ эту самую минуту оборванный и безобразный собою льчишка, который бѣжалъ, оглядываясь безпрестанно назадъ, натулся на купца.

— Тереша! вскричалъ онъ, схвативъ его за руку:—ты ли это?

— Вѣстимо я, пробормоталъ мальчишка, стараясь вырваться.

— Да постой! Куда ты бѣжишь? .. Ну что, скажи, все ли у съ здорово? Что моя жена?... что дочери?

— А что имъ дѣлается! сказалъ мальчикъ, поглядывая съ нерпѣніемъ впередъ.

— Такъ они живы?

— А кто ихъ знаетъ!

— Да развѣ ты живешь не съ ними?

— Вѣстимо нѣтъ. Мнѣ колотушки-то надоѣли.... Да пусти еня!

— Возможно ли! вскричалъ купецъ:—ты покинулъ мой домъ? Да акъ ты смѣлъ....

— А вотъ какъ, сказалъ мальчикъ, высвободивъ свою руку и пукаясь бѣгомъ къ Варварскимъ воротамъ.

— Онъ живъ! прошепталъ купецъ, глядя въ слѣдъ за своимъ ріемышемъ.—А, быть можетъ, этотъ ангелъ во плоти, жена моя, мои дѣти... О, скорѣй, скорѣй! продолжалъ онъ, торопясь идти впередъ:—что будетъ, то и будетъ, а лучше одинъ конецъ.—И вотъ ужъ онъ подлѣ своего дома; глядитъ: ставни заперты, двер улицы заколочены досками; онъ спѣшитъ къ воротамъ... Пра

Боже! На нихъ красный крестъ!... Но, кажется... Такъ: на дворѣ залаяла собака. Такъ домъ не совсѣмъ еще пу Купецъ стучитъ въ калитку, отвѣту нѣтъ; одна лишь соба чуявъ хозяина, лаетъ пуще прежняго. Проходитъ нѣсколько н —все та-же мертвая тишина. Вотъ въ сосѣднемъ домѣ медле ворилось окно, и человѣкъ, съ блѣднымъ, больнымъ лицемъ залъ купцу:

— Не стучи, любезный! въ этомъ домѣ никого нѣтъ.

— Никого! повторилъ бѣдный старикъ прерывающимся голосо а хозяйка дома?

— Третій день, какъ умерла.

— А ея дочери?

— Вчера послѣднюю отвезли на кладбище.

— Послѣднюю!... прошепталъ купецъ.

Онъ прислонился къ стѣнѣ своего дома. Несчастный не ли ся памяти: онъ чувствовалъ, онъ понималъ, что у него н ни жены, ни дѣтей. Есть горе, которое мы, Богъ знаетъ по называемъ горемъ: оно не имѣетъ и не можетъ имѣть имени языкѣ человѣческомъ. Это чувство непродолжительно, какъ пос ній вздохъ умирающаго; но полжизни безпрерывныхъ боле цѣлый вѣкъ страданій тѣлесныхъ ничто предъ этой минутной с тію души. Старикъ-сирота молчалъ; въ глазахъ его не было сл въ груди ни одного вздоха; онъ взглянулъ на небеса: они б ясны, чисты, но такъ же безотвѣтны, такъ же мертвы, какъ душа

Скоро нагрянула толпа людей, шедшихъ отъ Варварскихъ вор и онъ услышалъ снова имя Амвросія. Купецъ задрожалъ; онъ ст страшиться за безопасность почитаемаго архипастыря, кот зналъ лично.

Съ горестью въ сердцѣ должны мы упомянуть здѣсь о пр шествіи, котораго ужасъ не позволяетъ намъ раскрыть всѣ дробности.

Кромѣ бѣдствій, которыя претерпѣла Москва въ это врем суждено было еще прибавить черную страницу къ своимъ лѣ писямъ. Ужасное злодѣяніе совершилось въ ея стѣнахъ: архі скопъ Амвросій палъ, какъ извѣстно, подъ ножемъ шайки н ныхъ злоумышленниковъ. Накинемъ скорѣе завѣсу на это св татственное событіе, о которомъ Московскіе старожилы досел могутъ вспомнить безъ содроганія, и скажемъ только, какое уч принималъ въ немъ нашъ пріѣзжій купецъ Панскаго ряда, Өе Абрамовичъ Сибиряковъ.

Удостовѣрившись въ дѣйствительности замысла злодѣевъ, эт несчастный человѣкъ рѣшился спасти Амвросія. На другой де 16 Сентября, рано по утру, онъ поскакалъ въ Донской монасты гдѣ тогда жилъ архіерей. Онъ засталъ у дверей обители од молодаго послушника и келейника Амвросіева и требовалъ

настоятельно, чтобы они убѣдили достойнаго пастыря тотуѣхать подальше отъ Москвы. Преосвященный не успѣлъ выполнить его совѣта, какъ уже убійцы были у воротъ моіря. Онъ искалъ убѣжища въ церкви. Злодѣи вломились въ ъ, и тотъ самый пріемышъ Сибирякова, змѣя, воплощенная въ ѣческомъ тѣлѣ, открылъ его на хорахъ и указалъ разъяреннымъ зрамъ. Разбойники стащили преосвященнаго съ хоръ. Одинъ нихъ, въ которомъ Сибиряковъ узналъ фабричнаго, собирав› у Варварскихъ воротъ деньги на «всемірную свѣчу», бѣслся болѣе другихъ. Истощивъ всѣ бранныя слова, онъ зано› уже широкій ножъ надъ грудью жертвы. Сибиряковъ схва› его за руку и остановилъ ударъ.—А этотъ что вступается? вѣли кругомъ голоса разбойниковъ:—бейте его!—«Что вы, гцы? принужденъ былъ сказать купецъ:—вѣдь я съ вами! Приае ли дѣло осквернять храмъ Господень? Выведемъ его изъ астыря, а тамъ допросимъ, увидимъ...»—Правда, правда! ричали разбойники:—вѣдь онъ не уйдетъ.—Сибиряковъ надѣялся, онъ между тѣмъ успѣетъ усовѣстить извергов; но всѣ его ліяя были тщетны: Амвросій погибъ.

) *Красный крестъ* на воротахъ означалъ, что весь домъ вымеръ. ([2]) Архіеконъ *Амвросій* хотѣлъ снять съ Варварскихъ воротъ икону Боголюбской Бой Матери, къ которой собирались толпы народа, отъ чего зараза распространяь еще болѣе.

198. Казнь Пугачева и его сообщниковъ. ([1])

(По разсказу очевидца.)

(10 Января 1775 г.)

Съ утра безчисленное множество народа столпилось на Болотѣ, ([2]) дѣ воздвигнутъ былъ высокій намостъ. На немъ сидѣли паачи и пили вино, въ ожиданіи жертвъ. Около намоста стояли ри висѣлицы. Кругомъ выстроены были пѣхотные полки. Офицеры были въ шубахъ по причинѣ жестокаго мороза. Кровли домовъ и лавокъ усѣяны были людьми; низкая площадь и ближнія улицы заставлены каретами и колясками. Вдругъ все заколебалось и зашумѣло; закричали: «везутъ, везутъ!» Вслѣдъ за отрядомъ кирасиръ ѣхали сани, съ высокимъ амвономъ. На немъ, съ открытою головою, сидѣлъ Пугачевъ, насупротивъ его духовникъ. Тутъ же находился чиновникъ Тайной экспедиціи. Пугачевъ, пока его везли, кланялся на обѣ стороны. За санями слѣдовала еще конница и шла толпа прочихъ осужденныхъ. Очевидецъ описываетъ слѣдующимъ образомъ кровавое позорище:

«Сани остановились противъ крыльца лобнаго мѣста. Пугачевъ и любимецъ его Перфильевъ, въ препровожденіи духовника двухъ чиновниковъ, едва взошли на эшафотъ, раздалось по

тельное слово: *на караулъ!* и одинъ изъ чиновниковъ нач тать манифестъ. Почти каждое слово до меня доходило.

«При произнесеніи чтецемъ имени и прозвища главна дѣя, также и станицы, (³) гдѣ онъ родился, оберъ-полиціймє спрашивалъ его громко: «ты ли Донской казакъ, Емелька чевъ?» Онъ столь же громко отвѣтствовалъ: «такъ, госу Донской казакъ, Зимовейской станицы, Емелька Пугачевъ томъ, во все продолженіе чтенія манифеста, онъ, глядя на с часто крестился, между тѣмъ какъ сподвижникъ его Перф немалаго роста, сутулый, рябой и свирѣповидный, стоялъ непо но, потупя глаза въ землю. По прочтеніи манифеста, духовни залъ имъ нѣсколько словъ, благословилъ ихъ и пошелъ съ фота. Читавшій манифестъ послѣдовалъ за нимъ. Тогда Пуга сдѣлавъ съ крестнымъ знаменіемъ нѣсколько земныхъ покло обратился къ соборамъ, потомъ съ уторопленнымъ видомъ прощаться съ народомъ; кланялся на всѣ стороны, говоря пр вающимся голосомъ: *прости, народъ православный! отпуст чемъ я согрубилъ предъ тобою.... прости, народъ православ* При семъ словѣ экзекуторъ далъ знакъ: палачи бросились ра вать его; сорвали бѣлый бараній тулупъ, стали раздирать ру шелковаго малиноваго полукафтанья. Тогда онъ, сплеснувъ рук повалился навзничь, и вмигъ окровавленная голова уже ви въ воздухѣ.»

Палачъ имѣлъ тайное повелѣніе сократить мученія престу ковъ. У трупа отрѣзали руки и ноги, палачи разнесли ихъ четыремъ угламъ эшафота; голову показали уже потомъ и воткн на высокій колъ. Перфильевъ, перекрестясь, простерся ниц остался недвижимъ. Палачи его подняли и казнили такъ же, ка и Пугачева. Между тѣмъ Шигаевъ, Падуровъ и Торновъ уже сѣли въ послѣднихъ содроганіяхъ... Въ сіе время зазвенѣлъ ко кольчикъ; Чику повезли въ Уфу, гдѣ казнь его должна была вершиться. Тогда начались торговыя казни; (⁴) народъ разошел осталась малая куча любопытныхъ около столба, къ которо одинъ послѣ другаго, привязывались преступники, присужденн къ кнуту. Отрубленные члены четвертованныхъ (⁵) мятежнико были разнесены по Московскимъ заставамъ и, нѣсколько дне послѣ, сожжены вмѣстѣ съ тѣлами. Палачи развѣяли пепелъ. П милованные мятежники были на другой день казней приведен предъ Грановитую палату. Имъ объявили прощеніе и при всем народѣ сняли съ нихъ оковы.

(¹) *Пугачевъ*—самозванецъ, принявшій имя умершаго императора Петра III-го. (²) *Болото*—Площадь въ Москвѣ. (³) *Станица*—казацкое селеніе. (⁴) *Торговая каз-*[illegible]наказаніе кнутомъ, плетьми. (⁵) *Четвертовать*—предавать смертной казни посре[illegible] отсѣченія рукъ и ногъ.

[illegible]:

9. ВХОДЪ СУВОРОВА ВЪ ПОКОРЕННУЮ ВАРШАВУ.

(Разсказъ очевидца.)

(24 Октября 1794 г.)

:тября 24-го, рано утромъ, народъ въ Варшавѣ покрывалъ ши прибрежнаго строенія. Всѣ окна въ домахъ наполнены имъ, існыя толпы его плотились по берегу рѣки Вислы. Онъ ждалъ его вступленія, какъ тишины и покоя послѣ землетрясенія, по- ужасной бури, ждалъ—и молчалъ.

[ы были готовы, какъ на парадъ. Все вымылось, вычистилось дало повелѣнія идти. Явились казаки Исаевцы, одѣтые на сла- даже лошади ихъ, противъ обыкновенія, были вычищены. Пра- (1) наполнилась нашими войсками; колонны входили въ нее съ ыкою, съ боемъ барабановъ и съ игрою на трубахъ. Все бы- готово. Насталъ десятый часъ утра, и Александръ Василье- іъ явился къ намъ. Громкое *ура!* воиновъ привѣтствовало ца своего. Онъ шибко объѣхалъ нашу колонну, здоровался съ ми, и радостное лице его утѣшило, порадовало нашихъ. Тма роду кипѣла въ Варшавѣ.

По мановенію Суворова, все двинулось впередъ къ мосту. Воен- я музыка огласила воздухъ. Наша колонна, подъ командою бое- го генерала Буксгевдена, вступила первая на мостъ. Впередъ онеслись быстро Исаевцы; за ними двинулись баталіоны егерей, ифляндскій и Бѣлорусскій, а за тѣмъ и нашъ полкъ; за нимъ за эскадрона Ольвіопольскихъ гусаръ, Кіевскіе конные егеря въ заключеніе Рижскій пѣхотный полкъ. Полковая артиллерія ыла при полкахъ. Крикъ встрѣчающаго насъ народа оглашалъ оздухъ: «Да здравствуетъ, да здравствуетъ Екатерина! Да здрав- твуетъ Суворовъ! Да здравствуютъ Русскіе!» Предъ самымъ вхо- омъ съ моста въ городъ, городскія власти дожидались съ хлѣбомъ олью и съ ключами города встрѣтить *Великаго*. Буксгевденъ оставилъ при нихъ своего адъютанта указать *Побѣдоносца*. Мы шли въ городъ на взлобье горы по улицѣ. Народъ покрывалъ крыши домовъ; окна и улицы были имъ полны; онъ тѣснился возлѣ взводовъ нашихъ и пробѣгалъ въ ихъ промежуткѣ. Многіе, старость и молодость, цѣловали руки, даже платье офицеровъ.

Александръ Васильевичъ, въ простой курткѣ, въ каскѣ, съ ко- роткимъ мечемъ по поясу, ѣхалъ вслѣдъ за нашею колонною. Раз- сказывали послѣ, что властелины Польши, именемъ ея и именемъ короля, поднесли хлѣбъ-соль и ключи Варшавы побѣдоносцу, ми- лосердому полководцу; привѣтствовали его со слезами, обнимали колѣна, цѣловали его ноги, даже стремена сѣдла его, и поверга- ли участь Польши въ его милосердіе. Александръ Васильевичъ, тронутый до глубины души, съ навернувшимися на глазахъ сле- зами, принимая хлѣбъ-соль и ключи, возвелъ глаза свои къ пред-

сѣдящему превыше небесъ Богу милосердому, внутренно б
рилъ Его величіе, что это вступленіе безъ крови и слез
преизбытка чувствъ своихъ онъ могъ только сказать предст
властямъ: «миръ, цѣлость вашего имущества и спокойст
руетъ вамъ всемилостивѣйшая государыня царица.» Посл
войскà двинулись вслѣдъ за нашею колонною, и предст
ѣхали съ величайшимъ нашимъ полководцемъ. *Виватъ!* ур
рода разсѣвали воздухъ и оглашали всю Варшаву. Между
радостнымъ крикомъ слышны были хриплые голоса: «Пусть
такъ, какъ было!... Да живетъ Польша!» Это былъ отклик
верженцевъ стороны возставшихъ (которыхъ подстрекнули г
станію Французы), откликъ любви къ отечеству, но любви л
неумѣвшихъ какъ бы нужно было, любить своего отечества
Такъ прошли мы весь городъ и за нимъ расположились
ремъ въ огромномъ укрѣпленіи.

(¹) *Прага*—предмѣстье Варшавы, взятое нами приступомъ.

200. Польскіе крестьяне на Волыни.

(Народная пѣсня.)

(1795 г.)

Наступала туча черная, наступила еще и сизая: была Пол
а вотъ стала Россія! За отца сынъ не отбудетъ дѣла, ни о
за сына. Живутъ люди, живутъ люди, живутъ слободою; и
мать на ниву, идетъ вмѣстѣ съ дочкой; пришли онѣ на ниву
«помогай намъ, Боже, и святой воскресный день, господинъ
кій!» Сѣли пообѣдать: «горекъ нашъ обѣдъ!» Онѣ оглянулись на
экономъ идетъ. Пріѣхалъ онъ на нивушку, нагайку расправи
«отчего же васъ, вражьихъ людей, не трое?» И началъ эконо
ругаться, да драться: «зачѣмъ вы, вражьи люди, сноповъ не
сите?» А у нашего эконома красная шапка; а пріѣдетъ онъ
барщину, такъ скачетъ, какъ жаба; а у нашего эконома шел
обувь. Плачутъ, плачутъ бѣдные люди, съ барщины идучи; на
ты у воловъ шеи, а у бѣдныхъ людей руки. «Собери, молъ, яр
го хлѣба полторы копы, а озимаго—копу!» (¹) Хоть какому му
впору все вымолотить, вывѣять и въ анбаръ сложить; а вечеро
поужинавъ, въ караулъ ступай! Пошли они въ шинокъ: «
шинкарка, кварту; выпьемъ съ горя по стакану, а потомъ и
караулъ!» Ходитъ попъ по церкви, да книжку читаетъ: «отче
васъ, добрыхъ людей, въ церкви не бываетъ?» — Какъ же на
[illegible], въ церковь-то ходить?—Съ воскресенья до другаго [illegible]
[illegible]!

[illegible]шестьдесятъ снопов.

[illegible]

:УВОРОВЪ НА СОВѢТѢ ВЪ ДОЛИНѢ МУТТЕНЪ-ДОЛЬ.[1]

(Разсказъ очевидца.)

(17 Сентября 1799 г.)

:о числа потребованъ я былъ [2] къ Александру Василье-
прибылъ и увидалъ его въ полномъ фельдмаршальскомъ
рѣ и во всѣхъ орденахъ. Онъ шибко ходилъ и, противъ сво-
)ыкновенія, не подарилъ меня не только словомъ своимъ,
взглядомъ. Казалось, онъ не видалъ меня и былъ сильно
воженъ. Лицо его было важно, величественно; такимъ я не
ъ его никогда. Онъ ходя говорилъ самъ съ собой отрывками:
ады! .. разводы!... большое къ себѣ уваженье!... обернется:
ы долой! Помилуй, Господи!... Да, и это нужно, да во время....
ужнѣе-то.... это: знать, какъ вести войну; знать мѣстность;
ъ разсчесть; умѣть не дать себя въ обманъ; умѣть бить! А
му быть.... не мудрено!.... Погубить столько тысячъ!... и ка-
»!... и въ одинъ день!... Помилуй, Господи!..» И многое, мно-
говорилъ Александръ Васильевичъ, ходя и не замѣчая меня.
идѣлъ, что я здѣсь не у мѣста, и вышелъ вонъ. Въ скорости
былъ великій князь Константинъ Павловичъ и съ нимъ всѣ
ералы и значительные по военнымъ талантамъ полковники. Мы
іли; Александръ Васильевичъ встрѣтилъ насъ поклономъ; сталъ,
рылъ глаза, задумался; казалось, онъ боролся съ мыслями ска-
ь о бѣдствіи, насъ постигшемъ. Но не прошло и минуты, онъ
лянулъ, и взоръ его, какъ молнія, поразилъ насъ. Это не былъ
е тотъ Александръ Васильевичъ, который между рядами вои-
въ, въ сраженіи, велъ ихъ въ бой съ высокимъ самоотверже-
:мъ, съ быстротою сокола,—или такъ, за просто, во время по-
да, веселыми своими разговорами заставлялъ всякаго любить
о душевно: нѣтъ! это былъ уже величайшій человѣкъ, геній: онъ
)еобразился. Чрезъ минуту онъ началъ говорить:

— Корсаковъ разбитъ и прогнанъ за Цюрихъ; Готцъ пропалъ
:зъ вѣсти, и корпусъ его разсѣянъ; прочія Австрійскія войска
)нъ называлъ ихъ начальниковъ), шедшія для соединенія съ на-
и, опрокинуты отъ Глариса и прогнаны. И такъ, весь операці-
нный планъ для изгнанія Французовъ изъ Швейцаріи исчезъ!...

Тутъ Александръ Васильевичъ началъ излагать, съ самаго при-
)ытія своего въ Италію, всѣ интриги, всѣ препятствія, дѣланныя
:му барономъ Тугутомъ съ его Гофкригсратомъ; [3] говорилъ, что
зсѣ планы и всѣ его предположенія были Австрійскимъ кабинетомъ
не уважаемы; что Гофкригсратъ связывалъ ему руки во всемъ
и во все время, и что походъ изъ Италіи однихъ Русскихъ войскъ
въ Швейцарію былъ только благовидный предлогъ удалить его съ
Русскими войсками изъ Италіи, для лучшаго себѣ присвоенія въ
ней областей.

Мы вышли отъ Александра Васильевича съ восторженн ствомъ, съ самоотверженіемъ, съ силою воли духа—*побѣ* умереть, но умереть со славою, закрыть знамена нашихъ тѣлами нашими. И сдѣлали по совѣсти, по духу, *какъ* сдѣлали все, что только было въ нашей высшей силѣ: вр повсюду бить, и путь нашъ чрезъ непроходимыя *до то* чайшія, снѣгомъ покрытыя горы нами пройденъ. Мы про не имѣя и въ половину насущнаго хлѣба, не видавъ *н* ни народа; и все преодолѣли, и побѣдили природу и вра держащаго коварствомъ союзнаго кабинета, *искреннимъ* намъ называвшагося. Мы перенесли и холодъ, и голодъ; въ пути до м. Куръ не было ни прута лѣсу, не *только д* грѣнія насъ въ это дождливое осеннее время, но даже и д чтобы согрѣть чайникъ. Грязь со снѣгомъ была *нашею по* а покровомъ небо, сыпавшее на насъ снѣгъ и дождь. Гро дававшійся надъ нашими головами и гремѣвшій *внизу, по* шими ногами, былъ вѣстникомъ нашей славы, нашего само женія. Такъ мы шли, почти босые, чрезъ высочайшія, *ска* горы, безъ тропинокъ, между ужасныхъ водопадовъ, чрезъ б токи, переходя ихъ по колѣно и выше въ водѣ. И *одна лишь* воли Русскаго человѣка съ любовію къ царю, къ отечеству Александру Васильевичу могла перенести всю эту *пагубную* пасть, уготованную намъ Тугутомъ.

---

(1) Во время войны съ Французами, главнокомандующій Русско-Австрійско міею, фельдмаршалъ «Суворовъ получилъ приказаніе изъ Верхней *Италіи дв* ся въ Швейцарію, на смѣну Австрійскихъ войскъ эрцгерцога Карла и на с неніе съ Русскимъ корпусомъ генерала Римскаго-Корсакова. Суворовъ всту въ Швейцарію и въ Муттенской долинѣ узнаетъ, что Корсаковъ, преждевре оставленный эрцгерцогомъ Карломъ, потерпѣлъ при Цюрихѣ пораженіе отъ цузскаго генерала Массены и отступилъ на сѣверъ. Массена съ своими 60,00 четъ запереть въ Муттенской долинѣ и принудить къ сдачѣ Суворова, у кот было не болѣе 20,000. Въ такомъ отчаянномъ положеніи главнокомандующі бираетъ военный совѣтъ.» *Иловайскій.* (2) *Я*—князь Багратіонъ. (3) *Гофк ратъ* — Австрійскій придворно-военный совѣтъ. (4) Во время войны *съ Тур* въ 1711 г., Петръ, имѣя 40,000 войска, былъ окруженъ при Прутѣ 200,000 Ту

---

209. ПЕРЕХОДЪ ФРАНЦУЗОВЪ ЧЕРЕЗЪ НѢМАНЪ.

(*13 Іюня 1812 г.*)

13-го Іюня Наполеону подали небольшую чистокровную скую лошадь, и онъ сѣлъ и поѣхалъ галопомъ къ одному изъ стовъ черезъ Нѣманъ, непрестанно оглушаемый восторженн криками, которые онъ, очевидно, переносилъ только потому,

я было запретить солдатамъ криками этими выражать свою зь къ нему; но крики эти, сопутствующіе ему вездѣ, тяготили : отвлекали его отъ военной заботы, охватившей его съ того ени, какъ онъ присоединился къ войску. Онъ проѣхалъ по му изъ качавшихся на лодкахъ мостовъ на ту сторону, круто рнулъ влѣво и галопомъ поѣхалъ по направленію къ Ковнѣ; шествуемый замиравшими отъ счастія, восторженными гвар-кими конными егерями, расчищая дорогу по войскамъ скака-ми впереди его. Подъѣхавъ къ широкой рѣкѣ Вислѣ, онъ оста-лся подлѣ Польскаго уланскаго полка, стоявшаго на берегу.

- Виватъ! восторженно кричали Поляки, разстроивая фронтъ авя другъ друга для того, чтобы увидать его. Наполеонъ осмо-лъ рѣку, слѣзъ съ лошади и сѣлъ на бревно, лежавшее на бе-у. По безсловесному знаку, ему подали трубу; онъ положилъ на спину подбѣжавшаго счастливаго пажа и сталъ смотрѣть на сторону; потомъ онъ углубился въ разсматриванье листа кар-разложеннаго между бревнами. Не поднимая головы, онъ ска-ъ что-то, и двое его адъютантовъ поскакали къ Польскимъ ула-ыъ.

— Что? Что онъ сказалъ? слышалось въ рядахъ Польскихъ анъ, когда одинъ адъютантъ подскакалъ къ нимъ.

Было приказано, отыскавъ бродъ, перейти на ту сторону. Поль-ій уланскій полковникъ, красивый, старый человѣкъ, раскраснѣ-пись и путаясь въ словахъ отъ волненія, спросилъ у адъютанта, озволено ли ему будетъ переплыть съ своими уланами рѣку, не ыскивая брода. Онъ съ очевиднымъ страхомъ за отказъ, какъ альчикъ, который проситъ позволенія сѣсть на лошадь, просилъ, гобы ему позволили переплыть рѣку въ глазахъ императора. Адъю-ıнтъ сказалъ, что, вѣроятно, императоръ не будетъ недоволенъ тимъ излишнимъ усердіемъ.

Какъ только адъютантъ сказалъ это, старый усатый офицеръ, съ счастливымъ лицемъ и блестящими глазами, поднявъ кверху саблю, ıрокричалъ: «виватъ!» и, скомандовавъ идти за собой, далъ шпоры ıошади и подскакалъ къ рѣкѣ. Онъ злобно толкнулъ замявшуюся подъ собой лошадь и бухнулся въ воду, направляясь въ глубь, къ быстринѣ теченія. Сотни уланъ поскакали за нимъ. Было холод-но и жутко на серединѣ и на быстринѣ теченья. Уланы цѣпля-лись другъ за друга, сваливались съ лошадей. Лошади нѣкоторыя тонули, тонули и люди, остальные старались плыть, кто на сѣдлѣ, кто держась за гриву. Они старались плыть впередъ на ту сторону и, не смотря на то, что за полверсты была переправа, гордились тѣмъ, что они плывутъ и тонутъ въ этой рѣкѣ подъ взглядами человѣка, сидѣвшаго на бревнѣ и даже не смотрѣвшаго на то, что они дѣ-лали. Когда вернувшійся адъютантъ, выбравъ удобную минуту, позволилъ себѣ обратить вниманіе императора на преданност

Поляковъ къ его особѣ, маленькій человѣкъ въ сѣромъ с
всталъ и, подозвавъ къ себѣ Бертье, сталъ ходить съ ним
и впередъ по берегу, отдавая ему приказанія и изрѣдка н
но взглядывая на тонувшихъ уланъ, развлекавшихъ его вн

Для него было не ново убѣжденіе въ томъ, что присутств
на всѣхъ концахъ міра, отъ Африки до степей Московіи,
ково поражаетъ и повергаетъ людей въ безуміе самозабвені
велѣлъ подать себѣ лошадь и поѣхалъ въ свою стоянку.

Человѣкъ 40 уланъ потонуло въ рѣкѣ, не смотря на высла
на помощь лодки; большинство прибилось назадъ къ этому
гу. Полковникъ и нѣсколько человѣкъ переплыли рѣку и с
домъ вылѣзли на тотъ берегъ. Но какъ только они вылѣзли
обмокнувшемъ со стекающими ручьями платьѣ, они закри
«виватъ!» восторженно глядя на то мѣсто, гдѣ стоялъ Напол
но гдѣ его уже не было, и въ ту минуту считали себя счаст
ми.

Ввечеру Наполеонъ между двумя распоряженіями,—одно о
чтобы какъ можно скорѣе доставить заготовленныя фальшивы
скія ассигнаціи для ввоза въ Россію, и другое о томъ, чтобы
стрѣлять Саксонца, въ перехваченномъ письмѣ котораго най
свѣдѣнія объ распоряженіяхъ по Французской арміи,—сдѣлалъ
тье распоряженіе о причисленіи бросившагося безъ нужды въ р
Польскаго полковника къ когортѣ чести, которой Наполеонъ б
самъ главою.

203. Битва подъ Смоленскомъ.

(Разсказъ очевидца.)

(4-5 Августа 1812 г.)

Я видѣлъ ужаснѣйшую картину: я былъ свидѣтелемъ гибе
Смоленска. 4-го числа непріятель устремился къ Смоленску и бы
встрѣченъ подъ стѣнами его горстью неустрашимыхъ Россіян
5-го числа отъ ранней зари до поздняго вечера, двѣнадцать ч
совъ, продолжалось сраженіе предъ стѣнами, на стѣнахъ и за ст
нами Смоленска. Русскіе не уступали ни на шагъ мѣста; дрались
какъ львы. Французы, въ бѣшеномъ изступленіи, лѣзли на стѣн
ломились въ ворота, бросались на валы и въ безчисленныхъ р
дахъ тѣснились около города, по ту сторону Днѣпра. Наконец
утомленный противоборствомъ нашихъ, Наполеонъ приказалъ жеч
городъ, котораго никакъ не могъ взять грудью. Тучи бомбъ, гр
натъ и чиненыхъ ядеръ полетѣли на домы, башни, магазин
... И домы, и церкви, и башни обнялись пламенемъ, и вс
...жетъ горѣть, запылало.... Опламененныя окрестности, г

разноцвѣтный дымъ, багровыя зори, трескъ лопающихся бомбъ, пушекъ, кипящая ружейная пальба, стукъ барабановъ, вопль ѣвъ, стоны женъ и дѣтей, цѣлый народъ, упадающій на косъ воздѣтыми къ небу руками,—вотъ что представлялось нашимъ мъ, что поражало слухъ, что раздирало сердце!... Толпы жибѣжали изъ огня, полки Русскіе шли въ огонь: одни спажизнь, другіе несли ее на жертву. Длинный рядъ подводъ тясъ ранеными.

глубокія сумерки вынесли изъ города икону Смоленскія Божія ри. Унылый звонъ колоколовъ, сливаясь съ трескомъ распацихся зданій и громомъ сраженія, сопровождалъ печальное віе; блескъ пожаровъ освѣщалъ его. Между тѣмъ черно-багрооблако дыма засѣло надъ городомъ, и ночь присоединила темко мраку и ужасъ къ ужасу. Смятеніе людей было столь ве-, что многіе выбѣгали полунагими, и матери теряли дѣтей сво. Казаки вывозили на сѣдлахъ младенцевъ изъ мѣстъ, гдѣ свирѣпвалъ адъ. Наполеонъ отдалъ приказъ, чтобъ Смоленскъ взять ъ непремѣнно 5-го числа, однако-жъ Русскіе отстояли его гру-, и 5-го числа городъ не былъ взятъ. Но 6-го рано,—о превратть судьбы!—то, что удерживали съ такимъ усиліемъ, отдали доброьно!.. Главнокомандующій имѣлъ на то причины. Теперь оленскъ есть огромная груда пепла. Наши поспѣшно отступотъ къ Дорогобужу, но сейчасъ, то-есть 8-го числа, къ вечеру остановились недалеко отъ Бредихи. Третьяго дня дрались, вчера ались, сегодня дерутся и будутъ драться. Непріятель беретъ одмъ многолюдствомъ... *Вооружайтесь всѣ; вооружайся всякъ, по только можетъ!* гласитъ наконецъ главнокомандующій въ послѣднемъ воззваніи своемъ.... И такъ—народная война!

204. БОРОДИНСКОЕ СРАЖЕНІЕ.

(По разсказамъ очевидцевъ.)

(26 Августа 1812 г.)

Полки наши, проходя мимо иконы на смертный бой, благоговѣйно крестились. (¹) Французы, со штыками наперевѣсъ, перешли за рѣку Колочу, и вдругъ раздался ужасный громъ изъ нѣсколькихъ сотъ огнедышащихъ Французскихъ жерлъ; наши отвѣчали тѣмъ же. Пошла страшная трескотня канонады; (²) казалося, что громы воздушные уступали мѣсто свое громамъ земнымъ; войска сшиблись, и густые клубы дыма, сквозь который прорѣзывались снопы пламени, закутали ихъ; огненныя параболы гранатъ (³) забороздили небо; понесся невидимый ураганъ чугуна и свинца. Столкновеніе противниковъ было самое ожесточенное. Очевидцы разсказываютъ, что многіе изъ сражавшихся, побросавъ свое оружіе

сцѣплялись другъ съ другомъ, раздирали другъ другу ра
ли другъ друга въ тѣсныхъ объятіяхъ и вмѣстѣ падали мер
Здѣсь бился востокъ со всѣмъ западомъ, здѣсь бился На
за всю свою будущность. Артиллерія скакала по трупамъ,
бревенчатой мостовой, втискивая ихъ въ землю, упитанную
и все это происходило на пространствѣ одной квадратной
Многіе батальоны перемѣшались между собою такъ, что
было различить непріятелей отъ своихъ. Люди и лошади.
изуродованные, лежали въ разныхъ группахъ; раненые,
могли, брели къ перевязкамъ; начальниковъ несли на
Стойкость Русскихъ, хотя ихъ было и менѣе числомъ,
Французовъ, остановила бѣшеные порывы враговъ. Про
штыками и поражаемые картечью, воины до того сперлись
умирая, не имѣли мѣста, гдѣ упасть на землю; ядра ста
между собою и отскакивали назадъ; нѣкоторыя попадали въ
сражающихся. Чугунъ и желѣзо, пережившіе самое время,
лись служить мщенію людей: раскаленныя пушки не могли
живать дѣйствія пороха и лопались съ трескомъ, поража
жавшихъ ихъ артиллеристовъ. Ядра, съ визгомъ ударяясь о
лю, взбрасывали вверхъ кусты и разрывали поля, какъ плу
пороховые ящики взлетали на воздухъ. Крики командировъ и
ли отчаянія, на 10-ти разныхъ языкахъ, смѣшивались съ па
и барабаннымъ боемъ. Съ обѣихъ сторонъ болѣе, нежели из
сячи пушекъ, сверкало пламя и гремѣлъ оглушительный гр
отъ котораго дрожала земля на нѣсколько верстъ; ядра за
далеко послѣдними прыжками или катились на излетѣ; бат
переходили изъ рукъ въ руки. Чудное и ужасное зрѣлище п
ставилось тогда: надъ лѣвымъ крыломъ нашей арміи висѣло
стое облако отъ дыма огнестрѣльныхъ оружій; смѣшавшись съ
рами крови, оно совершенно затмило дневной свѣтъ; солнце
крылось кровавою пеленою; передъ центромъ пылало Бород
облитое огнемъ, а правый флангъ нашъ освѣщенъ былъ ярк
солнцемъ. Тамъ въ одно и то-же время представлялись день,
черъ и ночь. Земля взмокла, напиталась кровью и почерн
Канонада съ обѣихъ сторонъ продолжалась до вечера; съ
ступленіемъ мрака она стала ослабѣвать прежде у непріятелей

По окончаніи битвы и при наступленіи вечера, прибавля
очевидцы, солнце, закатываясь въ этотъ день за горизонтъ, отбр
сывало на землю самые багровые лучи, будто обмакнутые въ
жахъ крови; луна, какъ ликъ покойника, тускло освѣтила на Бор
динскомъ полѣ болѣе 100,000 труповъ.

(1) *Икона*—Смоленской Божіей Матери. (2) *Канонада*—пальба изъ нѣсколькихъ
[illegible]екъ. (3) *Парабола*—одна изъ кривыхъ линій. *Граната*—чугунный шаръ
[illegible]ъ дномъ и отверстіемъ, имѣющій внутри шаровидную пустоту, начин
...ъ.

·АЗСКАЗЪ ОЧЕВИДЦА О БОРОДИНСКОМЪ СРАЖЕНІИ.

(26 Августа 1812 г.)

·онала земля и пробудила спавшихъ на ней воиновъ; дрог-
доля, но сердцà покойны были. Такъ началось безпримѣр-
раженіе Бородинское 26 Августа. Туча ядеръ, съ визгомъ
гѣвшихъ надъ шалашемъ нашимъ, пробудила меня и товари-
Вскакиваемъ, смотримъ—густой туманъ лежитъ надъ нами и
Заря только что начала зажигаться. Непріятель подвезъ нѣ-
ко сотъ орудій и открылъ цѣлый адъ. Бомбы и ядра сыплют-
›адомъ. Трескъ и взрывы повсемѣстные. Одни шалаши валят-
ругіе пылаютъ. Войскà бѣгутъ къ ружью и въ огонь Все это
сходило въ срединѣ, а на лѣвомъ крылѣ нашемъ давно уже
ѣпѣла гроза въ безпрерывныхъ перекатахъ грома пушекъ и
:аго оружія. Мы простились съ братомъ. Онъ побѣжалъ со
›лками защищать мостъ. Бóльшую часть сего ужаснаго дня
водилъ я то на главной батареѣ, гдѣ находился Свѣтлѣйшій, (¹)
на дорогѣ, гдѣ перевязывали раненыхъ... Мой другъ! я ви-
ь сіе неимовѣрно жестокое сраженіе, и ничего подобнаго въ
нь мою не видалъ, ни о чемъ подобномъ не слыхалъ и едва
читывалъ.

I былъ подъ Аустерлицемъ, но то сраженіе въ сравненіи съ
мъ—сшибка. Тѣ, которые были подъ Прейсишъ-Эйлау, (²) дѣ-
ютъ почти такое же сравненіе. Подумай только, что до четырехъ
гъ тысячъ лучшихъ воиновъ, на самомъ тѣсномъ, по многочи-
енности ихъ, пространствѣ, почти, такъ сказать, толкаясь голо-
ми, дрались съ неслыханнымъ отчаяніемъ; двѣ тысячи пушекъ
›емѣли безпрерывно. Тяжко воздыхали окрестности, и земля, ка-
лось, шаталась подъ бременемъ сражающихся. Французы мета-
ись съ дикимъ остервенѣніемъ; Русскіе стояли съ неподвижностію
ердѣйшихъ стѣнъ. Одни стремились дорваться до вожделѣннаго
›нца всѣмъ трудамъ и дальнимъ походамъ, загрести сокровища,
мъ обѣщанныя, и насладиться всѣми утѣхами жизни въ древней,
наменитой столицѣ; другіе помнили, что заслоняютъ собою сію
амую столицу, сердце Россіи, мать городовъ. Оскорбленная вѣра,
›азоренныя области, поруганные алтари и прахи отцевъ, обижен-
ные въ могилахъ, громко вопіяли о помощи и мужествѣ.

Сердцà Русскія внимали священному воплю сему: мужество на-
шихъ войскъ было неописанно. Они, казалось, дорожили каждымъ
вершкомъ земли и бились до-смерти за каждый шагъ. Многія ба-
тареи до десяти разъ переходили изъ рукъ въ руки. Сраженіе го-
рѣло въ глубокой долинѣ и въ разныхъ мѣстахъ, съ огнемъ и гро-
момъ, на высоты восходило. Густой дымъ заступилъ мѣсто тума-
на. Сѣдыя облака клубились надъ лѣвымъ крыломъ нашимъ и за-

слоняли средину, между тѣмъ какъ на правомъ сіяло пол
це. И самое свѣтило сіе мало видало такихъ браней на
тѣхъ поръ, какъ освѣщаетъ ее... Сколько потоковъ крови
тысячъ тѣлъ! — Не заглядывайте въ этотъ лѣсокъ, ск
одинъ изъ лѣкарей, перевязывавшій раны: — тамъ цѣлы
отпиленныхъ рукъ и ногъ! — Въ самомъ дѣлѣ, въ рѣдк
сраженій прошлаго вѣка бывало вмѣстѣ столько убитыхъ
ныхъ и въ плѣнъ взятыхъ, сколько подъ Бородинымъ бы
ванныхъ ногъ и рукъ. На мѣстѣ, гдѣ перевязывали ран
крови не изсыхали. Никогда не видалъ я такихъ ужасныхъ
Разбитыя головы, оторванныя ноги и размозженныя руки
были обыкновенны. Тѣ, которые несли раненыхъ, обли
съ головы до ногъ кровью и мозгомъ своихъ товарищей.

Сраженіе не умолкало ни на минуту, и цѣлый день про
ся бѣглый огонь изъ пушекъ. Бомбы, ядра и картечи летал
такъ густо, какъ обыкновенно летаютъ пули, а сколько
пролетѣло пуль!... Но это сраженіе неописанно.

---

(1) *Свѣтлѣйшій*—князь Кутузовъ, главнокомандующій, занявшій мѣсто
де-Толли. (2) Подъ *Аустерлицемъ* и подъ *Прейсишъ-Эйлау* Русскіе сраж
Наполеономъ.

208. КОНЕЦЪ БОРОДИНСКАГО СРАЖЕНІЯ.

(26 Августа 1812 г.)

Нѣсколько десятковъ тысячъ человѣкъ лежало мертвыхъ въ
ныхъ положеніяхъ и мундирахъ на поляхъ и лугахъ, прина
жавшихъ г-мъ Давыдовымъ и казеннымъ крестьянамъ, на
поляхъ и лугахъ, на которыхъ сотни лѣтъ одновременно собир
урожаи и пасли скотъ крестьяне деревень: Бородина, Горокъ,
вардина и Семеновскаго. На перевязочныхъ пунктахъ, на
тину мѣста, трава и земля были пропитаны кровью. Толпы
неныхъ и нераненыхъ разныхъ командъ людей, съ испу
ными лицами, съ одной стороны брели назадъ, къ Можайску,
другой стороны назадъ, къ Валуеву. Другія толпы, измученны
голодныя, ведомыя начальниками, шли впередъ. Третьи стояли
мѣстахъ и продолжали стрѣлять.

Надъ всѣмъ полемъ, прежде столь весело красивымъ, съ
блесками штыковъ и дымами въ утреннемъ солнцѣ, стояла теп
мгла сырости и дыма, и пахло странной кислотой селитры
крови. Собрались тучки, и сталъ накрапывать дождикъ на убитыхъ
на раненыхъ, на испуганныхъ и на изнуренныхъ, и на сомн
вающихся людей. Какъ будто онъ говорилъ: «Довольно, доволь
люди! Перестаньте... Опомнитесь.... Что вы дѣлаете?»

ненным, безъ пищи и безъ отдыха, людямъ той и другой начинало одинаково приходить сомнѣніе о томъ, слѣдуетъ еще истреблять другъ друга, и на всѣхъ лицахъ было заколебаніе, и въ каждой душѣ одинаково поднимался во- «Зачѣмъ, для кого мнѣ убивать и быть убитому? Убивайте, отите; дѣлайте, что хотите, а я не хочу больше!» Мысль вечеру одинаково созрѣла въ душѣ каждаго. Всякую миогли всѣ эти люди ужаснуться того, что они дѣлами, бросе и побѣжать, куда попало.

хотя уже къ концу сраженія люди чувствовали весь ужасъ поступка, хотя они и рады бы были перестать, какая-то ятная, таинственная сила еще продолжала руководить ими, и бѣлые, въ порохѣ и крови, оставшіеся по одному на три, леристы, хотя и спотыкаясь и задыхаясь отъ усталости, осили заряды, заряжали, наводили, прикладывали фитили; и также быстро и жестоко перелетали съ обѣихъ сторонъ и люскивали человѣческое тѣло, и продолжало совершаться то пное дѣло, которое совершается не по волѣ людей, а по волѣ , Кто руководитъ людьми и мірами.

отъ, кто посмотрѣлъ бы на разстроенные зады Русской арміи, алъ бы, что Французамъ стоитъ сдѣлать еще одно маленькое іе, и Русская армія изчезнетъ; и тотъ, кто посмотрѣлъ бы на . Французовъ, сказалъ бы, что Русскимъ стоитъ сдѣлать еще › маленькое усиліе, и Французы погибли. Но ни Французы, Русскіе не дѣлали этого усилія, и пламя сраженія медленно рало.

Русскіе не дѣлали этого усилія, потому что не они атаковали анцузовъ. Въ началѣ сраженія они только стояли по дорогѣ Москву, загораживая ее, и точно также они продолжали стоять я концѣ сраженія, какъ они стояли при началѣ его. Но ежели даже цѣль Русскихъ состояла бы въ томъ, чтобы сбить Французовъ, они не могли сдѣлать это послѣднее усиліе, потому что ѣ войска Русскихъ были разбиты, не было ни одной части йска, не пострадавшей въ сраженіи, и Русскіе, оставаясь на оихъ мѣстахъ, потеряли *половину* своего войска.

Французамъ, съ воспоминаніемъ всѣхъ прежнихъ 15-ти лѣтихъ побѣдъ, съ увѣренностью въ непобѣдимости Наполеона, съ эзнаніемъ того, что они завладѣли частью поля сраженія, что ни потеряли только одну четверть людей, и что у нихъ еще есть 0-ти тысячная нетронутая гвардія, легко было сдѣлать это усиліе: Французамъ, атаковавшимъ Русскую армію съ цѣлью сбить ее съ позиціи, должно было сдѣлать это усиліе, потому что до тѣхъ поръ, пока Русскіе, точно такъ же, какъ и до сраженія, загораживали дорогу въ Москву, цѣль Французовъ не была достигнута, и всѣ ихъ усилія и потери пропали даромъ. Но Французы не сдѣлали

такъ, господа, стало быть, мнѣ платить за перебитые гор
залъ онъ. И, медленно приподнявшись, онъ подошелъ
—Господа, я слышалъ ваши мнѣнія. Нѣкоторые будутъ не
со мной. Но я (онъ остановился) властью, врученной мнѣ
государемъ и отечествомъ, я — приказываю отступленіе.

Вслѣдъ за этимъ генералы стали расходиться съ той же
ственной и молчаливой осторожностью, съ которой ра
послѣ похоронъ.

Нѣкоторые изъ генераловъ негромкимъ голосомъ, сове
другомъ діапазонѣ, (7) чѣмъ когда они говорили на совѣт
дали кое-что главнокомандующему.

Малаша, которую уже давно ждали ужинать, осторожно
лась задомъ съ палатей, цѣпляясь босыми ноженками за
печки, и, замѣшавшись между ногъ генераловъ, шмыгнула в

Отпустивъ генераловъ, Кутузовъ долго сидѣлъ, облокотив
столъ, и думалъ все о томъ же страшномъ вопросѣ: «Ко
наконецъ рѣшилось то, что оставлена Москва? Когда было с
то, что̀ рѣшило вопросъ, и кто виноватъ въ этомъ?»

— Этого, этого я не ждалъ, сказалъ онъ вошедшему къ не
поздно ночью адъютанту Шнейдеру: — этого я не ждалъ! Это
думалъ!

— Вамъ надо отдохнуть, ваша свѣтлость, сказалъ Шнейд

— Да нѣтъ же! Будутъ же они лошадиное мясо жрать, какъ
не отвѣчая, прокричалъ Кутузовъ, ударяя пухлымъ кулакомъ п
лу: —будутъ и они, только бы....

---

(1) *Фили* — деревня при Смоленской дорогѣ, верстахъ въ 5 отъ Моск
Свѣтлѣйшій — см. ст. 205 прим. 1. (3) *Барклай-де-Толли* — прежній главно
дующій, должность котораго занялъ Кутузовъ. (4) *Бенигсенъ* — начальник
наго штаба. (5) *Флангъ* — бокъ, сторона, крыло у войска. (6) Въ *сраженіи*
Фридландомъ Русскія войска, подъ предводительствомъ Бенигсена, были р
Наполеономъ. (7) *Діапазонъ* — тонъ.

---

209. РАСПРАВА СЪ ВЕРЕЩАГИНЫМЪ. (1)

(2 Сентября 1812 г.)

Быстро отворивъ дверь, Растопчинъ вышелъ рѣшительными
гами на балконъ. Говоръ вдругъ умолкъ, шапки и картузы
лись, и всѣ глаза поднялись къ вышедшему графу.

— Здравствуйте, ребята! сказалъ графъ быстро и громко.
Спасибо, что пришли. Я сейчасъ выйду къ вамъ, но прежде
намъ надо управиться съ злодѣемъ. Намъ надо наказать з

ораго погибла Москва. Подождите меня. И графъ быстро вервъ покои, крѣпко хлопнувъ дверью.

толпѣ пробѣжалъ одобрительный ропотъ удовольствія: «Онъ, ъ, злодѣевъ управитъ усѣхъ! А ты говоришь Французъ!... ебѣ всю дистанцію развяжетъ!» говорили люди, какъ будто ая другъ друга въ своемъ маловѣріи.

резъ нѣсколько минутъ изъ парадныхъ дверей поспѣшно выофицеръ, приказалъ что-то, и драгуны вытянулись. Толпа отъ на жадно подвинулась къ крыльцу. Выйдя гнѣвно-быстрыми ми на крыльцо, Растопчинъ поспѣшно оглянулся вокругъ себя, бы отыскивая кого-то.

Гдѣ онъ? сказалъ графъ, и въ ту же минуту, какъ онъ скаэто, онъ увидалъ изъ-за угла дома выходившаго между двухъ унъ молодаго человѣка съ длинной, тонкой шеей, съ до полоы выбритой и заросшей головой. Молодой человѣкъ этотъ былъ ъ въ когда-то щегольской, крытый синимъ сукномъ, потертый й тулупчикъ и въ грязные пасконные арестантскіе шаровары, нутые въ нечищенные, стоптанные тонкіе сапоги. На тонкихъ, быхъ ногахъ тяжело висѣли кандалы, затруднявшія нерѣшиьную походку малодаго человѣка.

— А! сказалъ Растопчинъ, поспѣшно отворачивая свой взглядъ молодаго человѣка въ лисьемъ тулупчикѣ и указывая на нижю ступеньку крыльца. — Поставьте его сюда! — Молодой челоъ, брянча кандалами, тяжело переступилъ на указываемую ступньку; придержавъ пальцемъ нажимавшій воротникъ тулупчика, вернулъ два раза длинной шеей и, вздохнувъ, покорнымъ жеомъ сложилъ передъ животомъ тонкія, нерабочія руки.

Нѣсколько секундъ, пока молодой человѣкъ устанавливался на упенькѣ, продолжалось молчаніе. Только въ заднихъ рядахъ сдаиваюшихся къ одному мѣсту людей слышались кряхтѣнье, стоны, лчки и топоты переставляемыхъ ногъ.

Растопчинъ, ожидая того, чтобы онъ остановился на указанномъ ѣстѣ, хмурясь, потиралъ рукою лицо.

— Ребята! сказалъ Растопчинъ металически-звонкимъ голоомъ:—этотъ человѣкъ, Верещагинъ—тотъ самый мерзавецъ, отъ оторараго погибла Москва.

Молодой человѣкъ въ лисьемъ тулупчикѣ стоялъ въ покорной позѣ, сложивъ кисти рукъ вмѣстѣ передъ животомъ и немного согнувшись. Исхудалое, съ безнадежнымъ выраженіемъ, изуродованное бритою головою лицо его было опущено внизъ. При первыхъ словахъ графа, онъ медленно поднялъ голову и поглядѣлъ снизу на графа, какъ бы желая что-то сказать ему или хоть встрѣтить его

взглядъ. Но Растопчинъ не смотрѣлъ на него. На длинной шеѣ молодаго человѣка, какъ веревка, напружилась и [illegible] жила за ухомъ, и вдругъ покраснѣло лицо.

Всѣ глаза были устремлены на него. Онъ посмотрѣлъ [illegible] и, какъ бы обнадеженный тѣмъ выраженіемъ, которое про[illegible] лицахъ людей, онъ печально и робко улыбнулся и, опять о[illegible] голову, поправился ногами на ступенькѣ.

— Онъ измѣнилъ своему царю и отечеству, онъ переда[illegible] напарту, онъ одинъ изъ всѣхъ Русскихъ осрамилъ имя Ру[illegible] и отъ него погибаетъ Москва, говорилъ Растопчинъ ровны[illegible] кимъ голосомъ; но вдругъ быстро взглянулъ внизъ на Вере[illegible] на, продолжавшаго стоять въ той же покорной позѣ. Какъ взглядъ этотъ взорвалъ его, онъ, поднявъ руку, закричалъ [illegible] обращаясь къ народу:

— Своимъ судомъ расправляйтесь съ нимъ! Отдаю его вамъ! [illegible] родъ молчалъ и только все тѣснѣе и тѣснѣе нажималъ дру[illegible] друга. Держать другъ друга, дышать въ этой зараженной д[illegible] не имѣть силы пошевелиться и ждать чего-то неизвѣстнаго, [illegible] нятнаго и страшнаго становилось невыносимо. Люди, стоявш[illegible] рядахъ, видѣвшіе и слышавшіе все то, что происходило перед[illegible] ми, всѣ съ испуганно-широко раскрытыми глазами и разину[illegible] ртами, напрягая всѣ свои силы, удерживали на своихъ спи[illegible] напоръ заднихъ.

— Бей его! . . . Пускай погибнетъ измѣнникъ и не срамитъ Русскаго! закричалъ Растопчинъ.—Руби! Я приказываю!

Услыхавъ не слова, но гнѣвные звуки голоса Растопчина, [illegible] застонала и надвинулась, но опять остановилась.

— Графъ!... проговорилъ среди опять наступившей мину[illegible] тишины робкій и вмѣстѣ театральный голосъ Верещагина.—Гр[illegible] одинъ Богъ надъ нами... сказалъ Верещагинъ, поднявъ голов[illegible] опять налилась кровью толстая жила на его тонкой шеѣ, и кр[illegible] ка быстро выступила и сбѣжала съ его лица. Онъ не договори[illegible] того, что хотѣлъ сказать.

— Руби его! Я приказываю!... прокричалъ Растопчинъ, вд[illegible] поблѣднѣвъ такъ же, какъ и Верещагинъ.

— Сабли вонъ! крикнулъ офицеръ драгунамъ, самъ выни[illegible] саблю.

Другая еще сильнѣйшая волна взмыла по народу, и, добѣжа[illegible] до переднихъ рядовъ, волна эта сдвинула переднихъ и шата[illegible] несла къ самымъ ступенямъ крыльца. Высокій малый, съ ока[illegible] [illegible] выраженіемъ лица и съ остановившейся поднятой ру[illegible] [illegible] рядомъ съ Верещагинымъ.

[illegible]

-Руби! прошепталъ почти офицеръ драгунамъ, и одинъ изъ ь, вдругъ съ исказившимся злобой лицемъ, ударилъ Верещагунымъ палашемъ по головѣ.

-А! коротко и удивленно вскрикнулъ Верещагинъ, испуганно лваясь и какъ будто не понимая, зачѣмъ это было съ нимъ но. Такой же стонъ удивленія и ужаса пробѣжалъ по толпѣ. Господи!» послышалось чье-то нечаянное восклицаніе.

вслѣдъ за восклицаніемъ удивленія, вырвавшимся у Верена, онъ жалобно вскрикнулъ отъ боли, и этотъ крикъ погуего. Та натянутая до высшей степени преграда человѣче- чувства, которая держала еще толпу, порвалась мгновенно. ступленіе было начато, необходимо было довершить его. Жаый стонъ упрека былъ заглушенъ грознымъ и гнѣвнымъ ре- толпы. Какъ послѣдній седьмой валъ, разбивающій кои, взмыла изъ заднихъ рядовъ это послѣдняя, неудержимаяволдонеслась до переднихъ, сбила ихъ и поглотила все. Ударивдрагунъ хотѣлъ повторить свой ударъ. Верещагинъ, съ криъ ужаса, заслоняясь руками, бросился къ народу. Высокій ма-, на котораго онъ наткнулся, вцѣпился руками въ тонкую шею ещагина и съ дикимъ крикомъ, съ нимъ вмѣстѣ, упалъ подъ и навалившагося ревущаго народа.

Одни били и рвали Верещагина, другіе высокаго малаго. И ки задавленныхъ людей, и тѣхъ, которые старались спасти выаго малаго, только возбуждали ярость толпы. Долго драгуны могли освободить окровавленнаго, до-полусмерти избитаго фабричго. И долго, не смотря на всю горячечную поспѣшность, съ торою толпа старалась довершить разъ начатое дѣло, тѣ люди, торые били, душили и рвали Верещагина, не могли убить его; толпа давила ихъ со всѣхъ сторонъ; съ ними въ серединѣ, какъ ая масса, колыхалась изъ стороны въ сторону и не давала имъ зможности ни добить, ни бросить его.

—Топоромъ-то бей что-ли!.. задавили!.. Измѣнщикъ, Христа пролъ!... живъ... живущъ!... по дѣламъ вору мука! Запоромъ-то!... ли живъ?

Только когда уже перестала бороться жертва, и вскрики ея замѣнились равномѣрнымъ, протяжнымъ хрипѣніемъ, толпа стала тоопливо перемѣщаться около лежащаго окровавленнаго трупа. Кадый подходилъ, взглядывалъ на то, что было сдѣлано, и съ ужасомъ, упрекомъ и удивленіемъ тѣснился назадъ.

—О, Господи, народъ-то, что звѣрь! гдѣ же живому быть! слышалось въ толпѣ.—И малый-то молодой... должно, изъ купцовъ; то-то народъ!.. Сказываютъ, не тотъ... Какъ же не тотъ?.. О, Господи!... Другаго избили; говорятъ, чуть живъ... Эхъ народъ!.. кто грѣха не боится!.. говорили теперь тѣ же люди, съ болѣзнен

жалостнымъ выраженіемъ глядя на мертвое тѣло, съ посинѣ
измазаннымъ кровью и пылью лицомъ и съ разрубленной ш
тонкой шеей.

Полицейскій старательный чиновникъ, найдя неприличны
сутствіе трупа на дворѣ его сіятельства, приказалъ драгуна
тащить тѣло на улицу. Два драгуна взялись за изуродован
ги и поволовли тѣло. Окровавленная, измазанная въ пыл
твая, бритая голова на длинной шеѣ, подворачиваясь, волоч
по землѣ. Народъ жался прочь отъ трупа.

(¹) Купеческій сынъ Верещагинъ переводилъ на Русскій языкъ изъ з
ныхъ цензурою иностранныхъ газетъ то, что̀ касалось Россіи и намѣрен
леона; предосудительные, особенно по смутности тогдашнихъ обстоятельст
были перехвачены полиціею, и Московскій генералъ-губернаторъ, граф
чинъ, предоставилъ народу расправиться съ Верещагинымъ.

210. ВСТУПЛЕНІЕ ФРАНЦУЗОВЪ ВЪ КРЕМЛЬ.

(2 Сентября 1812 г.)

Въ 4-мъ часу пополудни войска Мюрата (¹) вступал
Москву. Впереди ѣхалъ отрядъ Виртемберскихъ гусаръ,
верхомъ, съ большой свитой, ѣхалъ самъ Неаполитанскій ко
Около середины Арбата, близъ Николы Явленнаго, М
остановился, ожидая извѣстія отъ передоваго отряда о том
какомъ положеніи находилась «le Kremlin» (Кремль), городска
пость.

Вокругъ Мюрата собралась небольшая кучка людей изъ
вавшихся въ Москвѣ жителей. Всѣ съ робкимъ недоумѣніемъ с
рѣли на страннаго, изукрашеннаго перьями и золотомъ, дл
волосаго начальника.

— Что-жъ, это самъ что̀ ли? Царь ихній! Ничево! слыша
тихіе голоса.

Переводчикъ подъѣхалъ къ кучкѣ народа.

— Шапку-то сними... шапку-то, заговорили въ толпѣ, об
щаясь другъ къ другу. Переводчикъ обратился къ одному стар
дворнику и спросилъ, далеко ли до Кремля. Дворникъ, прислу
ваясь съ недоумѣніемъ къ чуждому ему Польскому акценту и
признавая звуки говора переводчика за Русскую рѣчь, не по
малъ, что̀ ему говорили, и прятался за другихъ.

Мюратъ подвинулся къ переводчику и велѣлъ спросить
[illegible] войска. Одинъ изъ Русскихъ людей понялъ, чего у
[illegible], и нѣсколько голосовъ вдругъ стали отвѣчать пе
[illegible] Французскій офицеръ изъ передоваго отряда подъѣ

рату и доложилъ, что ворота въ крѣпость задѣланы, и что но тамъ засада.—Хорошо, сказалъ Мюратъ и, обратившись кому изъ господъ своей свиты, приказалъ выдвинуть четыре съ орудія и обстрѣлять ворота.

иллерія на рысяхъ выѣхала изъ-за колонны, шедшей за томъ, и поѣхала по Арбату. Спустившись до конца Вздви-, артиллерія остановилась и выстроилась на площади. Нѣ-ко Французскихъ офицеровъ распоряжались пушками, раз-вливая ихъ, и смотрѣли въ Кремль въ зрительную трубу.

Кремлѣ раздавался благовѣстъ къ вечернѣ, и этотъ звонъ алъ Французовъ. Они предполагали, что это былъ призывъ ружію. Нѣсколько человѣкъ пѣхотныхъ солдатъ побѣжали къ фьевскимъ воротамъ. Въ воротахъ лежали бревна и тесовые ы. Два ружейные выстрѣла раздались изъ-подъ воротъ, какъ ко офицеръ съ командой сталъ подбѣгать къ нимъ. Генералъ, вшій у пушекъ, крикнулъ офицеру командныя слова, и офи-ь съ солдатомъ побѣжалъ назадъ.

ослышалось еще три выстрѣла изъ воротъ. Одинъ выстрѣлъ лъ въ ногу Французскаго солдата, и странный крикъ немно-ъ голосовъ послышался изъ-за щитовъ. На лицахъ Француз-хъ генерала, офицеровъ и солдатъ одновременно, какъ по командѣ, жнее выраженіе веселости и спокойствія замѣнилось упорнымъ, редоточеннымъ выраженіемъ готовности на борьбу и страданія. и нихъ всѣхъ, начиная отъ маршала и до послѣдняго солдата, мѣсто не было Вздвиженка, Моховая, Кутафья и Троицкія рота, а это была новая мѣстность новаго поля, вѣроятно кро-пролитнаго сраженія. И всѣ приготовились къ этому сраженію. рики изъ воротъ затихли. Орудія были выдвинуты. Артиллеристы ули нагорѣвшіе пальники. Офицеръ скомандовалъ: пли! и два истящіе звуки жестянокъ раздались одинъ за другимъ. Картечныя ли затрещали по камню воротъ, бревнамъ и щитамъ, и два блака дыма заколебались на площади.

Нѣсколько мгновеній послѣ того, какъ затихли перекаты вы-стрѣловъ по каменному Кремлю, странный звукъ послышался надъ оловами Французовъ. Огромная стая галокъ поднялась надъ стѣ-ами и, каркая и шумя тысячами крылъ, закружилась въ воздухѣ. Вмѣстѣ съ этимъ звукомъ раздался человѣческій одинокій крикъ въ воротахъ, и изъ-за дыма появилась фигура человѣка, безъ шапки и въ кафтанѣ. Держа ружье, онъ цѣлился во Французовъ. —Пли! повторилъ артиллерійскій офицеръ, и въ одно и тоже время раздались одинъ ружейный и два орудійныхъ выстрѣла. Дымъ опять закрылъ ворота.

За щитами больше ничего не шевелилось, и пѣхотные Француз-скіе солдаты съ офицерами пошли къ воротамъ. Въ воротахъ ле-

жало три раненыхъ и четыре убитыхъ человѣка. Два че
кафтанахъ убѣгали низомъ, вдоль стѣнъ, къ Знаменкѣ.

— Приберите это! сказалъ офицеръ, указывая на б
трупы, и Французы, добивъ раненыхъ, перебросили тру
за ограду. Кто были эти люди, никто не зналъ. «Прибери
только сказано было про нихъ, и ихъ выбросили и прибр
томъ, чтобы они не воняли. Одинъ Тьеръ (2) посвятилъ ихъ
нѣсколько краснорѣчивыхъ строкъ: «Эти несчастные на
священную крѣпость, овладѣли ружьями арсенала и стрѣ
Французовъ. Нѣкоторыхъ изъ нихъ порубили саблями и о
Кремль отъ ихъ присутствія.»

(1) *Мюратъ*—Неаполитанскій король, командовавшій передовымъ отря
ска. (2) *Тьеръ* Французскій историкъ.

---

211. ГОСУДАРЬ ПОЛУЧАЕТЪ ИЗВѢСТІЕ ОБЪ ОСТА НІИ МОСКВЫ.

(По разсказу посланнаго съ извѣстіемъ.)

(9 Сентября 1812 г.)

По оставленіи Москвы Россійскими войсками, князь Ку
отправилъ въ Петербургъ съ донесеніемъ о семъ горестном
бытіи графа Н, извѣстнаго отличною своею службою въ
съ Турками.

По прибытіи въ Петербургъ 8 Сентября, онъ немедленно
принятъ государемъ, который, по грустному виду его, заклю
что привезенное имъ донесеніе было не радостное.—Вы, коне
присланы съ печальными вѣстями? были первыя слова монар
«Къ несчастію, весьма печальными: Москва нами оставле
—Какъ! прервалъ императоръ:—развѣ мы проиграли сраженіе,
мою древнюю столицу отдали безъ боя?—«Къ сожалѣнію, отвѣ
посланный, окрестности Москвы не представили выгоднаго мѣ
положенія, на которомъ можно бъ было сразиться съ превос
нымъ въ числѣ непріятелемъ; а потому главнокомандующій у
ренъ, что онъ избралъ спасительную мѣру: сохранить вашему
личеству армію, коей погибель не могла бы спасти Москв
должна бъ была имѣть самыя пагубныя послѣдствія. Теперь
армія, получа всѣ назначенныя ей вашимъ величествомъ подк
...я, которыя я встрѣчалъ повсюду на дорогахъ, гдѣ про
въ состояніи будетъ начать наступательныя дѣйствія и з
...непріятеля раскаяться, что онъ дерзнулъ проникнуть
...ей имперіи.»
...ъ ли непріятель въ Москву? — «Вошелъ, государь.

› минуту она превращена уже въ пепелъ: я оставилъ ее, ̷ю пламенемъ.»

ı этихъ словахъ слезы полились изъ глазъ монарха и за-ихъ. «Боже мой! сказалъ онъ:—что за несчастія!»

Не огорчайтесь, государь! армія ваша ежедневно усилия....

:ператоръ, прерывая его, сказалъ: «Я заключаю изъ сего, что ами сбывается, что Провидѣніе требуетъ отъ насъ великихъ ртвованій, отъ меня особенно. Я готовъ покориться волѣ .. Но скажите мнѣ, что̀ говорили войска, когда древнюю сто-мою оставили безъ выстрѣла. Не подѣйствовало ли это на ›ственность солдатъ? Не замѣтили ли вы, что они упали ду-ь?»

– Позволите ли мнѣ, ваше величество, говорить вамъ съ от-зенностію, какъ истинно военному?

– Я сего всегда требую, но въ эту минуту я васъ прошу: не ıвайте отъ меня ничего; скажите мнѣ чистосердечно все, что̀ знаете.

— Государь! я долженъ вамъ признаться, что я оставилъ армію, главнокомандующаго до послѣдняго солдата, въ неописанномъ ›ахѣ....

— Что вы мнѣ говорите? Отъ чего происходитъ этотъ страхъ? :ели мои Русскіе сокрушены несчастіемъ?..

— Нѣтъ, ваше величество:—они только боятся, чтобы вы, по бротѣ вашего сердца, не заключили мира: они горятъ желаніемъ азиться и доказать вамъ храбростію своею и пожертвованіемъ ıзни, сколько они вамъ преданы.

Государь, потрепавъ его по плечу, сказалъ: «Вы облегчили мое серд-е, вы меня успокоили..: И такъ, возвратитесь въ армію, скажите мо-мъ храбрымъ воинамъ, скажите моимъ вѣрноподданнымъ, вездѣ, дѣ вы проѣзжать будете, что если у меня не останется ни одного олдата, то я созову мое вѣрное дворянство и добрыхъ поселянъ, то я буду предводительствовать ими, и что я подвигну всѣ средства оей имперіи. Россія представляетъ мнѣ болѣе способовъ, чѣмъ епріятели думаютъ. Но ежели назначено судьбою и Промысломъ Божіимъ роду моему не царствовать болѣе на престолѣ моихъ редковъ; тогда, истощивъ всѣ усилія, я отрощу себѣ бороду до сихъ поръ (показывая рукою на грудь свою) и лучше соглашусь питаться хлѣбомъ въ нѣдрахъ Сибири, нежели подпишу стыдъ мо-его отечества и добрыхъ моихъ подданныхъ, коихъ пожертвованія умѣю цѣнить. Провидѣніе насъ испытываетъ; будемъ надѣяться, что Оно насъ не оставитъ.»

При этихъ словахъ императоръ пошелъ по комнатѣ; лице его пламенѣло; возвращаясь скорыми шагами, онъ сжалъ крѣпко ру̅

посланнаго и продолжалъ: «Не забудьте, что я вамъ те- ворю; можетъ быть, придетъ время, когда мы объ этомъ нимъ съ удовольствіемъ. Наполеонъ или я, я или онъ; но вм не можемъ царствовать. Я его узналъ: онъ болѣе не обманетъ

— Государь! отвѣчалъ посланный:—ваше величество по- ваете въ сію минуту славу вашего народа и спасеніе Евр

— Да исполнится желаніе ваше! сказалъ Александръ:— отдыхать и будьте готовы возвратиться въ армію.

212. ВЕЛИКАЯ ПАНИХИДА.

(1812 г.)

Не отъ ливня, не отъ града,
И залиты, и побиты,
Полегли хлѣба на полѣ:
То подъ матушкой-Москвою,
По доламъ и по равнинамъ,
Много храбрыхъ ратей Русскихъ
И Французскихъ полчищъ много
Ко сырой землѣ приникло,
Переколотыхъ, побитыхъ
Палашами и штыками,
И дождемъ и пуль, и ядеръ...
Дѣти матери великой,
Милой родины защита,
Доброму царю радѣльцы!
За любовь, за жертвы ваши,
Что вы душу положили
За народъ свой и за землю,
Въ память вѣчную вамъ, братья,
Мы отпѣли панихиду,
И такую панихиду,
Что не видано на свѣтѣ
И не слыхано донынѣ!...
Но за всѣхъ васъ, славно павшихъ,
Свѣчъ у насъ не доставало,
Воску вдоволь не хватало;
И подъ небомъ, храмомъ Божьимъ,
Мы зажгли отъ всей Россіи
Лишь одну свѣчу большую—
Матушку-Москву родную,
Чтобы та свѣча горѣла
Вамъ за упокой душевный,
А врагамъ на посрамленье!...

ВОЗЗВАНІЕ ГРАФА РАСТОПЧИНА КЪ КРЕСТЬЯНАМЪ МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНІИ. (1)

стьяне, жители Московской губерніи!

гъ рода человѣческаго, наказаніе Божіе за грѣхи наши, ьское навожденіе, злой Французъ взошелъ въ Москву, преее мечу, пламени. Ограбилъ храмы Божіи, осквернилъ алнепотребствами, сосуды пьянствомъ, посмѣшищемъ; надѣвазы вмѣсто попонъ, посорвали оклады, вѣнцы со святыхъ ; наставилъ лошадей въ церкви православной вѣры нашея. абилъ домы, имущества; наругался надъ женами, дочерьми, и малолѣтными. Осквернилъ кладбища и до втораго пришетронулъ изъ земли кости покойниковъ, предковъ нашихъ, гелей. Заловилъ, кого могъ, и заставилъ таскать, вмѣсто лой, имъ краденое. Моритъ нашихъ съ голоду, а теперь, какъ му пришло ѣсть нечего, то пустилъ своихъ ратниковъ, какъ іхъ звѣрей, пожирать и вокругъ Москвы, и вздумалъ ласкою ать васъ на торги, мастеровъ на промыселъ, обѣщая поря, защиту всякому. Ужели вы, православные, вѣрные слуги царя его, кормилицы матушки каменной Москвы, на его слова потесь и дадитесь въ обманъ врагу лютому, злодѣю кровожаду? Отыметъ онъ у васъ послѣднюю кроху, и придется вамъ умиголодною смертію; проведетъ онъ васъ посулами, а коли деньдастъ, то фальшивыя; съ ними же будетъ вамъ бѣда. Оставайь, братцы, покорными христіанскими воинами Божіей Матери; слушайте пустыхъ словъ. Почитайте начальниковъ и помѣщиъ: они ваши защитники, помощники, готовы васъ одѣть, обуть, мить и поить. Истребимъ достальную силу непріятельскую, поэбемъ ихъ на святой Руси; станемъ бить, гдѣ не встрѣнутся; ъ мало ихъ и осталося; а насъ сорокъ милліоновъ людей, слеются со всѣхъ сторонъ, какъ стада орлиныя. Истребимъ гадину морскую и предадимъ тѣла ихъ волкамъ, вороньямъ; а Москва іять украсится; покажутся золотые верхи, домы каменны; наваітъ народъ со всѣхъ сторонъ. Пожалѣетъ ли отецъ нашъ Алекндръ Павловичъ милліоновъ рублей на выстройку каменной Моквы, гдѣ онъ мvромъ помазался, короновался царскимъ вѣнцемъ? нъ надѣется на Бога Всесильнаго, на Бога Русской земли, на ародъ, ему подданный, богатырскаго сердца молодецкаго. Онъ динъ помазанникъ Его, и мы присягали ему въ вѣрности. Онъ тецъ, мы дѣти его; а злодѣй Французъ-некрещеный врагъ. Онъ отовъ продать и душу свою: уже былъ онъ и Туркою, въ Египтѣ обасурманился. Ограбилъ Москву, пустилъ нагихъ, босыхъ, а теперь ласкается и говоритъ, что не быть грабежу; а все взято имъ, собакою, и все въ прокъ не пойдетъ. Отольются волку лю-

тому слезы горькія. Еще недѣльки двѣ, такъ кричать пар
вы будто не слышите; ужъ имъ одинъ конецъ: съѣдятъ
саранча, и станутъ стѣнью, мертвецами непогребенными:
придутъ, тутъ и вали ихъ живыхъ и мертвыхъ въ моги
кую. Солдаты Русскіе помогутъ вамъ; который побѣжитъ,
заки добьютъ. А вы не робѣйте, братцы, удалые, дружи
ковская, и гдѣ удастся по близости, истребляйте сволочь
нечистую гадину, и тогда къ царю въ Москву явитеся и
похвалитеся. Онъ васъ опять возстановитъ по прежнему
припѣваючи жить по старому. А кто изъ васъ злодѣя пос
ся и къ Французу преклонится, тотъ недостойный сынъ оте
отступникъ закона Божія, преступникъ государя своего,
себя на судъ и поруганіе, а душѣ его быть въ аду съ з
и горѣть въ огнѣ, какъ горѣла наша мать Москва.

(¹) *Графъ Растопчинъ*—Московскій генералъ-губернаторъ.

214. Бородино черезъ 52 дня послѣ битвы

(По разсказу очевидца.)

(17 Октября 1812 г.)

Наполеонъ оставилъ Москву. Войска его, разбитыя подъ М
Ярославцемъ, спѣшили захватить большую Смоленскую дор
нѣкоторыя колонны взошли на нее близъ Можайска. На
приблизились они къ полю Бородинскому. Все было пусто
ло около этого поля, жившаго нѣкогда страшною, огненно
нію, теперь мертваго, оледенѣлаго Окрестныя деревни со
лѣса, обнаженные осенью и постоями войскъ, изрѣдѣли; св
вое небо висѣло надъ холмами полу-убѣленными.

И въ этомъ могильномъ запустѣніи лежали трупы, валялис
пы, страшными холмами громоздились трупы... Это было
ще безъ гробовъ; тысячи раскиданы были безъ погребенія.

Пятьдесятъ два дня лежали они. Червь и тлѣніе не прикас
объятыхъ стужею; но явились другіе непріятели: волки ст
сбѣжались со всѣхъ лѣсовъ Смоленской губерніи; хищныя
слетѣлись со всѣхъ окольныхъ полей, и часто хищники лѣ
спорили съ воздушными за право терзать мертвецевъ. Птицы
клевывали глаза, волки огладывали кости. Въ одномъ мѣстѣ
цать тысячъ тѣлъ лежали лоскомъ въ видѣ мостовой. Остав
шадей съ обнаженными ребрами, искрошенное оружіе, разби
барабаны, каски, сумы, опрокинутыя фуры безъ колесъ, ко
лосей, оледенѣлыя пятна крови и примерзлыя къ землѣ ра
лохмотья мундировъ разныхъ народовъ,—вотъ убранс
бородинскаго! Въ сумеркахъ вечернихъ и при блѣдномъ

луны, зрѣніе обманывалось: казалось, что на вершинахъ
ѣнныхъ батарей мелькали изрѣдка образы человѣческіе Это
ительно были люди—мертвые, окостенѣлые! Захваченные сту-
прижатые грудами труповъ къ парапетамъ, ([3]) они, мер-
на стражѣ мертвыхъ, стояли прямо и мутными глазами гля-
ъ поле... Вѣтеръ шевелилъ на нихъ лохмотья одеждъ и при-
неподвижнымъ видъ какой-то мгновенной жизни, обманчи-
виженія. Но на этомъ полѣ смерти и уничтоженія, среди
народа мертвецевъ, былъ одинъ *живой!* Сотни подобныхъ
есчастливцевъ, отстонавъ на берегахъ *Стонца*, пошли сѣ-
и умирать на берега *Сѣтуни*. Этотъ остался вѣрнымъ Бо-
скому полю.—Кто ты? спросили Французы, услышавъ близъ
ой дороги свой родной языкъ?—«Я несчастный—половинный
ѣкъ, половинный мертвецъ. За восемь недѣль передъ этимъ
ъ я на *Великомъ побоищѣ*. Картечь раздробила мнѣ обѣ ноги.
я пришелъ въ себя, была уже ночь, и никого не было
олѣ. Я ползалъ по берегамъ ручья, питаясь травою, корень-
и сухарями, которые находилъ въ сумахъ убитыхъ. На-ночь
залъ я въ остовы лошадей и прикладывалъ ихъ свѣжее мясо
воимъ свѣжимъ ранамъ. Этотъ пластырь чудесно исцѣлялъ мои
. Свыкшись съ остротою Русскаго воздуха, я окрѣпъ и по-
твовалъ въ себѣ нѣкоторую силу. Кровь не текла болѣе изъ
ь моихъ. Но я былъ *одинъ*, одинъ *живой* между тысячами мерт-
ъ. По ночамъ, правда, оживало это поле: какіе-то странствующіе
ьки блуждали по немъ въ разныхъ направленіяхъ. Это были
ліоны волковъ, приходившихъ кормиться остатками баталіоновъ
ихъ. Я билъ штыкомъ о кремень, по временамъ сожигалъ по-
ногу пороху и тѣмъ отгонялъ отъ себя непріятелей... Да за-
ъ имъ и добиваться меня? у нихъ была богатая трапеза и безъ
ихъ еще не остывшихъ костей. Отчужденный отъ міра живаго,
людей съ теплою кровію, отъ движенія гражданскаго, я нако-
цъ присмотрѣлся къ своимъ неподвижнымъ товарищамъ. Для
хъ уже не существовало время, которое тяготѣло надо мною.
исходомъ каждаго дня, я клалъ по одному штыку солдатскому
примѣтное мѣсто, и вотъ ужъ ихъ 50 съ тѣхъ поръ, какъ я
ночествую. Если ночью пугали меня волки, то днемъ радовало
исутствіе собакъ, изъ которыхъ нѣкоторыя удостоивали меня
оими ласками, какъ будто узнавая во мнѣ хозяина поля Боро-
нскаго. Эти стаи собакъ набѣгали изъ сосѣдственныхъ селеній,
людей нигдѣ не видно было. Иногда, въ тишинѣ длинныхъ,
зконечныхъ Русскихъ ночей, сдавалось мнѣ, что гдѣ-то закипа-
сраженіе, сыпалась дробью перестрѣлка; какіе-то звуки, неяс-
ые, отдаленные, какіе-то голоса мимолетные, глухой гулъ изъ лѣ-
въ и звонъ колокола, не знаю откуда, доносились до меня вѣт-
омъ... Но скоро шорохъ бѣгающихъ волковъ, щелканье ихъ зу-

бами о кости, заглушало все. Рѣдко видѣлъ я закатъ со
этомъ вѣчно сѣромъ сводѣ; но меня радовали красныя зо
нившія разсвѣтное и вечернее небо. Иногда по ночамъ ис
другія зори: гдѣ-то горѣло. Какъ охотно уносилось туда
женіе мое.—Тамъ есть люди! думалъ я:—тамъ *живутъ*,
ворятъ!... Вы не повѣрите, какъ грустно не слыхать гол
вѣческаго.... Я не любилъ луны: она набрасывала слишк
гильную тѣнь на это пространное *кладбище безмогильны*
жду тысячами безпробудныхъ на этомъ полѣ послѣдняго с
одна голова, въ которой еще таилась мысль; были одни у
которыхъ могло обращаться живое слово; было одно сердц
щее чувствовать и биться, и какъ тяжело было этому се
Сегодня, на утренней зарѣ, услышалъ я шумъ шаговъ и
Былая жизнь воскресла передо мною; долго прислушивался
ложа ухо къ звонкой, промерзлой землѣ, и вскрикнулъ: эт
людей! И вотъ я, наконецъ, между *живыми!*

(¹) См. ст. 204-207. (²) *Парапетъ*—ограда для прикрытія отъ непрія
выстрѣловъ.

215. ПИСЬМО РУССКАГО ОФИЦЕРА ИЗЪ-ПОД КРАСНАГО. (¹)

(7 Ноября 1812 г.)

Мой другъ! Въ самыхъ дикихъ лѣсахъ Америки, въ об
Каннибаловъ, (²) едва ли можно видѣть такіе ужасы, *какіе*
ставляются здѣсь ежедневно глазамъ нашимъ. До какой сте
достигаетъ остервенѣніе человѣка! Нѣтъ, голодъ, какъ *бы о*
былъ великъ, не можетъ оправдать такого звѣрства. Одинъ
нашихъ проповѣдниковъ недавно назвалъ Французовъ *обезче*
чившимся народомъ: нѣтъ ничего справедливѣе этого изре
Положимъ, что голодъ принуждаетъ ихъ искать пищи *въ на*
ныхъ кучахъ, ѣсть кошекъ, собакъ и лошадей; но можетъ л
принудить пожирать подобныхъ себѣ? Они, ни мало не *содро*
жарятъ товарищей своихъ и съ великимъ хладнокровіемъ р
ждаютъ о вкусѣ конскаго и человѣческаго мяса. За то *какъ*
гибнутъ! какъ мухи въ самую позднюю осень.... У мертвыхъ
уже обезображены. Злость, отчаяніе, бѣшенство и прочія
страсти глубоко запечатлѣлись на нихъ. Видно, что сіи люди
гибали въ минуты изступленія, со скрежетомъ зубовъ и пѣно
устахъ. На сихъ лицахъ не успѣло водвориться и спокойствіе с
ти. Тѣ, которые не совсѣмъ еще обезумѣли, безпрестанно про
ѣсть, а накорми ихъ досыта теплымъ кушаньемъ—умираютъ.
...льшая часть изъ нихъ совсѣмъ обезумѣла; бродятъ, какъ

ера я видѣлъ одного, который, въ самомъ пылу сраженія, ıайшимъ хладнокровіемъ моталъ въ клубокъ нитки и самъ ю разговаривалъ, воображая, что онъ сидитъ у своей ма- о вчерашняя ночь была для меня самая ужасная. Желая обсушиться, мы оправили кое-какъ одну избу, законопа- ѣны, пробитыя ядрами, и истопили печь. Сотни стѣнящихъ ѣній, какъ Шекспировы (³) тѣни, бродили около насъ. Но учуяли они теплый духъ, какъ съ страшнымъ воплемъ и ре- рисыпали къ дверямъ. Одинъ по одному втѣснилось ихъ ько десятковъ, и не было мѣста, котораго бы они не заня- ни валялись подъ лавками и на полу, другіе на верхнихъ хъ, подъ печью и на печи. Мы принуждены были помостить ıѣсколько досокъ съ лавки на лавку. Отягченные усталостію, и на нихъ. Передъ свѣтомъ страшный вой и стоны разбуди- ня. Подъ нами и надъ нами множество голосовъ, на всѣхъ Европейскихъ языкахъ, вопили, жаловались или изрыгали ятія на Наполеона. Тутъ были раненые, полузамерзшіе и су- едшіе. Иной кричалъ: «Помогите! помогите! Кровь льется изъ моихъ ранъ! Меня стѣснили!... У меня оторвали руку!— тойте! удержитесь! я еще не умеръ, а вы меня ѣдите!» кричалъ ой. Въ самомъ дѣлѣ, они съ голоду кусали другъ друга. Тре- рожащимъ голосомъ жаловался, что онъ весь хладѣетъ, мер- ь; что уже не чувствуетъ ни рукъ, ни ногъ. И вдругъ, среди а, вздоховъ, визга и скрежета зубовъ, раздавался ужасный тъ... Какой-нибудь безумный, воображая, что онъ выздоровѣлъ, ялся, сзывая товарищей бить Русскихъ! А вслѣдъ за симъ шенъ былъ въ другомъ углѣ самый горестный, сердце раздир- щій плачъ. Я слышалъ, какъ одинъ молодой Полякъ, увидѣвъ, ечно во снѣ, родину свою, говорилъ громко, всхлипывая: «Я ть здѣсь, о матерь моя!... Но посмотри, посмотри, какъ я весь аненъ. Ахъ, для чего ты родила на свѣтъ несчастнаго!»

Когда разсвѣло, мы нашли нѣсколько умершихъ надъ нами и ъ нами и рѣшились лучше быть на стужѣ въ шалашѣ. Между ıи злополучными жертвами честолюбія случился одинъ заслужен- й Французскій капитанъ, кавалеръ почетнаго легіона. (⁴) Онъ жалъ безъ ноги подъ лавкою. Невозможно описать, какъ благо- рилъ онъ за то, что ему перевязали рану и дали нѣсколько ло- къ супу. Генералъ Милорадовичъ, не могши равнодушно видѣть хъ безпримѣрныхъ страдальцевъ, велѣлъ все, что можно было, ѣлать въ ихъ пользу. Въ Красномъ оправили домъ для лазаре- ; всѣ полковые лѣкаря явились ихъ перевязывать; больныхъ об- ѣлили послѣдними сухарями и водкою; а тѣ, которые были по- оровѣе, выпросили себѣ нѣсколько лошадей и тотчасъ ихъ съѣли. стати: не надобно-ль въ вашу губернію учителей? Намедни одинъ ранцузъ, у котораго на колѣняхъ лежало конское мясо, взламы-

вая черепъ недавно убитаго своего товарища и съ
глотая горячій еще мозгъ его, говорилъ мнѣ: «возьмите
могу быть полезенъ Россіи, могу воспитывать дѣтей.»

Кто знаетъ, можетъ быть, эти выморозки понравятся
расхватаютъ ихъ по рукамъ въ учителя, не давъ имъ
очеловѣчиться?...

([1]) *Красное*—село близъ Смоленской дороги, подъ которымъ были разб
цузы. ([2]) *Каннибалы*—людоѣды. ([3]) *Шекспиръ*—Англійскій поэтъ. ([4]
легіонъ—Французскій орденъ.

216. НАРОДНАЯ ВОЙНА.

(По разсказамъ крестьянъ.)

(1812 г.)

На походѣ встрѣчались намъ воины-мужички, *верхомъ* н
ихъ возовикахъ: иной съ косою, утвержденною на длинном
кѣ; другой со штыкомъ, прикрученнымъ къ дубинѣ; *третій с*
шнымъ гвоздемъ, прикрѣпленнымъ къ древку, на подобіе пик
съ рогатиною за спиною; рѣдкій являлся съ правильнымъ *ор*
Выѣзжая къ намъ изъ лѣса, гдѣ скрывались ихъ семейст
имуществомъ, они насъ привѣтствовали, поздравляли *съ бѣг*
врага-супостата и, являя грозный видъ вооруженія, разсказ
о своихъ подвигахъ. Мы охотно вступали съ ними *въ разг*
и слышали довольно любопытные анекдоты о ихъ войнѣ.

— Сперва, говорилъ одинъ воинъ мужичекъ, мы боялись
Француза, чтобы насъ не потянули въ судъ; когда и удавалос
одиночку загубить нехристя, то прятали окаянныхъ въ колод
подъ солому. Ну, ужъ какъ пришелъ приказъ изъ Губернска
намъ исправникъ сказалъ: ребята! бей Француза напропа
тогда-то мы развернулись.

У такихъ воиновъ были предводителями отставные солдаты
казаки; иные сами выбирали изъ своихъ ребятъ въ воевод
жаго бурмистра или удалаго цѣловальника. Съ приближен
непріятельской партіи къ селенію, понамари трезвонили во
колокола; тогда вооруженные, кто чѣмъ, со всѣхъ сторонъ сх
лись на площадь, и если мародеры были по ихъ силамъ, т
нихъ нападали и одолѣвали, а иначе разбѣгались въ лѣсъ, г
уже напередъ прятали женъ, дѣтей и лучшіе пожитки. Замѣт
нѣсколько Французскихъ бродягъ, зашедшихъ въ пустыя избы,
...сь собирались вокругъ домовъ, заваливали двери и, об
... соломою, угрожали сжечь, если не спардонятся. «Такъ
...ъ, говорилъ другой воинъ мужичекъ, къ нашему вы
...ли въ избу трое Французишковъ; вотъ мы, слыш

ужили и пукомъ зажженой соломы грозили запалить; тогда эичали: «пардонъ! помилуйте!» Выборный, взявши топоръ ку, сталъ съ боку у двери и крикнулъ: «ну, пардонъ, вызонъ!» Вотъ одинъ высунулъ изъ дверей голову; выборный эго топоромъ, и тотъ свалился. Немного погодя, полѣзъ и высунулъ руки; выборный и этого сшибъ. Третій долго ѣлъ выходить, хотя его стращали огнемъ. — Ну, не бойсь, эмилуемъ, сказали ему. — Что дѣлать! полѣзъ сердечный, не головой, а высунулъ сперва ноги; выборный хватилъ ногамъ, а мы придушили.» — «Изъ нашихъ, продолжалъ муу иныхъ была такая охотишка бить этого поганаго звѣря, і охоты покупали ихъ у казаковъ. Можно-ль, батюшка, стервѣдь посмотри, какъ запоскудилъ окаянный храмы Божіи и у-то разорилъ злодѣй. Никакъ въ немъ сидитъ самъ сатана; му и дорога!»

авный анекдотъ разсказывалъ намъ мужичекъ о двухъ Франихъ латникахъ, зашедшихъ къ нимъ въ деревню. Эти кавагы были рослые и въ полномъ кирасирскомъ вооруженіи, а у мужики боялись подступить къ такимъ рыцарямъ. Великаэшли въ избу и, показывая крестьянамъ деньги, давали разучтобы принесли водки и хлѣба. Мужики долго совѣщались, бы этихъ страшныхъ гостей сбыть съ рукъ; наконецъ рѣшинакормить и напоить: «послѣ чего, конечно-де, великаны ляспать, тогда и душу вонъ.» Тотчасъ принесли водки, хлѣюлока, и съ этими дарами послали къ богатырямъ старую баФранцузы обрадовались пищѣ и давали бабѣ деньги, но она не приняла, боясь, чтобъ ее не заморочили ими. «Вотъ они и пить да ѣсть, говорилъ мужикъ, и, поглядывая на насъ, пому бормотали. Мы будто бы разошлись и оставили одного парюдсматривать за ними. . . .» Исторія продолжалась такимъ обра: наѣвшись и напившись, одинъ кирасиръ скинулъ латы, шиъ, и легъ на скамью, положивъ подлѣ себя обнаженный палашъ; гой не ложился и не скинулъ ни латъ, ни шишака, но сѣлъ заъ, положилъ передъ собою пистолетъ и, облокотившись, оперся емъ на оба кулака. Богатыри, опасаясь крестьянъ, довольно взяли досторожности и, казалось, посмѣнно хотѣли отдыхать; но какъ оба были чрезвычайно утомлены, то, послѣ порядочнаго угонія, кирасиръ, лежавшій на скамьѣ, скоро захрапѣлъ, и часоі на кулакахъ тоже прикурнулъ. Тогда парень далъ знать міру, заснули. Мужики того и ждали: собравшись вновь и перешепваясь на дворѣ, совѣтовались, какъ приступить. Вызвались охотки: одинъ съ топоромъ, другой съ затяжною петлею на канатѣ. а разулись и, перекрестившись, вошли тихонько въ избу; потомъ дкрались, каждый съ своимъ снадобьемъ, къ соннымъ богатырямъ, взглянувшись, разомъ одинъ хватилъ топоромъ въ голову лежа

чаго, а другой накинулъ петлю на сидячаго. Первый богат ко что вздрогнулъ и протянулся, а другой вскочилъ, но каната крестьяне уже держались міромъ при дверяхъ, сна не успѣлъ опомниться и схватить пистолета, какъ былъ тащенъ силою каната за шею вонъ. Этотъ богатырь стара удержать давленіе петли, чтобы не задушили. Слѣдуя пр каната, онъ сунулся прямо на мужиковъ, но они ухитри вести концы каната въ противныя стороны; тогда богаты между двумя силами: сунется ли къ одной сторонѣ, друга нетъ; бросится ли къ этой, первая поправится. Такимъ долго они съ нимъ возились, какъ съ добрымъ медвѣде слѣдокъ, боровшись и напрягая силы, «великанъ (продол жикъ) умаялся, батюшко, и повалился, какъ глыба; ту его и доколотили, чѣмъ попало».

Слыша такіе разсказы, нельзя было не содрогаться оже Русскаго народа противъ своихъ разорителей: возбужденн тизмъ выходилъ за предѣлы человѣчества. Такъ въ народ нѣ исчезаютъ всякія правила, и непріятели слѣдуютъ еди побужденію ожесточеннаго сердца—истреблять другъ дру ченнымъ варварствомъ.

217. БѢГСТВО ФРАНЦУЗОВЪ ОТЪ БЕРЕЗИН

(Разсказъ очевидца.)

(Ноябрь 1812 г.)

Разстройство непріятельской арміи, въ послѣднюю недѣ ства отъ Березины до Молодечно, достигло до невѣроят пени отъ наступившей вдругъ жестокой стужи: съ 16-го постоянно было больше 20-ти градусовъ мороза; 22-го едва можно было говорить: отъ холода спиралось дыханіе снувъ зубы, враги шли и бѣжали въ безмолвномъ отчаяні обвертывали попонами, ранцами, старыми шляпами; окр голову, лице и плеча мѣшками, рогожами; окладывались и соломою: добыть лошадиную шкуру почиталось за счаст дорогѣ находилось немного уцѣлѣвшихъ селеній: всѣ он шествіи непріятеля внутрь Россіи, а послѣ мародерами, бо лѣе или менѣе ограблены, разорены, выжжены. Когда Фран пришлось бѣжать назадъ по дорогѣ, ими опустошенной, то дя какое-нибудь строеніе, они спѣшили къ нему; но дома пусты, и въ нихъ раздавался лишь свистъ порывистыхъ вѣ Не находя крова, непріятель жегъ на пути своемъ дома, хлѣва, заборы, для того только, чтобы согрѣться хоть на о ночлегѣ. На пожарищахъ лежали кучи солдатъ; приблизивши огню, они не имѣли болѣе силы отойти отъ него. Намъ заглядывать въ полусгорѣвшія корчмы: по срединѣ об находился курившійся огонекъ, а вокругъ на полу

пріятели. Ближайшіе къ огоньку еще шевелились, а про- искривленномъ положеніи, съ судорожными лицами, лежали окаменѣлые. У многихъ вмѣсто слезъ выступала кровь изъ а потому безъ преувеличія можно сказать, что враги про- кровавыя слезы. Подобно тѣнямъ бродили они по пепели- и среди пустынь, гдѣ не было ни движенія, ни жизни; опер- на деревья или сучья, шатались они на ногахъ; лишенные хъ пособій къ облегченію страданій, въ тщетной борьбѣ съ ію, падали безъ чувствъ на безлюдныхъ, снѣжныхъ поляхъ. не зная куда, тащились иные по дорогамъ, съ примерзшею огамъ соломою, съ почернѣвшими отъ грязи ступнями, по- ыми ледяною корою, зараженными антоновымъ огнемъ. Съ роженными по колѣни ногами, окутанные въ отвратительныя пи, съ закоптѣлыми отъ дыма лицами, небритыми бородами, ми глазами, иные не могли ходить и ползали на рукахъ. Мно- риходили въ безчувственность, лишались слуха, языка и ума; шальные, выпуча глаза, смотрѣли на наши войска и ничего онимали. Въ безпамятствѣ ложились на горящіе угли и по- ли въ огнѣ, грызя себѣ руки, пожирая стерво и человѣческое . Вмѣсто послѣдняго прощальнаго вздоха съ жизнью, испу- и изъ устъ клокотаніе замерзавшей пѣны. Биваки были такъ же убны, какъ и сильные дневные марши. Приходя къ ночлегу, еможенные, полузамерзшіе бросались вокругъ огней; крѣпкій ъ одолѣвалъ ихъ, и жизнь угасала прежде, нежели потухали и. Не всегда и на бивакахъ находили непріятели успокоеніе, ому что ихъ тревожили Донцы. При одномъ имени: «казакъ!» вались Французы, или бѣжали дальше искать другаго ночлега, гаго уголка оледенѣвшей земли, гдѣ усыпленіе превращалось сонъ вѣчный. Плѣнными уже давно пренебрегали; часто они ставали толпами отъ непріятельскаго аріергарда, шли на встрѣ- нашимъ войскамъ, отъ которыхъ цѣлымъ тысячамъ плѣнныхъ вали иногда не болѣе двухъ, трехъ казаковъ, Башкирцевъ или селянъ. Нерѣдко бабы, одна впереди, другая назади, гнали ду- инками стада Европейцевъ. Даже съ ружьями шатались Фран- узы между снѣжными сугробами, въ сторонѣ отъ дороги, но ни- го ими не занимался. Они подходили къ нашимъ колоннамъ и ивакамъ, окутанные и скорчившіеся, какъ безобразныя чучела, лабымъ голосомъ вымаливая кусокъ хлѣба.

218. Нашествіе Французовъ.

(1812 г.)

Чу! труба продребезжала....
Русь, тебѣ надменный зовъ!

Вспомяни-жъ, какъ ты встрѣчала
Всѣ нашествія враговъ;
Созови-жъ изъ странъ далекихъ
Ты своихъ богатырей,
Со степей. съ равнинъ широкихъ,
Съ рѣкъ великихъ, съ горъ высокихъ,
Отъ семи твоихъ морей.
Пламень въ небо упирая,
Лютъ пожаръ Москвы реветъ...
Златоглавая, святая,
Ты ли гибнешь?.. Русь, впередъ!
Гдѣ-жъ вы, незванные гости,
Сильны славой и числомъ?..
Снѣгъ засыпалъ ваши кости.
Вамъ почетный былъ пріемъ:
Упилися еле живы
Вы въ Московскихъ теремахъ,
Тяжелы домой пошли вы,
Безобразно полегли вы
На холодныхъ пустыряхъ.
Вы отвѣдать Русской силы
Шли въ Москву: за дѣломъ шли!
Иль не стало на могилы
Вамъ отеческой земли?..

219. Ко гробу Кутузова.

(16 Апрѣля 1813 г.)

Передъ гробницею святой
Стою съ поникшею главой...
Все спитъ кругомъ, однѣ лампады
Во мракѣ храма золотятъ
Столбовъ гранитныя громады
И ихъ знаменъ нависшій рядъ.
Подъ ними спитъ сей властелинъ,
Сей идолъ сѣверныхъ дружинъ,
Маститый стражъ страны державной,
Смиритель всѣхъ ея враговъ,
Сей остальной изъ стаи славной
Екатерининскихъ орловъ.
Въ твоемъ гробу восторгъ живетъ
Онъ Русскій гласъ намъ издаетъ;

Онъ намъ твердитъ о той годинѣ,
Когда народной вѣры гласъ
Воззвалъ къ святой твоей сѣдинѣ:
«Иди, спасай!» Ты всталъ и спасъ.

220. Два великана.

Въ шапкѣ золота литаго
Старый Русскій великанъ
Поджидалъ къ себѣ другаго
Изъ далекихъ чуждыхъ странъ.
За горами, за долами,
Ужъ гремѣлъ объ немъ разсказъ,
И помѣряться главами
Захотѣлось имъ хоть разъ.
И пришелъ съ грозой военной
Трехнедѣльный удалецъ,
И рукою дерзновенной
Хвать за вражескій вѣнецъ.
Но улыбкой роковою
Русскій витязь отвѣчалъ:
Посмотрѣлъ, тряхнулъ главою —
Ахнулъ дерзкій и упалъ.
Но упалъ онъ въ дальнемъ морѣ
На невѣдомый гранитъ,
Тамъ, гдѣ буря на просторѣ
Надъ пучиною шумитъ. (1)

(1) Наполеонъ I былъ низложенъ съ престола и заточенъ на островъ св. Елены.

221. Карамзинъ въ своемъ семействѣ.

(Разсказъ учителя его дѣтей.)

Незабвенный Николай Михайловичъ Карамзинъ чрезвычайно ѣжно, чрезвычайно заботливо любилъ дѣтей своихъ. Онъ неуыпно слѣдилъ за ихъ ученіемъ, что я близко видѣлъ на моихъ рокахъ; онъ самъ при нихъ присутствовалъ, и какъ я былъ счатливъ, когда онъ находилъ способъ моего преподаванія самымъ легкимъ, самымъ удобнымъ и самымъ полезнымъ для дѣтей. По окончаніи моихъ уроковъ, Николай Михайловичъ сказалъ мнѣ: «Я очень жалѣю, что не могу вамъ, какъ небогатый, за уроки платить той суммы, какой они по справедливости стоятъ.» — Какое бы для меня было счастье, сказалъ я тутъ, если бы вы мнѣ не

зволили не получать никакой платы за любезные мнѣ уроки тьми вашими.—Да и кромѣ этого, продолжалъ я, удостоит вѣренности Карамзина, учить его дѣтей, есть такая высокая съ которою никакія деньги сравниться не могутъ.—«Вот отвѣчалъ Николай Михайловичъ:—вы не хотите брать за деньги; ужъ не стыдитесь ли вы этого? Нѣтъ, я беру де мою Исторію и нахожу, что трудами, полезными для общес ближняго, пріобрѣтать средства для жизни своей и своего се есть не постыдное, а святое дѣло.—Катерина Андреевна! Ка Андреевна! приди сюда. Вотъ съ какимъ провинціаломъ мы комились! Онъ не хочетъ брать за уроки денегъ; вѣдь въ I бургѣ не сыщешь такого добраго чудака. Но я очень благ васъ за любовь къ моимъ дѣтямъ, радуюсь и за ваши б родныя чувства и прошу васъ съ нынѣшняго дня быть у своимъ: въ 4 часа мы обѣдаемъ, въ 10 вечеромъ п чай и всегда будемъ рады, если вы будете съ нами.- правда ли? продолжалъ онъ, обратясь къ Екатеринѣ Андреев и, поцѣловавши меня, отдалъ мнѣ деньги, по 5 рублей за ур а я не смѣлъ болѣе и не находилъ себя въ правѣ отгова ваться, не принимать ихъ. Екатерина Андреевна пожала і руку и сказала: «Я очень рада, что теперь вы—наши, и надѣю что приглашеніе Николая Михайловича будетъ вами исп нено. Къ этому приглашенію я прибавлю: чѣмъ чаще будет насъ, тѣмъ болѣе мы будемъ рады вамъ и особенно за дѣтей н шихъ, которыя въ это короткое время такъ полюбили васъ и такою радостію ждутъ урока вашего.» Я поцѣловалъ ея руку, і находилъ словъ для благодарности и даже теперь не могу бе слезъ вспомнить эти счастливыя минуты, это счастіе въ милос Карамзина, на которое я такъ мало смѣлъ надѣяться, такъ м считалъ себя достойнымъ. Съ этого времени мои занятія съ дѣ ми шли все пріятнѣе и пріятнѣе. Николай Михайловичъ продо жалъ быть при урокахъ. Однажды, и именно на урокѣ математи завелъ разговоръ объ исторіи. Я выпросилъ дозволеніе рассказ дѣтямъ царствованіе Дмитрія Донскаго. По окончаніи разсказ Николай Михайловичъ, усмѣхаясь, мнѣ сказалъ: «Вы выучили княженіе наизусть, чтобы сдѣлать мнѣ удовольствіе въ разсказѣ. —Нѣтъ, отвѣчалъ я:—не угодно ли вамъ выбрать любое царствован изъ 8-ми первыхъ книгъ, и вы увидите, какъ легко и пріятно по мнить Исторію, вами написанную.—Николай Михайловичъ выбрал въ слѣдующій урокъ Іоанна 3-го и, выслушавъ меня съ полным вниманіемъ, сказалъ: «Вы мою Исторію помните лучше меня: я вас буду просить о справкахъ, когда онѣ будутъ мнѣ нужны, а тепер прошу прибавить день въ урокахъ, кромѣ математики, и для исто ріи.» Тутъ онъ вышелъ и, тотчасъ возвратясь, принесъ 10 и 11 ти своей Исторіи, подарилъ ихъ мнѣ, поцѣловалъ меня и ск

я радъ, что узналъ васъ; какъ я радъ, что вы будете › дѣтей моихъ! я полюбилъ и васъ какъ сына.» Дѣти обрадовались привѣту ихъ родителя, и старшій изъ ›ша, сказалъ: «Если вы полюбили его какъ сына, то ›ю любить его какъ брата и говорить ему *ты*.» —Охотно ›амъ, сказалъ Николай Михайловичъ, если Иванъ Яков- дозволитъ.—«О, мы знаемъ, что онъ дозволитъ!» и ки- › цѣловать, приговаривая: «теперь *ты* нашъ братъ!» Ни- ›йловичъ былъ очень доволенъ ихъ радости; снова по- ›еня, благодаря за любовь дѣтей; находилъ въ этой любви ›чательство за успѣхъ дѣла, потому что пріятно и легко для того, кого любишь.

222. НАВОДНЕНІЕ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

(1824 г.)

Рѣдѣетъ мгла ненастной ночи,
И блѣдный день ужъ настаетъ...
Ужасный день!
Нева всю ночь
Рвалася къ морю противъ бури,
Не одолѣвъ ихъ буйной дури...
И спорить стало ей не въ мочь...
Поутру надъ ея брегами
Тѣснился кучами народъ,
Любуясь брызгами, горами
И пѣной разъяренныхъ водъ.
Но силой вѣтра отъ залива
Перегражденная Нева
Обратно шла гнѣвна, бурлива,
И затопляла острова;
Погода пуще свирѣпѣла;
Нева вздувалась и ревѣла,
Котломъ клокоча и клубясь,
И вдругъ, какъ звѣрь остервенясь,
На городъ кинулась. Предъ нею
Все побѣжало, все вокругъ
Вдругъ опустѣло... Воды вдругъ
Втекли въ подземные подвалы;
Къ рѣшеткамъ хлынули каналы—
И всплылъ Петрополь, какъ Тритонъ, (¹)
По поясъ въ воду погруженъ.

щій голосъ сдѣлался твердымъ и громкимъ. Все величіе эт ной минуты выразилось въ его мужественномъ, рѣшительн нѣ. Совершивъ присягу и подписавъ присяжный листъ, к князь велѣлъ кликнуть одного изъ своихъ адъютантовъ.

Кто былъ имъ посланъ и который изъ адъютантовъ явил великъ, Перовскій или Адлербергъ, я не помню.— Сказать Ми Андреевичу Милорадовичу (онъ былъ тогда С.-Петербур генералъ-губернаторомъ), чтобы велѣлъ приводить къ пр гвардію!—Отдавъ такое приказаніе, великій князь вышел церкви. (⁴)

(¹) *Императоръ Александръ* скончался въ Таганрогѣ. (²) *Я— поэтъ* Жу (³) *Марія Ѳеодоровна*—супруга Павла Петровича. (⁴) *Константинъ Павлович* при жизни Александра I отрекся отъ своего права на престолъ въ польз шаго брата Николая Павловича, но это отреченіе хранилось въ тайнѣ.

224. Олеговъ щитъ. (¹)

(*1829 г.*)

Когда ко граду Константина
Съ тобой, воинственный Варягъ,
Пришла Славянская дружина
И развила побѣды стягъ; (²)
Тогда во славу Руси ратной,
Строптиву Греку въ стыдъ и страхъ,
Ты пригвоздилъ свой щитъ булатный
На Цареградскихъ воротахъ.
Настали дни вражды кровавой,
Твой путь мы снова обрѣли;
Но днесь, когда мы вновь со славой
Къ Стамбулу грозно притекли, (³)
Твой холмъ потрясся съ браннымъ гуломъ,
Твой стонъ ревнивый насъ смутилъ,
И нашу рать передъ Стамбуломъ
Твой старый щитъ остановилъ. (⁴)

(¹) См. ст. 3 прим. 4. (²) *Стягъ*—см. ст. 32 прим. 2. (³) *Стамбулъ* — такъ вы вается по-турецки Константинополь. (⁴) Турецкая война 1827—1829 г. конч миромъ въ Адріанополѣ.

225. Клеветникамъ Россіи. (¹)

(*1830 г.*)

О чемъ шумите вы, народные витіи? (²)
Зачѣмъ анаѳемой грозите вы Россіи?
Что возмутило васъ? волненія Литвы?
Оставьте: это споръ Славянъ между собою,

Домашній, старый споръ, ужъ взвѣшенный судьбою,
Вопросъ, котораго не разрѣшите вы.
Уже давно между собою
Враждуютъ эти племена:
Не разъ клонилась подъ грозою
То ихъ, то наша сторона.
Кто устоитъ въ неравномъ спорѣ:
Кичливый Ляхъ, иль вѣрный Россъ?
Славянскіе-ль ручьи сольются въ Русскомъ морѣ?
Оно-ль изсякнетъ? вотъ вопросъ.
Оставьте насъ: вы не читали
Сіи кровавыя скрижали;
Вамъ непонятна, вамъ чужда
Сія семейная вражда.
Для васъ безмолвны Кремль и Прага; (3)
Безсмысленно прельщаетъ васъ
Борьбы отчаянной отвага—
И ненавидите вы насъ....
За что-жъ? отвѣтствуйте: за то ли,
Что на развалинахъ пылающей Москвы
Мы не признали наглой воли
Того, подъ кѣмъ дрожали вы? (4)
За то-ль, что въ бездну повалили
Мы тяготѣющій надъ царствами кумиръ
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и миръ?
Вы грозны на словахъ—попробуйте на дѣлѣ!
Иль старый богатырь, покойный на постелѣ,
Не въ силахъ завинтить свой Измаильскій штыкъ? (5)
Иль Русскаго царя уже безсильно слово?
Иль намъ съ Европой спорить ново?
Иль Русскій отъ побѣдъ отвыкъ?
Иль мало насъ? Или отъ Перми до Тавриды,
Отъ Финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды,
Отъ потрясеннаго Кремля
До стѣнъ недвижнаго Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанетъ Русская земля?
Такъ высылайте-жъ намъ, витіи,
Своихъ озлобленныхъ сыновъ:
Есть мѣсто имъ въ поляхъ Россіи,
Среди нечуждыхъ имъ гробовъ.

(1) См. ст. 199-ю. Польское возстаніе 1830—1831 г. нашло себѣ поддержку въ Европейской журналистикѣ. (2) *Витія*—искусный въ краснорѣчіи. (3) *Прага*—см. ст. 199 прим. 1. (4) *Тотъ*—Наполеонъ I. (5) *Измаилъ*—Турецкая крѣпость, взятая Суворовымъ.

226. ХОЛЕРА ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

(Разсказъ очевидца.)

(1831 г.)

Петербургское народонаселеніе, испуганное распоряженіями
нятыми по необходимости для того, чтобы остановить развит
леры, а можетъ быть и настроенное нѣкоторыми злонамѣрен
людьми и, во всякомъ случаѣ, побуждаемое варварскимъ не
ствомъ, произвело мятежъ въ Петербургѣ. Кричали объ отравѣ, о
няли докторовъ, что они хотятъ воспользоваться Богъ знаетъ
Напослѣдокъ на одной изъ Петербургскихъ площадей собра
толпа человѣкъ тысячъ въ 5 или 6. Кидаются въ одну боль
находятъ тамъ несчастнаго доктора въ то время, какъ онъ
валъ помощь умиравшему отъ холеры. Его убиваютъ. Боль
опустошена; больныхъ разносятъ съ ихъ постелями по раз
домамъ, откуда они поступили въ больницу. Полиція ничег
можетъ сдѣлать противъ мятежа; но появляются строевыя вой
и сходбище разсѣяно. Весь Петербургъ въ тревогѣ: безпокой
овладѣваетъ жителями; ждутъ общаго возстанія. Извѣщенный о
ложеніи дѣлъ, Императоръ рѣшается ѣхать въ Петербургъ.
отплываетъ изъ Петергофа на пароходѣ. Онъ прибылъ. Злові
донесенія встрѣчаютъ его. Онъ садится въ коляску и направ
ся, по самымъ многолюднымъ улицамъ, прямо къ тому мѣсту, к
рое наканунѣ было театромъ безпорядковъ. Безчисленная толпа
житъ за нимъ; нѣсколько разъ онъ останавливается для разгов
съ тѣми, кто тѣснился вокругъ самой его коляски. Наконецъ
ѣхавъ до площади, онъ останавливается возлѣ церкви, окружен
толпою отъ 20-ти до 25-ти тысячъ человѣкъ. Тогда онъ встає
представьте себѣ эту прекрасную фигуру, этотъ громкій и звуче
голосъ, этотъ внушающій и строгій видъ, и эту толпу, наканун
столь мятежную, столь сильную въ своей смутѣ, а теперь сто
спокойную, столь покоренную присутствіемъ самодержавнаго вел
чія и магическимъ обаяніемъ геройской отваги. Вотъ слова, и
произнесенныя: «Вѣнчаясь на царство, я поклялся поддержива
порядокъ и законы. Я исполню мою присягу. Я добръ для до
рыхъ: они всегда найдутъ во мнѣ друга и отца; но горе злона
мѣреннымъ: у меня есть противъ нихъ оружіе! Я не боюсь вас
вамъ меня бояться! Намъ послано великое испытаніе—зараза. На
до было принять мѣры, дабы остановить ея распространеніе. Вс
эти мѣры приняты по моимъ повелѣніямъ; стало быть, вы жалуе
тесь на меня. Ну, вотъ я здѣсь! и я приказываю вамъ повиноват
ся. Вы, отцы семействъ, люди смирные; я вамъ вѣрю и убѣжденъ
что вы всегда прежде другихъ уговорите людей несвѣдущихъ и
образумите мятежниковъ. Но горе тѣмъ, кто позволяетъ себѣ прот

моимъ повелѣніямъ! Къ нимъ не будетъ никакой жалости!
расходитесь. Въ городѣ зараза. Вредно собираться толпа-
напередъ слѣдуетъ примириться съ Богомъ. Если вы оскор-
іеня вашимъ непослушаніемъ, то еще больше оскорбили
іреступленіемъ: совершено было убійство; невинная кровь
а. Молитесь Богу, чтобъ Онъ васъ простилъ.» При этихъ
ъ, онъ обнажилъ голову, обернулся къ церкви и перекрестил-
огда вся толпа, по невольному движенію, пала ницъ съ мо-
іными возгласами. Императоръ уѣзжаетъ, и народъ тихо рас-
ся, наставленный и проникнутый сознаніемъ своего про-
ı.

227. НА СМЕРТЬ ПУШКИНА. (1)

(29 Января 1837 г.)

Погибъ поэтъ, невольникъ чести,
Палъ, оклеветанный молвой,
Съ свинцомъ въ груди и съ жаждой мести,
Поникнувъ гордой головой.
Не вынесла душа поэта
Позора мелочныхъ обидъ;
Возсталъ онъ противъ мнѣній свѣта
Одинъ, какъ прежде — и убитъ!
Убитъ!... Къ чему теперь рыданья,
Похвалъ и слезъ ненужный хоръ
И жалкій лепетъ оправданья? —
Судьбы свершился приговоръ!
Не вы-ль сперва такъ долго гнали
Его свободный, чудный даръ
И для потѣхи возбуждали
Чуть затаившійся пожаръ?...
Что-жъ? веселитесь!... Онъ мученій
Послѣднихъ перенесть не могъ;
Угасъ, какъ свѣточъ, дивный геній,
Увялъ торжественный вѣнокъ!...
Его убійца хладнокровно
Навелъ ударъ, — спасенья нѣтъ:
Пустое сердце бьется ровно,
Въ рукѣ не дрогнетъ пистолетъ.
И что за диво?... Издалека,
Подобно сотнямъ бѣглецовъ,
На ловлю счастья и чиновъ
Заброшенъ къ намъ по волѣ рока,
Смѣясь, онъ дерзко презиралъ

Земли чужой языкъ и нравы;
Не могъ щадить онъ нашей славы,
Не могъ понять въ сей мигъ кровавый,
На что онъ руку подымалъ!

(1) Пушкинъ былъ убитъ на дуэли Французскимъ подданнымъ, барон[...] сомъ.

228. ПЕРВЫЙ ВЫСТРѢЛЪ СОЮЗНИКОВЪ МАГОМ[...] ВЪ ХРИСТІАНСКІЙ ГОРОДЪ ОДЕССУ.

(Разсказъ очевидца.)

(10 Апрѣля 1854 г.)

Въ Страстную пятницу, около четырехъ часовъ по п[...] православные толпами выходили изъ церквей, отслушавъ ве[...] Сердце каждаго христіанина исполнено было умиленія и с[...] лось еще отъ божественныхъ словъ благовѣстителя о стр[...] Господнихъ. Приложившись къ пречистой плащаницѣ и о[...] завъ нетлѣнныя раны добровольно пострадавшаго за насъ [...]пителя, каждый проникнутъ былъ до глубины души таин[...] искупленія и вознесся мыслію въ горнія, *идѣже нѣсть бо[...] ни воздыханія*. Православные, выходя изъ церкви, повторя[...] ученіе, почерпаемое каждымъ христіаниномъ у гроба Го[...] «Коль Сынъ Божій пострадалъ за насъ грѣшныхъ, намъ [...]лѣть живота для защиты православія?»

Вдругъ разнесся слухъ, что въ виду города показались [...] Французы. Народъ, услышавъ это извѣстіе, не упалъ духом[...] пришелъ въ уныніе, но, осѣнивъ себя крестнымъ знаме[...] устремился густыми толпами на берегъ моря посмотрѣть [...]виданное зрѣлище, убѣдиться собственными глазами, что [...] Французы не однимъ словомъ, а *дѣломъ* дерзаютъ грозить [...]любивому воинству и народу.

Высоко еще стояло солнце на небѣ, озаряя золотисты[...]чами зеркальную поверхность совершенно спокойныхъ вод[...] объятнаго моря. Безоблачный, лазурный небосклонъ, скл[...] къ морю, замыкалъ горизонтъ, на которомъ рѣзко обрисовы[...] черные очерки непріятельскихъ кораблей. Двадцать восемь с[...] различныхъ размѣровъ выстроились на стражѣ полукругомъ, [...]жая пока издали заступникамъ животворящаго креста. Ти[...] прекраснаго весенняго вечера нарушалась лишь говоромъ со[...]шейся толпы на берегу моря.

Вишь, вороны! замѣтилъ дюжій мужичекъ, расправляя окла-русую бороду:—вишь, плавать научились! Эва-та крылья тили, да клюва завострили!—А что, служба, продолжалъ екъ, обращаясь къ проходящему солдату:—чай, нехристи эли немалую толику *крупнаго гороху* православнымъ на нье?

Не замай! отвѣчалъ солдатъ:—пусть ихъ куражатся! Они гороху поднесутъ, а мы уважимъ ихъ, да киселя наваримъ.

А для чего-жъ они такъ далеко остановились? почитай верстъ три отъ пристани будетъ, сказалъ парень изъ толпы:—аль еще поджидаютъ что ли?

Вишь, говорятъ, отписали начальнику нашему грамоту: вый, молъ, корабли, а не то такъ и такъ, живьемъ возьмемъ, нь на камнѣ не оставимъ, церкви Божіи разоримъ... А вотъ льство и отвѣту не дало, а только плюнуло ворогу въ бороду: зай, молъ, самъ въ печь, да хлѣбъ доставай, коли ѣсть хо-ь. Вотъ они, я чай, и выжидаютъ, пока печь истопится, да ты снаряжаютъ, а мы кочергой помѣшиваемъ, да дровецъ подиваемъ.

ъ это время нѣкоторыя суда соединеннаго флота пришли въ кеніе, медленно выступая впередъ съ очевиднымъ намѣреніемъ близиться къ пристани. Народъ, замѣтивъ это, умолкъ на миу, съ любопытствомъ слѣдя за движеніемъ непріятельскихъ паодовъ. При воцарившемся молчаніи, до толпы долетали звуки елой музыки, расположенной на палубѣ линейныхъ кораблей, ыкавшихъ непріятельскую операціонную линію.

— Тьфу ты! замѣтилъ одинъ изъ присутствующихъ:—и въ Страсто пятницу пѣсни играютъ, да еще душегубство замышляютъ! нами крестная сила! Прости, Господи!

И весь народъ снялъ шапки и набожно перекрестился.

Между тѣмъ девять пароходовъ медленно выступали, стройно вняясь въ одну линію, и наконецъ, повернувшись бортомъ къ рожаемому городу, бросили якоря и выстроились внѣ пушечнаго ыстрѣла.

— Что-жъ это они? аль палить сбираются? заговорилъ статный арень, засучивъ рукава и помолодецки подбоченясь.

— Эхъ ты, пустая голова! прервалъ его служивый:—далече больно, зубъ не хватитъ; вишь ты, солнышко садится, на ночлегъ собрались, якоря спустили.

Дѣйствительно, небесное свѣтило быстро склонялось къ г
черные очерки кораблей, казалось, принимали еще боль
ные размѣры, и весь западъ покрылся пурпуровымъ о
какъ бы краснѣя за недостойные поступки западныхъ
Вскорѣ наступили сумерки; на корабляхъ показались ст
огни, а народъ все толпился на берегу моря.

— Полно вамъ тутъ глазѣть, ребята, сказалъ наконец
изъ присутствующихъ:—пошли по домамъ, а то ужо уда
локолъ къ заутренѣ, а вы и глазъ не продерете.

— Вѣстимо правда: что дѣло такъ дѣло! и толпы ста
ходиться, оставивъ наблюденіе надъ дѣйствіемъ враговъ
ному Русскому воинству, денно и нощно защищающему
благословеннаго отечества.

Въ три часа по полуночи (съ пятницы на субботу) за
соборный колоколъ; священному призыву отозвались во
церквахъ, и вскорѣ храмы наполнились народомъ, котор
въ обыкновенное время, съ умиленіемъ возносилъ молитвы
вышнему.

Началось поучительное, трогательное богослуженіе, въ ко
каждое слово гласитъ о небесной любви къ роду человѣ
Божественнаго нашего Искупителя, Іисуса Христа.

Стеченіе православныхъ такъ увеличилось, что паперти и
ности церквей покрылись молящимися. Блистательное осв
внутренности храмовъ, зажженныя свѣчи молящихся извн
озаряли христіанскій городъ, составляя рѣзкую противо
ность съ мракомъ, въ которомъ утопали грозящіе союзник
вѣрныхъ.

Долго православные возносили теплыя мольбы къ пр
Всевышняго, забывая земныя угрозы и вникая въ силу небес
обѣтованій. При возгласѣ: *Свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ*
съ *востока* показалось дневное свѣтило и, разсѣявъ мрак
крывающій поборниковъ исламизма, вновь изобличило прест
ихъ замыслы.

Пока храмы оглашались божественнымъ пѣніемъ: *Слава въ
нихъ Богу*, непріятельскіе корабли быстро приближались к
роду, какъ бы движимые чудовищною, адскою злобою и
покарать спокойно молящихся христіанъ.

Наконецъ началось шествіе погребенія пречистаго тѣла Госп
изъ отверстыхъ дверей храмовъ показались хоругви, *образа*
ковнослужители, поющіе: *Святый Боже, Святый Крѣпк*
пречистая плащаница. При появленіи шествія, народъ, нах
шійся внѣ церкви, съ умиленіемъ преклонилъ колѣни, и въ
самую минуту воздухъ поколебался отъ сильнаго взрыва, содр
лись далекія окрестности: злодѣяніе совершилось, и непрі

» первое ядро въ христіанскій городъ. Но злобное ихъ не-
іе не увѣнчалось успѣхомъ: православные невредимо про-
л шествіе, и только къ пѣнію клироса присоединились го-
арода, спокойно и съ упованіемъ на благость Всевышняго
авшіе: *Святый Боже*, *Святый Крѣпкій*, *Святый Безсмерт-
гомилуй насъ!*

229. ВОСПОМИНАНІЕ О КРЫМѢ.
(1854—1855 г.)

Когда-то земли уголокъ золотой
Я видѣлъ на югѣ Россіи.
Казалось, отъ вѣка въ ладу межъ собой
Тамъ дольняго міра стихіи.
Тамъ яркое солнце отъ лика земли
Сверкающихъ глазъ не отводитъ;
Тамъ море лазурною нитью вдали
Подъ самое небо подходитъ,
Вблизи же цѣлуетъ раскатъ береговъ
И жмется у скалъ непробудныхъ,
А горы стоятъ въ серебрѣ облаковъ
Надъ глубью долинъ изумрудныхъ.
Казалось, гармоніи вѣчный залогъ—
Тамъ щедрой природы объятья;
Устами ея тамъ, казалось, самъ Богъ
Вѣщаетъ всѣмъ людямъ: «вы — братья!»
Тамъ голосъ любви подъ наитьемъ всѣхъ благъ
И въ сердце бъ злодѣя проникнулъ;
И будь предо мной тамъ озлобленный врагъ,
Къ нему бъ я невольно воскликнулъ:
«Прости! Ненавидѣть тебя не могу,
Тебя презирать не умѣю.»
И кинулся-бъ я къ заклятому врагу
Съ любовію братской на шею.
И что же я вижу?—Плывутъ корабли;
Міръ стонетъ отъ бранныхъ походовъ,
И въ райскомъ уютѣ родимой земли
Устроилась бойня народовъ.
И гдѣ умягчился-бъ дикарь и злодѣй,
Свирѣпствуютъ добрые люди;
Гдѣ звѣрь укротился-бъ, тамъ люди людей
Привѣтствуютъ ядрами въ груди,
Кровавой вражды возжигаютъ огни,
Свинцемъ оглушительно свищутъ,

И сердца въ груди другъ у друга они
Штыками и копьями ищутъ;
Наводятъ ружья или пушки жерло,
И глазъ человѣческій мѣтитъ
Не въ образъ ли Божій, коль мѣтитъ въ чело,
Гдѣ разумъ божественный свѣтитъ?
И это служители Богу креста!
На помощь убійству въ сраженьяхъ
Не всѣ ли они Миролюбца Христа,
Слѣпцы, призываютъ въ моленьяхъ?
И тамъ, гдѣ взвиваются пламя и дымъ,
Когда разгорается битва,
Не горькой ли, страшной насмѣшкой надъ Нимъ
Звучитъ эта злая молитва?...

230. УНИЧТОЖЕНІЕ ЧЕРНОМОРСКАГО ФЛОТА

(Разсказъ начальника Севастопольскихъ инженеровъ.)

(9-11 Сентября 1854 г.)

Вице-адмиралъ Корниловъ, получивъ приказаніе о затоп[...] входа на рейдъ, (¹) утромъ 9 Сентября собралъ совѣтъ фл[...]новъ (²) и командировъ судовъ. На этомъ совѣтѣ онъ объ[...] что Русская армія, проигравъ сраженіе на Альмѣ, отступае[...] Севастополю; что непріятель, занявъ сѣверо-восточное прибр[...] рейда, можетъ принудить Русскій флотъ оставить настоящу[...] позицію, овладѣть Сѣверною стороной и огнемъ своей арти[...] сжечь нашъ флотъ, стоящій на рейдѣ.

На основаніи этихъ доводовъ и опасеній, вице-адмиралъ [...]ниловъ рѣшился на весьма опасный подвигъ. Онъ предложил[...]ти въ море и атаковать союзный флотъ, расположенный у [...] Лукулла. Онъ разсчитывалъ, что при удачѣ Черноморскій [...] могъ разметать непріятельскую армаду и тѣмъ лишить союз[...] армію продовольствія и подкрѣпленій, при неудачѣ же Корни[...] предполагалъ сцѣпиться съ непріятельскими кораблями и взор[...]ся на воздухъ.

Послѣднее обстоятельство, по мнѣнію Корнилова, имѣло [...] слѣдствіемъ такое ослабленіе союзнаго флота, что остатки его [...] рѣшились бы атаковать сильныхъ приморскихъ батарей Сева[...]польсваго порта; а союзная армія, лишенная содѣйствія св[...] флота, не была бы въ состояніи овладѣть городомъ. Съ приб[...]емъ же къ намъ подкрѣпленій, непріятель, по мнѣнію Корнил[...] былъ бы окончательно истребленъ превосходными силами.

:полненное геройской отваги предложеніе Корнилова не
бтило однако одобренія, и лишь весьма немногіе изъ присут-
завшихъ выразили свое согласіе. Большинство напротивъ было
мнѣнія, чтобы, затопивъ входъ на рейдъ, воспользоваться эки-
ими (³) и орудіями съ кораблей для сухопутной обороны.

дѣйствительно, отдавая дань полнаго уваженія мужеству до-
·тнаго адмирала, нельзя не выразить полнаго сомнѣнія отно-
льно успѣшнаго хода предложенной имъ атаки. Сильный не-
тельскій флотъ уже однимъ только численнымъ своимъ превос-
твомъ подавилъ бы сравнительно слабый Русскій парусный
тъ, отрѣзалъ бы его отъ рейда, уничтожилъ бы, а вмѣстѣ съ
ь и самъ ворвался бы на рейдъ. Участь Севастополя была бы
іена тогда же.

Іе видя согласія на сдѣланное предложеніе, Корниловъ распу-
лъ совѣтъ и доложилъ о своемъ намѣреніи князю Меньщико-
(⁴) который однако воспротивился этому и повторилъ прежнее
гказаніе о затопленіи судовъ у входа на рейдъ.

Вслѣдствіе повтореннаго приказанія князя Меньщикова, Корни-
ъ сдѣлалъ слѣдующія распоряженія по флоту:

Іять старыхъ кораблей и два фрегата приказалъ затопить на
рватерѣ, при входѣ на рейдъ; остальные десять кораблей
:положить на позиціи вдоль южнаго берега рейда, на простран-
:ѣ отъ Артиллерійской бухты до Киленъ-балочной, съ тѣмъ, что
въ случаѣ атаки непріятеля они могли обстрѣливать Сѣверную
орону; всѣ прочія суда флота, за исключеніемъ пароходовъ, располо-
тѣ въ Южной бухтѣ и приготовить ихъ къ затопленію, на слу-
й, если бы пришлось уступить непріятелю городъ и портъ.

Въ четвертомъ часу по полудни, 9 Сентября, суда Черноморска-
флота начали переходить на указанныя имъ мѣста, и въ 10½
.совъ уже были расположены согласно отданному приказу. Ко-
ібли и фрегаты, назначенные для затопленія, заняли позицію у
:ода на рейдъ, поперекъ его форватера, по направленію отъ Кон-
'антиновской батареи до Александровской. Остальные за тѣмъ
рабли расположились вдоль берега рейда.

Утромъ 10 Сентября суда, обреченныя на затопленіе форватера,
ь опущенными уже брамъ-стеньгами (⁵) и отвязанными парусами,
о еще вооруженныя артиллеріею, стали при входѣ на рейдъ. Не-
ріятель, видя это, предполагалъ, что Русскій флотъ намѣренъ
ражаться.

И дѣйствительно, разсчитывая при нападеніи непріятеля на дѣй-
:твіе артиллеріи судовъ, назначенныхъ къ загражденію входа на
рейдъ, вице-адмиралъ Корниловъ приказалъ повременить снимать
орудія. Но въ 6 часовъ вечера взвился надъ городомъ Русскій на-
ціональный флагъ. Это былъ сигналъ, показавшій, что рѣшені

затопить корабли было принято окончательно. Согласно с приказанію, нужно было въ теченіе ночи съ 10 на 11 свезти съ судовъ на берегъ все, что можно, а на разсвѣтѣ ла срубить мачты и погрузить корабли на дно рейда.

Весь вечеръ и всю ночь моряки съ неутомимою дѣятел исполняли приказаніе, но артиллерія судовъ не была свез потребовало бы слишкомъ много времени.

Съ разсвѣтомъ 11 Сентября на томъ мѣстѣ, гдѣ еще на стояли вооруженныя суда: *Сизополь*, *Варна* и *Си* плавали одни только обломки рангоута. (⁶) За тѣмъ пошл *Уріилъ* и *Селафаилъ*, а въ 8 часовъ исчезла подъ во *Флора*. Только корабль *Три Святителя*, не смотря на т вода лилась во всѣ отверстія, прорубленныя въ его подводн сти, погружался весьма медленно.

Съ грустными лицами и тяжелымъ чувствомъ въ сердцѣ с ли моряки, какъ волны безжалостно поглощали суда, с рыми было соединено такъ много славныхъ воспоминаній Ч номорскаго флота. Но душевное волненіе дошло до высшей пени, когда, для ускоренія затопленія корабля *Три Святит* парохода *Громоносецъ* было приказано сдѣлать нѣсколько стрѣловъ ядрами въ подводную часть корабля. Сдержанныя до поръ слезы показались на многихъ лицахъ.

И такъ знаменитый и превосходный Севастопольскій рей ратился на время въ озеро, а Черноморскіе моряки, поневол казавшись отъ своего прямаго назначенія, выступили на нов нихъ поприще сухопутныхъ дѣйствій. Не разъ доказывавшіе ст жество и искусство на морѣ, они теперь явились на защит быхъ укрѣпленій своего роднаго города, угрожаемаго силь противникомъ.

(¹) *Рейдъ*—мѣсто въ морѣ передъ гаванью, гдѣ корабли могутъ стоять с нымъ грузомъ и вооруженіемъ. (²) *Флагманъ*—адмиралъ, или другой нач имѣющій право поднимать на суднѣ свой флагъ. (³) *Экипажъ*—отдѣльны матросовъ (1000 ч.), подчиненныхъ одному начальнику. (⁴) *Кн. Меньш* главнокомандующій. (⁵) *Брамъ-стеньга* — круглое въ объемѣ и прямое составляющее продолженіе мачты. (⁶) *Рангоутъ*—все вмѣстѣ: мачты, т. е. деревья, составляющія продолженіе мачтъ, и реи, т. е. тѣ попереч мачтахъ, къ которымъ привязываются паруса.

231. СМЕРТЬ ВИЦЕ-АДМИРАЛА КОРНИЛОВА.

(Разсказъ очевидца.)

(5 Октября 1854 г.)

Съ разсвѣтомъ 5-го Октября непріятель открылъ сильный огон по нашимъ батареямъ, которыя отвѣчали ему мастерски. Возд сгустился; въ дыму солнце обозначалось блѣднымъ мѣсяцемъ. Д

ый и рѣшительный, адмиралъ поскакалъ на бастіонъ № 4-й, (¹)
ъ нашей позиціи, и мы, его приближенные, едва могли
вать за нимъ. Ядра и бомбы летѣли на 3-й бастіонъ одно
угимъ, а Корниловъ, съ сверкающимъ взглядомъ, подходилъ
ждому орудію, вдохновлялъ каждаго человѣка. Потомъ по-
по линіи съ 4-го на 5-й бастіонъ; тамъ капитанъ-лейтенантъ
нскій, командиръ бастіона, говорилъ ему: «Ваше превосходи-
тво, зачѣмъ вы ѣздите по бастіонамъ; вы доказываете тѣмъ,
ы въ насъ не увѣрены. Я васъ прошу уѣхать отсюда. Я вамъ
юсь: я исполню свой долгъ.» На эти слова, внушенныя бо-
о за жизнь адмирала, онъ отвѣчалъ среди ядеръ и бомбъ: «А
мъ же вы хотите мѣшать мнѣ исполнить свой долгъ? Мой
ь—видѣть всѣхъ.» И онъ былъ правъ: дѣйствительно, ему не-
димо было показаться войскамъ, которыя принимали его съ
оргомъ, и вотъ почему, убѣждая его возвратиться домой, мы
чень настаивали въ своихъ доводахъ. Замѣтивъ, что на 5-мъ
іонѣ нѣтъ воды для питья, онъ послалъ меня позаботиться о
, и когда я возвратился донести ему, что отправилъ по нѣ-
ьку бочекъ воды на каждый бастіонъ, то засталъ его дома за
мъ. Вскорѣ пріѣхалъ къ нему главнокомандующій, князь Алек-
дръ Сергѣевичъ Менщиковъ, и вмѣстѣ съ его свѣтлостью адми-
ъ поѣхалъ къ Графской пристани. Князь отправился на Сѣвер-
 сторону, а мы снова на 4-й бастіонъ (около бульвара). По
огѣ адмиралъ разослалъ адъютантовъ съ порученіями, такъ что
 немъ остался одинъ я. На 4-мъ бастіонѣ мы встрѣтились съ
ковникомъ гвардейскаго генеральнаго штаба Поповымъ; пере-
оривъ съ нимъ о первыхъ распоряженіяхъ, въ случаѣ штурма
о бастіона, адмиралъ оставилъ Попова для этой цѣли на Театраль-
й площади, а самъ поѣхалъ вокругъ Южной бухты, на ба-
онъ № 3-й (за Татарской слободой), оттуда на Малаховъ кур-
ъ. (²) На 3-мъ бастіонѣ ядра и бомбы сыпались какъ градъ,
 адмиралъ тихо и спокойно говорилъ съ каждымъ. Признаюсь,
ѣ было весело ѣхать рядомъ съ нимъ; я слѣпо вѣрилъ въ его
астливую звѣзду и былъ спокоенъ, даже доволенъ ужаснымъ пе-
крестнымъ огнемъ, чрезъ который мы проѣзжали. На Малахо-
мъ курганѣ мы сошли съ лошадей, и вскорѣ я почувствовалъ
къ бы ударъ въ правую ногу около колѣна, упалъ и началъ те-
ть больное мѣсто: это была контузія, отъ которой я почти опра-
ился. Нѣсколько разъ предлагалъ я Владиміру Алексѣевичу ѣхать
мой, но какой-то злой духъ его удерживалъ. — Постойте, гово-
илъ мнѣ адмиралъ:—мы поѣдемъ еще къ тѣмъ полкамъ (Бутыр-
кому и Бородинскому), а потомъ госпитальной дорогой домой.—
Наконецъ, въ половинѣ 12-го часа, мы пошли къ лошадямъ и —
нъ упалъ: лѣвая нога, у самаго живота, была оторвана.—Отстаи-
айте же Севастополь! сказалъ онъ намъ, офицерамъ, взявшим-

его на руки. Мы положили его за бруствером, (³) меж
ми, и скоро онъ обезпамятѣлъ. Ни крика, ни стона его
шалъ никто. Пришли два медика, за которыми я посылал
жайшій перевязочный пунктъ, а самъ я поскакалъ въ г
Тотчасъ лучшій нашъ хирургъ, Лаврентьевъ, и носилки
правлены за Владиміромъ Алексѣевичемъ, а я поѣхалъ с
порученіями къ вице-адмиралу Нахимову и къ генерал-л
ту Моллеру. Послѣ меня адмирала перенесли на пере
пунктъ, гдѣ онъ исповѣдывался и причастился Святых
—Скажите моимъ сыновьямъ, сказалъ онъ священнику, что
вѣрно служили царю и отечеству.—Андрей Алексѣевичъ
бывшій при немъ въ послѣднія минуты, говорилъ мнѣ слѣ
«Когда Истоминъ (⁴) хотѣлъ его успокоить надеждою
вѣть, адмиралъ сказалъ: «Нѣтъ, нѣтъ! туда, гдѣ Михаил
вичъ!» (⁵) Потомъ онъ сказалъ: «Спаси, Господи, царя и
сохрани Севастополь и Черноморскій флотъ! Я счастли
умираю за отечество.» Передавъ Попову порученія къ княз
прибавилъ: «Кланяйтесь всѣмъ; скажите, какъ сладко ум
когда совѣсть чиста.» Ему пришли сказать, что Англичане
ствуютъ всего двумя орудіями; онъ закричалъ: «ура!» —и
скончался. Въ 6-мъ часу вечера, 6-го Октября, всѣ суда п
стили флаги, и погребальная церемонія тронулась Это был
ствительно, мрачная церемонія: сумерки, освѣщаемыя факел
полетами бомбъ, горесть всѣхъ окружающихъ, гармонировал
съ другимъ; ни слова, ни звука не было слышно, кромѣ т
бомбъ и свиста ядеръ, кромѣ оглушительнаго грохота пу
Адмирала положили рядомъ съ гробомъ Михаила Петровича
одномъ склепѣ. Миръ праху твоему, нашъ добрый начальник

(¹) *Бастіонъ*—помостъ, на которомъ ставятся пушки. (²) *Малаховъ кур*
наше главное укрѣпленіе. (³) *Бруствер*—ограда для прикрытія отъ *неп*
скихъ выстрѣловъ стоящихъ за нею людей. (⁴) *Истоминъ* — контръ-адмирал
Михаилъ Петровичъ—Лазаревъ, адмиралъ Черноморскаго флота.

282. ЧЕТВЕРТЫЙ БАСТІОНЪ ВЪ СЕВАСТОПОЛѢ.

(Разсказъ очевидца.)

(Февраль 1855 г.)

После чаю я рѣшился идти на четвертый бастіонъ, как г
рили, самый опасный. Я слыхалъ о немъ еще въ Кишиневѣ
ринъ далъ мнѣ въ товарищи одного изъ своихъ адъютант
Я чувствовалъ себя нехорошо и никакъ не могъ разсѣять тя
ныхъ мыслей. Мы прошли нѣсколько улицъ, почти пустыхъ. Н
конецъ, близко къ бастіону, встрѣтили дома, совершенно ра

е бомбами. Мѣстами торчали одни неправильные обломки крышъ не было. Эти домá могли служить самыми лучшими зенными баррикадами, (²) а въ иныхъ и нарочно были проамбразуры. (³) На мостовой и тротуарахъ валялись ядра и и гранатъ. (⁴) Тутъ, дѣйствительно, чувствуешь осаду. Въ послѣдней улицы идетъ площадка, на которой стоитъ катокая церковь, одно изъ крайнихъ зданій къ бастіону. Говорятъ, емя осады, 5 Октября, первое ядро сбило надпись на этомъ : pax in terra (миръ на землѣ), первое говорится для бóлькурьезу. Прямо за площадью видѣнъ театръ, сильно постраій отъ выстрѣловъ. Затѣмъ начинается подъемъ въ гору, доо пологій. Здѣсь былъ когда-то бульваръ; теперь нѣтъ и слѣда павшихъ его деревьевъ. Крѣпкая дорога, мѣсто прежней бульой дорожки, почти вся покрыта чугунными черепками и врывшиядрами. Взойдя на гору, мы спустились въ траншею (⁵) и тотчасъ шали свистъ пуль. Такъ дошли мы до большаго блиндажа, (⁶) помѣщается адмиралъ Новосильскій съ капитаномъ 1-го ранга овымъ. Кутровъ вышелъ къ намъ на встрѣчу. Его спокойная эномія ободрила меня. Въ это время одна пуля ударила въ дажъ шагахъ въ двухъ отъ насъ и еще ближе отъ кучки матросовъ, вшихъ тутъ же. Никто изъ нихъ и не пошевелился, и, кажется, я іъ видѣлъ эту пулю. Это меня совершенно успокоило. Съ той уты до конца, часа два сряду, проведенные мною на четверь бастіонѣ, я уже не чувствовалъ ни малѣйшаго страха. Мы іли опять траншеями, втроемъ съ Кутровымъ. Выстрѣлы изъ іекъ гремѣли безпрестанно; ружейныхъ было вовсе не слышно, слышно только временами, и то какъ звукъ пистоновъ.

— Вотъ на этóмъ мѣстѣ, въ самой траншеѣ, сегодня убило хъ вдругъ, одной пулей, сказалъ Кутровъ:—пуля прошла по овамъ; и вотъ здѣсь еще одного.

Весело было слушать тѣмъ, кто переступалъ черезъ это мѣсто! аншеи были полны солдатами, которые сидѣли и лежали въ саіхъ безпечныхъ положеніяхъ, конечно не думая о пуляхъ. Вскорѣ крылся бастіонъ, нѣсколько отличный отъ тѣхъ, которые я уже дѣлъ. Это была площадка, вся изрытая землянками, вся въ буахъ. Тамъ и сямъ чернѣли отверстія—входы въ блиндажи. Поховой блиндажъ возвышался надо всѣми. Кругомъ, на сдѣланй изъ земли насыпи въ видѣ вала, шли тѣсные земляные траерсы (⁷) съ наложенными на нихъ мѣшками. Штуцерные были ь постоянномъ движеніи: подбѣгали, выстрѣливали, и опять заяжался штуцеръ. Весь бастіонъ представлялъ какое-то суетливое вмѣстѣ грозное кипѣніе. Гдѣ-то бухали пушки; ясно было слышно удѣніе ядра. Кто стрѣлялъ? мы? они?—разобрать было трудно. Іаши выстрѣлы сливались съ выстрѣлами непріятеля, который та

ся тутъ же, за валомъ, всего въ шестидесяти саженяхъ.) какъ-то не вѣрилось, что онъ такъ близко.

— Отсюда вы можете видѣть непріятеля, сказалъ мнѣ из подведя меня къ одному орудію, укрытому щитами такъ что едва оставалась щель для глаза.—Но, пожалуйста, рожнѣе, прибавилъ онъ:—учтивые Французы здѣсь вовсе не

Я поднялся на орудіе и взглянулъ въ щель между щитом шкой: желтѣлъ траншейный валъ; лежали такіе же мѣшк и у насъ; мѣстами выскакивалъ дымокъ безъ звука, какъ вала,—словомъ, то-же, что я видѣлъ и съ другихъ бас только яснѣе. Потомъ мы пошли дальше мимо траверсовъ. осколокъ бомбы, разорвавшейся въ непріятельскихъ тран прожужжалъ надъ нашими головами и упалъ въ кучку р шихъ внутри бастіона.

Вотъ какъ у насъ, сказалъ Кутровъ:—своимъ какъ разъ уб Что, никого? крикнулъ онъ внизъ.

— Никого, отвѣчали оттуда.

— Ну, слава Богу!

Такіе случаи бываютъ нерѣдко. Осколки бомбъ Францу летятъ къ нимъ назадъ. Слѣдя за полетомъ осколка, я ув между блиндажами, въ одной сторонѣ бастіона, образъ на сто подъ досчатымъ навѣсомъ. Передъ нимъ теплилась неугасимая пада.... Я помолился. Невыразимо благодатно дѣйствуетъ там литва, и все бы молился: и за эту горсть храбрыхъ, что вс минуту ложатся костьми, и за всѣхъ тѣхъ отдаленныхъ, скорбя на всемъ великомъ пространствѣ Русской земли, и за всю вославную Русь... Я немного помню такихъ минутъ...

Вскорѣ насъ окружили офицеры, командующіе орудіями, и с ходить вмѣстѣ съ нами. Я пожелалъ снять часть бастіона вдругъ пошелъ дождикъ.. Услужливые и добрые моряки сей устроили надо мною навѣсъ изъ лубковъ. Явился столъ и ст и это подлѣ гремящихъ орудій; но я не слыхалъ ихъ грома. резъ четверть часа привыкнешь къ нимъ, и, кажется, какъ б не стрѣляютъ. Я срисовалъ два фаса, ближайшіе къ непріяте

Подлѣ пороховаго блиндажа есть спускъ въ мину. (8) Мнѣ б разрѣшено спуститься. Мы пошли вдвоемъ съ однимъ офицер нагнувшись, сперва въ полусвѣтѣ, потомъ въ совершенныхъ по махъ. Когда слышно было, что кто-то идетъ на встрѣчу, кричали: *дер налѣво* или *направо*, чтобы не столкнуться. Но было такъ у что всегда задѣвали другъ друга. Наконецъ я усталъ и пополз рукахъ и колѣнахъ. Товарищъ мой отдѣлился отъ меня дале мнѣ было слышно только его голосъ: *держи налѣво, напра* Вдругъ я почувствовалъ подъ руками воду; надо было опять вста Мина шла уже и уже. Сперва я ощупывалъ по бокамъ доски ...ы, но потомъ все кончилось: пошелъ голый земляной кор

Тягостное чувство испытываетъ непривычный человѣкъ подъ тѣсными сводами, что-то сдавливающее, удушающее. Мы до того мѣста мины, гдѣ наша галлерея сошлась съ непріяою. Тутъ зажженъ фонарь и сидятъ на полу солдаты. Я винепріятельскія работы. Ихъ мины немного шире; больше никакой разницы. Говорятъ, встрѣтясь съ нами, они бросили и ушли. Тутъ поставлена большая воронка съ порохомъ (9) и ана землей. Мы отдохнули и поворотили назадъ. Признаюсь, ось скорѣе вылѣзть изъ этого длиннаго гроба. Въ концѣ, близко къ выходу, мой товарищъ пригласилъ меня зайти къ съ-капитану Мельникову, завѣдывающему минными работами, о нишъ, (10) которая устроена тутъ же въ минѣ. Изъ гроба чутились въ довольно порядочной комнатѣ, увѣшанной ко-и. Посреди стоялъ столикъ и кипѣлъ самоваръ. По стѣнамъ земляные диваны, тоже покрытые коврами. Подлѣ одной стѣны печь, ростомъ въ человѣка, не доходившая до потолка. На сверху лежали разныя тетради, бумаги, чертежи и *Мертвыя и.* Куда не проникнетъ геній! Гоголь, гдѣ ты? слышишь ы? (11)

озяинъ и вмѣстѣ создатель этой комнаты, молодой человѣкъ, ашенный Георгіевскимъ крестомъ, называемый въ шутку моряи *оберъ-кротъ*, принялъ меня, какъ давно невиданнаго брата, гостилъ чаемъ. Между тѣмъ я снялъ его подземное жилище. I онъ вѣчно тамъ—при огняхъ! Полковникъ Тотлебенъ (12) ваетъ у него всякій день, обходитъ всѣ галлереи, всѣ рукава. Мельковъ любитъ его какъ отца. Когда онъ говорилъ мнѣ о немъ, у о дрожалъ голосъ отъ невыразимаго уваженія и преданности этому человѣку. О, если бы написать исторію этихъ бастіоновъ, вычеркивая ни одного дня, не стирая ни одной черты, сколько иляющаго, сколько поучительнаго, исторгающаго сладостнѣйшія езы было бы на ея страницахъ!

Мельниковъ вывелъ меня на свѣтъ другимъ путемъ. Мы очулись во рву, гдѣ было много работающихъ. Работы здѣсь тялы, по причинѣ каменистаго грунта. Каждый вершекъ стоитъ льшихъ усилій. Черезъ ровъ, надъ нами, свистѣли пули и колки бомбъ. Мельниковъ говорилъ мнѣ, что наканунѣ у него било во рву двухъ человѣкъ осколкомъ нашей же бомбы. Я снялъ ходъ въ мину, подлѣ котораго мы стояли. Мы разстались съ Іельниковымъ какъ братья; и я не знаю, есть ли два Русскихъ еловѣка, которые тутъ не сдѣлаются братьями.

Меня повели траншеями и сказали, что адмиралу угодно меня видѣть. Когда я вошелъ въ его блиндажъ, большую, просторную комнату, съ длиннымъ столомъ посрединѣ, на которомъ лежали книги и журналы, я увидѣлъ человѣка среднихъ лѣтъ, высокаго роста, съ темными волосами, съ привлекательнымъ выраженіемъ

лица, въ сюртукѣ безъ эполетъ. Рѣдко встрѣчаемый из[…]
бѣлый крестъ украшалъ его шею. Сомнѣнія не было: […]
Новосильскій. Я представился. Вскорѣ въ блиндажъ вош[…]
вѣкъ десять офицеровъ въ шинеляхъ и морскихъ черныхъ […]
Я провелъ съ ними самые пріятные полчаса. Адмиралъ, […]
шій къ своему блиндажу, какъ къ дому, и давно забыв[…]
опасностяхъ, сказалъ мнѣ простодушно: «заходите какъ-нибу[…]
черомъ, напьемся вмѣстѣ чаю.» Онъ далъ мнѣ провожа[…]
дому, потому что уже стало смеркаться, и могъ сбиться съ […]
Мы пошли траншеями На встрѣчу намъ, также траншеями […]
солдаты, свѣсивъ ружья, цѣлый полкъ, въ прикрытіе на ноч[…]
шли, не думая о встрѣчныхъ, и даже не глядѣли впередъ. […]
сколько разъ отводилъ рукою штыкъ, чтобы не наткнуться, […]
мнѣ скоро надоѣло; штыковъ впереди казалось безконечно […]
и я предпочелъ вылѣзть изъ траншей и идти по сторонѣ, […]
подставляя себя непріятельскимъ пулямъ, однако по мнѣ не […]
ляли. Вообще къ вечеру прекращается перестрѣлка батар[…]
идетъ перестрѣлка однихъ ложементовъ. (13)

Прощай, славный четвертый бастіонъ! Не знаю, увижу ли […]
еще разъ, а если увижу, тѣ ли меня встрѣтятъ ...

---

(1) *Бастіонъ*—см. ст. 231 прим. 1. (2) *Баррикада*—укрѣпленіе въ город[…], за котораго стрѣляютъ. (3) *Амбразура* — отверстіе въ земляной насы[…] въ стѣнахъ, для помѣщенія духа артиллерійскаго орудія. (4) *Грана[…]* см. ст. 204 прим. 3. (5) *Траншея*—небольшой сухой ровъ, съ насыпью вперед[…] безопасности отъ выстрѣловъ. (6) *Блиндажъ*—помѣщеніе подъ земляною нас[…] для защиты отъ навѣсныхъ выстрѣловъ. (7) *Траверсы*— поперечныя канав[…] *Мина*—подземный ходъ подъ непріятельскія укрѣпленія, для взрыва ихъ. (9) [...]*ронка*—яма въ землѣ. (10) *Нишь*—впадина, вырытая съ боку мины. (11) *Гоголь*, ав[…] *Мертвыхъ душъ*, былъ въ это время еще живъ. (12) *Тотлебенъ* — началь[…] инженеровъ. (13) *Ложементъ* — небольшой ровъ, прикрытый съ боку связ[…] хвороста, для защиты отъ ружейныхъ выстрѣловъ.

233. ПЕРЕВЯЗОЧНЫЙ ПУНКТЪ ВЪ СЕВАСТОПОЛ[Ѣ].

(Разсказъ очевидца.)

(Май 1855 г.)

Большая, высокая, темная зала, освѣщенная только четырьмя и[…]
пятью свѣчами, съ которыми доктора подходили осматривать ра[…]
неныхъ, была буквально полна. Носильщики безпрестанно вноси[…]
раненыхъ, складывали ихъ одинъ подлѣ другаго на полъ, на ко[…]
торомъ уже было такъ тѣсно, что несчастные толкались и мочи[…]
[illegible] друга, и шли за новыми. Лужи крови, видныя в[…]
[illegible]тыхъ, горячечное дыханіе нѣсколькихъ сотенъ че[…]
[illegible]ренія рабочихъ съ носилками производили какой-то

зый тяжелый, густой, вонючій смрадъ, въ которомъ пасмурно свѣчи на различныхъ концахъ залы. Говоръ разнообраз- стоновъ, вздоховъ, хрипѣній, прерываемый иногда пронзи- мъ крикомъ, носился по всей комнатѣ. *Сестры*, (1) съ спо- ми лицами и съ выраженіемъ не того пустаго женскаго бо- іно-слезнаго сострадація, а дѣятельнаго, практическаго участія, іъ, то сямъ, шагая черезъ раненыхъ, съ лѣкарствомъ, во- бинтами, корпіей, мелькали между окровавленными шинелями ахами. Доктора, съ засученными рукавами, стоя на колѣняхъ ъ ранеными, около которыхъ фельдшера держали свѣчи, ривали, ощупывали и зондировали раны, (2) не смотря на ые стоны и мольбы страдальцевъ. Одинъ изъ докторовъ си- около двери за столикомъ и въ ту минуту, какъ въ комнату іъ Гальцинъ, (3) записывалъ уже 532.

Иванъ Богаевъ, рядовой 3-й роты С. полка; Fractura femoris cata! (4) кричалъ другой изъ конца залы, ощупывая разбитую . — Переверни-ка его.

О-ой, отцы мои, вы наши отцы! кричалъ солдатъ, умоляя, ы его не трогали.

- Perforatio capitis! (5) Семенъ Нефердовъ, подполковникъ N пѣ- аго полка.—Вы немножко потерпите, полковникъ, а то этакъ зя: я брошу, говорилъ третій, ковыряя какимъ-то крючкомъ въ овѣ несчастнаго подполковника.

- Ай, не надо! Ой, ради Бога, скорѣе, скорѣй, ради о-а-а-а!....

— Perforatio pectoris! (6) Севастьянъ Середа, рядовой. . . какого пол- Впрочемъ, не пишите: moritur. (7)—Несите его, сказалъ докторъ, одя отъ солдата, который, закативъ глаза, хрипѣлъ уже.

Человѣкъ сорокъ солдатъ носильщиковъ, дожидаясь ноши пе- вязанныхъ въ госпиталь и мертвыхъ въ часовню, стояли у две- й и молча, изрѣдка тяжело вздыхая, смотрѣли на эту картину.

---

(1) *Сестры*—милосердія. (2) *Зондировать рану*—изслѣдовать ее помощію особаго струмента. (3) *Гальцинъ* — офицеръ. (4) *Fractura femuris complicata* — переломъ ра. (5) *Perforatio capitis* — прободеніе головы. (6) *Perforatio pectoris* — ободеніе груди. (7) *Moritur* — умираетъ.

234. Четвертое бомбардированіе Севастополя.

(Разсказъ очевидца.)

(5 Іюня 1855 г.)

Едва забрезжился свѣтъ, какъ уже заревѣли батареи союзни- овъ; (1) въ четыре часа утра началось четвертое бомбардированіе Севастополя. Огонь непріятельскій исключительно сосредоточенъ а лѣвой половинѣ оборонительной линіи.

Подъ градомъ снарядовъ самаго огромнаго калибра, ба
пошли занимать указанныя имъ заранѣе мѣста, чтобъ посп
дѣло во-время, если-бъ непріятель внезапно бросился на ш

Наступаетъ кровавый день. На алтарь отечества будетъ
сено много новыхъ жертвъ; много горючихъ слезъ проль
имя ихъ въ обширномъ отечествѣ нашемъ. Еще темно. Н
восходитъ солнце, такъ же ясно сегодня, какъ было вчера
будетъ завтра.... Ни малѣйшаго вѣтерка. Облака легкаго
лежатъ надъ Севастополемъ, какъ бы силясь прикрыть ро
стогны (²) легкою фатою своею отъ вражьихъ перуновъ. В
шись изъ жерла, дымъ долго клубится надъ орудіемъ, подни
изъ мортиры (³) правильнымъ кольцемъ, съ ракетнаго станка н
тельскаго — длинною, гигантскою спиралью. Въ высотѣ, на
блачномъ голубомъ небѣ, ярко рисуются бѣлыя облачки ло
шихъ бомбъ; темнѣйшею краскою въ клубахъ дыма обрисовы
разрывъ бомбы въ какомъ-нибудь домѣ или на землѣ; гу
сѣрымъ столбомъ поднимается пыль, взметенная ядромъ, и бо
порою, въ густѣйшей массѣ пороховаго дыма, блеснетъ огне
языкъ выстрѣла.... Маленькіе домики Корабельной стороны, ярк
золоченные восходящимъ солнцемъ, и стройныя, избитыя выстрѣ
зданія Александровскихъ казармъ обнажились отъ дымой пелены

Какую величественную картину являетъ собою Малаховъ к
ганъ, (⁴) возносясь надъ окрестнымъ пространствомъ! Какъ н
великанъ, одѣтый страшною бронею батарей, онъ гордо встр
ваетъ могучею главою, убранною густыми кудрями дымныхъ о
ковъ; будто шлемомъ, прикрытый бѣлыми остатками знамен
круглой башни, онъ съ грознымъ спокойствіемъ посылаетъ пе
ны во всѣ стороны.

Все сливается въ одну дымную тучу. Она начинаетъ заволакив
картину роковой борьбы, быть можетъ безпримѣрной въ лѣто
сяхъ войнъ, подъ громъ страшнаго оркестра, котораго разнообр
ные звуки слились въ оглушительный ревъ, терзающій душу.

Въ нѣсколькихъ мѣстахъ выказалась сквозь дымныя облака блѣ
но-голубая бухта, безпрестанно вспѣниваемая падающими въ не
снарядами или ихъ осколками; но, не смотря на то, множество л
докъ скользитъ по ней во всѣхъ направленіяхъ, безстрашно испол
няя различныя обязанности. Наши пароходы разводятъ пары. Один
изъ нихъ двигается куда-то медленно, и черный дымъ клубится з
нимъ, какъ траурная фата.

На колокольнѣ Владимірской церкви благовѣстятъ къ заутренѣ.
Въ этомъ ревѣ смерти какъ сладокъ ты, завѣтный благовѣстъ
отходная для сотни храбрыхъ, которыхъ души уносятся въ это мгно-
веніе съ твоими благодатными звуками къ престолу Божію!...

ы крестятся. Многіе, услыхавъ завѣтные звуки, становятся ѣни и молятся, кладя земные поклоны. Не одинъ изъ нихъ, я въ послѣдній разъ!... Но счастливъ тотъ, кого смерть этъ въ самую минуту сей молитвы, подобно тому, какъ засолдата Охотскаго полка, молившагося въ маленькой землян тьяго бастіона. ([5]) Онъ не успѣлъ отнять чела отъ матери какъ упавшая въ землянку бомба растерзала его, ранивъ и лькихъ изъ его товарищей.

Корабельной нѣтъ мѣста, куда бы не падали снаряды. Бырѣдко случалось, чтобъ снарядъ упадалъ на Владимірскую адь или съ Канробера (Французская батарея) проносился до і бухты, а нынѣ снаряды валятся въ Морскія казармы у Павкаго мыска. На всемъ обстрѣливаемомъ пространствѣ единное безопасное мѣсто—хорошій блиндажъ ([6]) на бастіонѣ. Но мъ и упоминать объ опасности, когда о ней никто и не дуъ, не смотря на страшную бомбардировку! Здѣсь всякій дѣъ свое дѣло, не обращая на пальбу никакого вниманія. По кнему войска стоятъ въ мѣстахъ, нѣсколько укрытыхъ отъ нетельскихъ выстрѣловъ. Солдаты по бо́льшей части спятъ; друперебираютъ свою одежду, чинятъ бѣлье, обувь; нѣкоторые зааютъ или разряжаютъ ружья, курятъ, ѣдятъ свою неизмѣнную у. Съ мѣрными условными возгласами тянутъ матросы и солл пушку, въ обмѣнъ подбитой на батареѣ. Съ тою же безпечтью ходятъ офицеры и солдаты, съ какою ходили вчера и третьдня, или ѣздятъ верхомъ съ приказаніями. Два солдатика неъ на палкѣ въ мѣшкѣ только что принятое мясо; въ ротныхъ елкахъ тащатъ еще кипящую кашу; артиллерійскія лошади веъ на дрогахъ бочку воды; тянется нѣсколько полуфурковъ ([7]) съ рамидою туровъ; ([8]) матросы и солдаты расчищаютъ, подъ штурнымъ огнемъ, засыпанную амбразуру ([9]) бастіона, только ратая нѣсколько живѣе обыкновеннаго; множество солдатъ купаету Пересыпки, не смотря на снаряды, ложащіеся вокругъ ихъ; нется похоронная церемонія.... Словомъ, на Корабельной идетъ е обычнымъ чередомъ, только нигдѣ не видишь жителей: все рылось, куда могло. Еще необыкновенно часто появляются въ азличныхъ мѣстахъ кровавыя носилки съ печальною ношею, да отрясаютъ душу эти ужасные, гремящіе вокругъ звуки, этотъ грозый ревъ безпрестанно падающихъ и безпрестанно разрывающихся нарядовъ, словно стонетъ земля, поглощая изливающуюся потоками ровь человѣческую...

Господи! исполнится ли мѣра гнѣва Твоего? Премилосердый! замолкнутъ ли эти громы? Перуны, брошенные на насъ, ратующихъ за имя Твое святое, обратятся ли на бросающихъ? Изнемогла бы слабая природа человѣческая въ этой борьбѣ, если-бъ вѣра въ

благость Твою, Господи, убѣжденіе въ правотѣ нашего дѣ укрѣпляли насъ, не давали намъ силы на эту томительную гую брань!

(¹) *Союзники* — Англичане, Французы, Турки и Сардинцы. (²) *Стогна*—с прим. 3. (³) *Мортира*—короткое артиллерійское орудіе, употребляемое ди навѣсно бомбъ, камней и т. п. (⁴) *Малаховъ курганъ* — см. ст. 231 (⁵) *Бастіонъ* —см. ст. 231 прим. 1. (⁶) *Блиндажъ* — см. ст. 232 прим. 6. *фуркъ* — повозка. (⁸) *Туръ* — плетеная корзинка безъ дна, набитая употребляемая при осадѣ крѣпостей для прикрытія людей, ведущихъ также и при оборонѣ крѣпостей. (⁹) *Амбразура* — см. ст. 232 *прим. 3.*

235. ПРЕДСМЕРТНЫЕ ЧАСЫ АДМИРАЛА НАХИМОВА.

(Письмо медика очевидца.)

(29 Іюня 1855 г.)

Еще одна жертва Россіи, еще не стало у насъ одного Сева польскаго героя, не стало героя Синопа, не стало Павла С новича Нахимова!... Правда, великая душа его еще не раз лась съ тѣломъ, но это живой мертвецъ: онъ умеръ уже дл диковъ, скоро умреть и для всѣхъ. Вчера онъ раненъ на Кор ловскомъ бастіонѣ, на Малаховомъ курганѣ, (²) штуцерною пу въ лѣвый високъ на вылетъ; пуля пробила черепъ, всю висо кость, отъ лица къ затылку, и повредила мозгъ.

Вчера въ восемь часовъ вечера его принесли къ намъ въ спиталь, на Сѣверную сторону, а послѣ перевязки перенесли смежный съ нашимъ госпиталемъ, Морской.

Онъ лежитъ безъ чувствъ: жизнь его выражается однимъ сл нымъ дыханіемъ, пульсомъ и безсознательными движеніями ру и ногъ.

Сейчасъ я только отъ него.... Какая трогательная картина только для Русскаго, но даже для всякаго сколько нибудь чувству щаго человѣка!

Въ тѣлѣ нашего героя еще таится духъ жизни; то же вели въ чертахъ его лица, но эти черты ужъ болѣе ничего собою выражаютъ: правый глазъ его постоянно открытъ, лѣвый посто но закрытъ; изрѣдка открываются оба глаза, изрѣдка и оба за крываются; еще рѣже бываетъ, что устремитъ глаза свои на то или другаго человѣка, на ту или другую сторону,—вотъ все, чѣм выражалась жизнь его въ одиннадцатомъ часу утра.... Когда я шелъ, профессоръ Кіевскаго университета Гюббенетъ приготови ся дѣлать ему обливаніе головы тонкою струею холодной вод [illegible] два большихъ чайника воды на голову, лег [illegible]пріятную перемѣну въ нашемъ полупокойни

ıъ обратился глазами на г. Гюббенета, потомъ закрылъ глакъ бы сбираясь заснуть подъ такимъ пріятнымъ ощущені-
Въ промежуткѣ между обливаніями онъ какъ будто просыпалкрывалъ глаза и смотрѣлъ на профессора, а когда полива-
ıова закрывалъ ихъ. Когда я выливалъ третій чайникъ, прикъ нему съ Инкерманскихъ высотъ г. главнокомандующій
'орчаковъ съ г. начальникомъ главнаго штаба, генералъ-адъюмъ Коцебу.

ıи первомъ взглядѣ на умирающаго, главнокомандующій горьıплакалъ. А Павелъ Степановичъ минутъ пять смотрѣлъ на
:, не сводя глазъ. Профессоръ Гюббенетъ порывался еще выру нашего героя хоть одно слово въ присутствіи его посѣти-
й: въ то время, когда я выливалъ на голову его 4-й чайникъ,
ıессоръ спросилъ: «не холодно ли вамъ?» но не только не поовало отвѣта, не было даже признака, чтобы нашъ незабвенгерой слышалъ эти слова. Г. Гюббенетъ нѣсколько разъ поıилъ этотъ вопросъ, и все безъ успѣха: замѣтно было, что
рающій шевелилъ губами, слышался какой-то шепотъ; но Богъ
гь, съ сознаніемъ ли это было. Главнокомандующій простоялъ
ıколько времени у кровати ратнаго сотрудника, удерживая рыія, и вышелъ со слезами на глазахъ.

Вчера герой Синопа, желая посмотрѣть на траншеи (³) и поцію непріятелей, остановился у амбразуры (⁴) бастіона: въ это
ıмя поразила его роковая пуля непріятеля изъ траншей.

И такъ, и нашего незабвеннаго героя не стало! Можетъ быть,
хъ не оставитъ бреннаго его тѣла еще нѣсколько дней или чавъ; но все таки его не станетъ. Такъ говоритъ намъ наша на-
а; иначе едва ли можетъ быть, если не простретъ надъ нимъ
ıою десницу Всемогущій.

---

(1) *Нахимовъ* еще до осады Севастополя прославился совершеннымъ уничтоже-
ıемъ Турецкаго флота при Синопѣ. (2) *Бастіонъ*—см. ст. 231 прим. 1. *Малаховъ
ıрганъ*—см. ст. 231 прим. 2. (3) *Траншея*—см. ст. 232 прим. 5. (4) *Амбразура*—
ı. ст. 232 прим. 3.

386. МАТРОСЪ КОШКА.

(По разсказу самого Кошки.)

(1854—1855 г.)

Кошка въ началѣ осады находился въ штуцерныхъ на 3-мъ бастіонѣ. (1)

Мѣсяца за полтора до новаго (1855) года, когда еще никто изъ бастіонныхъ путемъ не видалъ непріятеля, Кошка съ 18-ю охотниками изъ матросовъ своего экипажа (2) и солдатъ Моско-

скаго полка вздумалъ отправиться посмотрѣть, что дѣлае[illegible] пріятель на Зеленой Горкѣ. Времена были не тѣ, что [illegible] нецъ: гуляй, сколько хочешь! Охотники прошли внѣ выст[illegible] мо 3-хъ орудійной Англійской батареи, достигли до хуто[illegible] назова, и за тѣмъ на одномъ изъ дальнѣйшихъ хуторовъ [illegible] влѣзъ на дерево и сталъ смотрѣть на какихъ-то работавш[illegible] полѣ. Вѣрно, кто нибудь съ хутора, подумалъ онъ, какъ [illegible] думаетъ Русскій человѣкъ, рѣшающій всякія задачи сраз[illegible] дальнихъ размышленій; а того и въ голову не пришло, [illegible] мѣста уже давно брошены нашими и заняты непріятелемъ, [illegible] рый поставилъ одну изъ своихъ батарей гораздо ближе къ [illegible] намъ, чѣмъ хутора. Кошка только-что прошелъ мимо этой [illegible] реи и все это вдругъ забылъ.

Рабочіе, замѣченные имъ, были Англичане. Они тотчасъ [illegible] дѣли нашихъ, схватили ружья и дали залпъ. Одна пуля от[illegible] у Кошки подборъ сапога. Онъ соскочилъ съ дерева иброс[illegible] товарищами бѣжать. Непріятель, въ числѣ 40 человѣкъ, пр[illegible] довалъ ихъ версты полторы, вплоть до 4-го бастіона, откуда [illegible] рили по немъ картечью и положили троихъ. У насъ уби[illegible] время преслѣдованія только одинъ солдатъ Московскаго пол[illegible]

Первая штука прошла удачно. Кошку стало тянуть на др[illegible] прогулку въ томъ же родѣ. Скучно лежать въ секретѣ, (¹) [illegible] торчать на бастіонѣ, не видя никого и почти не слыша [illegible] стрѣловъ.

Замѣтивъ однажды, что непріятельскіе рабочіе, которые [illegible] передъ 3-мъ бастіономъ траншеи, (¹) уходятъ обыкновенно [illegible] обѣдъ на батарею, отстоявшую оттуда довольно далеко, Кошка [illegible] было недѣли за двѣ до новаго года) забрался въ ихъ траншеи [illegible] унесъ изъ нея 12 лопатокъ, 4 кирки и 4 ножа.

Спустя немного времени, онъ отправился въ траншею он[illegible] безъ всякой осторожности, прямо, и былъ, конечно, замѣченъ. [illegible] ловѣкъ 50 Англичанъ отдѣлилось съ батареи и съ ними небо[illegible] шая собачка, съ мѣднымъ ошейникомъ. Они бросились къ тра[illegible] шеѣ, но уже нашъ лихачъ ползъ обратно, къ своимъ, и, добр[illegible] шись до передовой траншеи, скомандовалъ сидѣвшимъ тамъ штуц[illegible] нымъ дать залпъ; они дали залпъ и убили четырехъ Анг[illegible] чанъ и собачку. Непріятель спустился въ траншею. Наши выск[illegible] чили и хотѣли его оттуда выбить штыками, но это не удало[illegible] Мы потеряли при этой стычкѣ 3-хъ человѣкъ убитыми и одно[illegible] раненаго.

На самый новый годъ была назначена съ 3-го бастіона выл[illegible] ка изъ охотниковъ Волынскаго, Охотскаго и Колыванскаго по[illegible] ковъ и кромѣ того изъ роты матросовъ, всего до тысячи человѣкъ. [illegible]ѣреніе наше было завладѣть передовою траншеею Англичанъ. [illegible], разумѣется, не могъ не увязаться тутъ же. Мы обошл[illegible]

ею съ двухъ сторонъ и вогнали непріятеля въ середину, гдѣ глубже и выскочить нельзя. Наши стали колоть сверху, но › не доставалъ, и потому начали бросать каменьями. Непріяоказалось человѣкъ 200. Изъ нихъ убито 12, а остальные въ плѣнъ, въ томъ числѣ два офицера, одинъ безъ руки. У же убитъ всего одинъ солдатъ и не поднятъ по причинѣ ›ты и свалки.

ι 4-й день послѣ этого, въ 12-мъ часу дня, Кошка былъ поь изъ секрета поручикомъ Московскаго полка Голубевымъ за эмъ въ Александровскія казармы, до которыхъ было оттуда ты полторы.

эшку понесло садами Дьяковскаго заведенія, и на дорогѣ взбре:му на мысль посмотрѣть, что дѣлаетъ Англичанинъ въ своей ıшеѣ. Кошка повернулъ въ бокъ и, подойдя довольно близко ıепріятелю, увидѣлъ стоящаго человѣка и принялъ его сперва Англичанина, но потомъ разсмотрѣлъ, что это былъ убитый за ıре дня его товарищъ въ вылазкѣ на новый годъ. Онъ стоялъ, растопыренными врозь руками, и былъ подпертъ камнемъ. Ко; захотѣлось избавить тѣло товарища отъ поруганія и принена бастіонъ; но за нимъ уже давно слѣдили и отъ насъ, и Англичанъ. Едва онъ двинулся къ убитому, наши, думая, что ь намѣренъ передаться, стали стрѣлять. Англичане, думая то, , разумѣется не стрѣляли. Кошка остановился, снялъ шапку и лъ махать своимъ, говоря: «не бось-то, не уйду!» хоть его, по ıьности разстоянія, никто не слыхалъ. Наши продолжали стрѣгь. Тогда онъ воткнулъ свой штуцеръ въ землю штыкомъ, снялъ ıнель и повѣсилъ ее на штуцеръ, а также и фуражку, говоря ιо себя: «не вѣрите мнѣ, такъ повѣрьте шинели!» (какъ это все юсто и по-русски!) а самъ поползъ къ убитому; подползъ и отлкнулъ камень, которымъ тотъ былъ подпертъ: убитый повалилна него. Онъ былъ въ одной рубашкѣ и портянкахъ. Кошка хватилъ за портянку, она оборвалась. Онъ снялъ съ себя поясъ; цинъ конецъ привязалъ къ ногѣ убитаго, а другой къ своей праэй ногѣ, и поползъ, таща трупъ за собою. Тогда Англичане отрыли стрѣльбу; но Кошка пробирался благополучно, за камнями буграми, только уморился. Съ 3-го бастіона слѣдили за нимъ и, огда онъ приблизился на такое разстояніе, что могъ слышать, тали ему кричать: «можетъ, помочи надо?» — Дайте помочи! крикıулъ Кошка, уморившись совсѣмъ. Командиръ ближайшей батаэеи, лейтенантъ 30-го экипажа, Перекомскій выслалъ къ нему ıетырехъ человѣкъ, и они принесли убитаго на бастіонъ; а Кошка, этдохнувъ немного, пошелъ въ казармы за обѣдомъ для поруıика Голубева и воротился въ секретъ, какъ ни въ чемъ не бывалъ.

На другой день многіе узнали о подвигѣ Кошки. Командую-

войсками далъ ему отъ себя особенный крестъ для ношені сорочкой. Вскорѣ потомъ онъ получилъ и Георгія.

Всѣ узнали матроса Кошку. Газеты и журналы начал рять его имя. Онъ сталъ извѣстнымъ, такъ сказать при авантюристомъ. (⁵) Вылазки, прогулки передъ носомъ непріяте кругъ ихъ траншей, вошли ему въ привычку. Онъ ни м могъ усидѣть на бастіонѣ, и все ему сходило съ рукъ.

Однажды, уже въ началѣ Февраля, Кошка вышелъ изъ сег подкрался къ Англійской траншеѣ на Зеленой Горкѣ. Вперед жалъ огромный камень, а за нимъ была вырыта яма. Кош ползъ и заглянулъ: въ ямѣ четыре Англичанина варили го Кошка сидѣлъ, сидѣлъ, да какъ крикнетъ: «ребята, ура!» А чане выскочили и бросились къ траншеѣ, оставивъ 3 шт манерку съ ромомъ и 2 котелка съ говядиной, одинъ съ сырс гой съ вареной. Кошка взялъ штуцера и манерку, а говядин котелковъ выбросилъ и воротился къ своимъ.

Недѣли черезъ двѣ послѣ этого была вылазка съ 3-го бас Двѣ роты матросовъ и батальонъ солдатъ подошли къ Англ траншеѣ и всѣхъ бывшихъ тамъ частію перекололи, а част брали. Кошка пошелъ по траншеѣ и увидѣлъ въ небольшо щеркѣ, въ боку, лежащаго Англичанина. Думая, что онъ спитъ, или убитъ, Кошка потянулся за его штуцеромъ, ко лежалъ подлѣ, но только что хотѣлъ его взять, какъ Англичан быстро его ударилъ прикладомъ въ грудь, такъ что Кошка у на колѣни, но упавши, кинулся на штуцеръ Англичанина, а на штуцеръ Кошки, и такъ стали возиться. Кошкѣ надоѣло онъ схватилъ противника зубами за палецъ и откусилъ его. гличанинъ бросилъ штуцеръ, сложилъ крестъ на крестъ руки кричалъ: «Русь бона! Русь бона! христіанинъ! христіанинъ!» есть: «добрый Русскій! добрый Русскій! я христіанинъ!» какъ о яснялъ Кошка. Потомъ Англичанинъ снялъ шапку и началъ ститься по-нашему. Кошка далъ ему знакъ, чтобъ онъ выход изъ траншеи; но Англичанинъ не шелъ, вѣроятно думая, что нырнетъ его сзади штыкомъ. Кошка вывелъ его за шивор далъ ему три оплеухи, показывая тѣмъ, что плѣнный долженъ с шаться своего побѣдителя. Выйдя изъ траншеи (это было уже разсвѣтѣ, и наши отступали на бастіонъ), они замѣтили, что показ шіяся вдали колонны Англичанъ открыли батальный огонь. Лучш всего было скорѣе убираться. Англичанинъ ударилъ наше легонько по шеѣ и пробѣжалъ немного впередъ, чѣмъ хотѣ объяснить, что надо бѣжать. Они пошли скорыми шагами въ П ресыпкѣ, и Кошка подъ-конецъ какъ-то отсталъ. Англичанин дойдя до Пересыпки, остановился и подождалъ своего товарищ Пули уже перестали долетать до нихъ. Когда Кошка подошел гличанинъ поднесъ ему рому; потомъ они поднялись вмѣстѣ на

гъ. Въ эту минуту на бастіонѣ раздавались порціи водки. слѣдовало двѣ чарки; онъ прикупилъ къ нимъ еще четыре мно угостилъ Англичанина, который опохмѣлѣлъ и сталъ а плясать, въ утѣху всей матросской и солдатской ком-

мѣ этого Англичанина Кошкѣ случилось приводить и дру- во время разныхъ вылазокъ, но всегда по одному. Всѣхъ ыхъ, сколько помнитъ, онъ привелъ 6—7. Гдѣ-то было на- ıно, что онъ привелъ троихъ вдругъ. Я спросилъ: правда-ли

Нѣтъ, не правда, отвѣчалъ онъ и тутъ же отказался еще ѣскольких анекдотовъ, которые ему приписывали.—Я вамъ азалъ все, добавилъ онъ въ заключеніе, и больше этого ни- не было.

———

Бастіонъ—см. ст. 231 прим. 1. ([2]) *Экипажъ*—см. ст. 230 прим. 3. ([3]) *Секретъ*— лько солдатъ, скрытыхъ отъ непріятеля и наблюдающихъ за нимъ. ([4]) *Тран-* см. ст. 232 прим. 5. ([5]) *Авантюристъ*— искатель приключеній.

7. ПЕРЕХОДЪ РУССКИХЪ НА СѢВЕРНУЮ СТОРОНУ СЕВАСТОПОЛЯ.

(Разсказъ очевидца.)

(Августъ 1855 г.)

о всей линіи Севастопольскихъ бастіоновъ, ([1]) столько мѣсяцевъ ѣвшихъ необыкновенной энергической жизнью, столько мѣся- ь видѣвшихъ смѣняемыхъ смертью, однихъ за другими уми- ющихъ героевъ, и столько мѣсяцевъ возбуждавшихъ страхъ, не- исть и наконецъ восхищеніе враговъ,—на Севастопольскихъ ба- нахъ уже нигдѣ никого не было. Все было мертво, дико, ужас- но не тихо: все еще разрушалось. По изрытой свѣжими взры- и, обсыпавшейся землѣ вездѣ валялись исковерканные лафеты, ідавившіе человѣческіе, Русскіе и вражескіе трупы, тяжелыя, за- ікнувшія навсегда чугунныя пушки, страшной силой сброшенныя ямы и до половины засыпанныя землей, бомбы, ядра, опять пы, ямы, осколки бревенъ, блиндажей, ([2]) и опять молчаливые трупы сѣрыхъ и синихъ шинеляхъ. Все это часто содрогалось еще и вѣщалось багровымъ пламенемъ взрывовъ, продолжавшихъ по- ясать воздухъ.

Враги видѣли, что что-то непонятное творилось въ грозномъ эвастополѣ. Взрывы эти и мертвое молчаніе на бастіонахъ за- авляли ихъ содрогаться; но они не смѣли вѣрить, еще подъ влія- іемъ сильнаго, спокойнаго отпора дня, чтобъ исчезъ ихъ непо- олебимый врагъ, и молча, не шевелясь, съ трепетомъ ожидали онца мрачной ночи.

Севастопольское войско, какъ море въ зыбливую, мрачн... сливаясь, развиваясь и тревожно трепеща всей своей ма... лыхаясь у бухты по мосту и на Сѣверной, медленно дви... непроницаемой темнотѣ прочь отъ мѣста, на которомъ сто... оставило храбрыхъ братьевъ, отъ мѣста, всего облитаго ... вью, отъ мѣста, 11 мѣсяцевъ отстаиваемаго отъ вдвое си... го врага, и которое теперь велѣно было оставить безъ б...

Непонятно тяжело было для каждаго Русскаго первое в... ніе этого приказанія. Второе чувство было страхъ пресл... Люди чувствовали себя беззащитными, какъ только оставил... ста, на которыхъ привыкли драться, и тревожно толпились в... у входа моста, который качалъ сильный вѣтеръ. Сталкива... ками и толпясь полками, экипажами и ополченіями, жала... та; проталкивались конные офицеры съ приказаніями; пла... умоляли жители и деньщики съ кладею, которую не про... шумя колесами, пробивалась къ бухтѣ артиллерія, торопи... убираться. Не смотря на увлеченіе разнородными суетлив... тіями, чувство самосохраненія и желаніе выбраться какъ мо... рѣе изъ этого страшнаго мѣста смерти присутствовало въ... каждаго. Это чувство было и у смертельно раненаго солдата... жащаго, между пятью-стами такими же ранеными, на каменном... Павловской набережной и просящаго Бога о смерти, и у опол... изъ послѣднихъ силъ втиснувшагося въ плотную толпу, чтоб... дорогу верхомъ проѣзжающему генералу, и у генерала, ... распоряжающагося переправой и удерживающаго торопл... солдатъ, и у матроса, попавшаго въ движущійся батальонъ, до ... нія дыханія сдавленнаго колеблющейся толпой, и у раненаго ... цера, котораго на носилкахъ несли четыре солдата и, остано... ные спершимся народомъ, положили на-земь у Николаевской ба... и у артиллериста, 16 лѣтъ служившаго при своемъ орудіи ... непонятному для него приказанію начальства, сталкивающаго ... діе, съ помощію товарищей, съ крутаго берега въ бухту, и у ... скихъ, только что выбившихъ закладки въ корабляхъ и, бойко ... бя на баркасахъ, отплывающихъ отъ нихъ. Выходя на ту стор... моста, почти каждый солдатъ снималъ шапку и крестился. Н... этимъ чувствомъ было другое, тяжелое, сосущее и болѣе глуб... чувство: это было чувство, какъ будто похожее на раскаяніе, ст... и злоба. Почти каждый солдатъ, взглянувъ съ Сѣверной стороны ... оставленный Севастополь, съ невыразимой горечью въ сердцѣ вз... халъ и грозился врагамъ.

---

(1) *Бастіонъ*—см. ст. 231 прим. 1. (2) *Блиндажъ*—см. ст. 232 прим. 6.

238. АНГЛИЧАНЕ ВЪ КАМЧАТКѢ.

(1855 г.)

И туда, на грань Камчатки,
Ты зашла для бранной схватки,
Рать Британскихъ кораблей,
И, приставъ подъ берегами,
Яро грянули громами
Пришлецы изъ-за морей.
И прикрытъ звѣриной кожей
Камчадалъ на нихъ глядитъ:
Гости странные похожи
На людей: такой же видъ;
Только чуденъ ихъ обычай;
Знать, не вѣдая приличій,
Съ злостью выѣхали въ свѣтъ:
Въ гости ѣдутъ незнакомы
И пріѣхавъ мечутъ громы
Здѣсь хозяевамъ въ привѣтъ;
Огнедышущихъ орудій
Навезли, дымятъ, шумятъ.
«А вѣдь все-же это люди!»
Камчадалы говорятъ.
— Камчадалъ! пускай въ нихъ стрѣлы!
Ну, прицѣливайся! Бей!
Не зѣвай! Въ твои предѣлы,
Видишь, вторгнулся злодѣй. —
И дикарь въ недоумѣньѣ
Слышитъ странное велѣнье:
«Какъ? Стрѣлять? Въ кого? Въ людей?»
И, ушамъ своимъ не вѣря:
«Нѣтъ, сказалъ, стрѣлу мою
Я пускаю только въ звѣря,
Человѣка я не бью!»

---

239. ВЗЯТІЕ КАРСА.

(15 Ноября 1855 г.)

Все въ гнѣвѣ проснулось и все закипѣло,
Великою мыслью все царство живетъ:
На страшныя битвы за правое дѣло
Народъ оскорбленный, какъ буря, идетъ.
Задвигались рати, какъ тучи съ громами;
Откликнулись степи, вздрогнули лѣса;

Мелькаютъ знамена съ святыми крестами,
И меркнутъ отъ пыли густой небеса.
За падшихъ героевъ отмщенье настало:
По сушѣ, по морю гулъ битвы пошелъ —
И знамя Ислама позорно упало,
Надъ Карсомъ поднялся двуглавый орелъ.

(1) *Карсъ*—Турецкая крѣпость въ малой Азіи.

240. КАРТИНКА.

(19 Февраля 1861 г.)

Посмотри: въ избѣ, мерцая,
Свѣтитъ огонекъ;
Возлѣ дѣвочки-малютки
Собрался кружекъ;
И съ трудомъ, отъ слова къ слову
Пальчикомъ водя,
По печатному читаетъ
Мужичкамъ дитя.
Мужички въ глубокой думѣ
Слушаютъ, молчатъ,
Развѣ крикнетъ кто, чтобъ бабы
Уняли ребятъ.
Бабы суютъ дѣтямъ соску,
Чтобы ротъ заткнуть,
Чтобъ самимъ хоть краемъ уха
Слышать что-нибудь.
Даже съ печки не слѣзавшій
Много, много лѣтъ,
Свѣсилъ голову и смотритъ,
Хоть не слышитъ, дѣдъ.
Что-жъ такъ слушаютъ малютку?
Аль ужъ такъ умна?—
Нѣтъ! одна въ семьѣ умѣетъ
Грамотѣ она;
И пришлося ей, младенцу,
Старикамъ прочесть
Про желанную свободу
Дорогую вѣсть.
Самой вѣсти смыслъ покамѣстъ
Теменъ имъ и ей,
Но всѣ чуютъ надъ собою
Зорю новыхъ дней....
Вспыхнетъ, братцы, эта зорька!
Тма идетъ къ концу!
Ваши дѣтки ужъ увидятъ
Свѣтъ лицемъ къ лицу!
Тма пускай еще ярится:
День взойдетъ могучъ!
Вѣщимъ окомъ я ужъ вижу
Первый свѣтлый лучъ!
Онъ горитъ ужъ на головкѣ,
Онъ горитъ въ очахъ
Этой умницы-малютки
Съ книжкою въ рукахъ!
Воля, братцы, это только
Первая ступень
Въ царство мысли, гдѣ сіяетъ
Вѣковѣчный день!

241. НА ОСВОБОЖДЕНІЕ КРЕСТЬЯНЪ.

(19 Февраля 1861 г.)

День встаетъ багрянъ и пышенъ,
Долгой ночи скрылась тѣнь;
Новой жизни трепетъ слышенъ,
Чѣмъ-то вѣщимъ смотритъ день.
Съ сонныхъ вѣждъ стряхнувъ дремоту,
Бодрой свѣжести полна,

Вышла, съ Богомъ, на работу
Пробужденная страна.
Такъ торжественно-прекрасно
Блещетъ утро на землѣ;
На душѣ свѣтло и ясно,
И не помнится о злѣ:
Объ истекшихъ дняхъ страданья,
О потратѣ многихъ силъ,
Въ скорбныхъ мукахъ ожиданья,
Въ безвременности могилъ.
Пусть почіютъ мирно гробы
Тщетно ждавшихъ столько лѣтъ!
Память имъ.... Но въ сердцѣ злобы,
Ни вражды, ни мести нѣтъ.
Все проститъ онъ безъ разсчета,
Устоявшій въ дни тревогъ,
Онъ, чей духъ годину гнета
Пережилъ и перемогъ....
Слышишь, новому онъ лѣту
Пѣсню радости поетъ:
Благо всѣмъ, ведущимъ къ свѣту,
Братьямъ, съ братьевъ снявшимъ гнетъ;
Людямъ — миръ, благоволенье!
Долгихъ мукъ исчезнетъ слѣдъ....
Дню вчерашнему—забвенье,
Дню грядущему—привѣтъ!

242. ПОГОСТЪ.

(19 Февраля 1861 г.)

Глубина небесъ синѣетъ,
вѣтитъ яркая луна;
ерковь въ сумракѣ бѣлѣетъ,
а погостѣ тишина.
ишина: не слышно звука,
е горитъ огня въ селѣ;
езпробудно скорбь и мука
пятъ въ кормилицѣ-землѣ.
питъ въ землѣ нужда-неволя,
питъ кручина бѣдняковъ,
питъ безвыходная доля.
Миръ вамъ, кости мужичковъ!

Догорѣли ваши силы
Тише свѣчки восковой;
Донесли вы до могилы
Крестъ свой, кровью облитой.
Миръ вамъ, старыя невзгоды!
Память вѣчная слезамъ!
Вѣетъ воздухомъ свободы
По трущобамъ и лѣсамъ.
Золотыя искры свѣта
Проникаютъ въ глушь и дичь;
Слышенъ въ полѣ кличъ привѣта,
По степямъ веселый кличъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.